

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**КОНЦЕПЦИИ И ОЦЕНКИ
РАЗВИТИЯ РОССИИ
(XX – НАЧАЛО XXI В.)
В ЗАРУБЕЖНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

**КОЛЛЕКТИВНАЯ
МОНОГРАФИЯ**

**МОСКВА
2010**

ББК 66.3 (2Рос)12; 66.3 (2Рос)8;
66.0
К 64

Серия
«Россия: Экономика, политика, общество»

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Ответственный редактор –
канд. ист. наук *Ю.И. Игрицкий*

Концепции и оценки развития России (XX – начало XXI в.) в зарубежных исследованиях. Коллективная монография / РАН. ИНИОН. – Отв. ред. – Игрицкий Ю.И. – М., 2010. – 320 с. – (Сер. «Россия: Экономика, политика, общество»).

К 64

ISBN 978-5-248-00557-4

В коллективной монографии анализируются представления о России, сложившиеся к настоящему времени в тех странах мира, с которыми ее исторически связывали отношения взаимного интереса, сотрудничества, этнокультурной близости, соперничества, противоборства. Показано, как формировался образ России/СССР/России на протяжении многих десятилетий в зависимости от меняющейся внешнеполитической конъюнктуры и внутривнутриполитических факторов развития этих стран и самой России. Отдельные главы посвящены восприятию России учеными, политиками и общественным мнением Германии, Италии, Польши, Франции, Украины, Японии.

Монография адресована специалистам, преподавателям вузов, студентам и аспирантам, а также всем, интересующимся проблемами места и роли России в мире.

This monograph presents the analyses of views of Russia currently dominant in those countries which have been historically linked with it by mutual interest, collaboration, ethnic and cultural closeness, rivalry, confrontation. The authors show how the image of Russia/USSR/Russia has been formed throughout decades depending on changes in international situation and internal development of these countries and Russia itself. Separate chapters are devoted to viewing Russia by scholars, politicians and public opinion in France, Germany, Italy, Japan, Poland, Ukraine.

The book is addressed to researchers, university lecturers, students and post-graduates as well as all who take interest in the problems of Russia's role and place in the world.

ББК 66.3 (2Рос)12; 66.3 (2Рос)8; 66.0

ISBN 978-5-248-00557-4

© ИНИОН РАН, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Истоки и развитие зарубежных концепций и представлений о России–СССР–России	8
Глава 2. Власть и политическая культура России как доминанта образа России за рубежом	44
Глава 3. Россия глазами немцев в XX столетии	75
Глава 4. Образ России во Франции: «Русский» и «советский» вопрос во французской историографии	104
Глава 5. Образ России в Италии (XX – начало XXI в.)	149
Глава 6. Образ России в польской общественной мысли: История и современность	184
Глава 7. Современные украинские политики и исследователи о прошлом и настоящем России	219
Глава 8. Россия и россияне в представлении японских исследователей	255
Глава 9. Евросоюз – Россия: Особенности восприятия	294
Послесловие	314

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале XXI в. аналитическая разработка темы «Образ России за рубежом» получила статус государственного заказа. Случайность, прихоть власти, реализация долгосрочного научного плана? Вряд ли. Просто стало ясно: посткоммунистическая, «либерально-державная» Россия, не имея в мире открытых противников, которые были у Советского Союза, не имеет и тех союзников, которыми располагал он, она не стала ближе окружающему миру. Для любой великой страны подобная ситуация – предмет перво-степенной национальной озабоченности. Известно, что вопрос о формировании позитивного образа России за рубежом обсуждался летом 2004 г. на встрече президента В.В. Путина с российскими послами, а год спустя членами Совета Федерации РФ с министром иностранных дел С. Лавровым (см. об этом: *Коммерсантъ*, 13 июля 2005 г.).

Почему же новая Россия не стала ближе хотя бы Европе, частью которой она является географически? Когда-то Г.Л. Франк писал, что, заимствуя с Запада социалистические идеи, русские люди оставались русскими, а воспринимая буржуазно-либеральные ценности, переставали ими быть (*Франк Г.Л. По ту сторону «правого» и «левого». Статьи по социальной философии // Новый мир, 1990. – № 4. – С. 220*). Но если для того, чтобы породниться с Западом, надо перестать быть русскими, то тема «образа России» аннигилируется сама собой, по определению. Россия без русских, без устремлений к лидерству, без своей «идеи» – не Россия.

Оставив позади эпоху государственного социализма, Россия продолжила путь под чужими знаменами. Оказалось, что ее образ от этого не стал ни цельнее, ни привлекательнее, что декларированного стремления воспринять буржуазно-либеральные ценности еще мало, чтобы завоевать симпатии других стран, тем более что и эти ценности преломились через собственный менталитет и века-

ми складывавшиеся нормы, всегда во многом расходившиеся с европейскими. Кумулятивное отношение Запада к переменам в постсоветской России емко отражает сентенция, распространенная агентством *United Press International* в конце первого срока президентства В.В. Путина: «Россия представляется как “страна-загадка со знаком минус”. Ее нестабильность – это нечто внутренне присущее России и ее культуре; эта страна не может быть “нормальной” и “цивилизованной” по той простой причине, что это – Россия» (цит. по: Мороз С. *Русёчер. Россия: Взгляд со стороны Запада.* – СПб., 2005. – С. 146).

Понятно, что буржуазно-либеральный мир, Европа, Запад в целом – не весь мир, но незападный мир исторически начиная с XX в. не воспринимал за ориентир то, что лежало вне капитализма и социализма. Россия перестала быть социалистическим ориентиром и не стала, не могла стать капиталистическим хотя бы потому, что это место давно занято. Да и, повторимся, хромает в России «капиталистический эксперимент», проваливается...

О том, почему образ России за рубежом не стал более благоприятным, начали задумываться все мыслящие русские – от президента до простого интеллигента. Пять лет назад Збигнев Бжезинский, по-прежнему один из ведущих американских экспертов в области международных отношений, бросил реплику в одном из интервью: «Если бы я был россиянином, я бы спросил себя, почему большинство соседей или боятся Россию, или выражают ей презрение?» (*Известия*, 26.03.2005, с. 4). Похоже, в России прислушались к старому критику российских имперских традиций. Мало у России друзей в мире, слишком мало дружественных ей государств. Президент РФ Дмитрий Медведев на встрече с президентом Франции Николя Саркози в сентябре 2008 г. сетовал, что боязнь России на Западе осталась «фантомной болью» с советских времен. Патриарх РПЦ Кирилл, высшее духовное лицо, не политик, возводит борьбу с демонизацией образа России на Западе в ранг национальных интересов страны (*Диакон А. Кураев. 2009-й не должен войти в историю как год «хромой лошади» // Комсомольская правда*, 31.12.2009, с. 4).

Во исполнение государственного (можно сказать, и общественно-политического) заказа в последние несколько лет вышло более сотни научных трудов, посвященных выявлению образа нашей страны за ее пределами. Большинство из них рассматривали этот образ и условия его складывания в какой-либо одной из стран, где он значим с политико-идеологической точки зрения.

Если же вы отправите запрос в Интернет «Образ России в мире. Библиография», вас уведомят о наличии в базе данных более 300 тыс. названий, примерно соответствующих запросу. Даже если подавляющее большинство из них попало в список по ошибке (что часто случается в Интернете), ясно, что массив опубликованных работ по данной теме весьма велик.

Настоящее издание знакомит читателя с особенностями складывания образа нашей страны в ряде государств с различными историческими путями и социальными традициями, с различным положением в современном мире. Источниковую основу проведенного авторского анализа составила прежде всего научная и научно-публицистическая литература, вышедшая в этих государствах в разные годы и «задавшая» рамки восприятия России – страны и ее народа. Читателю, полагаем, понятен выбор Германии, Франции и Италии в качестве крупнейших европейских держав, история которых тесно связана с Россией как в позитивном, так и в негативном смысле. Отношение к нашей стране и восприятие ее в Великобритании и США отражено в таком огромном количестве источников, ставших безоговорочно доминирующим пластом в зарубежной «россике», что анализ их потребовал бы отдельной монографии. Вместе с тем англоязычная литература составляет основу источниковой базы в первых главах, посвященных формированию образа России, пониманию ее политической культуры за рубежом. Исследования японских россиеведов интересны тем, что представляют совершенно иной угол зрения, обусловленный неевропейской культурной традицией и спецификой геополитики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Отношение Польши к России сегодня – производное многих исторических, политических, социальных и культурных факторов; оно становится заметной составляющей общеевропейского и тем более восточноевропейского общественного мнения. Наконец, присутствие Украины среди выбранных стран важно, помимо ее демографического веса, вследствие тех метаморфоз, которые происходят в сознании украинцев после ее становления как независимого суверенного государства и отражаются в восприятии России.

Авторами коллективной монографии являются сотрудники разных подразделений ИНИОН РАН, специализирующиеся на социально-политической истории России и зарубежных стран, знакомые с мировой научной литературой о России/СССР/России. Редакционное предисловие, глава 1 и заключение написаны к.и.н. Ю.И. Игрицким; глава 2 – д.п.н. И.И. Глебовой и акад. Ю.С. Пиво-

варовым; глава 3 – д.и.н. Б.С. Орловым; глава 4 – д.п.н. Н.Ю. Лапиной; глава 5 – д.и.н. В.П. Любиным; глава 6 – д.и.н. Л.С. Лыкошиной; глава 7 – д.и.н. В.Н. Бабенко; глава 8 – М.Н. Корниловым; глава 9 – к.и.н. С.В. Погорельской.

Монография подготовлена к печати при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-001-03020а. Общее руководство работой над проектом осуществлял академик В.А. Виноградов.

Авторский коллектив приносит благодарность подразделениям ИНИОН РАН, принимавшим участие в издании монографии.

Глава 1

ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ КОНЦЕПЦИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОССИИ–СССР–РОССИИ

Некоторые вводные замечания

Вряд ли необходимо доказывать, что концепции и представления о той или иной стране, формирующиеся в среде специалистов-страноведов, оказывают влияние на общественное мнение. Это влияние в большинстве случаев опосредованное, проявляющееся в средствах массовой коммуникации через восприятие журналистами и политиками содержания прочитанной ими «серьезной» литературы (хотя в эпоху СМИ специалисты нередко сами выступают и дают интервью в газетах, на телевидении и радио). И в прямом, и в опосредованном виде такие представления способствуют складыванию определенных стереотипов.

Известны три пути формирования стереотипов. Самый древний и простейший из них – элементарное человеческое общение, «гуманитарный обмен». Практически столь же древний путь – влияние элиты (духовных пастырей, пророков, вождей, монархов и т.д.) на менталитет масс посредством проповедей, наставлений, указов и законов. Испокон веков именно таким образом воспитывалась и подогревалась религиозная и национально-этническая нетерпимость (язычников – к христианам, мусульман – к неверным, христиан – к сарацинам, католиков – к гугенотам, белых – к небелым и т.д.). В одних случаях такие проповеди и законы отражали и закрепляли уже сложившиеся бытовые предрассудки, в других – порождали и воспроизводили их. Наконец, третий путь формирования стереотипов – массовая пропаганда, характерная для новейшего времени и открывшая невиданные ранее возможности воздействия на большие группы населения.

Эти три пути играли и играют взаимокорректирующую роль. Первый из них проявляет себя стихийно, вторые два – целенаправленно, порождая навязываемые представления. В мировой практике известны примеры, когда навязываемый и спонтанный стереотипы корректировались в лучшую сторону параллельно – так, например, протекал процесс взаимной ассимиляции белого и небелого населения в большинстве стран Латинской Америки начиная с конца XIX в. (в США этот процесс в самых общих чертах был повторен только в последние десятилетия XX в.). Известны и случаи усиления воздействия навязываемого и бытового негативных стереотипов (наиболее яркий пример – подтверждение правоты антифашистской пропаганды опытом жизни в условиях нацистской оккупации в период Второй мировой войны).

Что касается отношения иностранцев к России–СССР–России, то надо помнить, что корни устоявшихся представлений иностранцев о России и ее народе уходят не только в советское, но и в гораздо более отдаленное прошлое. Понимая, что сентенции об «особости» России навязли в зубах, современный исследователь тем не менее обязан констатировать специфичность условий и факторов, влиявших на формирование «внешних» оценок России. Конечно, ни в Европе, ни в США, ни тем более в остальном мире не принимались какие-либо нормативные или рекомендательные режиссерские указания, призванные создать определенное отношение к России и россиянам (если не считать расистских теорий нацистов). Более того, просвещенные европейцы всегда отдавали себе отчет в том, что русские сродни им в расово-этническом и вероисповедальном отношениях, а российская императорская династия до 1917 г. находилась в теснейшем родстве с европейскими династиями.

Вместе с тем решающую роль в формировании представлений о русском народе играли не эти, а другие факторы. Главных здесь два. Во-первых, уровень человеческого общения между россиянами и европейцами (особенно западноевропейцами) всегда был существенно ниже, чем уровень общения между народами, проживающими в центральной, южной, северной и западной частях континента. Свою роль здесь сыграли большие расстояния и плохие коммуникации, невысокая плотность населения и климатические особенности России (долгие холодные зимы, весенняя распутица). Во-вторых (и это во многом вытекает из первого, из невысокого уровня общения), отношение европейцев, а затем и американцев к нашей стране и нашему народу переплеталось с отношением к политическим системам и режимам, господствовав-

шим в стране. Сколько-нибудь массового познания друг друга в контактах русских людей и европейцев не было. Парадоксально и трагично, что в наибольшей степени ему способствовали две мировые войны, сопровождавшиеся оккупациями и пленом (можно упомянуть также победный марш русских армий по Европе, преследовавших отступавшие наполеоновские войска в 1812–1814 гг.). И все же в мирное время позитивный эффект даже ограниченных социальных коммуникаций смягчал негативное воздействие политико-идеологического фактора; не случайно даже лорд Керзон, вице-король Индии и министр иностранных дел Великобритании, обронил фразу, ставшую классической: «Каждый англичанин приезжает в Россию русофобом, а уезжает русофилом».

Идеологический фактор формирования зарубежной «россики»

Роль идеологии в политике и научных исследованиях всемерно преувеличивалась советской официальной пропагандой, но не была ее придумкой. «С 1991 г. мы рассматривали российскую реальность через линзы идеологии. С падением советского блока идеология переместилась с Востока на Запад», – пишет руководитель Института Центральной Азии и Кавказа в Университете Джонса Гопкинса (Вашингтон) Ч. Фэйрбэнкс (26, с. 52). Это так, но политико-идеологические соображения в зарубежной россике прослеживаются на столетия назад. Представления иностранцев о России начали формироваться в рамках мировосприятия феодальной и раннебуржуазной эпох, не отличаясь цельностью и внутренним единством. В этих представлениях сказывались нехватка точных знаний, а также политико-дипломатические и идеологические цели дальних дорогостоящих путешествий в Россию. Виденное и слышанное путешественниками чаще всего носило выборочный характер, не давало и не могло дать полной картины жизни в этой овеванной ореолом «загадочности» стране. Отсюда однобокость и противоречивость мемуарной и дневниковой литературы о России.

В мировой литературе (прежде всего европейской и североамериканской) сложились два кардинально противоположных подхода к данной проблеме, обусловленных в самом общем виде как методологией исследования (приверженность идеям единства либо дробности, стохастичности либо стадиальной закономерности исторического процесса), так и субъективным отношением исследователей к странам, народам, историческим традициям и

ценностям. Эти два подхода различаются по принципу сближения/отдаления Россия и Европы или России и Запада (как правило, в рамках сравнительного анализа с Россией понятия «Европа» и «Запад» употребляются синонимично, несмотря на формальную некорректность этого). В полярном варианте (полное сближение или полное отдаление) они встречаются нечасто: наиболее характерны позиции, тяготеющие к тем или иным полюсам в разной степени.

Традиционно немалое число европейских философов, историков, социологов стояло на позициях кардинального отличия исторического пути России от прошлого других европейских стран и, как следствие этого, резкого различия, а то и противоположности основных характеристик их общественной жизни. При этом естественным образом подразумевался более передовой характер некоей единой европейской цивилизации и культуры и отсталый, «азиатский» характер развития российского общества, отягощенный претензиями России (СССР) на мировое лидерство. Современные исследователи приходят к выводу, что во второй трети XIX в. в русской историографии доминировала идея решительного противопоставления России ведущим странам Западной Европы (см. об этом, напр.: 3; 5; 9). Однако оценочные знаки ее «особости» были полярно противоположными. Та специфика русского пути, которая вызывала восторг славянофилов и нравственную приверженность немалой части образованной российской публики, как правило, оставалась в лучшем случае просто непонятой (это относится прежде всего к пресловутой «русской душе»), а в худшем – категорически осужденной западными наблюдателями (централизация, расширение границ, панславянский гегемонизм). «Как историк прошлого я должен заявить, что в истории русской культуры и в русской традиции не очень-то много вещей, которыми можно восхищаться», – признался однажды Хью Ситон-Уотсон, один из самых известных послевоенных россиеведов Великобритании, автор книг «Закат императорской России», «Русская империя. 1801–1917» (45, с. 26). Трудно усомниться в профессиональных знаниях Ситон-Уотсона, и поэтому неразличение политической, имперской и культурной традиций России можно объяснить лишь его откровенным субъективизмом. Адъюнкт-профессор университета штата Алабама (США) Г. Рэгсдейл разъясняет такую позицию: «В отношении России работа ученого, как и государственного деятеля, ведется в особых условиях. Она особо подвержена путанице. Возможно, западные исследователи чересчур готовы

поверить худшему о России, но во всяком случае русские проявляли удивительную охоту способствовать такому умонастроению» (38, с. XI). Понятно, что способствовать неблагоприятным представлениям о себе любая нация может лишь проявлением худших черт. Автор мог здесь по крайней мере отделить «русских» вообще от русских и советских вершителей политики, но он не сделал этого.

Что касается путаницы в профессиональной работе россиян, то и здесь необходим комментарий. Известно, что ссылки на непостижимость психологии и поведения тех или иных народов нередко служили оправданием недружественной, а то и прямо экспансионистской, колонизаторской политики крупных держав по отношению к ним. В зарубежной «россиике» широкое хождение имеет высказывание Черчилля о России как «загадке, окутанной секретностью, внутри тайны», и в большинстве случаев оно используется в контексте оправдания атмосферы недоверия к нашей стране безотносительно условий конфронтации между нею и Западом в советскую эпоху. Даже такой глубокий знаток русской культуры, как Джеймс Биллингтон, куратор Библиотеки Конгресса США, с симпатией относящийся к России, не преминул в свое время процитировать Черчилля и назвал метафорой России матрешку, суть которой невидима стороннему наблюдателю, ибо находится внутри многих оболочек (19, с. 106). После коллапса советской системы и Советского Союза он опубликовал две прекрасные книги о России, на страницах которых создается объемный и вызывающий симпатии образ нашей страны (1; 2). Русская культура – культура европейской христианской цивилизации, «у нас много общего», декларировал Биллингтон (20, с. 20).

Понимание этих и других современных взглядов на Россию невозможно без ретроспективного рассмотрения отношения к ней иностранцев – наблюдателей, публицистов, политиков, обывателей – на протяжении того исторического отрезка времени, когда информация через печатное слово стала достоянием обществ, в которых все более увеличивались грамотность и образованная прослойка. Уже тогда стали возникать вопросы о месте и роли России в мире, характере и масштабах ее воздействия на международные процессы. Эти вопросы неизбежно рассматривались и рассматриваются по сей час в контексте сравнительного влияния и вклада в цивилизационное развитие Европы и мира других крупнейших стран. Облик России конструировался на фоне безоговорочного общего признания роли Италии в зарождении и распро-

странении культуры Возрождения, вклада Франции в становление эпохи Просвещения и буржуазно-либеральных свобод, функций Англии в освоении океанских просторов и в мировой торговле колониальной эпохи, лидерства США и Японии в научно-техническом прогрессе второй половины XX в. Какой смотрелась на этом фоне Россия?

Здесь следует заметить, что в Европе не оставались незамеченными внутрироссийский процесс самоосмысления и самовозвеличения, то значение, которое Россия сама стала придавать своей роли в мире (прежде всего в европоцентристском мире) с XVI в., сначала в духовном (Москва – Третий Рим), а затем в военно-политическом плане. Со второй четверти XIX в. этому процессу стало сопутствовать растущее осознание крупнейшими европейскими державами, и прежде всего Англией, усиления роли России в мировых делах (см.: 20). Тема «Россия и Европа» стала приобретать двусторонний характер, обретая новое, зеркальное измерение – «Европа и Россия». Если попытаться взглянуть на Россию того времени глазами европейских современников, то перед ними предстала крупная, самая огромная по территории держава, которая: а) сумела разгромить полчища Наполеона; б) за несколько десятилетий покорила и присоединила Кавказ, а затем начала присоединение Средней Азии; в) ранее существенно расширившись в сторону Европы за счет трех разделов Польши, в 1863–1864 гг. жестоко подавила национально-освободительное восстание поляков; г) поддерживая монархический «концерт» в Европе, подавила в 1848 г. революцию в Венгрии; д) не имела конституционно-парламентской системы, оставаясь самодержавной империей; е) только в 1861 г. приняла решение об отмене крепостного права, которое в Европе расценивалось как вариант рабства. При всем этом данная держава устами части своей просвещенной элиты все настойчивее провозглашала духовное превосходство над чересчур рациональной и меркантильной Европой. И вот уже напуганный сэр Генри Раулинсон составляет в 1868 г. свой знаменитый меморандум, изображающий покорение Средней Азии как начальный этап воплощения стратегического выхода России к Индийскому океану путем отвоевания Индии у Англии (см.: 39).

Таким образом, речь шла о совпадении в мышлении европейских политиков и просвещенной элиты настороженного восприятия внешнеполитической экспансии России и негативного отношения к византийско-ордынским корням ее внутреннего уст-

ройства, определившим различия ее развитийного образца от путей европейской цивилизации. Но ни схожесть, ни различия не были абсолютными. Если по одним параметрам (географическая принадлежность, торговые связи, христианская религия, династическое родство, образование и культура элиты) Россия была вполне европейской страной, а по другим (неограниченность монаршей власти, сословная замкнутость, отсутствие гражданских свобод, неразвитость капиталистических отношений, особенно в сельском хозяйстве) – оставалась скорее азиатской.

Не случайно А. Тойнби, досконально разработав классификацию мировых культур, существовавших на протяжении человеческой истории, испытал едва ли не наибольшие методологические трудности при определении места России, которая выглядит в его фундаментальном труде как «терра инкогнита» по сравнению с другими носителями зафиксированных им мирокультурных традиций. В конечном счете даже не очень ясно, считал ли он восточнохристианскую цивилизацию разновидностью европейской или самостоятельным социокультурным ареалом и связывал ли ее специфику с особенностями развития России. Определенно мы имеем на сей счет лишь характеристику России как государства, воспринявшего византийское духовное наследие и объединяемого с Византией церковными и светскими тоталитарными нормами (49, с. 95).

Как бы то ни было активная политика Российской империи в Азии вызывала беспокойство колониальной Британской империи, а ее жандармско-охранительные действия в восточной части Европы, да и сама огромная территория, пугали общественное мнение почти на всем континенте. Полурациональное-полуинстинктивное опасение российской экспансии в Европу основывалось на восприятии России как чуждой азиатской державы, нависающей над Старым Светом в виде то ли грозовой тучи, то ли медведя, вставшего на задние лапы. Избито? Карикатурно? Все так, но тем не менее метафорически отпечатано в сознании немалого числа европейцев. В 70-х годах прошлого века Н.Я. Данилевский, судя по всему, не смог убедительно возразить одному из своих иностранных собеседников, когда тот сослался именно на образ «давящей массы» и «тучи» в оправдание своих страхов перед огромной самодержавной империей: он лишь досадливо констатировал, что «ландкартное давление» действительно существует (4, с. 23). Подобное подсознательно настроенное и поэтому скорее негативное отношение к России сохранилось (даже усилившись) и в

XX в. – в отношении как СССР, так и постсоветской Российской Федерации. Апокрифическое «завещание Петра I», выдаваемое за неопровержимое свидетельство воинственной психологии российских правителей и их стремления расширить пределы своей империи до берегов Средиземного моря и Индийского океана, начинало мелькать в европейской и американской печати во времена всех крупных конфликтов с Россией – например, в 1854, 1878, 1914 гг., в периоды советского заигрывания с Третьим миром и вторжения советских войск в Афганистан. А летом 2007 г. читатели лондонской «Daily Express» могли прочесть, что, поскольку у России появилось «новое апокалиптическое оружие – нефть и газ», «русский медведь вновь выпрямляется в полный рост. Он не знает пощады, не нуждается в подлинной дружбе – ему нужно только господство над другими» (27).

Таким образом, в известном смысле ситуация, характерная для XIX в., повторялась во второй половине XX в., повторяется и сейчас. Как и после Крымской войны, Россия ослабла, но по-прежнему воспринимается как потенциально мощная военная держава, способная в случае вооруженного конфликта нанести огромный урон Европе. Россия никогда на протяжении истории не инициировала военные конфликты с Европой? Но ведь она непредсказуема, она подобна матрешке!

Как и на протяжении последних трех веков, Россия находится геополитически и цивилизационно между Западом (Европа плюс США) и мусульманским Востоком – это обстоятельство особенно важно в свете уже проявляющей себя конфронтации между христианской и исламской цивилизациями. Однако при этом евразийское местоположение России – не срединное в культурно-геометрическом смысле. Правы исследователи, считающие, что «с точки зрения культуры и цивилизации дистанция между Россией и Европой теряет значение по сравнению с тем, что отделяет Европу от Азии», и, строго говоря, ее положение промежуточно лишь в геополитическом значении (18, с. 431–432). Такая ситуация дает возможность как аналитикам, так и заинтересованным политическим кругам за рубежом помещать ее либо в Европу, либо в Азию, либо вне Европы и Азии в зависимости от идеологических предпочтений и прагматической необходимости. «Базовые параметры этих дебатов остались точно такими же, как и столетия назад», – отмечается в той же работе (18, с. 429).

Необходимо оговориться, что в истории хорошо известен феномен, когда наиболее непримиримое отрицание общества или

системы исходит из недр их самих. Зарубежная «россика», современная и более ранняя, пестрит отсылками к работам Салтыкова-Щедрина, Чаадаева, Гоголя, Герцена и других российских гениев, близко к сердцу принимавших явные и скрытые пороки современной им отечественной действительности, непростительные сами по себе и к тому же осложнявшие европейскую идентификацию России. [Да что там «россика» – все российские социал-демократы, а Ленин в особенности, подпитывали свой протест против самодержавия постоянным обращением к сатире и революционно-демократической прозе позапрошлого столетия.] Во многом именно на этой источниковой базе выстроен образ России в известной книге американского историка (в определенной мере и политолога) Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме», быстро переведенной на русский язык в США, а в 1990-е годы и в России. Эта книга хорошо известна специалистам, но для понимания современных зарубежных интерпретаций темы «Россия–Запад» без нее не обойтись.

«Особость» России как исторический дефект

Львиную долю содержания книги Пайпса представляет изложение положений трудов российских историков и философов XIX в., а также представителей школы «евразийцев» 1920-х годов, но именно тех положений, которые способствовали (и способствуют) формированию малосимпатичного облика России за рубежом. Однако ведь нет ни одной крупной мировой державы, чья мыслящая элита ни обнаруживала бы в ее прошлом и настоящем ничего заслуживающего критики – проблема в том, чтобы учесть все точки зрения и все составляющие страноведения. Этого как раз не сделал Пайпс. Уместно краткое изложение его концепции. Посмотрим, как наиболее характерные составные части антитезы «Россия–Запад» выстраиваются и развиваются Пайпсом в виде факторов, якобы предопределивших особенности русской истории.

Фактор первый – это как раз географические условия, включающие в себя огромные масштабы территории, на которой расселялись русские, природную бедность европейской части России и неблагоприятный для земледелия климат. Согласно Пайпсу, заселяя лес и лесостепь центральных и центрально-восточных районов нынешней европейской части России, восточные славяне попали «в условия, резко ограничившие свободу выбора», да к тому же

совершили коренную ошибку, занявшись не охотой и рыболовством, а земледелием. Ошибка эта стала ясной в эпоху перехода от феодализма к капитализму, когда народы Западной Европы, торгуя зерном и другими сельскохозяйственными продуктами, резко повысили продуктивность земледелия, а население России могло едва прокормить себя, тем более что с середины XVIII в. оно начало расти темпами, намного превышающими европейские (37, с. 3–9).

Вторым по хронологии, но «самым решающим фактором, повлиявшим на судьбы страны», оказалось перенятие восточного варианта христианства из Византии, которое отрезало Россию от «столбовой дороги христианской цивилизации, ведущей на Запад» (37, с. 223). Если в Западной Европе церковь знала Реформацию, пыталась совместить веру с наукой и служением обществу, то в России, пишет Пайпс, церковь полностью отождествила себя с монархией, стала ее придатком, сеявшим среди паствы мистицизм, смирение, религиозное самоотречение; она даже отлично уживалась с татаро-монгольским гнетом, поскольку в обмен на верноподданничество была освобождена ханами от дани и повинностей. Наконец, сопротивление церкви светской власти в России не могло быть столь эффективным, как в Европе, по той причине, что она была децентрализована и не могла рассчитывать на поддержку Ватикана (37, с. 223–226).

Третий фактор – это, конечно же, татаро-монгольское иго, явившееся «сокрушительным внешним ударом», усугубившим все «неевропейские» (и прежде всего политические) черты развития русского народа (37, с. 54).

Если сравнить выстроенный Пайпсом причинный ряд русской истории с тем, что писали русские дореволюционные историки, а также эмигрантские (евразийцы) и другие западные авторы, ничего принципиально нового в нем не обнаруживается. Однако негативные представления о России и русском народе неизменно возводятся им в абсолюте и излагаются в наиболее категоричной форме.

Это относится и к следственному ряду в конструкции Ричарда Пайпса. «Отлучение» России от Европы может быть достаточно мягким, условным, диалектическим, т.е. учитывающим векторы не только различия, но и общности развития на несовпадающих исторических фазах, что, собственно, лежит в основе разных версий «догоняющего», модернизационного характера «русского пути». «Остается фактом, – писал, например, американский историк русского происхождения Н. Рязановский, – что в очень

многих отношениях Московия отставала (разрядка моя. – Ю.И.) от Запада. Россия не испытала ни Ренессанса, ни Реформации, не принимала участия в морских открытиях, в научном и технологическом прогрессе начала новой эпохи» (40). Другое дело – настаивать на полном несовпадении развития. Пайпс не только перенял схемы стадийного несоответствия российской и западноевропейской истории, но и придал им категорическую форму. Феодализма, по его мнению, в России не было вообще, так как там отсутствовали политическая раздробленность, вассалитет и условное землевладение в том виде, в котором они сложились в Средние века в Западной Европе. Не было там и капитализма; одна из глав книги Пайпса так и называется «Отсутствующая буржуазия». Заявляя, что в России не было «буржуазных династий», коммерческого кредита и банковского дела, что российские промышленники только и делали, что проматывали свои состояния (37, с. 191, 193, 207, 215, 265), Пайпс пошел вразрез не только с фактической стороной дела, но и с выводами ряда своих коллег, занимающихся изучением капитализма в России (А. Гершенкрона, Т. фон Лауэ, У. Блэквелла) (см.: 21; 28; 35).

Какой же строй, какое общество утвердились в России в отсутствие там – если верить Пайпсу – феодализма и капитализма?

Конечно, он мог, «отлучив» Россию от Европы, поискать аналог ее историческому развитию в Азии. Во всяком случае, он размышляет по поводу сравнения русской монархии с деспотией «гидравлического типа», формирование которой К. Виттфогель обнаружил в странах Азии, где прогресс сельского хозяйства зависел от крупномасштабных ирригационных проектов (см.: 51). Однако сходства между самодержавием и «гидравлической деспотией» Пайпс не находит на том основании, что в России вода была в достатке, а большие пространства и бездорожье мешали эффективному централизованному управлению. Оба резона неоспоримы, но суть подтекста автора в том, что Россия таким образом оказывается не только вне Европы, но и вне Азии, обретая свою мрачную и тревожную особость.

В России, утверждает Пайпс, «государство не выросло из общества, но и не было наложено на него сверху. Скорее оно развивалось рядом с обществом, понемногу заглатывая его» (37, с. 21). Распространяя свою власть на свободное население вокруг их дворов, князья постепенно собирали вотчины, а самый крупный и сильный вотчинник стал монархом, выполняя функции правителя и «отца-собственника» как в отношении населения, так и в от-

ношении земель. «В патримониальном (т.е. вотчинном. – Ю.И.) государстве, – пишет Пайпс, употребляя термин, которым пользовались еще русские дореволюционные историки и немецкий социолог Макс Вебер, – нет ни официальных ограничений политической власти, ни законоправия, ни личных свобод. Однако там может иметься весьма эффективная политическая, экономическая и военная организация, основывающаяся на том, что один и тот же человек или группа людей (король или бюрократия) распоряжаются всеми людскими и материальными ресурсами страны» (37, с. 23). Аналогии такого рода режиму можно найти только в истории Египта времен династии Птолемеев и в Пергаме при Атталидах.

Таким образом, не говоря об этом прямо, автор подводит читателя к выводу, что «вотчинное государство» в России является уникальным явлением, подобия которому не было ни на Западе, ни на Востоке. Это государство по существу не претерпело изменений на протяжении веков, воплотив в своей практике черты, выступающие как антиподы идеалам свободы, демократии, справедливости. Модернизация вотчинных институтов, которая началась в России в конце XIX в., принесла с собой еще более зловещие тенденции – появление «зародышей тоталитаризма». «Между 1878 и 1881 гг. в России был заложен юридический и институциональный фундамент бюрократическо-полицейского режима с тоталитарными оттенками, который с тех пор так и не был снесен. Можно с уверенностью сказать, что корни современного тоталитаризма следует искать скорее здесь, чем в идеях Руссо, Гегеля или Маркса» (37, с. 200). Дискуссионные же проблемы о советском тоталитаризме как режиме и форме общественного бытия, навязанных большевистской (сталинской ли, ленинской ли) верхушкой, о корнях, проявлениях и временных рамках существования этого режима (в течение всего советского периода или части его) – эти проблемы в книге Р. Пайпса оказались просто снятыми.

Книга Пайпса не явилась «новым словом» в зарубежной россике и не снискала лавров ее автору, у которого ко времени ее написания имелись в творческом активе куда более глубокие и оригинальные труды (например, две книги о П.Н. Струве). Тем не менее она вызвала немалый резонанс и стала легким чтивом для студентов, решивших заняться изучением России. Из-за ее компилятивного характера и упрощенного подхода резонанс в научной среде был во многом негативный; с особой неприязнью книга была встречена российской диаспорой в США и Европе, увидевшей в

ней признаки русофобии (см., напр.: 34). Но эта же негативная реакция подогревала к ней интерес, ссылки на нее можно встретить до сих пор. Риска впасть (подобно Пайпсу) в упрощение, можно утверждать, что именно такая концепция была и остается востребованной той частью политической элиты и общественности Запада, которая, не довольствуясь отходом России от коммунизма, хотела бы видеть ее прилежной восприемницей своих либеральных норм – не настолько, однако, либеральных, чтобы позволить ей установить, подобно любой великой державе, собственные сферы влияния в мире. Создание малопривлекательного образа России – один из инструментов воспрепятствования расширению ее сферы влияния. Здесь необходимо указать на несколько моментов.

Во-первых, любой российский исследователь, любой россиянин вообще, сталкиваясь с преувеличенно отрицательными представлениями о своей стране, не должен, отвергая их, поддаваться соблазну создать для себя и других преувеличенно положительный имидж России. Это неприемлемо ни в каком смысле, и любой такого рода «анти-Пайпс» окажется столь же субъективным зеркальным отражением Пайпса.

Во-вторых, сторонники кардинального «отлучения» России от Европы, упрекая Россию в том, что она ищет для себя некую особую миссию в мире, по существу подтверждают тезис о ее особости на манер Пайпса. Получается, что русофобы столь же подвержены импульсу обособления России, сколь и иные русофилы. Объективное знание становится заложником субъективных антипатий и симпатий. Есть ли здесь место науке?

В-третьих, являясь европейской страной, Россия (если не брать общие для всего человечества закономерности и нормы) имеет весьма малое отношение ко всему тому, что объединяется понятием «Запад»; между тем она неоспоримо является частью Европы. География не всегда правит бал – Япония, расположенная неизмеримо дальше от центров европейской цивилизации, чем Россия, в большей степени восприняла западные ценности, сохранив при этом большинство своих. А для огромной части незападного мира, особенно исламского, Россия и атлантические страны представляют одинаково чуждые социумы.

Рассматривая антитезу «Россия–Запад» в том виде, в котором она утверждается в зарубежной литературе, следует отметить и наличие представлений, коренным образом расходящихся с изложенными выше. Приведу точку зрения английского историка

Поля Дьюкса из Абердинского университета (Шотландия), отмечающего тенденциозный подбор исторических источников, на основании которых Россия изображается «варварской» неевропейской страной. Справедливо полагая, что читатель-неспециалист может не разобраться в сути социологических и политологических теорий, но скорее всего примет на веру отсылки к мемуарной и дневниковой литературе, содержащиеся в работах сторонников этой антитезы, он широко использовал целый ряд источников, которые были намеренно оставлены теми без внимания. Между тем эти источники прямо свидетельствуют против излишне негативистских концепций. Так, Джон Милтон в «Краткой истории Московии», вышедшей в Лондоне в 1682 г., отнес Московское княжество к «самому северному региону Европы, имеющему репутацию цивилизованного», и неоднократно подчеркивал, что оно является составной частью Европы, сравнимой с Англией с точки зрения традиций, религии и государственного управления. Другой автор той эпохи изобразил Европу женщиной, у которой «голова – Испания, грудь – Франция, руки – Италия и Англия, желудок – Германия, пупок – Богемия, а другие части тела – Норвегия, Швеция, Финляндия, Ливония, Литва, Пруссия, Польша, Венгрия... и Московия» (25, с. 4). В работе француза Ф. Брие (1648) указывалось: «Все народы Европы сотрудничают между собой. Испания производит железо, тонкую шерсть и фрукты, Англия – кожу, шерсть, олово и свинец, Франция – зерно, соль, вина и масла, Германия – лошадей, оружие, железо и серебро, Нидерланды – деньги, Италия и Греция – шелк, северные страны – меха, медь и жиры, древесину для судов, Польша и Россия – редкие меха, мед и воск» (цит. по: 25, с. 5).

Установив факт втягивания России в экономическую жизнь Европы, Дьюкс указывает на общее и в их духовной жизни: раскол в православной церкви как часть общеевропейского процесса Реформации, причем староверы были сродни янсенистам во Франции и ковенантам в Шотландии (25, с. 6). Схожими путями шло формирование армий в России и Европе (использование наемников, развитие военной техники), хотя здесь наблюдались и различия. В отличие от Западной Европы, русская буржуазия в XII в. еще не была сложившимся классом, но стрельцы имели мелкобуржуазное происхождение – из ремесленников и лавочников. Верно, что крепостничество повсюду в Европе в это время распалось, а в России, наоборот, укреплялось, но ведь и в Америке процветало рабство (25, с. 12–20).

Рассуждения автора подводят читателя к выводу о необходимости сбалансированного подхода в определении сходства и расхождений между развитием России и Европы в допетровскую эпоху. «Экономические, дипломатические и культурные связи с окружающим миром от Западной Европы до Китая полностью объединяли Россию с остальной Евразией, если и не со всем светом. Таким образом, Петр Великий смог осуществить свои знаменитые реформы и дальнейшую экспансию по хорошо подготовленной к этому дороге» (25, с. 22).

Признание того, что еще в допетровское время, несмотря на тяжелейшие последствия монгольского ига, Россия составляла часть Европы и шла, хотя и с отставанием, тем же путем, что и остальная Европа, имеет немаловажное значение для определения места России в общемировой истории. Связи России с Европой в XII–XVII вв., когда русские монархи еще не начали широко переносить многие европейские порядки и традиции на русскую почву, пожалуй, более наглядно показывают, каким образом национально-самобытное начало в социально-политической и культурной истории одной страны может вплестаться в развитие региона или континента в целом. В концепции Дьюкса самобытное в истории России было специфическим вариантом общеевропейского. Отсталость России, пишет он, «была не более чем относительной на протяжении новой истории», и «в начале XX в. царизм был неразрывно связан с мировой цепью империализма» (25, с. 74).

Отметим время, в которое вышла в свет книга Дьюкса – конец 1970-х годов, когда конфронтация между СССР и США шла к своему апогею после временного ослабления международной напряженности в результате Хельсинкских соглашений 1975 г. Ее политическое и идеологическое значение в тот период состояло в стремлении снизить накал конфронтации и «сблизить» нашу страну с атлантическим миром, пусть даже путем неизбежно субъективной подборки и интерпретации фактов. Выступления П. Дьюкса и ограниченного числа других западных ученых против антитезы «Россия–Запад» контрастировали с нагнетанием не просто антисоветских, но и антирусских настроений за рубежом.

Восприятие россиян и советских людей

Представления о «неевропейском», а следовательно, нецивилизованном характере исторического пути России подталкивали зарубежных наблюдателей к аналогичному восприятию и ее наро-

да. Характерно высказывание бывшего после США в Москве и директора ЦРУ генерала Уолтера Беделла Смита в предисловии к изданным в США дневникам маркиза де Кюстина: «Недостаточно и по сути неверно утверждать, что русские – такие же люди, как прочие народы, и только правительство там другое. Люди там тоже другие. Они другие потому, что совершенно иные социальные и политические условия застопорили и искривили их развитие, поставив их отдельно от других цивилизаций» (24, с. V).

Во второй половине XX в. в немалой части западной литературы о России русскому народу приписывались черты, которые должны были вызвать неприязнь у читателя. Утверждалось, что русским свойственны способность лицемерить и обманывать, вспыльчивость, приводящая к крайним поступкам, а затем сопровождающаяся раскаянием (Иван Грозный, убив сына, рвал на себе волосы), подозрительность и склонность к заговорам (ибо «русские – заговорщики по натуре»). На заседании одной из комиссий Конгресса США было высказано мнение, что русские действуют импульсивно, а объяснение своим действиям придумывают потом.

Конечно, негативные оценки русского национального характера не господствуют в зарубежных исследованиях безраздельно. В качестве примера доброжелательного отношения к русскому народу, и особенно интеллигенции, можно отметить книгу английского историка и литературоведа Джеффри Хоскинга «Пробуждение Советского Союза» (1991). «Мы на Западе, – пишет Хоскинг, – склонны списывать русских со счета как пассивных и даже рабски покорных людей, полагая, что, раз у них нет отечественной демократической традиции, они неспособны создать более открытое и плюралистическое общество. В этом, бесспорно, есть рациональное зерно. У русских нет демократического наследия в нашем понимании. И все же я не верю, что они обречены на вечную гражданскую пассивность. Напротив, я верю, что из своего прошлого они извлекли традиции участия в политической жизни и солидарности в условиях зажима». Правительство России, подчеркивает автор, испокон веков выжимало максимум ресурсов из разбросанного и нищего населения. Население же терпело невзгоды и хранило в себе простые жизненные ценности (33, с. 19–20).

Амбивалентность сознания и поведения всех социальных слоев российского общества на протяжении столетий отмечается большинством зарубежных исследователей. Россиянам, по их представлениям, свойственны полярно противоположные черты характера, проявляющиеся в разных обстоятельствах и нередко

почти синхронно (упоминавшийся синдром Ивана Грозного). Среди наиболее типичных черт такого рода называются социальная апатия и импульсивная общественная активность; открытость перед незнакомыми людьми (включая чужестранцев) и крайняя подозрительность к ним; чувство (нередко полумессиянское) превосходства по отношению к европейским народам и комплекс неполноценности перед ними; любовь к ближним и деспотическое отношение к ним (проблема отцов и детей); хвастливость и самоуничтожение; религиозность и атеизм. Эти черты характера выводятся, с одной стороны, из опыта общения и изучения научно-документальной, а также мемуарной литературы, с другой – из ознакомления с российской художественной литературой. Наиболее интересное исследование, основанное на двух указанных типах источников, осуществил профессор Оксфордского университета Рональд Хингли, автор книг «Нераскрытый Достоевский», «Новая жизнь Антона Чехова», «Русские писатели и общество» и др. Его монография «Мировосприятие русских», как и книга Р. Пайпса, заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее (что и будет сделано несколько ниже).

Р. Хингли ссылается на геоклиматические условия формирования русской ментальности (суровые зимы, бескрайние просторы и бездорожье), что достаточно банально. Но он также указывает на невозможность объяснения этой ментальности только под углом зрения геоклиматических и даже политических факторов; с их помощью трудно понять многие персонажи русской литературы (воспринимаемые и иностранцами, и самими русскими как абсолютно достоверные), а тем более определенные исторические факты, корнящиеся в психологии, чуждой человеку западного культурного мира (например, поступок Стеньки Разина, бросившего в Волгу персидскую княжну, или многочисленные самооговоры репрессированных в 30-е годы большевиков). Талант российских писателей, блестяще гиперболизовавших отдельные черты характера своих героев, также не всегда помогает читателю-иностранцу понять россиян. Р. Хингли приводит слова одного из английских литературных критиков, сказанные еще в 1916 г.: «Все без исключения мои русские друзья – совершенно здравомыслящие люди; однако почти все русские, о которых я читал в книгах, настоящие безумцы» (32, с. 10–15).

Это, по мнению автора, лишь подтверждает амбивалентность русского характера: верно и то и другое. Притом что нет народов, которым не были бы присущи все мыслимые человеческие

качества, их амплитуда у россиян, по-видимому, шире, чем у других: «Они широки душой, но узко мыслят; бездумны, но осторожны; терпимы, но и нетерпимы; свободолюбивы, но рабски покорны; они независимы, послушны, жестки, зловредны, добры, жестоки, любвеобильны, способны ненавидеть, энергичны, ленивы, наивны, циничны, вежливы, грубы – эти разные качества берут в них верх в разное время» (32, с. 34).

Хингли придерживается мнения, что архетипически «гомо советикус» мало отличается от дореволюционного россиянина, хотя изменение социально-политических и экономических условий бытия внесло коррективы в его психологию. Такова же в самом общем виде позиция многих зарубежных руссиеведов.

Отвечая на вопрос, как повлиял перелом в феврале – октябре 1917 г. на исторически складывавшиеся атрибуты социальной структуры и социальной психологии населения России, большинство зарубежных ученых исходят из концепции преемственности многих государственных и общественных институтов дореволюционной и советской России. Те изменения, которые произошли в результате Октябрьской революции, усугубили негативные черты старого государства и общества, придав им сразу или со временем (наиболее распространенное мнение: в сталинский период) тоталитарный характер. Эти процессы сопровождались еще большим отдалением России от Европы, они разрушили те опоры европеизации страны, которые были заложены в новой истории Петром I, продолжены Екатериной II, а также рядом других монархов и привели к отмене крепостничества, развитию капитализма в городе и деревне, возникновению ограниченных форм политического плюрализма и парламентаризма в начале XX в. Как писал крупнейший французский политолог Раймон Арон, «в 1917 г. Россия ушла из Европы» (17, с. 519). Конрад Аденауэр сразу после окончания Второй мировой войны высказался схожим образом: «Азия воздвиглась на Эльбе» (15).

Согласно одному из вариантов концепции преемственности, сохраняющаяся до сих пор косная историческая традиция России включает в качестве основных элементов беззаконие (закон писан для всех, кроме высшей власти) и государственный произвол из-за отсутствия противовесов; доминирующую роль милитаризации и идеологии; бесправие личности. «Эти элементы составили структуру современной русской истории», – пишет профессор Чикагского университета Р. Хелли (31, с. 3). Бесконтрольность государства, позволяющая центру сосредоточивать в своих руках все

ресурсы страны, давала в разное время и определенные преимущества при решении жизненно важных национальных проблем (индустриализация, оборона от внешнего вторжения). Однако общий ущерб, включая ущерб развитию человеческого потенциала, всегда в конечном счете оказывался гораздо большим.

После 1917 г. сращивание великодержавных, государственных и партийных, идеологических атрибутов власти усилило централизацию процесса принятия решений и обусловило формирование тоталитарного варианта государственного социализма. Попытки создания некоего «нового человека», «гомо советикуса» посредством идеологизации общественной и даже личной жизни (включение семьи в общегосударственную систему воспитания и трудовой мобилизации) имели, однако, по мнению большинства зарубежных наблюдателей, лишь частичный успех. Со временем они все более подрывались возрастающим расхождением между теорией и практикой, пропагандой и реальностью. Главным следствием этого расхождения в общественной и личностной психологии стала еще более выраженная амбивалентность сознания и поведения россиян: к эмоциональному дуализму, о котором речь шла выше, добавилось двоемыслие, принявшее у значительного числа советских граждан одну из форм «модус вивенди» с адаптационной целенаправленностью.

Снова следует оговориться, что серьезные западные исследователи отдают себе отчет в том, что великодержавность, в том числе тоталитарная великодержавность, отнюдь не являясь исключительно российским или советским феноменом, оказывала в принципе аналогичное влияние повсюду, где она наблюдалась. Хорошо известны критико-аналитические размышления философа и экономиста Августа фон Хайека о тоталитарной психологии немцев (ряд авторов напрямую сопоставляет особенности политического развития и национального характера русских и немцев) и политолога Сэмюэла Хантингтона – о моральном абсолютизме и мессианстве в американской истории и культуре. Однако в Советском Союзе идеологизация общественной жизни, подчинение личности государству достигли гораздо более высокой степени, приведя и к большему укоренению двоемыслия по указанным выше причинам. «В СССР решено однажды и навсегда, что по любому вопросу должно быть только одно мнение, – писал Андре Жид в 1930-х годах в книге “Возвращение из СССР”. – ...И нехорошо не подчиняться общему правилу. Получается, что, когда ты говоришь с каким-нибудь русским, ты говоришь словно со всеми сразу. Не

то чтобы он буквально следовал каждому указанию, но в силу обстоятельств отличаться от других он просто не может... Не думаю, чтобы в какой-либо другой стране сегодня, хотя бы и в гитлеровской Германии, сознание было бы так несвободно, было бы более угнетено, более запугано (терроризировано), более поработщено» (6, с. 535–536). Схожие впечатления вынес от путешествия в СССР и Джон Стейнбек (13).

После Второй мировой войны были предприняты попытки осмыслить психологию и поведение советских людей с позиций нарождавшихся тогда бихевиористских теорий. Иной раз это приводило к курьезным гипотезам. В 1950-х годах шумный резонанс получило предположение английского антрополога Джеффри Горера о том, что покорность россиян разным формам авторитарной власти вызвана привычкой родителей слишком туго пеленать своих детей (см.: 30). Однако в целом реакция западного научного мира на эту гипотезу оказалась скептически-насмешливой.

Р. Хингли, основательно изучивший научную и художественную литературу, рассматривает в разных разделах своей книги черты русского характера, проходящие сквозным образом как через дореволюционную, так и через советскую историю. Одну из таких черт он называет «стремлением к камуфляжу», под чем имеется в виду набор признаков от самовозвеличения до пускания пыли в глаза, насмешничанья и вранья. По мнению Хингли, однако, эта черта не оставалась неизменной на протяжении веков. Вплоть до конца XIX в. в России доминировало «простейшее вранье», близкое к хлестаковщине, когда оно скорее предстает как своеобразное искусство, способ самовыражения, а не извлечения выгоды. Правда, такая высокопоставленная и виртуозная вральщица, как Екатерина II, превратила саморекламу в систему управления, и «потемкинские деревни» стали символом официальной показухи. В советское же время при сокращении бытовой хлестаковщины стало гораздо более распространенным очковтирательство на государственном уровне. «Когда официальные представители в то время обещали людям, что перед ними дорога в светлое будущее, что Россия перегонит Америку, что в любой момент разразится революция в Германии, они говорили правду в том смысле, что сами в целом верили в это. Затем наступил век Сталина, эра воинствующей лжи, когда искренняя вера во что-либо или кому-либо (а особенно самому Сталину) вполне могла обернуться бесчестьем или арестом. Когда сталинистские ораторы упоминали о миллионах крестьян, добровольно вступивших в колхозы, это было не

просто вранье, а намеренная ложь. Только во времена Хрущёва вранье снова стало привычным фактором, влияющим на общественное мнение: свою роль здесь сыграл личный пример вождя, чьи заявления о том, что надо сеять кукурузу, догнать Америку и т.д., несли в себе явный привкус фантазии и, очевидно, были отчасти призваны развеселить аудиторию» (32, с. 94–95).

Рука об руку со склонностью к показухе и очковтирательству в характере русских, по мнению Хингли, идет скрытность. Это свойство также имеет давние исторические корни. Шотландский ученый Уильям Ричардсон, приехавший в Санкт-Петербург в 60-х годах XVIII в., жаловался, что даже в газетах не может получить нужной информации: «Можно уничтожить половину России, а вторая половина так и не узнает об этом». Мадам де Сталь, нашедшая в России прибежище от Наполеона, сетовала на то, что она не в состоянии узнать что-либо о войне 1812 г. В советский период русской истории официальная скрытность еще более усугубилась. Пресса замалчивала события, способные посеять сомнения в совершенно благополучном развитии страны (авиакатастрофы, ташкентское землетрясение 1966 г., лесные пожары и гибель картофельных полей во Владимирской области в 1972 г. и т.д.); о преступлениях сталинской эпохи, когда репрессиям подвергались целые народы, не приходится уже и говорить (32, с. 110–120).

Среди других качеств россиян Р. Хингли выделяет коллективизм, патриотизм и национальную гордость как качества, существенно отличающиеся в своих проявлениях от практики других народов. Западным наблюдателям, указывает он, всегда было трудно понять, почему советские люди так часто говорят «мы», «наше», «у нас», имея в виду всю страну; такое ощущение чувства локтя редко встречается в Европе. В то же время общественные организации как важный неотъемлемый элемент социальной и политической жизни значительно сильнее сплачивают людей одной профессии, убеждений, склонностей на Западе, чем в СССР, где все они служат государственными инструментами политики и мобилизации. Лишь тогда, когда общение в России перестает нести доминирующую коммуникативную нагрузку и становится духовно-эмоциональным, оно, по мнению Хингли, по-настоящему сплачивает людей.

«Коммуникация – ничто; сопереживание все», – так, сознательно утрируя, Хингли характеризует сущность российского коллективизма и патриотизма (32, с. 127). Его работа завершается напоминанием об условности и относительности всех суждений о

русском национальном характере, как и суждений о национальном характере вообще. Никто еще, пишет он, не взял на себя смелость утверждать, что национализм, самовосхваление и другие черты свойственны всем русским или даже большинству их. Даже тогда, когда русские начинают превозносить свою страну, они сохраняют способность остро ощущать ее слабые стороны, обличать отрицательные черты собственного общества с большей силой и пронизательностью, чем это делают иностранцы, нередко настроенные недружелюбно.

Книга Хингли является наиболее развернутым зарубежным исследованием «русскости», осуществленным во второй половине XX в. Следом за ней выходили другие, написанные в основном журналистами, фиксировавшими свои наблюдения во время пребывания в нашей стране, но они не претендовали на объемное и скрупулезное изучение «русского характера» и менталитета.

Восприятие СССР как синтез старых и новых представлений

Возникновение Советского Союза с его коммунистическим мессианством, идеологическим неприятием буржуазных ценностей, растущей военной мощью и опорой на леворадикальные движения во всем мире, конечно же, явилось глобальным вызовом Западу. Большевистская идеология, государственный строй и общественная модель изначально предстали как антитеза всем западным институтам, и это обусловило множественность осей и обличей противостояния, семантически выражавшихся в различных антиномиях – «СССР – США», «социализм (коммунизм) – капитализм», «Восток – Запад». Вместе с тем у многих на Западе образ дореволюционной России служил и продолжает служить протоосновой отношения к России послереволюционной, в том числе к России сегодняшней. Схема восприятия, согласно которой до 1917 г. наша Родина была благодатной страной, после 1917 г. стала страной inferнальной, а сейчас пытается вернуться к патриархальной благодати, разделяется кое-кем из наших соотечественников (большей частью дворянско-монархической ориентации), но абсолютно чужда мироощущению европейцев и американцев.

Как уже подчеркивалось, такое восприятие России и россиян разделяется отнюдь не всеми за рубежом, в том числе и на Западе. Во всех просвещенных обществах всегда находились люди, понимающие легковесность и недостоверность стереотипов, рожден-

ных на основе поверхностных знаний. Тем не менее возникает вопрос: как могло сложиться такое невообразимо противоречивое представление о русских, которое, похоже, просто вместило все мыслимые человеческие качества в единстве и противоположности добра и зла? Ответ частично кроется в том, что представления о мнимых и действительных чертах характера россиян черпались не столько из личного знакомства и впечатлений, сколько из литературных источников, на что указывалось выше.

Итак, в непонятной и чуждой стране, населенной импульсивными людьми, которые сочетали в себе как лучшие, так и худшие человеческие качества, в 1917 г. произошли две революции, которые смели сначала потерявший привлекательность, но все же достаточно привычный институт монархии, а затем и краткосрочную республику, декларировавшую приверженность идеалам европейского парламентаризма и экономического либерализма, основанного на частной собственности. На смену старым порядкам пришла государственная власть, объявившая себя выразительницей интересов городских и сельских низов, а все национальное богатство – достоянием народа, оставив, однако, за собой право бесконтрольно распоряжаться всем государственным и частным имуществом. Так представляли себе суть октябрьского переворота и последовавших за ним событий на Западе. Большевистские идеалы, цели и программы строительства нового общества в России были настолько чужды Западу, что легко давали основания для фантазий и мифов, еще более далеких от действительности, чем традиционные рассуждения о загадочной «русской душе». В европейской и американской прессе 1918–1920-х годов можно было прочесть, что Россией правят пьяные казаки и комиссары, издавшие декрет о «национализации женщин». Стало привычным шаржированное изображение большевика в папахе, с бомбой в одной руке и бутылкой водки в другой.

Опять-таки этот имидж России формировался у большей части населения стран Запада, но отнюдь не у всего населения. Это достаточно очевидный посыл – никогда, ни в одной стране имидж других стран и народов не был одинаковым у всего населения и во всех социальных слоях. Всегда существенную роль играли такие факторы, как характер межгосударственных политических и экономических отношений, уровень информированности о другой стране (который, конечно же, различался в зависимости от образования и профессиональных знаний, условий деятельности средств массовой коммуникации, государственной информационной поли-

тики и т.д.), неформальные контакты людей. Если правящие элиты Запада восприняли события в России как разрушительный импульс и вызов всем сложившимся ценностям и устоям, то непривигированные слои в Европе, Америке, да и во всем мире, к которым относились многие работники наемного труда, увидели в возвышении российских рабочих и беднейших крестьян, в национализации и перераспределении общественного богатства перспективу аналогичного, более справедливого будущего и для самих себя. Советский политический и идеологический истеблишмент по понятным причинам раздувал сочувственное отношение к СССР за рубежом до глобальных масштабов, придавая ему статус поддержки «всего прогрессивного человечества». Это было отчасти самообманом, а отчасти инструментом пропагандистской обработки общественного мнения, прежде всего в самом Советском Союзе. Верно, что многие индустриальные рабочие и представители интеллигенции в Европе, Америке, на других континентах, готовые к политическому действию, приветствовали «Русскую Революцию», коммунистов и коммунизм. Во главе различного рода движений в поддержку Советской России стояли местные компартии и левосоциалистические организации, которые вырабатывали общую платформу в рамках ведомого Советским Союзом Коминтерна. Опять-таки из этого не следует, что все трудящиеся низы за рубежом находились под влиянием коммунистической пропаганды. Далеко не все из них вообще интересовались политикой и тем более занимали активную политическую позицию. Необходимо учитывать и то, что возможностей влиять на общественное мнение своих стран у «красной» и «розовой» пропаганды было неизмеримо меньше, чем у буржуазной прессы.

Тем не менее можно сказать, что в период между двумя мировыми войнами за рубежом параллельно рождались два штампа неадекватных представлений о СССР – миф о государстве, указывающем путь к идеальному освободившемуся от социальных противоречий обществу, и образ страны, в которой утвердилась диктатура революционеров у власти, не пользующаяся никакой поддержкой народа. Полярная противоположность этих штампов соответствовала линиям социально-политического раскола внутри капиталистических стран и усугублялась в 1930-х годах нарастанием международных противоречий в связи с приходом нацистов к власти в Германии и подготовкой ими новой мировой войны. Часть населения стран Запада (основной контингент собственников и средних слоев, некоторое число лиц наемного труда, вклю-

чая рабочих) воспринимала СССР как несвободное и недемократическое государство, в лучшем случае следующее утопическим курсом, а в худшем родственное фашистскому и нацистскому режимам в Италии и Германии. Другая часть (основной контингент «голубых воротничков» в промышленности, немало представителей научной и творческой интеллигенции, кое-кто среди собственников и в материально обеспеченном сегменте средних слоев) рассматривала Советский Союз и коммунистов вообще как единственную силу, способную дать отпор практиковавшемуся фашизмом социальному насилию и агрессивным устремлениям гитлеровской Германии на мировой арене.

Действенным фактором, влиявшим на отношение населения зарубежных стран к социальным процессам и событиям в Советском Союзе, было состояние самого западного общества. С одной стороны, по мере того как уходили в прошлое тяготы и лишения, связанные с Первой мировой войной, улучшалось материальное положение наемных работников, укреплялись позиции профсоюзов, уменьшался радикализм мировосприятия масс, усиливалась их аполитичность. С другой стороны, крупнейшая экономическая депрессия конца 1920-х – начала 1930-х годов, вызвавшая как в Европе, так и на американском континенте резкий рост безработицы, обнищание масс и поляризацию общества, усилила привлекательность советской модели развития, избежавшей всего этого благодаря директивным плановым методам ведения хозяйства. Плановое хозяйство объявлялось примером для капитализма в США (см., напр.: 48). «Очень важно, чтобы те черты русской системы, которые доказывают свою ценность, были использованы в системах других стран», – заявил один из членов делегации фабианских социалистов Великобритании, вернувшись из поездки в СССР в начале 30-х годов. В середине 30-х годов немалую популярность приобрел взгляд на СССР, суть которого отражал заголовок книги английских лейбористов супругов Сиднея и Беатрисы Уэбб – «Советский Союз – новая цивилизация?» (вопросительный знак в конце заголовка был чисто риторическим) (50). Иными словами, по мере того как весь мир становился по ходу XX в. все более взаимосвязанным и воспринимаемым как воплощение общего движения человечества от прошлого к будущему, люди, перерабатывающие в своем сознании потоки глобальной информации (разумеется, менее глобальной, чем сейчас, но уже всеохватывающей и массовой), все чаще задавались вопросом, какой из существ-

вующих путей развития и образцов государственно-общественной организации является предпочтительным.

С определенной долей условности можно следующим образом схематизировать противостоящие друг другу имиджи СССР в мировом общественном мнении в 1920–1930-х годах:

Негативный имидж	Позитивный имидж
<p data-bbox="113 363 535 592">Отсталая нищая страна с пассивным населением, не имеющим вкуса к частной экономической инициативе. Хозяйственные планы не выполняются, а отчеты об их выполнении фальсифицируются.</p> <p data-bbox="113 632 535 1187">Коммунистические вожди готовы принести любые человеческие жертвы ради претворения в жизнь своих идей и сохранения власти. Любое инакомыслие и гражданское неповиновение расцениваются коммунистической верхушкой как государственное преступление и караются смертной казнью либо заключением в концлагеря. В основе внешней политики лежат попытки столкнуть крупнейшие развитые страны друг с другом и провести коммунистические перевороты внутри каждой из них.</p>	<p data-bbox="557 363 967 624">Передовая страна, показывающая всему миру, что путь к социальной справедливости и гармоничному обществу лежит исключительно через ликвидацию частной собственности и директивное плановое хозяйство.</p> <p data-bbox="557 632 967 1091">Эти коммунистические идеалы разделяются практически всеми гражданами, ввиду чего властям нет нужды запрещать свободу слова и оппозицию. В тюрьмах сидят только настоящие вредители. Советское общество является единственно приемлемой альтернативой как западному капитализму, так и фашизму; Запад же стремится канализировать фашистскую агрессию против СССР.</p>

Эти имиджи не были жестко и перманентно «закреплены» за теми или иными социальными слоями зарубежных стран – и среди рабочих, представлявших основную часть электората левых партий на Западе, не все разделяли мировосприятие коммунистов; и в среде интеллигенции, лучше обеспеченной материально, многие искренне считали необходимыми радикальные перемены внутри капиталистического общества по примеру Советской России. Не

были данные имиджи и неизменными, поскольку испытывали постоянное давление динамики разноплановых событий и тенденций в мировой политике. Так, огромный урон позитивному образу СССР в Европе и Северной Америке нанесли пакт о ненападении, а затем и договор о сотрудничестве между Советским Союзом и гитлеровской Германией, раздел между ними Польши, советско-финская война, предпринятая Сталиным, чтобы захватить Карельский перешеек и отодвинуть государственную границу с Финляндией подальше от Ленинграда.

Каким образом менялось восприятие СССР представителями информированной части населения Запада на протяжении турбулентного предвоенного десятилетия, хорошо иллюстрирует пример американского историка и политолога Фредерика Шумана, в чьих работах симпатии к коммунизму зигзагообразно перемежались с неприятием методов и действий сталинской верхушки. Противоречивость и эклектичность позиций Шумана достаточно прямо увязывается с событиями того периода, что позволяет снова прибегнуть к схематизации причинно-следственных связей в возникновении стереотипов.

1937 год. Выходит книга Шумана «Международная политика» (42). Когда она готовилась к печати, еще не прошумели на весь мир московские процессы и автор еще не успел осмыслить и оценить сталинский террор, его корни и масштабы. Большевицкая партия характеризуется в книге как «самая сознательная в классовом отношении часть городского пролетариата», а советское общество – как воплощение «нового образа жизни», который выгодно контрастирует с состоянием пораженного кризисом западного общества.

1941 год. Шуман выпускает новую работу – «Ночь над Европой» (43). Позади пакт Молотова–Риббентропа и советско-финская война, но гитлеровская Германия еще не напала на Советский Союз. СССР объявляется агрессором и пособником фашизма, а советская система – «тиранией».

1941–1945 годы. Шуман выступает в периодической печати с призывами всемерно крепить союзнические отношения между западными державами и СССР во имя победы над общим врагом, а к концу войны подготавливает капитальную монографию «Советская внутренняя и внешняя политика» (44), в которой позитивно оценивает советский опыт, называя его «прогрессивным поиском пути решения человеческих проблем».

Эта оценка явилась лишь одним из свидетельств того, что через два с лишним десятилетия после Октябрьской революции 1917 г. в мире возникла ситуация, резко изменившая восприятие Советского Союза за рубежом и в значительной мере поломавшая многие из сложившихся в этот период представлений о СССР и коммунизме. Именно такую ситуацию создали Вторая мировая война и Великая Отечественная война как основная составляющая всемирного военного катаклизма 1939–1945 гг. Когда гитлеровский вермахт вторгся на территорию нашей страны, последняя оказалась естественным союзником западных держав, невзирая на полярность их ценностей и политических систем, а также все острее выходящие внешнеполитические противоречия между ними, существовавшие до этого. Как видно уже из динамики взглядов Ф. Шумана, население и общественное мнение крупнейших капиталистических стран быстро восприняло СССР как партнера по единой антифашистской коалиции, и это обусловило не только соответствующие изменения в содержании официальной пропаганды, но также серьезные сдвиги в отношении людей к коммунистам и тому государству, которое считалось оплотом мирового коммунизма. Поражения беспрепятственно захватившей пол-Европы Германии на Восточном фронте, последовавшие одно за другим начиная с зимы 1942 г., существенно усилили эти сдвиги. Хорошо известны слова Уинстона Черчилля, которые он как премьер-министр Великобритании адресовал Сталину как премьер-министру СССР: «Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед» (11, с. 310). А вот, без сомнения, искреннее мнение американского генерала Стилуэла: «Американцы выразят чувство своих собственных солдат, воздавая должное в особенности русскому солдату... В течение трех лет постоянной борьбы мы видели, как он вынес на себе всю тяжесть натиска немцев и разбил их. Он превзошел все достижения русских солдат в прошлых войнах, и все солдаты любой национальности горды тем, что они объединились с ним в этой войне. Весь цивилизованный мир должен особенно оценить заслуги центральной фигуры в этой борьбе – русского солдата» (12, с. 54).

Вторая мировая война заставила людей на всех континентах по-новому взглянуть на потенциал России и ее роль в международной политике. Возник гораздо более широкий, чем ранее, интерес ко всему, что происходило и происходит в нашей стране, к ее роли в мировых делах. «Рост этого интереса был настолько голо-

вокружительным, что в области изучения СССР обозначились перебор студентов и плачевная нехватка преподавательских кадров, – констатировал журнал “Славоник энд Ист-Юропиэн ревью”, имея в виду положение, сложившееся в США и Великобритании. – Начиная с весны 1943 г. (т.е. после Сталинградской битвы. – Ю.И.) интерес к русскому языку стал небывало высоким» (46).

Военные годы проложили новое русло теоретических представлений западной науки о советской системе. Если во второй половине 1930-х годов коммунизм все чаще рассматривался как антипод либерализма и леворадикальный аналог фашизма, то антифашистский союз западных демократий и СССР дал стимул надеждам не только на внешнеполитическое, но и внутривнутриполитическое их сближение. Питирим Сорокин, выдворенный из России большевистским правительством в 1922 г. и ставший одной из самых значительных фигур в американской социологии, в труде «Россия и Соединенные Штаты» заявил о наличии двенадцати сфер общественной жизнедеятельности (включая политическую), в которых эти две крупнейшие державы мира должны, по его мнению, все более уподобляться друг другу (47). Так родилась концепция конвергенции полярных социальных систем, которая и впоследствии спорадически проявляла себя в научной печати и публицистике, но никогда, по понятным причинам, не имела преобладающего влияния ни на Западе, ни тем более на Востоке.

После разгрома общего врага и окончания Второй мировой войны антагонистическая конфронтация капиталистической и коммунистической систем снова стала главной доминантой в формировании общественного мнения Запада о Советском Союзе, причем со временем ее значение в ряду других внешних и внутренних факторов мировосприятия постоянно возрастало. Во второй половине XX в. социальные противоречия капитализма оказались существенно смягченными, что привело к его кардинальной переоценке огромным большинством представителей всех классов и слоев населения стран Запада. Либерально-демократическая система проявила мощную способность адаптации к требованиям времени, которой не смог обнаружить в себе советский строй. В сфере международных отношений Запад и СССР схлестнулись еще более непримиримо, чем в предвоенный период, поскольку встал никогда ранее не возникавший столь остро вопрос о распределении зон политического, идеологического и экономического влияния в мире, в том числе и прежде всего о влиянии на будущее

той части европейского континента, которая была освобождена от фашизма.

В силу целого ряда причин советская система и модель развития оказались перенесенными, пусть и в модифицированном виде, на страны Восточной Европы, а затем стали приживаться и в неевропейском мире. Причин тому много: на начальном этапе переноса решающую роль сыграли присутствие Советской Армии во многих странах, облегчившее приход к власти местных левых сил, а также резкий рост популярности, влияния и организационных возможностей коммунистов, сражавшихся против фашизма с оружием в руках. Сложился общемировой феномен, именованный коммунистической пропагандой мировой социалистической системой, а западной пропагандой – советским блоком. Противостояние социальных тенденций и политических движений левой и правой направленности приобрело глобальный характер, усугублявшийся возникновением в результате антиколониальных революций Третьего мира и борьбой двух систем-блоков за позиции в этом мире.

Эта принципиально новая глобальная ситуация явилась тем главным фактором, на фоне которого развивались старые и формировались новые представления за рубежом о России и Советском Союзе. Заметим, что именно с конца 1940-х – начала 1950-х годов в крупнейших странах Запада стала складываться система учреждений, специально созданных для всестороннего изучения нашей страны, ее истории и всех аспектов современной жизни. Начиная с этого времени, в представлениях о России/СССР на Западе стали различимы разные уровни: концептуальный, научно аргументируемый и обыденный, складывающийся под воздействием средств массовой коммуникации, к которым добавилось (помимо прессы и радио) телевидение. Различия между ними не носили принципиального характера, ибо рождающиеся концепции и стереотипы нередко тесно корреспондировали между собой, отличаясь, во-первых, языком и терминологией, а во-вторых, условиями и скоростью формирования (научный анализ фокусировался на устойчивых социальных процессах и системных параметрах, в то время как публицистика реагировала прежде всего на события и быстротекущие изменения).

На протяжении нескольких послевоенных десятилетий сложилось восприятие СССР в рамках определенных теоретических посылок, которые фокусировали внимание на тех или иных сторонах советской системы. Выше упоминалась концепция конверген-

ции, которая не получила широкого распространения в науке и вовсе не прижилась в обыденном мышлении за рубежом. Суммируя все, что ему доводилось слышать и читать о России и Советах, средний европеец и тем более американец (будучи более провинциальным и менее восприимчивым к внешнеполитической информации, чем европеец) проникались сознанием, что, хотя все люди одинаковы, жизнь в далекой России существенно отличается от его собственного мира. И в самом деле, кто взялся бы доказать ему, что это не так? Индивидуальный опыт личного знакомства с далеким и незнакомым социумом, нередко корректирующий изначальные представления, в западном обществе был практически нулевым в отношении СССР. В тех же не столь уж многочисленных случаях, когда гости из-за рубежа получали реальные возможности увидеть хоть что-то в Советском Союзе вне официальной и жестко регламентировавшей программы, их выношенные суждения о советской системе оказывались в той или иной степени неблагоприятными для системы; суждения же о советских людях представляли амальгаму позитивных и негативных оценок.

Отсутствие полной и подробной информации о повседневной жизни в СССР вкупе с негативным восприятием советской системы облегчало возникновение стереотипов, концепций, понятий, терминов, относившихся к отдельным, как правило, весьма существенным аспектам советской действительности, но не дававших представления о стране в целом. По горячим следам свертывания человеческих контактов и ужесточения цензуры, которые были предприняты советской верхушкой сразу после окончания Второй мировой войны, возник устойчивый образ «железного занавеса» – с легкой руки Уинстона Черчилля, употребившего эту метафору в своей известной «фултонской речи» в марте 1946 г.; затем из этой метафоры родилось понятие «закрытого общества», нашедшее широкое применение как в массовой печати, так и в научных исследованиях. Полностью соответствовавшее реальной действительности, это понятие, однако, не претендовало на характеристику советской системы в целом. То же можно сказать о многих других терминах, с помощью которых западные политологи, социологи, экономисты на протяжении 1950–1980-х годов стремились определить сущность советской системы: «администрируемое общество», «моноиерархическое общество», «партийное государство» и т.д. (см. об этом: 7). Эти термины так и не вошли в сколько-нибудь широкий оборот, оставшись неизвестными большей части населения западных стран.

Отдельно следует сказать о концепции СССР как тоталитарного государства. Впервые термин «тоталитарное государство» появился в Италии в 1920-х годах, где теоретики – сподвижники Муссолини провозгласили создание такого государства конечной целью фашистского движения (дефиниции «тоталитарный», как и «тотальный», обозначают целостное единство и всеохватываемость, исключая внутреннюю оппозицию). Западные политологи очень быстро взяли термин на вооружение, употребляя его в 1930-х годах сначала в отношении нацистской Германии, а затем и Советского Союза. После Второй мировой войны появились уже развернутые научные труды о тоталитаризме как государственной и общественной модели; авторами наиболее известных были Ханна Арендт и Збигнев Бжезинский с Карлом Фридрихом (16; 23). И концепция, и термин на протяжении всей второй половины XX в. оставались на Западе референциями, наиболее часто используемыми для характеристики сути советской системы. Аналогичным образом сейчас они воспринимаются множеством, если не большинством россиян как самое адекватное определение власти, при которой не только право принятия жизненно важных для судеб нации решений, но и нормирование социальной жизни монополизировано правящей верхушкой (будь то политбюро или другая узкая группа людей) без консультации с обществом.

Влияние самой концепции тоталитаризма и порождаемых ею аллюзий и ассоциации на зарубежное общественное мнение было на протяжении всей второй половины XX в. более глубоким, чем влияние всех других концепций и представлений. В силу этого она служила объектом многочисленных исследований во всем мире, включая ряд работ автора данной главы (см., напр.: 7; 8). Здесь важно еще раз подчеркнуть, что имидж СССР как тоталитарного государства был спроецирован на традиционное восприятие России в качестве чуждой, непонятной, непредсказуемой, неевропейской страны. При желании очень легко аккумулировать темные краски в представлениях XIX, XX и XXI вв. и на любом витке осложнения отношений между Россией и другими крупнейшими мировыми державами предложить для массового потребления негативный образ Российского государства и россиян. Да и россияне тоже, как читатель мог видеть из цитировавшихся выше слов Уолтера Беделла Смита. Когда Советский Союз находился в стадии распада, прибалтийские политики охотно заимствовали из европейской печати нелестные отзывы о русских, которых, к примеру, шведская газета «Svenska dagbladet» еще в 1989 г. рисовала

«необузданными и дикими» (цит. по: 36, с. 5). А в середине 1990-х годов в одном из европейских *научных государствоведческих* журналов заявлялось, что в России есть Конституция, но нет граждан, для которых она предназначена (41).

Принципиальнейшая позиция отечественного россиеведа должна, на мой взгляд, заключаться в следующем. Как наши выдающиеся предшественники XIX в. сверхкритически относились к окружающей их действительности (о той же дикости и необузданности россиян писал, к примеру, Герцен), так и мы обязаны ясно видеть все негативные стороны собственного общественного бытия. Конечно, речь идет не о том, чтобы, упиваясь обличениями в массмедиа олигархов, чиновников и работников коммунального хозяйства, искать в них нечто созвучное своему мировосприятию. Профессиональный исследователь вооружен не только знанием фактов, но и методикой их анализа, а главное – стремлением к *объемному* видению предмета исследований. Аналитический труд по определению учитывает *все* факторы, стороны и условия формирования реальности. Как негативные, так и позитивные, и в особенности те, окончательная оценка которых еще ждет своего часа.

Но то, что аксиоматично для отечественной аналитики, должно тем более быть аксиомой для зарубежных наблюдателей, ибо «не судите, да не судимы будете» и судить об *ином* следует более сдержанно, чем о *своем*. Советская пропаганда всегда самым вопиющим образом нарушала эту заповедь – так должны ли профессионалы на Западе следовать ее примеру, подтверждая приведенный выше тезис о перемещении идеологизации с Востока на Запад? К сожалению, груз традиционных предубеждений осложняет обретение объективности многими западными наблюдателями современной России. Вспоминается сетование Н. Тургенева почти полуторавековой давности: «Теперь Европа плохо знает Россию, не желает знать ее, не хочет слушать, зажимает уши, когда ей говорят о России что-либо несогласное с ее предрассудками и предубеждениями» (14, с. 34). Эти слова могли бы быть сказаны и сейчас.

Можно понять, что в работах зарубежных авторов проявляется искреннее (у одних) и преувеличенное (у других) разочарование в переменах после 1985 и 1991 гг. В евроатлантическом мире в эпоху Горбачёва многие (как аналитики, так и просто интересующиеся Россией) прониклись иллюзиями относительно быстрого и безболезненного перенятия Россией западной политической системы и ценностей с признанием за Западом роли политического и

духовного поводыря. Вероятно, не будь почвы, хорошо унавоженной вековыми клише, не было бы ни завышенных ожиданий, ни торжествующего рефрена «мы же всегда говорили...». Легче и проще далась бы аксиома, что приобщение России к европейской политической культуре и ценностям может быть только естественным и долгим. Дольше, чем потребовалось оккупированной Соединенными Штатами Японии, причем, подобно последней, России незачем отказываться от всех своих цивилизационных особенностей. Возможно, прав профессор Оксфорда Арчи Браун: «Российский путь к демократии будет более мучительным и длительным, чем путь стран Центрально-Восточной Европы, но более обещающим, чем путь почти всех бывших советских республик, вошедших в СНГ» (22, с. 414).

Но прав и один из российских исследователей: «Чтобы иметь достойный имидж за рубежом, надо реально *быть* привлекательной страной, а не *казаться* ею» (10, с. 59).

Список литературы

1. Биллингтон Дж. Лики России / Пер. с англ. – М., 2001. – 248 с.
2. Биллингтон Дж. Россия в поисках себя / Пер. с англ. – М., 223 с.
3. Брода М. Русские вопросы о России / Пер. с польского. – М., 2005. – 301 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – 513 с.
5. Дурновцев В.И. Проблема «Россия и Запад» в русской историографии. Автореф. докт. дисс. – М., 1987. – 34 с.
6. Жид А. Подземелья Ватикана. Фальшивомонетчики / Пер. с франц. Возвращение из СССР. – М., 1990. – 636 с.
7. Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: Уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. – М., 1990. – № 6. – С. 172–190.
8. Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. – М., 1993. – № 1. – С. 3–17.
9. Итенберг Б.С. Российская интеллигенция и Запад. Век XIX. – М., 1999. – 232 с.
10. Кортунов С. Россия: Не сердиться, а сосредоточиться // Россия в глобальной политике. – М., 2005. – Т. 3. – № 5. – С. 51–61.
11. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Т. 1. – М., 1957. – 407 с.
12. Ржешевский О.А. Правда и ложь о Второй мировой войне. – М., 1983. – 334 с.
13. Стейнбек Дж. Русский дневник / Пер. с англ. – М., 1989. – 144 с.
14. Турганев Н. О нравственном отношении России к Европе. – Лейпциг, 1869. – 66 с.
15. Adenauer K. Briefe 1945–1947. – Berlin, 1983.

16. Arendt H. The origins of totalitarianism. – N.Y., 1966. – XXI, 526 p.
17. Aron R. The crisis of European idea // Government and opposition: A journal of comparative politics. – L., 1976. – Vol. 11, N 1. – P. 5–18.
18. Baranovsky V. Russia: A part of Europe or apart from Europe? // Contemporary Russian politics / Ed. by A. Brown. – N.Y., 2001. – P. 429–442.
19. Billington J. Soviet attitudes and values: Prospects for the future // The USSR and the sources of Soviet policy. A seminar sponsored by the Council on Foreign Relations and The Kennan Institute for Advanced Russian Studies. – Wash., 1978.
20. Billington J. 10 theses for understanding Russia // America and the Russian future: Transcript of a conference sponsored by The Embassy of the RF in the USA and The Kennan Institute / Paper N 252. – Wash. August 1993. – 85 p.
21. Blackwell W. The beginnings of Russian industrialization, 1800–1860. – Princeton, 1968. – IX, 484 p.
22. Brown A. Russian transition in comparative and Russian perspective / Social research. – N.Y., 1996. – Vol. 63, N 2. – P. 403–415.
23. Brzezinsky Z., Friedrich C.J. Totalitarian dictatorship and autocracy. – Cambridge (Mass.), 1956. – XVI, 439 p.
24. Custine A. de. Journey of our time: The Russian journals of Marquis de Custine / Ed. and transl. by General W.B. Smith. – Chicago, 1951.
25. Dukes P. October and the world: Perspectives on the Russian revolution. – L., 1979. – VIII, 224 p.
26. Fairbanks Ch.H. The feudalization of the state // Journal of democracy. – N.Y., 1999. – Vol. 10, N 2. – P. 47–53.
27. Forsythe F. In: «Daily Express». – Lnd., 2007. – 19th July (<http://inosmi.ru/stories/06/11/20/3496/235640.html>).
28. Gerschenkron A. Economic backwardness in historical perspective. – Cambridge (Mass.), 1962. – 456 p.
29. Gleason J.H. The genesis of russophobia in Great Britain: A study of the interaction of policy and opinion. – Cambridge; London, 1950. – IX, 314 p.
30. Gorer G. The people of Great Russia: A psychological study. – N.Y., 1950. – 256 p.
31. Hellie R. The structure of modern Russian history: Toward a dynamic model // Russian history / Histoire russe. – Tempe (Arizona), 1977. – Vol. 4, pt. 1. – P. 3–22.
32. Hingley R. The Russian mind. – N.Y., 1977. – VIII, 307 p.
33. Hosking G. The awakening of the Soviet Union. – L., 1991. – 246 p.
34. Krasnow W.G. Richard Pipes' foreign strategy: Anti-Soviet or anti-Russian? // Russian review. – N.Y., 1979. – Vol. 38, N 2. – P. 73–76.
35. Laue Th.H. Sergei Witte and the industrialization of Russia. – N.Y., 1963. – 360 p.
36. Neumann I.B. Russia as Europe's other / EUI working paper. – Florence, 1996. – 54 p.
37. Pipes R. Russia under the old regime. – L., 1974. – XXII, 361 p.
38. Ragsdale H. Détente in the Napoleonic era. Bonaparte and the Russians. – Lawrence (Kansas), 1980. – XII, 183 p.
39. Rawlinson H. England and Russia in the East: A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia. – L., 1875. – XVI, 393 p.
40. Riasanovsky N. A history of Russia. – 3rd ed. – N.Y., 1977. – XX, 762 p.

41. Rose R. Russia as an hour-glass society: A constitution without citizens // East-European constitutional review. – Summer 1995. – Vol. 4, N 3. – P. 34–42.
42. Schuman F.L. International politics. – N.Y.; L., 1937. – XXI, 789 p.
43. Schuman F.L. Night over Europe. – N.Y., 1941. – XV, 600 p.
44. Schuman F.L. Soviets at home and abroad. – N.Y., 1947. – 664 p.
45. Seton-Watson H. George Kennan's illusions: A reply // Encounter. – L., 1976. – Vol. 46, N 5. – P. 24–33.
46. Slavonic and East-European review. – L., 1947. – April. – P. 529–530.
47. Sorokin P. Russia and the United States. – N.Y., 1944. – 253 p.
48. Souls G. Chaos or control? Russia's economic initiative // The new republic. – N.Y., 1932. – 30 March. – P. 175–179.
49. Toynbee A. Russia's Byzantine heritage. – L., 1947.
50. Webb B., Webb S. Soviet communism: A new civilization? – L., 1935. – XII, 1174 p.
51. Wittfogel K. Oriental despotism. A comparative study of total power. – New Haven, 1957. – XIX, 556 p.

Глава 2

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ КАК ДОМИНАНТА ОБРАЗА РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ

Русская политическая культура XX столетия (ее корни, бытование, эволюция, трансформации) является важной темой зарубежной науки. Гибель советского коммунизма, распад СССР, попытки нашей страны осуществить очередные «великие реформы» не могли не возбудить исследовательский темперамент россиян. При этом следует подчеркнуть, что наиболее интересные и продуктивные работы были написаны в (примерно) последние три десятилетия прошлого века. Это связано с двумя обстоятельствами. В первой половине этого периода уже можно было изучать **зрелый, свершившийся** коммунизм и, соответственно, подводить предварительные итоги. Во втором, когда все это рухнуло, пришло время для вынесения приговора – эксперимент завершился. Ну, и началась новая история России. Которая, в свою очередь, потребовала повышенного к себе внимания.

Характерным для всей этой литературы является ее «историкоцентричность». Большинство авторов стремятся понять настоящее и строить предположения относительно будущего через призму прошлого, опираясь на фундамент ретроспективных штудий. В этом отношении весьма характерным является исследование В. Пфайлера «Исторические условия формирования русской политической культуры» (6).

Исходная позиция немецкого ученого сводится к следующему. Во-первых, имеется континуитет политической культуры России: от древнейших времен до эпохи социалистической диктатуры. И только с конца 80-х годов XX в. что-то действительно начало меняться. Во-вторых, политическая культура России находится на низком уровне. В-третьих, на почве **такой** политической культуры

здесь произошло нечто весьма отличающееся от остальной Европы.

Далее Пфайлер называет основные черты политической культуры России.

- **Духовная жизнь развивалась в условиях изоляции.** «Изда громадных размеров страны русские всегда были оторваны от основных духовных и интеллектуальных движений человечества. Природные богатства давали возможность не включаться в международное технологическое сотрудничество. Но и само политическое руководство страны почти всех эпох ее истории видело в этой оторванности России от мира преимущество» (6, с. 15–16). Даже в периоды относительной открытости миру духовные импульсы, которые шли извне, развивались далее в условиях изоляции. Это перерабатывало западные влияния в соответствии с русской нормативной и ценностной системами. Речь идет не только о славянофилах, но и о западниках, а также впоследствии и о марксистах. Одним словом, перед нами *изоляционистская политическая культура*.

- **Византийская традиция.** Политическая культура России сформировалась под большим воздействием Византии. В первую очередь, это представление об универсалистском иерархизированном порядке, в рамках которого индивид включен в коллективные структуры, а эти структуры являются частью Божественного Космического Порядка. Кроме того, это концепции единства царской и имперской идей, государственной религии и государственной церкви. «Не будет большой ошибкой квалифицировать эту имперскую идею как политическую теологию» (там же, с. 18). После революции эта идея нашла свое выражение в коммунистическом федерализме. Византийские корни находит Пфайлер и в религиозно-нравственном восприятии политического, характерном для русских. Это можно обнаружить и в доктрине «Москва – Третий Рим», и в советском коммунизме. *Ключевое слово русской политической культуры – спасение*, как в его религиозном, так и в профанном измерениях.

- **Не было спора об инвеституре.** История России практически не знает конфликта светской и духовной властей. С православной точки зрения царь и патриарх едины в духе. Империя и церковь образуют один государственно-церковный организм.

- **Не было Возрождения.** Поэтому столь слабы в политической культуре России элементы индивидуализма.

- **Не было Реформации.** Как следствие, не была поставлена проблема свободы совести. Отсутствуют толерантность и культура компромисса; не проведено отграничение мировоззренческих ценностей от политических.

- **Образование государства предшествовало созданию нации** (в Европе наоборот). В связи с этим *русское государство есть государство по преимуществу территориальное* (в отличие от западного nation-state), а ранее еще и *династическое*.

- **Не было собственного (самостоятельного) Просвещения.** Оно было заимствованным. В результате не возникли ни рациональный тип мышления, ни рациональные способы управления страной. Произошла абсолютизация некоторых сторон Просвещения, например, роли и значения науки в социальной жизни. Науковерие встало на место религиозной веры.

- **Не было индивидуалистического рыцарства.** В истории Европы с ним связаны такие добродетели, как мужество, дисциплина, служение женщине, защита бедных и слабых. Но в первую очередь – становление индивидуализма.

- **Отсутствие традиций правовой государственности.**

- **Отличный от европейского тип развития социальной структуры.** В России не только церковь не была отделена от государства, но и экономика от политической власти. Поэтому не возникли буржуазия и революционное буржуазное сознание, которое во многом определило политическую культуру Запада. Вместо буржуазии образовался другой социальный слой, оказавший огромное воздействие на русскую культуру XIX в. Это – так называемая интеллигенция; обозначать ее как «Bildungsbürgertum» не совсем верно. Интеллигенция взяла на себя политические функции отсутствующего третьего сословия.

- **Дефицит демократических традиций.** Византийский монизм, три века монгольского господства и далее три века царского самодержавия раздавили те немногие ростки политического участия, которые время от времени пытались подняться из русской почвы (6, с. 18–27).

Обратим внимание на то, что Пфайлер трактует русскую политическую культуру с помощью каталога ее дефицитов. То есть исходя из того, чего в ней не было. Но эти дефициты одновременно суть главные отличительные черты европейской культуры. Иными словами, получается, что Россия – это Европа наоборот. Россия квалифицируется как некая отрицательная сумма (и целостность) положительных (и исторически осуществившихся) запад-

ных качеств. Более того, если следовать подобной логике, Россия является не просто принципиальной Не-Европой, но – Анти-Европой.

Не менее «разоблачающ» и негативен (в интенции и по отношению к России) пафос другого ретроспективного исследования, посвященного политической культуре нашей страны. Оно принадлежит перу американского специалиста Э. Кинэна (5). Он предпринимает попытку фальсификации ряда основополагающих (по его мнению) мифов политической культуры России. И хотя внешне работа носит исторический характер, ее выводы проецируются автором на современность (именно в этом труд Э. Кинэна интересен нам).

Вот эти мифы:

- Московское государство, ядро и «план» будущих Российской и Советской империй начинает формироваться в XIV в. и являются главным и прямым наследником Киевской Руси;

- признание себя преемницей Киева было для Москвы идейным обоснованием необходимости восстановить единство киевского пространства; на практике это вылилось в экспансионистскую политику по отношению к соседним княжествам; в истории эта политика известна как «собираение русских земель»;

- московские князья стали вождями всего русского народа (включая украинцев и белорусов) в значительной степени вследствие их выдающейся роли в борьбе против татарского ига;

- в этой борьбе и в других войнах московские князья достигли больших успехов, поскольку теснейшим образом сотрудничали с Русской православной церковью, верной продолжательницей и хранительницей культурных (духовных и политических) традиций Византии;

- это последнее обстоятельство нашло свое выражение в том, что русская церковь сформулировала концепцию «Москва – Третий Рим», согласно которой Московская Русь является последним прибежищем Царства Христова; тем самым на Москву возлагается ответственность за «результаты» мировой истории;

- первые большие завоевания Москвой территорий, на которых проживало нерусское население (Казань и Астрахань в середине XVI в.), идеологически оправдывались богоугодностью проведения антитатарского крестового похода и христианского миссионерства;

- присоединение белорусских и украинских земель стало воссозданием былого киевского единства Руси; это «объединение»

воодушевлялось опасениями за судьбы православных, находившихся под пятой католиков.

Итак, пишет Кинэн, одна из важнейших идей всех этих мифов – утверждение за Москвой статуса преемника и наследника «по прямой» Киева. Перефразируя известное выражение, можно сказать: «Москва – это Киев сегодня». Однако, возражает автор, где факты, говорящие об этом? Московская политическая элита конца XV–XVI столетий весьма смутно представляла себе историю Киевской Руси, да и, по существу, не выдвигала претензий на наследие Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Для доказательства этого тезиса Кинэн предлагает два хотя и «косвенных», но очень убедительных, по его мнению, свидетельства.

1. Иван III создает новый архитектурный облик Москвы. Но в названиях этих громадных храмов и светских построек не было ничего, что символически связывало бы их с Киевом. «Импортировали» названия из Владимира и Суздаля; Десятинной же церкви или Бориса и Глеба, или Св. Софии в Москве не было. Не унаследовали киевских названий и ворота Московского Кремля. Кстати, на большинство из них прикрепили надписи на латинице, а не на кириллице (следствие того, что строили иноземные, итальянские в первую очередь, мастера). Ничего киевского не несет в себе и наиболее национально-эмблематический храм XVI столетия – Василия Блаженного. Все его главы (купола) названы по именам святых Северной Руси или по дням (т.е. тоже по святым) важнейших сражений Казанской кампании. Когда Борис Годунов достраивал Кремль и возводил знаменитую колокольню (у этого первого нерюриковича на царском престоле был план перестроить Москву), он ни разу не вспомнил о Киеве. Вообще в Москве конца XV – начала XVII в. не обнаружено ни одной реминисценции из киевской эпохи. Полная историческая амнезия и дисконтитуитет, заключает Кинэн.

2. Автор предлагает обратить внимание на имена, которые носили представители московской политической элиты. «Не стоит особо объяснять то, **какую** роль **это** играет в любой культуре» (5, с. 8). У нас есть сведения из эпохи Ивана Грозного. Десять наиболее популярных имен имели 70% русской знати. Первые два места, что вполне естественно, занимали династические имена. 20% носили имя Иван, 10% – Василий. Но вот что поразительно, отмечает Кинэн: практически полное отсутствие имен Киевского периода (Игорей, Святославов, Мстиславов и др.). Владимиров было менее 1%, Глебов – менее 3%. «Московская знать предпочитала называть

своих сыновей Темиром или Булгаком, но не Владимиром, Глебом, Всеволодом» (там же, с. 9).

Продолжая тему отсутствия прямого преемства между Москвой и Киевом, Кинэн подчеркивает следующее: а) около десяти политических образований (включая Литву и Молдову) вписали в себя многие существенные черты культуры Киева: веру в харизму потомков киевской династии князей-воинов, восточнославянскую версию православия, правовой (судебный) язык; б) большинство жителей будущего Московского государства – это славяне, которые пришли не из Киева, а из районов современной Белоруссии и Новгородчины; в) конечно, Иван III был прямым потомком Владимира Святого по мужской линии, но таких князей-потомков были сотни и сотни в Московском государстве, других русских государствах, Литве и Польше; г) в дипломатической переписке с Польско-Литовским королевством Иван III, говоря о расширении территорий Великого княжества Московского, ссылался на свое право вотчинника. Но – никогда на своих предков киевских князей. Кстати, тот же язык использовался, чтобы оправдать захваты территорий балтийских и финноугорских народов, которые никогда не входили в Киевское государство. Вообще, всякий ирредентизм (воссоединение или объединение по этнографическим и лингвистическим признакам) был абсолютно чужд Ивану III и его потомкам (это касается и поглощения новгородских, украинских и белорусских земель); д) один из важнейших политических символов московских царей – шапка Мономаха по официальной версии перешла в Москву из Киева. Однако есть весьма веские причины утверждать, что она была изготовлена в 1330-е годы, возможно, для хана Узбека (5, с. 10).

В не менее резкой манере Кинэн рассматривает «миф о татарском иге». Все письменные источники, по его словам, свидетельствуют не о героической борьбе Москвы против «беззаконных сарацин», а об их *прагматическом* и тесном сотрудничестве. Автор напоминает о следующих – достаточно известных – фактах. Василий II заключил с ханом Улу Магметом союз против своих православных двоюродных братьев. Крымский хан Менглет-Гирей оказал Ивану III и Василию решающую поддержку при завоевании Новгорода и Пскова. На Ногайскую орду опирался Иван IV в своей войне против Казани и Астрахани. Постоянные посольства, обмен ценными, в том числе и символическими дарами, породные правящих верхушек Сарая и Москвы – это и многое другое

говорит не об «иге», а о **симбиотических отношениях**, делает вывод Кинэн (5, с. 12).

Повторим: эти «разоблачения», эта «демифологизация» имеют характер не столько исторический, сколько политический. И направлены они не на интерпретацию прошлого (хотя, конечно, и на это тоже), но – настоящего. Смысл прост: сегодняшняя (т.е. XX в.) неевропейская и нередко антиевропейская русская политика коренится в соответствующей политической культуре. Это – весьма распространенная среди зарубежных русистов точка зрения. Не скажем, что весьма «продуктивная». И здесь хотелось бы обратить внимание на то, что более глубокие и релевантные подходы к изучению политической культуры России мы (неожиданно!) можем обнаружить в работах не специально русистических, а общетеоретических, в трудах классиков социальной мысли Запада.

Так, интересные наблюдения, касающиеся *природы политической культуры России*, имеются в книге Э. Фёгелина «Новая наука политики: Введение» (15). По его мнению, центральная проблема теории политики (или политической теории) – проблема представительства. И потому адекватный исследовательский путь ведет от описания «институтов представительства» к постижению сути представительства как формы, в которой политическое общество обретает свое историческое бытие. И далее – к анализу символов, позволяющих политическому обществу интерпретировать само себя в качестве «представителя трансцендентальной правды» (15, с. 17). В конечном счете, говорит Фёгелин, мы неизбежно придем к выводу, что сменяющие друг друга самоинтерпретации – суть фазы исторического развития этого общества.

Здесь важно подчеркнуть, что сам феномен представительства трактуется Фёгелином совершенно не так, как это принято в политической науке. Для него представительство («представительные институты») прежде всего является способом выражения неких трансцендентальных ценностей.

Если поместить рассуждения Фёгелина в контекст нашей темы, то можно сказать так: тип представительства определяет тип политической культуры. Русский вариант представительства, считает он, в наиболее полном виде выражен в концепции «Москва – Третий Рим». Сама же эта концепция рассматривается им как одна из разновидностей, модификаций учения Иоахима Флорского.

Фёгелин призывает обратить особое внимание на то, в **какую** эпоху идея «Москва – Третий Рим» достигает пика популяр-

ности и происходит ее институционализация. Это период правления Ивана IV и Федора I. В это время Запад переживает становление национальных государств (Англия, Франция, Испания) и Реформацию. Идет процесс разрушения имперских структур, европейское общество раскалывается на нации и церкви. Напротив, именно в XVI столетии Россия начинает свой имперский путь и осваивает роль наследницы Рима. Автор подчеркивает: в западном смысле Россия никогда не была нацией, это – **культурный круг**, в котором этнически задают тон великороссы и который сформировался в политическое общество посредством символической самоинтерпретации в качестве продолжателя дела Рима.

Запад очень долго не понимал, продолжает Фёгелин, что Россию нельзя мерить европейскими мерками и для понимания этого **мира** нужны иные категории. В то время когда в Европе недоумевали, почему Иван IV отказывается получить королевскую корону из рук германского императора, этот русский царь всюду занимался строительством собственной империи. Он уничтожил феодальную знать и на ее место поставил знать служилую. В ходе этой кровавой операции (режим опричнины) в России выкристаллизовалось новое социальное устройство, которое на века вперед определило судьбу этой страны и в модифицированном виде сохраняется поныне. В трансцендентальном смысле Россия отличается от всех государств Запада тем, что является представителем христианской правды. В социальном – тем, что в рамках усвоенной ею общественной организации царь есть «экзистенциальный репрезентат (представитель)». Поэтому представительные институты, существующие в европейских «нациях-государствах», здесь никогда не могли прижиться. Уникальность России одним из первых (1802) понял Наполеон, заявив, что в мире он видит только две нации: Россию и Запад (15, с. 164–165).

Таким образом, в России сформировался *sui generis* трансцендентально-экзистенциальный тип представительства. Процесс европеизации, интенсивно развивавшейся с конца XVII в., практически не изменил основ социального устройства. Можно говорить о вестернизации отдельных слоев знати, но в целом она не превратилась в аристократическое сословие, умеющее артикулировать и защищать собственные интересы. Единственный раз в русской истории это сумели сделать декабристы. Но сразу же после этого события А.С. Хомяков и другие славянофилы разрабатывают антизападническую философию истории, получившую весьма широкое распространение в образованных кругах общества. Славянофиль-

ство возрождало апокалиптическую идею Третьего Рима и возвещало о мессианско-эсхатологической роли России в истории человечества. У Ф.М. Достоевского славянофильское мессианство превращается в (на редкость) амбивалентную утопию самодержавно-православной России, которая когда-нибудь завоюет мир и создаст действительно свободное общество. В этом социуме все христиане обратятся к подлинной вере (православию). Секуляризированный вариант этой утопии был положен в основу русской диктатуры пролетариата. Она должна была обеспечить покорение мира и учреждение марксистского царства свободы. Пореформенный период русской истории (1861–1917), когда общество пыталось самоопределиваться по либерально-западному образцу и выработать иной тип представительства, так и остался эпизодом, не имевшим последствий и продолжения¹. После Октябрьской революции народ как целое вновь оказался в холопской шкуре в старомосковском смысле; номенклатура же заняла место служилой знати. Если опричнина Ивана Грозного опиралась на аграрную экономику, то коммунистическая опричнина, во много раз более сильная и эффективная, – на индустриальную.

Скажем, однако, – для равновесности – несколько слов и в защиту профессионального западного россиеведения. Нередко мы читаем работы высокого научного уровня, в том числе и по политической культуре. В качестве примера укажем на исследование американского ученого Ф. Баргхурна (см.: 1).

По его мнению, доминантной политической культурой Советского Союза была культура КПСС и ее руководящих работников. Эту доминантную культуру можно квалифицировать как идеологическую, фанатичную, элитистскую и подданнически-партиципаторную (1, с. 261).

Баргхурн полагает, что основа советской политической культуры – воинственная верность идеологии марксизма-ленинизма. Элитистский аспект связан с господствующими позициями КПСС. В рамках политической культуры СССР доктрина и власть переплетались так тесно, как нигде. При этом они (идеология и власть) взаимно легитимизировали друг друга. Подданнически-партиципаторный² характер был обусловлен комбинацией обязательного подчинения и обязательного участия.

¹ Э. Фёгелин не предполагал, что в России в конце XX столетия произойдет антикоммунистическая революция.

² Этот термин из концепции «political culture» Г. Алмонда.

Исследователь подчеркивает, что было бы ошибкой квалифицировать советскую политическую культуру как бюрократическую и авторитарную по преимуществу. Пожалуй, ее идеологическое измерение – важнее. Причем идеология представляет собой смешение утопическо-идеалистического и прагматическо-реалистического начал. Подобно тому как это было в политической культуре раннего капитализма, утопические и идеалистические цели достигаются только упорным трудом, строгой дисциплиной и т.п. То есть идеология в советской политической культуре играет организационную и мобилизационную роль. Три раза в истории XX столетия коммунистическая идеология была систематизирована: в программах партии – 1903, 1919, 1961 гг. Последняя программа КПСС (1961) – по сравнению с предыдущими – носит консервативный характер. Речь в ней в основном идет о средствах, с помощью которых советский народ в обозримом будущем может достичь высокого уровня благосостояния. Кстати, именно в программе 1961 г. автор обнаруживает трудовую этику и ценности индустриализма, свойственные эпохе молодого капитализма. Иными словами, идеология со временем приобретала все более и более инструментальный этос. Соответственно таковой становилась и политическая культура СССР.

Особая роль в советской политической культуре принадлежит Ленину. Точнее, у этой символической личности целый ряд ролей: пророк, герой, учитель, образец, первоисточник власти и др. Все последующие коммунистические вожди (Сталин, Хрущёв, Брежнев) черпали свою легитимность именно в Ленине. Он, по словам Ф. Баргхурна, был действительнодемиургом этого порядка: а) разработал коммунистическую теорию и создал партию нового типа; б) привел эту партию к власти; в) заложил основы советской системы: «однопартийную демократию» и полностью управляемую государством экономикой (1, с. 263).

Ряд интересных наблюдений над политической культурой России/СССР можно обнаружить в работах западных исследователей 90-х годов XX в., т.е. написанных уже после гибели коммунизма.

В. Айхведе (Германия) (2) подчеркивает, что конец Советского Союза означает для россиеведения смену «парадигмы анализа». Коммунистический эксперимент исследователь квалифицирует как контрпроект западному буржуазному порядку. Для того чтобы понять причины заката СССР, необходимо адекватное представление о сталинизме. О системе, которая не предполагала

реформ, не была органически способна к сущностной трансформации. Все попытки изменить что-либо в содержательном плане блокировались социальными структурами, созданными Сталиным.

В. Айхведе пишет, что большевики ощущали себя людьми, с одной стороны, призванными творить историю на основании «познанных» ими законов исторического развития, а с другой – исходя из этого же знания, стоящими над историей. Потому что находились в состоянии эйфории – все возможно, все дозволено. Такого рода люди пришли к власти в стране, на поколения отставшей от Европы, находившейся в состоянии хаоса и распада. В стране с традиционно слабой, «неотчетливой» социальной структурированностью. С обществом, которое было обязано своим существованием государству. Это в конечном счете привело к этатизации революции, к тому, что единственным инструментом, оказавшимся в руках большевиков, был государственный авторитаризм.

Система, созданная большевиками, не имеет исторических аналогов. Коммунистическое государство не признает разделения властей, прав человека, не покоится на общественном договоре. Оно ничем не ограничено – никакими правовыми установлениями. Подобное государство «санкционировано» партией; сама же партия находит себе легитимацию в метаисторических химерах. Ленинское «партийное государство» возникает как смешение добуржуазных авторитарных традиций и большевистской версии социализма.

Коммунистическая система страдает патологией. Эту патологию можно квалифицировать как властную. Система постоянно стремится ко все большему объему власти. Щупальца этой власти распространяются на все клетки социума. Русский коммунизм полностью теряет общественное измерение. Этому состоянию соответствует господствовавшее в большевистской верхушке убеждение, что, овладев современной техникой и технологией, можно добиться всего, например, в отсталой стране за несколько лет создать передовое во всех отношениях общество. Для Ленина, Бухарина и других вождей социализм – это организация экономики на тех же принципах, на которых управлялась немецкая промышленность в период Первой мировой войны, плюс структура Советов. Классовая политика трансформируется в политику индустриализации, происходит «американизация» большевизма, социализм срастается с техницизмом.

Одновременно в рамках сталинского режима происходит невиданное доселе подчинение экономической рациональности и иррациональности власти. Противоречия, возникающие в недрах порядка, решаются насилием. Идет обвальное метастазирование насилия во все клетки социального организма. Кровавая иррациональность происходящего прикрывается мифологической гигантоманией, которая усиленно насаждается в сфере идеологии и обыденного сознания.

Автор указывает на социально-психологические различия ленинизма и сталинизма. Носителем ленинизма (по преимуществу) был бывший политэмигрант, работавший в рядах французских социалистов или немецких социал-демократов; его политическая социализация прошла в эмигрантских кафе европейских столиц. Во многом поэтому ленинизм был ориентирован на горизонтальное распространение революции – на Европу, на весь мир. Это – тип горизонтальной мобилизации. Носителем сталинизма являлся провинциальный партийный работник «из простых», чей горизонт был ограничен той губернией, где он провел почти всю свою жизнь. Поэтому лозунг «социализм в одной стране» был ему близок. Сталинизм есть ориентация на вертикальное распространение революции, тип вертикальной мобилизации. Причем это была мобилизация как снизу вверх, так и наоборот: из низов в большевистское вельможество и из «больших начальников» – в лагерь. Оба потока были крайне интенсивны.

Переходя к оценке сегодняшней ситуации, автор подчеркивает, что революционеры 1991 г., как и их предшественники в 1917 г., столкнулись с фундаментальной проблемой – слабостью российского общества. По сути дела, отсутствуют структуры, на которые могла бы опираться новая власть, т.е. речь идет не о поиске социальной базы для проведения реформ, а о необходимости ее возникновения. Значит, вновь Россия стоит перед опасностью «этатизации реформ». Вместе с тем, говорит В. Айхведе, ссылаясь при этом на мнение М. Гефтера, август 1991 г. имеет для России еще большее значение, чем октябрь 1917 г. «Август» – это выход России из оков традиционного общества. «Современность» (modernity) понимается как открытость, разделение властей и признание за правом его конститутивного значения. Россия **должна** стать современным обществом. Альтернативы этому нет.

К. Зегберс (Германия) в книге «Советская система, перестройка и смена системы: Кризис и формы его проявления. Постсоветская трансформация в России» (11) отмечает, что если мы

хотим лучше понять современность, то должны попытаться по-новому осмыслить природу и генезис коммунизма.

Сегодня очевидно, что в контексте мировой истории этот эксперимент окончательно провалился. Это впервые дает нам возможность анализировать данный феномен во всей его целостности, на всех этапах его развития. Зегберс выделяет следующие ключевые моменты истории коммунизма: Октябрьская революция (1917), нэп (1921), принятие первого пятилетнего плана и установление классической советской системы (1928), середина 30-х годов, война, последовавшая за ней «холодная война», XX съезд КПСС (1956), попытки реформ в 60-е годы, взлет СССР как второй сверхдержавы (закреплено в договоре SALT-1, 1972), кризисный 1979 год и начавшаяся в 1985 г. перестройка.

Автор подчеркивает, что развал советской системы не отменяет факта ее 70-летнего весьма устойчивого существования. Он не согласен с теми западными исследователями (Ш. Фитцпатрик, Д. Скотт, М. Левин, В. Заславский и др.), которые квалифицируют социальную модель СССР как однозначно антагонистическую. В качестве примера Зегберс приводит взаимоотношения советских властных элит, которые строились на основе и в рамках своеобразного консенсуса. Это, безусловно, придавало системе жизнестойкость.

Далее Зегберс указывает на основные отличительные черты классической советской модели:

- детерминированность политики (внутренней и внешней) и экономики марксистско-ленинской идеологией, а также императивом традиционных имперских интересов;
- крайне высокая степень централизации процесса принятия решений в экономике, что привело к исчезновению реального субъекта хозяйственной жизни;
- огосударствление экономики и общества, возникновение некоего «государственного образования», функционирующего на основе репрессий и террора против всех без исключения «автономных интересов»;
- непомерное разрастание военно-промышленного комплекса и вооруженных сил, ставшее перманентной угрозой всему миру;
- принудительная нивелировка культурных и национальных различий в регионах и республиках СССР;
- редукция «высокой культуры» к канонизированному социалистическому реализму и массовой культуры к «народности»;

– сведение всего государственно-политического пространства к пределам Московского Кремля, организационно – к узкому кругу всевластных лиц, функционально – к КПСС, к земляческим или непотическим связям; к персональным конфликтам и конкуренции.

Эти отличительные черты образуют идеальный тип советской модели. Но их явно недостаточно, чтобы составить адекватное представление о том, как эта модель функционировала на практике. Для описания советского коммунизма Зегберс предлагает ввести в научный оборот следующие понятия:

– «институционализированный плюрализм» (прежде всего в КПСС и других руководящих учреждениях);

– «группы интересов» (в советском смысле – не как классы в соответствии с их местом в процессе производства, а как группы давления в рамках неформального управления системой);

– «корпоративизм» (в советском смысле – как исходящая из духа самой системы необходимость в консенсусе);

– «экстенсивный способ производства» (производительность труда растет только при условии новых инвестиций: капитала, труда, ресурсов, земель);

– «бюрократический торг» (тайна планирования и раздачи привилегий);

– «soft budget constraints» (противоположность закону стоимости: страховка против риска, которому может быть подвергнуто любое предприятие, и основа социального консенсуса);

– «double talk» (разделение общественной и политической сфер как основ стабильности и общественного договора).

Именно эти понятия, по мнению автора, необходимы для формулирования новой теоретической модели, с помощью которой можно будет точнее описать феномен советского коммунизма и то состояние, в котором ныне находится посткоммунистическое русское общество. Новые подходы нужны и для ответа на такие вопросы: каковы в реальности были исходные условия системной трансформации, получившей название «перестройка»? Каким образом Россия встанет (и встанет ли вообще) на западный путь развития? Какие проблемы Россия унаследовала от своего дореволюционного прошлого и с какими принципиально новыми проблемами сталкивается она в конце XX в.?

Зегберс полагает, что с 1987 г. Советский Союз находился в тисках двух кризисов. Первый кризис – это полностью обнажившаяся в 70-е годы несостоятельность советской модели развития

(в первую очередь экономического). К середине 80-х годов эта модель трещала по швам. Ответом, реакцией на этот кризис стала перестройка, в ходе которой в стране окончательно возобладала дестабилизация, а «советский человек» из очень плохих, но привычных условий был выброшен в хаос. Это и есть второй кризис. Одну из основных причин истощенности классической советской модели автор видит в том, что построенная на принципах экстенсивности экономика достигла своих предельных возможностей. И даже в количественном отношении была не в состоянии служить опорой второй сверхдержаве. Уже не было ни валютных, ни демографических, ни сырьевых ресурсов, т.е. всего того, что и составляло силу советского режима.

В начале 90-х годов в бывшем Советском Союзе сложилась крайне специфическая ситуация (исторически встречающаяся очень редко): возможно почти все, почти ничего нельзя исключить. Авторитаризм, фашизм, неконтролируемый распад, хаос, стабилизация и прорыв к выздоровлению – для любого из этих сценариев можно подыскать вполне серьезные аргументы.

По мнению Х.-Х. Хёмана (Германия) (3), после долгих лет стагнации, которые лишь казались эпохой стабильности, СССР пережил подряд четыре глубочайших провала. В конечном счете советская империя не выдержала и разрушилась. **Провал первый:** экономическая система не вынесла перенапряжения и пошла вразнос. Те политические цели, которые ставило перед собой советское руководство, требовали гораздо бóльших хозяйственных ресурсов, чем их имелось в СССР. Кроме того, дальнейшее развитие общества предполагало и могло основываться лишь на принципиально более высоком уровне производительности труда, чем тот, что был достигнут в Советском Союзе. Таковы вкратце причины развала хозяйственной системы. **Провал второй:** не удалась и перестройка. Основная причина **этого** провала – сущностные противоречия самой задачи. Все изменить, не меняя ничего. Все перестроить, но не трогать господства КПСС, марксистско-ленинской идеологии и социалистических форм собственности. Неудачи перестройки связаны и с тем, что методы (гласность, демократизация), которыми она осуществлялась, были полностью чужды духу Системы. **Провал третий:** восстание реакционных сил не прошло (путч августа 1991 г.). Слишком интенсивным был уже процесс дезинтеграции старого порядка, слишком скомпрометированы были уже его сторонники, слишком утвердились уже новые социально-политические элиты. **Провал четвертый:** после путча у

М.С. Горбачёва не получилось сохранить Союз и продолжать реформистскую политику в рамках общесоюзного пространства.

По мнению автора, центральным сегодня является следующий вопрос. Уход со сцены Советского Союза увеличил ли шансы на становление в большей части этой громадной империи системы рыночного хозяйства или, напротив, хаос, разрыв всех связей, межэтнические конфликты и т.п. означают **пятый провал**? Х.-Х. Хёман очень осторожен в своем прогностическом анализе. Есть аргументы «за» и «против» любого – и позитивного, и негативного – варианта развития. Особенно беспокоит немецкого ученого отсутствие такого важнейшего элемента реформ, как «средний класс». Именно наличие «среднего класса» есть преграда на пути люмпенизации общества и поляризации политических сил. «Средний класс» – это то, что могло бы смягчить острейшую борьбу старой (административно-бюрократическая номенклатура) и новой («демократы» и «предприниматели») элит. Вместе с тем несомненно положительное воздействие на ход событий оказывает та революция политического сознания, которая прошла в бывшем СССР во второй половине 80-х – начале 90-х годов. Формирующийся на наших глазах тип массового политического сознания можно квалифицировать как «современный».

Х. Тиммерман (14) (Германия) осторожно взвешивает шансы на демократическое и недемократическое будущее нашей страны. Он видит две основные политические силы: национал-демократов и национал-патриотов, которые по сути дела продолжают и воспроизводят в новых исторических условиях конфликт славянофилов и западников XIX в.

Автор констатирует: до сих пор все попытки европеизации России удавались лишь отчасти. Русский империализм сумел доказать, что он есть историческая константа. Однако, замечает Тиммерман, будущее совсем не обязательно за ним. Как бы ни относиться к коммунизму, но в его рамках в России была осуществлена модернизация. Конечно, эта модернизация имеет прежде всего технико-промышленное измерение. Построено индустриальное государство, но не индустриальное общество. Эта специфическая модернизация привела к атомизации общества, к тому, что крайне затруднены процессы артикуляции социальных интересов, создания различных «промежуточных» структур. Вместе с тем в России возникла промышленно-урбанистическая цивилизация. Это и годы перестройки, бывшие периодом социально-психологической эман-

сипации российских граждан, дают основание надеяться на возможность перехода страны к системе либеральной демократии.

Одна из наиболее серьезных опасностей, поджидающих сегодня Россию, – проблема формирования государственности. 17% населения принадлежат к нацменьшинствам, 120 наций и народностей проживают в РФ. Федеративный договор явно не удовлетворителен. С проблемами подобного рода европейские страны сумели справиться лишь после многих десятилетий потрясений и неустойчивости. Найти эффективное решение в этой сфере политики крайне сложно.

В России это еще обостряется поиском государственностью своей новой идентичности. Распад СССР, гибель коммунизма означали и потерю идеологической легитимности. Национал-патриоты вместо утраченной коммунистической идеологии пытаются выработать философию русского национального интегрализма. Ее образуют две основные компоненты: национально-коммунистическая и национально-религиозная. Трудность положения национал-демократов заключается в том, что по сей день для большинства русских остается открытым следующий вопрос: в каком соотношении находятся основные национальные традиции и либерально-демократические ценности? То есть речь идет об органичности последних для российской истории.

Слабость новой (посткоммунистической) институциональной системы и политических партий резко увеличивает шансы тех или иных лидеров харизматического толка. Сильный президент, не имея противовесов в лице эффективной законодательной и судебной власти, создав вертикальную властную структуру, постепенно превращается в авторитарного диктатора. Это замедляет процесс формирования гражданского общества. По мнению Тиммермана, Россия нуждается в установлении «контролируемого президентского режима». Он также надеется, что со временем сформируются две основные политические коалиции – правоцентристская, которая будет ориентирована на экономический либерализм и защищать интересы предпринимательского класса, и левоцентристская, которая будет отстаивать принципы социальной справедливости.

Г. Зимон (12) (Германия) происходящее в нашей стране квалифицирует как «антиреволюцию». Эта антиреволюция разрушила самую стабильную и наиболее удачливую из всех существовавших тоталитарных систем. У народов бывшего СССР появились шансы на демократию и рыночное хозяйство. Правда, подчеркивает Зи-

мон, шансы – это еще не демократия и рыночное хозяйство, а только шансы.

Однако сам по себе феномен антиреволюции принципиально нов – ведь гитлеровский рейх был уничтожен извне. Здесь же главным разрушителем системы оказалось руководство КПСС. То есть во многих отношениях это был процесс саморазрушения.

Антиреволюция имела три основных измерения. **Первое.** Марксизм-ленинизм, фундамент легитимности советского коммунизма, рухнул как карточный домик. **Второе.** Утеря коммунистами власти означала, что из системы «выдернут» системообразующий, центрирующий ее элемент. **Третье.** На месте государства – СССР – возникли 15 самостоятельных государств. Вполне возможно, что процесс государствообразования на территории бывшего Союза еще не закончился. Во всяком случае, то, что происходит ныне, совершенно беспрецедентно и не имеет исторических аналогов.

Автор также полагает, что антиреволюция уже прошла свой пик, свой апогей. В настоящее время происходит смена господствующих тенденций: демонтаж, разрушение уступают место созиданию, формированию новых структур. Это свое мнение Зимон мотивирует тем, что в целом дело «очистки стройплощадки» сделано. Сегодня у России и ряда других государств бывшего Союза неплохие виды на будущее. Здесь немаловажное значение имеет и та историческая победа, которую к концу XX столетия либеральная демократия одержала над тоталитарной диктатурой. Если в первой половине века однопартийный террористический режим был для Европы чем-то обычным, нормальным, то сегодня он воспринимается как абсолютное зло, как нарушение фундаментальных принципов человеческого бытия.

Далее автор ставит чрезвычайно важный вопрос: почему гибель политической системы привела к гибели государства – СССР? В истории неоднократно случались дезинтеграции политических систем, но, как правило, это не затрагивало существования государств как таковых. Причины синхронного исчезновения политической системы, по-видимому, заключаются в следующем.

1. Советский Союз как государство был создан КПСС. Конец КПСС лишил это многонациональное государство всякой основы, всякой легитимности для дальнейшего существования. Кроме того, организационный распад КПСС означал, что у государства – СССР – больше нет инструмента интеграции.

2. Закат государства – СССР – обусловлен и тем, что последние десятилетия неуклонно шел процесс формирования альтернативы ему: наций¹. Это – парадокс. В результате 70-летнего господства идеологии и политической системы, ориентированных на уничтожение всего национального, нации, составлявшие СССР, лишь укрепились. И потому развал Союза нельзя объяснить просчетами политиков, квалифицировать как «историческую неудачу» и т.п. Конец московско-петербургско-советского централизованного государства был подготовлен ходом исторического развития, логикой исторического процесса. На смену ему идут «нации-государства».

После Второй мировой войны в СССР быстро формируются национальные элиты, которые постепенно становятся носителями национального сознания. В рамках наций происходит и становление «среднего слоя». Но именно в рамках нации, а не советского народа как «новой исторической общности». Совершенно различной была природа лояльности и самоидентификации эстонского врача, русского инженера и азербайджанского учителя. И далеко не случайно, что после роспуска СССР на сцену истории вышло не гомогенное и бесструктурное постсоветское общество, но – нации. Наличие нации предотвратило всеобщий хаос, структурировало пространство бывшей империи.

Однако нация как основной субъект исторического, социально-политического и правового процесса, нация как инструмент и способ преодоления коммунистической диктатуры и ее наследия – это не всегда однозначно положительно. Да, только идей демократии, правового государства и рыночной экономики для мобилизации масс явно недостаточно; необходимо придать всем этим идеям национальное измерение. Вместе с тем европейский опыт показывает, что путь в демократию через национализм чреват страшными опасностями. Демократически ориентированный национализм может незаметно переродиться в этнократию и расизм.

Г. Веттиг (16) (Германия) подчеркивает, что под покровом советского тоталитаризма скрывалось национальное, которое представляло собой антиимперскую, партикулярную тенденцию.

¹ Разумеется, Г. Зимон употребляет понятие «нация» в строго научном смысле слова. Его трактовка «нации» близка той, что дал этому феномену немецкий политолог М. Хеттих: организованный в государство и обладающий политическим самосознанием народ.

После распада СССР и всего социалистического лагеря национальное вышло наружу, на поверхность, стало во многих отношениях господствующим. К сожалению, констатирует автор, западная наука недооценила значения поднимающего в Восточной Европе голову национализма. Это явление было столь странным и противоречащим, как казалось, духу эпохи, вектору исторического развития, что поначалу его попросту не замечали (или стремились не замечать). Действительно, в западном мире происходит складывание больших, наднациональных структур. Национальная же идея – это что-то принадлежащее межвоенному периоду, но никак не дню сегодняшнему – дню интеграции национальных общностей в организмы более высокого порядка.

Согласно Веттигу, между западноевропейским и восточноевропейским национализмами имеется существенное различие, и состоит оно в следующем. Если в Западной Европе национализм в общем и целом сыграл положительную роль, – он был теми дрожжами, на которых возшло современное государство, – то в Восточной Европе, напротив, национализм раскалывает государства. Кроме того, восточноевропейский национализм практически не содержит в себе демократическую компоненту. Он вырос (в основном) как сопротивление национальному угнетению. В нем мало конструктивного и созидającego, толерантного и компромиссного.

Автор обращается к хорошо известному, но одновременно малоосмысленному в науке факту. В паспортах советских граждан национальная и государственная принадлежности раздвоились. К примеру: «украинец» и «гражданин СССР». Таким образом, ни одна нация в рамках Советского Союза не имела «своего» государства. Это – с одной стороны. С другой – вроде бы имела: союзные республики, автономные и т.д. В целом подобная ситуация крайне способствовала возбуждению национальных чувств. И когда центральная власть несколько ослабила свой контроль за местами, все скопившееся недовольство и притязания усилившихся региональных элит оформились в движения за национальное освобождение от диктата великорусской Москвы.

А. Игнатов (4) (Германия) рассматривает политико-идеологическую полемику в современной русской научной литературе. Он указывает на подъем в России консервативно-националистического фундаментализма, отвергающего ценности либеральной демократии и рыночного хозяйства и утверждающего великодержавность и богоносность русского народа. Для теоретиков этого

движения характерна апелляция к идеям славянофильского и панславистского круга XIX столетия. Автор подчеркивает тесную связь национализма и политической реакции в России. В европейских странах два этих явления далеко не всегда шли и идут рука об руку.

Особо отмечается возникновение принципиально нового феномена в рамках российской идеологии – национал-большевизма. По мнению автора, этот «духовный гибрид» представляет повышенную опасность. Это – совершенно иррациональное соединение коммунистического, националистического и православного начал. Но каждое из них имеет крепкие органические корни в русском сознании, и именно поэтому их комбинация столь опасна. Происходит, так сказать, мобилизация всех без исключения антилиберальных и антиевропейских наличных сил.

По сути близка национал-большевизму и идеология евразийства, которая становится в России все более заметной и популярной. Причем в отличие от классического евразийства 20-х годов нынешние сторонники этой концепции делают упор на союз России – Евразии с Западной Европой против Америки. Отцы-основатели евразийской доктрины были, как известно, последовательными антиевропеистами. Разумеется, и современные евразийцы выступают в роли критиков европейского пути. Однако акцент делается на том, что объединяет Россию (точнее: правоконсервативное ее понимание) и Европу (точнее: Европу, о которой мечтают праворадикальные идеологи Старого Света).

В целом Игнатов пессимистически смотрит на ближайшее будущее России. Он предрекает господство ретроградных иррациональных идеологий. Россия вновь окажется в плену тоталитарной утопии, и это, в свою очередь, окажет негативное воздействие на ситуацию в мире.

К. Шлэгель (9) (Германия) подчеркивает, что русский XX век определил не 1917 г., а 1914. Взрыв самодержавия не был следствием агонии и стагнации отсталой, неразвитой страны, как это часто утверждают. С 90-х годов XIX столетия Россия очень быстро модернизировалась. Роковым для нее оказалось участие в Первой мировой войне. Социальная мобилизация привела к перенапряжению, так что революция в определенном смысле стала формой выхода из войны.

Таким образом, коммунистическая власть была порождением войны. Сегодня на наших глазах произошла гибель милитаризованного коммунизма, кончился режим, который с первого дня

своего существования был режимом чрезвычайных, военных и исключительных мер. Был эпи феноменом мировой войны. Автор призывает отказаться от идеологического рассмотрения советского коммунизма и исследовать его в контексте европейской эпохи мировых войн.

К сожалению, замечает Шлэгель, наука пока не сумела выработать понятий, адекватно описывающих коммунистический порядок. Теория тоталитаризма слишком многое упрощает и оставляет вне поля зрения. Но мы обязаны попытаться проникнуть в «тайну истории». Той истории, в которой миллионы людей были уничтожены, но одновременно другие миллионы обрели свое счастье. Конечно, можно говорить только о жертвах, страданиях, разрушениях. Но такой подход вряд ли оправдан. Ни человек, ни общество не в силах «выскочить» из тех обстоятельств и условий жизни, в которых они находятся исторически. Россия не могла выбирать, по какому пути ей идти. И открытым остается главный вопрос: чем объясняется то, что именно Россия в этом столетии заплатила самую высокую цену за разлом европейского общества?

По убеждению автора, в современной России складываются новые типы политических идеологий. В целом Шлэгель квалифицирует их как весьма опасную комбинаторику советского и западного, современного и архаичного. Эти идеологии суть одновременно продукт распада советского сознания и попытка ответа на вызов переломного времени. Пора отказываться от устаревших, когда-то классических категорий «славянофильство» и «западничество», «либералы» и «коммунисты». Эти категории уже не отражают реальности, упрощают и искажают ее. Хотя, безусловно, новое русское политическое сознание будет декорироваться в некоторые цвета славянофильской мысли. Вместе с тем русская философская традиция сыграет в процессе формирования этого сознания цементирующую роль. Оно будет русским, постсоветским и европейским.

Что касается будущего России, то здесь Шлэгель занимает позиции осторожного оптимизма. Силы, которые могли бы интегрировать распавшийся мир, говорит он, сильнее, чем это думают на Западе. Немецкого исследователя поражает та воля к жизни, которую он почувствовал во время своих последних посещений России. Ничто не свидетельствует об агонии. Распад Советского Союза – это большая удача для русских. Наконец-то они смогут заняться собой.

Европа решает свои проблемы в рамках, внутри своего общества, что делает последнее сильным и независимым. Россия всегда решала внутренние проблемы за счет их «отчуждения» вовне, за счет расширения, распухания, экспансии. Бессильное российское общество расплывалось по огромным пространствам. Оно не было субъектом русской истории. Сначала самодержавное государство, затем коммунистическое определяли судьбу страны.

Шлэгель касается также одной из наиболее болезненных для русского сознания тем – «Россия и Европа». С некоторых пор, пишет ученый, стала модной тема возвращения России в Европу. В действительности же Россия всегда была важнейшей и неотъемлемой частью Европы. Он резко возражает против удобного, по его выражению, тезиса о том, что коммунизм есть современная форма «азиатчины». Гораздо вернее мнение, согласно которому Россия в этом столетии оказалась «местом излома» европейской цивилизации. И если говорить о ее возвращении в Европу, то это возвращение российского общества в европейское общество.

Одной из наиболее впечатляющих попыток анализа русской политической культуры является работа Г. Зимона (к его идеям мы уже обращались чуть раньше) «Будущее из прошлого: Элементы политической культуры в России» (13).

Развал коммунистического режима, гибель Советского Союза означали, что противостояние «Запад – Восток» окончилось. Один из двух контрагентов исчез с исторической сцены. Следствием этих изменений стало рождение надежды, постепенно перераставшей в убеждение: скоро в бывших коммунистических странах утвердится западная политическая и экономическая система, которая доказала свое преимущество и жизнеспособность. Казалось, что «единый мир», уже вроде бы и существовавший в телефаксах, компьютерах, мгновенных авиационных полетах, вот-вот станет политической реальностью. Вновь ожила концепция конвергенции, но в модифицированном виде: не сближение капитализма и коммунизма, но «подключение» Восточной Европы к Западу на основе либерально-демократического капитализма.

Старые иллюзии сменились новыми. И это вполне объяснимо. Стало совершенно очевидным, что ранее резко переоценивались стабильность советской системы и ее способность постепенно эволюционировать от террористического сталинизма к чему-то более привлекательному. Кроме того, тема о возможности гибели коммунизма была на Западе до конца 80-х годов табуирована.

Здесь явно недооценивалась притягательная сила свободной системы.

Ныне иные опасности: в превращенном виде могут возродиться прежние предрассудки и иллюзии. На Западе ожидали, что восточноевропейские страны будут вести себя «по-европейски», что в самые ограниченные сроки они достигнут стабильности и т.п. Поскольку же происходит нечто другое, то это воспринимается как отступление от единственно правильного пути, как возвращение в коммунизм, как неблагодарность «за все хорошее». В действительности же дело заключается в принципиальном многообразии европейских стран. Причем это многообразие коренится в глубинах политической ментальности.

Уход коммунизма со сцены означает для России и стран Восточной Европы возвращение в историю (автор квалифицирует большевизм как явление внеисторическое). И поскольку это именно возвращение, то поиск ориентиров для будущего ведется в прошлом. Для России и русских центральным вновь стал основной вопрос их истории (во всяком случае, со времен Петра I): отношение России к Европе. Является ли она интегральной частью Запада? Или его «окраиной» и принадлежит к нему лишь отчасти? А может, Россия – это Азия? Эти философско-исторические вопросы имеют и практическое измерение. Какой путь преобразований адекватен «природе» России? Искать ли образцы проведения реформ в Европе? В Азии? В собственной истории?

Зимон констатирует, что, как и в эпоху Смуты начала XVII столетия, как и в период революции этого века, Россия переживает сегодня кризис идентичности. И выход из этого кризиса будет, по-видимому, схожим с тем, что было в двух предыдущих случаях, – дистанцирование от Европы. Понять, почему Россия всегда выбирает именно этот путь, – вот важнейшая тема для российских историков. Автор предлагает свой вариант ответа: на основе анализа политической культуры России.

Политическая культура – это такое направление политической науки, в рамках которого ставятся вопросы о том, что есть **типичное для этого общества**, каковы **возможные** условия для политического процесса. «Политико-культурные» исследования объясняют, почему институты власти данного общества, невзирая на все революции, сломы, смуты, перестройки, демонстрируют удивительную сохранность (не по форме – по существу). Они всегда равны самим себе. К примеру, на русских политических инсти-

тудах лежит вечный отпечаток авторитаризма, на немецких – регионализма.

Автор подчеркивает, что концепция политической культуры не сыграла значительной роли в деле изучения коммунизма. Однако в последние годы, после исчезновения коммунистического порядка, она все чаще и чаще оказывается в центре внимания самых разных исследователей. Это связано с тем, что надежды на относительно быстрое построение правового государства и рыночной экономики в посткоммунистических странах, и в первую очередь, конечно, в России, улетучились. И основная причина состоит не в каких-то субъективных факторах (неспособность политиков, отсутствие навыков и профессионализма предпринимателей и т.п.), но в чем-то глубинном, в том, что складывалось столетиями.

По мнению Зимона, главной родовой чертой политической культуры Московского государства, возникшего в эпоху позднего Средневековья, было самодержавие. То есть власть, стоящая над обществом, над политической борьбой, власть – абсолютно ни от кого и ни от чего не зависящая, неограниченная. Этим Московское государство принципиально отличалось не только от своих соседей на Западе и Востоке, но и от Киевской Руси. Образование власти, стоящей над и по ту сторону общества и политики, было одновременно достижением и обузой Московского царства. Причем самодержавие возникло задолго до европейского абсолютизма, внешние черты которого придал русской власти Петр I.

Еще две черты русской политической культуры автор квалифицирует как определяющие. **Первая.** Московское русское государство не является преемником ни Киевской Руси, ни Византии. Здесь не было *translatio imperii*, как в случае с империей Каролингов. Идеология «Москва – Третий Рим» – это миф XIX столетия, который славянофилы и западники использовали для «сочинения русской истории» в соответствии с их собственными целями. Таким образом, русское развитие действительно уникально; оно ни в чем не имеет корней и ничего не наследует, не продолжает. **Второе.** Развал политического центра всегда ведет к «смуте» в обществе и гибели государственного устройства (начало XVII в., 1917 г., 1991 г.). Восстановление же власти является основной предпосылкой для преодоления кризиса (выбор на царство Михаила в 1613 г., победа Ленина в Гражданской войне в 1921 г., победа Ельцина в событиях сентября-октября 1993 г.).

Лишь при наличии **такой** власти, подчеркивает исследователь, можно говорить о стабильности государства и общества.

В рамках политической системы России постоянно существуют «частичные власти», которые время от времени пытаются конкурировать с властью. В конечном счете эти «частичные власти» исчезают с исторической сцены. Следовательно, сильная президентская власть вполне релевантна природе русской политической культуры. Напротив, принцип разделения властей чужд ей. То, что Конституционный суд может отменить решение президента, или то, что с помощью системы сдержек и противовесов законодательная и исполнительная власть уравнивают друг друга, является «вызовом» всему историческому опыту России.

Выдающимся политическим достижением московских князей Зимон называет их отказ от принципа наследования верховной власти, практиковавшегося в Киевской Руси и других восточнославянских землях. Здесь властью располагал не тот или иной князь, а весь княжеский род. Этот коллективистский принцип господства (и наследования) не позволял создать сильное государство (в соответствии с этим принципом, к примеру, четвертый сын обладателя престола имел равные права со старшим сыном первого сына обладателя престола; т.е. дядя и племянник в одинаковой степени претендовали на верховную власть; все это приводило к бесконечным междоусобицам). В течение XIV–XV столетий московские князья «выработали» принцип примогенитуры (власть переходит от отца к старшему сыну; власть есть исключительная привилегия *данного* лица, но не княжеского/царского рода). Этот принцип примогенитуры был основополагающим для большинства западноевропейских династий.

Большевистская диктатура по существу соединила принцип вождизма с самодержавной традицией. Все попытки ввести «коллективное руководство» оканчивались полной неудачей. Лишь имея во главе неограниченного правителя, советская политическая система обретала высокую эффективность. Но в отличие от самодержавной коммунистической системе не удалось создать механизм передачи власти, ее наследования. Это и стало одной из важнейших причин «заката» СССР. В 1996 г. Россия впервые в своей истории оказалась в ситуации «юридической необходимости» провести смену власти демократическим путем – через альтернативные выборы. Если это произойдет, писал за год до этого Зимон, то можно утверждать: в политической культуре России произошли кардинальные изменения.

Ссылаясь на мнение американского ученого Э. Кинэна, автор подчеркивает, что «всемогущий и Богом поставленный царь»

есть центральный миф русской политической системы. Причем это все и вся в России организующий миф держался на двух китах. Если властитель лично был не в состоянии управлять страной, от его имени это делали те, кто составлял ближайшее окружение венеценосца (позднее – генерального секретаря). Но все они не имели и малейшего шанса выступить сами по себе, а лишь в качестве исполнителей воли человека № 1. Таким образом, обеспечивалась непрерывность осуществления власти *одним*, «награжденным» божественной харизмой (в советское время – закономерностями истории). Это – первое. Второе заключается в том, что процессы принятия властью решений всегда окутаны тайной. То есть власть функционирует в условиях принципиальной *негласности*. Негласность же обеспечивает максимальную прагматичность и гибкость в проведении политического курса. Никто и никогда не знает, что именно предпримет власть; да и самой власти в высшей степени легко менять свои позиции.

Зимон обращает внимание и на еще одну фундаментальную характеристику русской политической культуры: государство признавалось всеми эманацией княжеской (царской) воли. На практике это выражалось в сверхцентрализме московской системы. В такой ситуации абсолютно все органы и институты управления теряли свой «самостоятельный», автономный *raison d'être*. Их существование имело единственную причину и оправдание – власть московского правителя. Отсюда, кстати, во многом проистекает поразительная (с европейской точки зрения) неразвитость, неэффективность системы местного управления.

Подобный тип власти, делает вывод автор, блокирует возможности эволюционного изменения системы. Поэтому здесь нередко случаи краха всего порядка. Что же касается политической культуры, то ее потенциал постепенного развития, мирного перехода из одного состояния в другое – самый незначительный в Европе. Великобритания, находящаяся на крайнем Западе Европы, и Россия, на ее крайнем Востоке, представляют собой примеры прямо противоположных политических культур.

Далее Зимон развивает традиционную для западной политической науки тему о сильном государстве и слабом обществе в России, об отсутствии частной собственности (точнее, неразвитости этого института), о бесправии русских сословий (включая дворянство), о почти отсутствовавшей разделительной линии между публичным и частным, о мощи и живучести общинных традиций, о несколько странной функции князя-царя – быть первым, самым

богатым предпринимателем в стране и т.п. Традиционным является и упоминание о крайне низком уровне мировоззренческой толерантности политической культуры России. Так, до 1905 г. запрещался выход из православной церкви, нельзя было не принадлежать тому или иному религиозному исповеданию. Что же касается этнически русских, то их место было только в рамках православной церкви. В политике насильственной атеизации страны после революции автор усматривает перверзивное продолжение того курса, который проводился властью и церковью в дореволюционный период.

В России, продолжает автор, сложилась консенсуальная политическая культура. Но характер русского консенсуса разительно отличается от консенсуса европейского. Консенсуальное решение в России не есть результат свободного волеобразования, но – результат насилия, санкций, угроз (типологически схож с процессом принятия решений в крестьянской общине). Отсутствует либеральная культура спора (дискуссии) – основа западного демократического парламентаризма. Различные точки зрения воспринимаются в России как нечто преходящее, неподлинное, ненужное, как то, что необходимо преодолеть. За всем этим кроется глубокое убеждение в том, что имеется *одна* правда и что политика, подобно философии или религии, обязана ей служить. Мышление в категориях целостности и завершенности является старой и прочной традицией. Политика, как и прежде, недостаточно секуляризирована и подчинена в гораздо большей степени абсолютному и статически понимаемой справедливости, нежели возможному. В результате общество отворачивается от политики.

Немецкий исследователь повторяет и подчеркивает: русская консенсуальная политическая культура вырастает из традиций и обычаев общины, крестьянского мира. В общине все решал сход – собрание глав семей. Господствовало обычное право, личный авторитет участников схода ценился неизмеримо выше формальных договоренностей. Крестьянский идеал консенсуса имел свое соответствие в духовно-религиозной сфере. Речь идет о соборности, концепция которой была разработана в прошлом веке славянофилами. В идее соборности первенствующее значение отводилось теме целостности всех верующих и тому, что христианская любовь, цементирующая эту целостность, гораздо важнее самих церковных институтов и процедур.

Но не находится ли идеал консенсуса в противоречии с идеалом самодержавия, вопрошает автор. По его убеждению, два

этих идеала дополняют друг друга. Особенно ярко это проявилось в годы большевистской диктатуры, когда принцип вождизма по существу сросся с принципом консенсуальности. Лидер КПСС стал носителем и рупором консенсуса. Вообще же русская история показывает, что культура консенсуса обеспечивает большие достижения, но вместе с тем она чревата внезапными взрывами, катаклизмами. Дело в том, что эта культура принципиально не умеет решать конфликты. Либо одна из конфликтующих сторон уничтожается, либо конфликтная ситуация загоняется вовнутрь. Это ведет к увеличению конфликтного потенциала и, в свою очередь, к вырождению системы. Культура конфликта, культура западного открытого общества строится на совершенно иной основе. Перманентность конфликта признается здесь фундаментальной характеристикой общества. А его главной задачей – постоянное преодоление конфликта. На этом зиждется консенсус европейской чеканки. Консенсус в Европе – в отличие от России – генетически не запрограммирован, его следует искать, а затем и поддерживать.

С консенсуальностью политической культуры тесно связана, полагает автор, «склонность» русских верить в то, что против них постоянно плетутся заговоры. Россия – классическая страна теорий заговоров. Во всем плохом виноваты иноземные силы. Но ведь иначе в рамках **такой** культуры и быть не может. Здесь же все согласны друг с другом и покорны власти. И господствуют здесь не-гласность, не-легальность, подпольность; здесь все поклоняются культуре тайны. А это и есть питательная среда для теорий и просто слухов о злокозненных заговорах.

То же касается партий. Их существование в рамках консенсуальной политической культуры «подозрительно». Ведь партии отстаивают не общий интерес, а интересы партикулярные, групповые. В этом смысле на высоте оказался Б.Н. Ельцин, не присоединившись ни к одной из них. Более того, и он, и его противники (наиболее проникательные) из непримиримой оппозиции стремились объединить в нечто цельное, хотя бы отчасти управляемое многочисленные политические партии и группировки. Отсюда – «Договор об общественном согласии» и «Согласие во имя России». Это и есть попытка реализации идеи соборности в современной политике, полагает Г. Зимон. Или, по определению А. Ципко, на которого ссылается немецкий ученый, – «договорная демократия». Этот тип демократии, по-видимому, адекватнее природе политической культуры России, чем традиционная европейская демократия с борьбой партий, выборами, парламентаризмом.

Автор подчеркивает, что в политической культуре России центральную роль играют личности, люди, а не институты. Власть олицетворяется одним человеком. Вот основа удивительной стабильности русской политической культуры. Институты приходят и уходят, а «власте-человек» остается. В такой системе нет места для права, для формализованных отношений. Их заменяют своеобразные патронажно-клиентельные отношения. Государство всегда было клиентелой царя или генерального секретаря.

Обозримое будущее России, согласно автору, труднопредсказуемо. Свои надежды на то, что Россия все-таки вырвется из «бесконечного тупика», Зимон связывает с регионализацией политической и социально-экономической жизни страны. Децентрализация власти, переход ряда важных полномочий и прав в регионы – это первый шаг на пути преодоления «русского имперского государства». Развитый регионализм против диктатуры центра – вот рецепт кёльнского профессора.

Список литературы

1. Comparative politics today: A world view / Ed. by Almond G.A. – Boston; Toronto: Little, Brown, 1974. – 477 p.
2. *Eichwede W.* Stalinismus und Modernisierung // Osteuropa. – Köln, 1992. – Jg. 42, N 12. – S. 1029, 1036.
3. *Höhmann H.-H.* Die Wirtschaft Russlands in der GUS: Krise, Desintegration und Perspektiven für Konsolidierung und Systemwechsel // Russland und Deutschland – Nachbarn in Europa. – Baden-Baden: Nomos, 1992. – S. 102–121.
4. *Ignatow A.* Die «russische Idee» in der gegenwärtigen Diskussion: Die russische Identität und die «Neue Ideologen». – Köln: BIOSt, 1992. – S. 102–121.
5. *Keenan E.L.* On certain mythical beliefs and Russian behaviors // Russian Littoral Project. – Maryland, 1993. – N 1. – P. 1–35.
6. *Pfeiler W.* Historische Rahmenbedingungen der russischen politischen Kultur // Russland auf dem Weg zur Demokratie?: Politik und Parteien in der Russischen Federation. – Paderborn e.a., 1993. – S. 13–42.
7. *Raeff M.* Understanding the Imperial Russia: State and society in the old regime. – L., 1990. – 304 p.
8. *Raeff M.* The people, the intelligentsia and Russian political culture // Political studies. – Cambridge, 1993. – Vol. 41. – P. 93–106.
9. *Schlögel K.* Das sowjetische Erde löst sich in tausend Stücke auf / Polit. Studien. – München, 1992. – Jg. 53, N 1, H. 321. – S. 4–12.
10. *Schlögel K.* Die Jankees vom Arbat // Frankfurter Allg. Ztg., 1944. – 24 Sept. – S. 14.

11. *Segbers K.* Sowjetsystem, Perestrojka und Systemwechsel: Eine Krise und ihre Existenzformen. Die postsowjetische Transformation in Russland. – Ebenhausen: Stiftung Wiss. u. Politik, 1992. – 112 S.
12. *Simon G.* Die Entstehung neuer Staaten auf dem Territorium der früheren Sowjetunion // Russland und Deutschland – Nachbarn in Europa. – Baden-Baden, 1992. – S. 13–36.
13. *Simon G.* Zukunft aus der Vergangenheit: Elemente der politischen Kultur in Russland // Osteuropa. – Köln, 1995. – Jg. 45, N 5. – S. 455–482.
14. *Timmermann H.* Was erwartet Europa von Russland // Russland und Deutschland – Nachbarn in Europa. – Baden-Baden, 1992. – S. 191–218.
15. *Voegelin E.* Die neue Wissenschaft der Politik: Eine Einführung. – München, 1959. – 264 S.
16. *Wettig G.* Nation und Konflikt in Osteuropa nach dem Zusammenbruch des Kommunismus. – Köln: BIOSt, 1992. – 48 S.
17. *White St.* Political culture and Soviet politics. – L.; Basingstoke, 1979. – XIII, 234 p. – Bibliogr.: p. 191–192.

Глава 3

РОССИЯ ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ В XX СТОЛЕТИИ

XX век был и для немцев, и для русских веком стремительных перемен, сопровождавшихся миллионными жертвами и трагическими последствиями. При этом обнаруживаются параллелизм и сходство в главных событиях. Тут и там с разрывом всего в один год пали имперские режимы. В феврале 1917 г. в России, в ноябре 1918 г. в Германии.

Тут и там возникли демократические режимы, но с различным периодом существования – в России с февраля по октябрь 1917 г., в Германии – с ноября 1918 г. по 5 марта 1933 г., когда на общегерманских выборах нацистская партия получила большинство и Гитлер занял пост рейхсканцлера.

После прихода большевиков к власти в стране стал устанавливаться однопартийный режим тоталитарного толка, достигший пика своего развития при Сталине и со временем выродившийся в авторитарный режим при Брежневе, Андропове и Черненко. Он рухнул под тяжестью собственных нерешенных проблем в августе 1991 г., просуществовав в общей сложности более 70 лет. Нацистский тоталитарный режим просуществовал 12 лет и завершил свое существование в результате безоговорочной капитуляции Германии.

Дальше в судьбах двух стран просматриваются существенные различия. На территории оккупированной Германии со временем возникли два самостоятельных государства под политическим и идеологическим влиянием стран, в чьем ведении находились соответствующие зоны оккупации, договорно зафиксированные перед окончанием Второй мировой войны. Западная Германия стала усваивать правила представительной демократии и рыночной экономики, в Восточной Германии был воссоздан политический ре-

жим советского образца с соответствующей корректировкой (формально существовавшая многопартийная система, допущение элементов частной экономики в виде деятельности малых предприятий).

Тем самым на территории Германии начиная в 1945 г. проходило соревнование двух общественно-политических систем, завершившееся проведением 2 октября 1990 г. общегерманских выборов в Бундестаг, что повлекло за собой перенос политических и экономических принципов, существовавших в ФРГ, на территорию теперь уже бывшей ГДР.

Существенное обстоятельство, имеющее, как представляется, долговременное историческое значение, – это объединение произошло при согласии руководства Советского Союза и выводе войск этой страны с территории Германии.

Таким образом, в Германии демократические процессы проходили как бы в три этапа – с ноября 1918 г. по март 1933 г. (Веймарская республика); с мая 1945 г. в Западной Германии (Боннская республика); с октября 1990 г. уже во всей Германии (Берлинская республика).

После распада Советского Союза Россия, уже в новых границах, с выходом из ее состава Украины, Белоруссии, стран Средней Азии и Закавказья начала свой трудный путь существования в условиях привыкания к демократии и рыночной экономике, основанной на праве частной собственности.

В настоящее время Россия и Германия взаимодействуют друг с другом как политические и экономические партнеры, причем Германия действует в рамках интеграционного сообщества – Европейского союза, а Россия пытается сохранить действенность Союза Независимых Государств (СНГ), одновременно развивая отношения со своими соседями как на Западе (прежде всего с США и Европой), так и на Востоке (прежде всего с Китаем, Индией, Японией). Россия является одним из пяти основных членов Совета Безопасности при ООН с правом вето, располагает потенциалом ядерного оружия и баллистических ракет, что делает ее одним из ключевых действующих лиц на мировой арене. Германия, которую до недавнего времени публицисты называли «экономическим гигантом и политическим карликом», ныне претендует на вхождение в состав постоянных членов Совета Безопасности, является третьей по экономической и технологической мощи (после США и Японии) страной в мире, играет активную роль в европейской политике.

Две мировые войны, две социальные революции, два тоталитарных режима и два демократических процесса с разной степенью развития и в условиях нарастающих процессов глобализации – за этим стояли и стоят миллионы человеческих судеб и в России, и в Германии.

Что чувствовали по отношению друг к другу немцы и русские, воюя друг с другом в Первой мировой войне? Более миллиона оказалось в плену, напрямую столкнувшись с реальностями русской действительности (5, с. 89). После Второй мировой войны около 2 млн. немецких военнопленных были возвращены из Советского Союза. Около миллиона человек погибли в лагерях (5, с. 302). У вернувшихся был различный опыт общения во время пребывания в плену – и с теми, кто их сторожил в лагерях, и с местным населением. Каждый немецкий военнопленный увозил домой свой образ России, Советского Союза, русского человека, делаясь затем впечатлениями со своими близкими.

В свою очередь, в годы войны немецкое население в самой Германии имело свой опыт общения с русскими. Уже в первые недели войны в плен попали несколько миллионов бойцов Красной Армии. Около 5 млн. мирного населения из оккупированных территорий Советского Союза, преимущественно молодежь, были угнаны на принудительный труд (4, с. 283).

Последовало возмездие. И снова трагические цифры. Потери гражданского населения в Германии свыше 4 млн. Около 17 млн. остались без крова. Катастрофической была судьба беженцев. Вот как характеризует эту ситуацию российский историк А. Ватлин: «Частью национальной трагедии был нескончаемый поток беженцев, покидавших насиженные места в страхе перед наступавшей Красной Армией и вынужденных переселяться с территорий, отошедших Советскому Союзу и Польше, а также из Судетской области Чехословакии. Из 12 млн. немцев, попавших в послевоенную статистику по этим категориям, порядка 5 млн. бежали из восточных областей под давлением приближавшейся линии фронта, именно они составили львиную долю – 2 млн. – погибших, пропавших без вести в ходе последнего в европейской истории переселения народов» (1, с. 130).

Эта трагическая статистика приведена для того, чтобы были более понятны обстоятельства, при которых у немцев на протяжении XX в. формировался образ России, образ русского человека.

Анализ рассматриваемой темы мы начинаем не с чистого листа. Нам помогут, в первую очередь, исследования, которые

проводились в ФРГ с начала 80-х годов в Вуппертале (земля Северный Рейн-Вестфалия) группой энтузиастов под руководством Льва Копелева.

Лев Зиновьевич Копелев – человек удивительной судьбы. Блестящий знаток немецкой литературы, фронтовик, отсидевший из-за протеста против аморального поведения советских солдат на немецкой территории десять лет в сталинских лагерях, в том числе в подмосковной «шарашке» (прообраз Цезаря в «Одном дне Ивана Денисовича» и Рубина в романе «В круге первом» Солженицына), поддерживавший тесные контакты с немецкими литераторами, прежде всего с Генрихом Бёллем, в 1981 г. вместе с женой Раисой Орловой уезжает по научным делам в ФРГ, и здесь, в посольстве СССР, ему сообщают, что указом от 12 января 1981 г. за подписью Брежнева оба они лишены советского гражданства (подробнее см.: 8).

Вот как рассказывает в своих воспоминаниях Яков Самойлович Драбкин, прошедший с Копелевым фронтовые годы и затем поддерживавший с ним тесные дружеские связи вплоть до кончины Копелева в 1997 г.: «Лев Копелев обрел возможность собрать группу немецких энтузиастов широкого профиля – историков, филологов, искусствоведов, культурологов... Постепенно выкристаллизовывался смелый и многотрудный рабочий план, рассчитанный на годы: собрать и обобщить литературный тезаурус накопленной веками народной мудрости россиян и немцев...» (2, с. 33).

Были задуманы две параллельные серии, составляющие десять томов с иллюстрациями и названные «Западно-восточные отражения»: серия «А» красная – «Русские и Россия глазами немцев» и серия «Б» (зеленая) – «Немцы и Германия глазами русских». Первые четыре тома вышли под непосредственным руководством Копелева, последующие – после его смерти под руководством его ближайших сотрудников (59). Под редакцией Копелева и одного из его ближайших коллег Герда Кёнена вышел (также уже после смерти Копелева) том материалов «Германия и русская революция. 1917–1924» (60). В результате был совершен труд, не имеющий аналогов в исторической литературе.

Какой методологический подход избирал Копелев для исследования этой проблематики? Он предположил много tomному исследованию суждение Гёте: «Итак, мы повторяем, что не может быть и речи о том, чтобы нации думали одинаково; они должны только, сознавая себя, видеть одна другую, и если они не могут

взаимно любить друг друга, то по меньшей мере должны учиться быть терпимыми».

Сам Копелев во вступительной статье к тому «Немцы и Германия глазами русских», названной им «К предыстории русских образов немцев», так определил объективную позицию исследователя: «Едва ли можно себе представить бесстрастного хрониста, абсолютно независимого от традиционных философских, религиозных, политических идей и от непосредственно актуальных проблем. Но каждый опытный историк может стремиться исследовать и воспроизводить социально-исторические события, судьбы личностей и общностей, конкретные явления и общие вопросы времени в присутствии им **хронотопе** (выделено Л.З. Копелевым. – *Б.О.*): то есть в их действительных взаимосвязях, в их меняющихся соотношениях с событиями и происшествиями» (7, с. 122).

Монументальное дело Льва Копелева было продолжено. Коллектив авторов во главе с учеными из Бохумского университета Карлом Аймермахером и Астрид Вольперт при сотрудничестве российского ученого Геннадия Бордюгова приступили к изданию серии «Западно-восточные отражения: Новое продолжение». Уже вышли первые три тома. Первый том: «Искушение насилием. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах» (25). Второй том: «Взрывные всплески и разочарование в ожиданиях. Русские и немцы в межвоенные периоды» (23). Том третий: «Оттепель. Время заморозков и управляемые диалоги. Русские и немцы после 1945 г.» (24).

Собственно, именно эти три книги и являются непосредственным серьезным подспорьем при исследовании заявленной в главе темы. Правда, содержащиеся в них материалы не носят сквозного аналитического характера. Это статьи немецких и российских авторов, помещенные в пяти разделах: настроения и опыт, связанные с войной; пропагандистские построения (конструкты); наука и искусство; повседневная жизнь во время войны; преступления. Тем самым создается сложная мозаика отдельных сюжетов, помогающих понять, как формировался образ противника каждой из воюющих сторон.

Были изданы и другие материалы, посвященные данной тематике. Дагмар Херманн и Астрид Вольперт выпустили сборник «Мечта и травма. Русские и немцы в XX столетии». В нем помещены статьи немецких и российских авторов в двух больших разделах, посвященных политизации культурного диалога и трудностям в ходе обращения к прошлому (32).

С отдельной книгой – «Российский комплекс. Немцы и Восток. 1900–1945» – выступил и Герд Кёнен (36).

Всю эту литературу следует учитывать в первую очередь при осмыслении темы «Образ России в Германии», предусматривающей анализ взглядов представителей разных поколений, разного социального положения, разных политических убеждений, разного культурного воспитания.

Итак, что же представляло собой германское общество в давние времена с точки зрения восприятия им событий в России? Прежде всего отметим, что оно было неоднородно с учетом ментальности людей, проживающих в той или иной земле. Если бы в начале XX в. спросили, каким представляет себе немец русского человека, Россию как страну, то, по всей вероятности, мы получили бы разные ответы от жителей Пруссии, Баварии, Саксонии, северных германских территорий.

Будем иметь в виду, что Германия как целостное государство возникло только после 1871 г. Население страны с 41,6 млн. в 1873 г. увеличилось до 52 млн. в 1895 г. (5, с. 17). Росли города с численностью до 100 тыс. человек и более. Германия все более становилась городской страной с новым отношением к окружающему миру. Рабочий класс вместе с «пролетаризирующимися слоями» составлял 67,5% населения, доля средней и крупной буржуазии (включая и интеллигенцию) – 29–30%.

Как отмечают авторы учебника «История Германии», подготовленного совместно российскими и немецкими учеными в рамках университета в Кемерово, «особо динамично формировались «новые средние слои». Развивающиеся в процесс модернизации производство, инфраструктура, государственное управление и система образования, здравоохранение, наука и культура требовали большого количества специалистов. Накануне Первой мировой войны к «новым средним слоям» относилось около 15% населения» (5, с. 18). Отметим, что именно в этой среде в первую очередь проявлялся интерес к тому, что происходило в России, формировался и корректировался образ страны и человека, в ней проживающего.

В обществе сохранились, по классификации авторов кемеровского учебника, «старые средние слои». Их ядро традиционно составляли владельцы ремесленных предприятий, купцы и лавочники, домовладельцы. Вместе с домочадцами их численность сохранялась на уровне 2,3–2,5 млн. человек, что составляло около 5% населения страны (5, с. 19).

Еще одно важное обстоятельство: в период Второго рейха (1871–1918) шло активное формирование широкого спектра политических взглядов и, как следствие, политических партий с соответствующими программами. Это прежде всего партия либералов, отражавшая интересы крупной, средней буржуазии, интеллигенции (Национал-либеральная партия); партия социально ориентированных либералов (средние и мелкобуржуазные слои); партия консерваторов, одна из которых представляла интересы крупной промышленности и крупных аграриев (Партия свободных консерваторов), другая – интересы юнкерства Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и прусского офицерства и чиновничества (Немецкая консервативная партия). Партия Центра располагала влиянием в Южной и Западной Германии среди католического населения. Рабочее движение было представлено Социал-демократической партией.

Антисемитские настроения, существовавшие в германском обществе, нашли отражение в деятельности ряда организаций. Наиболее известная из них – Христианско-социальная рабочая партия (ХСРП). В нее входила часть мелкой и средней буржуазии, студенчество. В начале XX в. ХСРП стала терять свое влияние, поскольку в империи появились другие националистические и шовинистические организации. «Но Германия стала своего рода “образцом” проведения антисемитских кампаний для европейских стран», – констатируют авторы кемеровского учебника истории Германии (5, с. 36).

В рядах всех этих политических организаций создавались свои представления о России, о том, какими должны быть отношения с этой страной. Вместе с научной и творческой интеллигенцией, с представителями высшей власти эти политические группировки образовывали ту среду, где появлялись, сталкивались друг с другом, опровергали друг друга различные точки зрения.

Герд Кёнен замечает в этой связи: «Отношения между государствами, народами, культурами не представляют собой нечто статичное и застывшее, но образуют комплексную и подвижную взаимосвязь, а в случае Германии и России – беспримерную цепь разрывов и перерывов, коллизий и конфликтов» (36, с. 10).

Если говорить о самом начале XX в. и о реакции видных представителей немецкой творческой интеллигенции, то речь шла, скорее, об открытии некоего нового образа России. По этой причине поэт Рильке едет в Россию, встречается в 1900 г. с Толстым.

Перед этим в переводе на немецкий язык появляется роман русского писателя «Анна Каренина» (1885), Рильке столь увлечен русской культурой, что берется за перевод «Слова о полку Игореве» и пишет стихи на русском языке. В 1906 г. поездку в Россию совершает скульптор Эрнст Барлах, и он тоже в восторге от простоты и естественности русского человека, что находит отражение в его работах.

Читатель в Германии открывает для себя русского писателя Тургенева и его повести, а затем Достоевского, Толстого и чуть позднее Горького, особенно его пьесу «На дне». Открывают немцы для себя музыку Чайковского и русский балет Дягилева. Неповторимое явление русской культуры в начале XX в., которое назовут «серебряным веком», вызывает к себе большой интерес в Германии. Герд Кёнен дает общую характеристику реакции немцев на происходящее в России в начале XX в.: «Россия со своей богатой литературой и грандиозной музыкой, со своей многообразной живописью, со своим классически-модерновым Ballets russes или авангардистскими театральными постановками неожиданном образом проявила себя как “культурная нация” первостепенного ранга, солнце которой светило тем ярче, чем больше оно подавлялось и преследовалось царской бюрократией и полицией» (36, с. 44). Обобщая этот интерес немцев к русской культуре, Г. Кёнен полагает, что в Германии возник новый «русский миф». Он приводит высказывание Томаса Манна, говорившего о «святой русской литературе». «Большинство остальных немецких писателей и деятелей искусства предвоенного времени также свидетельствовали, что для них знакомство с русской литературой, и прежде всего встреча с Достоевским, было эпохальным событием» (36, с. 45).

Свой взгляд на происходящее в России обосновывали представители левого лагеря, особенно примыкавшие к германской социал-демократии. Они с большим вниманием следили за революционными выступлениями в 1905–1907 гг., полагая, что именно Россия дает пример решительности в действиях для трудящихся масс. Примерно так высказалась Роза Люксембург, связавшая свою судьбу с деятельностью польской и германской социал-демократии и являвшаяся в первое десятилетие XX в. одним из виднейших теоретиков СДПГ. На собрании в Мангейме 25 сентября 1906 г. она так характеризовала происходящее в России: «Русская революция для германского пролетариата – великий наставник. Нет сомнения, что русская революция в самой значительной

мере окажет воздействие на границу. Русское правовое государство вызовет сдвиг в политических условиях и в Германии. Я имею в виду решительность и смелость в постановке таких политических задач, каких требует политическая ситуация. Если мы что-либо можем почерпнуть из русской революции, так это не пессимизм, а величайший оптимизм» (11, с. 140).

С того момента, когда социал-демократка Роза Люксембург воодушевлялась сама и воодушевляла немецкую аудиторию примером решительности русского пролетариата, до того момента, когда депутаты в СДПГ в рейхстаге проголосовали за предоставление кредитов на ведение войны, включая и представителя левого крыла Карла Либкнехта (4 августа 1914 г., т.е. на следующий день после объявления войны), прошло всего восемь лет. Что произошло в этот промежуток времени? Как получилось так, что немецкое общество поддержало установку кайзера на ведение войны, причем на два фронта – на западном против Англии и Франции и на восточном – против России? Было ли увлечение творческой интеллигенции «русским модерном», а в левых политических кругах революционной решительностью русского пролетариата лишь верхушечным явлением, которое не затрагивало глубинных настроений в разных слоях германского общества?

Возможно, ответ на этот вопрос станет более ясным, если принять во внимание, что аналогичные изменения произошли и в российском общественном мнении по отношению к Германии. Известны тесные родственные связи между правителями России и княжескими домами, расположенными на пространствах Средней Европы. Фактически все жены российских императоров, начиная с Павла I, были протестантскими принцессами, принимавшими православие и исправно рожавшими своим мужьям дочерей и сыновей, которые со временем восходили на царский престол. А одна из них, из небольшого княжества Анхальт-Цербст, ухитрилась даже править Россией в течение трех десятков лет (1762–1796) и навела в ней порядок, за что получила в народе уважительное имя «матушка Екатерина». Дух отношений между правящими домами передают следующие строки из письма Вильгельма II Николаю II 21 апреля 1911 г.: «Дорогой Ники! Ты всегда можешь рассчитывать на меня и мою верную симпатию к тебе, твоей семье, к твоей стране» (13а, с. 26).

Проявление симпатии со стороны германского кайзера не помешало ему через три года начать войну против этой страны. Одна из ответных реакций в России: наряду с боевыми действиями

русской армии массовые погромы, прежде всего в Москве. Они продолжались несколько дней в конце мая 1915 г. Все, что напоминало немцев: вывески магазинов, дома, где проживали немецкие семьи, торговые лавки, мастерские, рестораны, кафе, – разрушалось толпой при полном невмешательстве полиции.

Исследователи, пытавшиеся позднее объяснить причины поведения погромщиков, задавались вопросом: откуда такие проявления вражды, притом что, начиная с Петра I, в самых различных областях развивались тесные связи. Немцы помогали совершенствовать военное дело, они же участвовали в становлении и развитии российской науки. В XVIII в. из 109 профессоров Петербургской академии наук 68 были выходцами из германских областей (13а, с. 26).

Екатерина II пригласила немцев обживать пространства на берегах Волги и в степях Причерноморья. К концу XIX в. в России жили уже 1,8 млн. немцев, т.е. 1,4% населения страны. Их роль в становлении российской государственности, науки, культуры значительна. И тем не менее на протяжении всего периода к немцам было разное отношение. С.В. Оболенская в книге «Русские и немцы в XVIII веке» дает такое объяснение этому явлению: «Существование немецкой диаспоры, с одной стороны, и поиски национальной идентичности – с другой, не могли не выдвинуть “немецкого вопроса” как проблемы социально-политической и культурно внутренней жизни России. Тема “немецкого засилья” присутствовала в размышлениях декабристов, ясно звучала в спорах западников и славянофилов о будущем России и о русской истории, в особенности в спорах о реформах Петра I» (17, с. 8).

Это в России. Но что думали о русских немцы «на той стороне», в самой Германии, в период Первой мировой войны? Прежде всего отметим, что патриотическо-националистическая эйфория прокатилась по всем странам, участвовавшим в Первой мировой войне. Население никак не предполагало, в какую кровавую мясорубку втягивается Европа, какими жертвами обойдется военная авантюра.

Что касается отношения в той обстановке Германии к России, то Герд Кёнен высказывает такую точку зрения: хотя Первая мировая война началась с объявления войны Германской империей Российской империи, то это не из-за особой «вражды к России» или из-за неразрешимых конфликтов между обеими империями, но только на основе стратегического расчета, рассматривающего совокупность всех великих держав. Этот стратегический расчет

обозначил еще канцлер Бюлов в речи в рейхстаге 6 декабря 1897 г.: «Времена, когда немцы одному из своих соседей отдавали землю, а другому моря, оставив за собой лишь небо, безвозвратно ушли в прошлое» (цит. по: 1, с. 19–20).

Суть перемен во внешней политике, сопровождавшихся переменами в умонастроениях в обществе, авторы Кемеровского учебника истории Германии характеризовали следующим образом: «В августовские дни немецкий народ, как и народы других стран, оказался во власти национал-патриотизма. Война не стала для него чрезвычайным явлением, ибо идея войны уже прочно вошла в сознание каждого немца. “Бисмарковское поколение” немцев было воспитано войной за единую Германскую империю. “Постбисмарковское” поколение усвоило идею войны за “Великую Германию”» (5, с. 91). Авторы учебника приводят высказывание немецкого публициста Эрнста Толлера: «Мы живем в состоянии опьянения. Слова “Германия”, “Родина”, “Война” имеют магическую силу. Когда мы их произносим, они не улечиваются, они парят в воздухе, кружатся, воспаляются и зажигают нас» (5, с. 92).

Это странное сочетание в немецком характере трезвого расчета со способностью к экзальтации проявилось и перед началом Второй мировой войны. Но на то были уже несколько иные причины. Что касается периода Первой мировой войны, то в это время свою готовность обосновать военный курс проявили представители немецкой интеллектуальной элиты, пытаясь придать военным действиям немцев некое философско-метафизическое обоснование, в частности подчеркивая особость некоей «немецкой сути». Родился рифмованный слоган «Am deutschen Wesen wird die Welt genesen» – «Немецкой сутью мир оздоровится».

Но в те военные годы общественная мысль в Германии развивалась не только в правом, консервативно-националистическом направлении, но и в левом, обретая со временем все больше сторонников, что в конечном счете нашло отражение в Ноябрьской революции 1918 г. Идеями социализма вдохновлялось рабочее движение, причем в рядах партии, представлявшей это движение – СДПГ, – возникли два направления, одно из которых сочло возможным продвигаться в сторону социализма в рамках существующего государственного строя с помощью реформ с последующим изменением этого строя в рамках демократии, а другое продолжало настаивать на необходимости кардинальных револю-

ционных преобразований и построения принципиально нового общественного строя.

И здесь, как и предсказывала Роза Люксембург, не обошлось без воздействия российского опыта. Деятельность левых сил вместе с реализацией бедствующих и озлобленных поражением Германии масс готовила революционную ситуацию в Германии. «Эхо российской революции, – пишет А. Ватлин, – расходилось по Германии, независимо от большевистских агитаторов, вербовавшихся из военнопленных и снабженных кипами свежотпечатанных листовок. Оно породило стихийные братания на фронте и стачки в крупнейших городах страны, в которых участвовало около 1,5 млн. рабочих» (1, с. 40). Заметим, проблематика «братанья на фронте» представляла собой принципиально новое явление в истории военных действий на европейском континенте.

Примечательно, что в начале Ноябрьской революции 1918 г. в Германии было искушение повторить опыт российского Февраля 1917 г. Авторы «Краткой истории СДПГ» так описывают создавшуюся ситуацию: «При первом же толчке старые государственные устои разваливались, подобно гнилой стене. Как грибы, повсюду вырастали Советы рабочих и солдат – революционные органы массового движения. Они следовали русскому примеру и в зачаточной форме появились в Германии еще во время волнений на флоте в 1917 г. и прежде всего в январской забастовке 1918 г. (15, с. 91).

Сейчас мало кто помнит, даже в Германии, что в ночь с 7 на 8 ноября 1918 г. в Мюнхене была провозглашена Социалистическая республика Советов. 9 ноября Социалистическую республику с балкона Берлинского замка провозгласил спартаковец Карл Либкнехт. Но в тот же день уже в стенах рейхстага представитель СДПГ Филипп Шейдеман заявил о начале новой эпохи в истории Германии – эпохи демократической республики. В какой-то степени повторялся русский опыт двоевластия.

В дальнейшем, если немецкие коммунисты во всем покорно слушались приказов из Москвы и восторгались опытом большевиков по строительству социализма, то среди немецких социал-демократов возникали иные суждения по мере того, как они наблюдали за большевистским экспериментом в России.

Тревогу по поводу того, что что-то неладно в «большевистском королевстве» забила Роза Люксембург еще до того, как была образована КППГ, и она находилась не где-нибудь, а в тюрьме в Бреслау, ныне Вроцлаве. Оттуда она следила за событиями в Со-

ветской России, пока не была освобождена в ходе Ноябрьской революции 1918 г. Приветствуя сам Октябрьский переворот и видя в нем логическое продолжение революционного процесса, начавшегося еще в 1905 г., она вместе с тем в своих тюремных записках писала: «Ленин и Троцкий поставили на место представительных учреждений, вышедших из всеобщих народных выборов (Р. Люксембург имела в виду Учредительное собрание, которое разогнали большевики. – *Б.О.*), Советы как единственное истинное представительство трудящихся масс. Но с подавлением политической жизни во всей стране неизбежно будет все более затухать и жизнь в Советах. Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении; они превращаются в видимость жизни, деятельным элементом которой остается только бюрократия. Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с неумной энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей и единогласно одобрить предложенные резолюции» (10, с. 226).

Еще более критически оценивал происходящее в Советской России Карл Каутский, который по тогдашним меркам считался «центристом» в социал-демократии и с женой которого Луизой Роза Люксембург переписывалась из тюрьмы в Бреслау. Каутский написал несколько работ, посвященных деятельности большевиков. О первой из них, и о том, что Каутский «ренегат», знали все в СССР, кто знакомился с историей Октябрьской революции. Так обозвал теоретика СДПГ Ленин в 1918 г. в известной работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (9). Но это «лучшего знатока марксизма» в Германии не остановило. В 1930 г., т.е. спустя 13 лет после Октябрьского переворота, он дал такую итоговую оценку: большевизм в тупике. Поясняя свою главную мысль, Каутский писал: «Этот безумный эксперимент не может кончиться иначе, как страшным крахом. И величайший гений не смог бы этого краха предотвратить. Он неизбежно вытекает из неразрешимости поставленной задачи в наличных условиях и при наличных средствах. Но чем ощутительнее становится надвигающееся банкротство, тем более выступает смелость последнего рода – смелость отчаяния. Параллельно быстрому ухудшению положения трудящихся масс все более гигантскими становятся проекты, выживаемые, чтобы вытащить себя из болота. Чем грандиознее

проект, тем короче время для его осуществления, но тем больше и насилие, пускаемое в ход, чтобы добиться результатов, которые могла дать лишь волшебная лампа Аладдина» (6, с. 210).

Но критические суждения Каутского перекрывались суждениями тех, кто хотел видеть в новой России сотворение принципиально нового мира, формирование нового человека. И если созданное «Немецкое общество по изучению Восточной Европы» стремилось к взвешенной оценке происходившего в России, то «Общество друзей новой России» выступало за активную поддержку преобразовательных процессов в Стране Советов. Уже в 1926 г. в Советской России побывала первая группа писателей и представителей интеллигенции из Германии. Они знакомились с условиями жизни в этой стране, и свои впечатления отражали в книгах и статьях, которые могли влиять на формирование представлений о происходившем в Советской России. Хайнрих Фогелер после поездки в 1924 г. так описывал свои впечатления: «Как красивы и спокойны здесь люди, когда смотришь им в глаза, и это отличает их от людей Запада» (58, с. 11).

С 1924 г. в Берлине стал выходить журнал «Новая Россия» («Das neue Russland»). Вплоть до 1932 г. в течение девяти лет выходило ежегодно по шесть номеров. В 1930 г., когда, по мнению Каутского, политика большевиков со всей очевидностью зашла в тупик, журналист А. Грабовский считал возможным писать о «духовном подъеме в СССР» (286).

Таким образом, в левой интеллектуальной и политической среде Германии существовали весьма различные представления о происходившем в Советской России – от критических до панегирических.

Исторический парадокс заключался в том, что в обратном направлении – из Советской России в Германию – ехали люди, не согласные с политикой большевиков, и прежде всего представители творческой интеллигенции. В середине 20-х годов прежде всего в Берлине собралось столько эмигрантов из России, что стали говорить о своеобразном феномене под названием «русский Берлин». Как отмечают авторы работы «Они были не только противниками», «порой в германской столице проживали до 150 000 русских эмигрантов. Городской район Шарлоттенбург берлинцы в это время прозвали Шарлоттенградом». В январе 1923 г. в Берлине выходили 39 журналов и три ежедневные газеты на русском языке. Здесь обосновались 86 русских издательств и книжных магазинов (13а, с. 69). Авторы работы полагают, что «в 1921–1923 гг. Берлин

был единственным в своем роде очагом русской культуры». Для такого вывода были веские основания. Здесь проживали постоянно или останавливались, чтобы затем отправиться в Париж, Владимир Набоков, Борис Пильняк, Алексей Толстой, Алексей Ремизов, Максим Горький, Владимир Маяковский, Александр Вертинский, Виктор Шкловский, Илья Эренбург и многие другие.

Оценка автора учебника «Германия в XX веке» Александра Ватлина: «Российское влияние на духовную жизнь Веймарской республики было несравненно большим, нежели во времена Вильгельмовской империи. Читающая публика открыла для себя Ф.М. Достоевского, немецкие переводы его романов в 1920-е годы вышли на уровень бестселлеров. Уже в 1922 г. в Берлине состоялась первая выставка, посвященная искусству новой России. Экзальтированность немецкой духовной элиты тех лет объяснялась ее неподдельным интересом к творческим поискам как на Западе, так и на Востоке. Достаточно напомнить о том восторженном приеме, который вызвал у немецкой публики фильм «Броненосец Потемкин». Высланные из России пассажиры «философского парохода», причалившего осенью 1922 г. в порту Штеттин, образовали в Берлине научный институт, который внес заметный вклад в прогресс естественных наук и философии межвоенного периода» (1, с. 63).

Примерно в то же время в основном по закрытым каналам развивались контакты двух государств на дипломатическом, военном и хозяйственном уровнях. Обложенная контрибуциями и ограничениями Версальского договора, особенно в военной области, Германия устанавливала контакты с Советской Россией, также находившейся в политической изоляции со стороны западных демократических стран. Итальянское местечко Раппало, где после Генуэзской конференции встретились делегации из Советской России и Германии и подписали договор о взаимодействии, стало символом новых, особых отношений, получивших в публицистике название «дух Раппало». Это, разумеется, не противоречило тому, что буржуазная часть немецкого общества и правая пресса отвергали коммунистическую идеологию и подвергали критике советский политический строй.

Придя к власти, нацисты также критиковали большевиков, но уже на антисемитской подкладке, делая упор на то, что в руководстве большевистской партии много лиц еврейской национальности. С учетом застарелых антисемитских настроений в немецком обществе этот пропагандистский прием оказывал ошутимое

влияние на сознание людей и, соответственно, на их восприятие Советской России (26а).

Соответственной была реакция немецкого населения в ходе войны на приближение Красной Армии к границам Германии, на вхождение советских частей на немецкую территорию. Рожденный ситуацией и подогреваемый нацистской пропагандой крик отчаяния «Русские идут!» как бы подтверждался действиями советских солдат при занятии немецких городов и селений. Молва о зверствах и бесчинствах русских солдат облетела страну, формируя соответствующий образ русского человека. Этот образ долго сохранялся среди жителей Восточной Германии, вынужденных вступать в контакты с Советской военной администрацией. Постепенно время затягивало раны воспоминаний, реальная практика вносила коррективы в сложившийся стереотип. Позитивную роль играла деятельность тех представителей СВАГ, которые вели воспитательную работу среди населения, разъясняя пагубность нацизма для немецкой нации и делая упор на классической немецкой культуре как основе нравственного возрождения (41).

Последующие события – провозглашение ГДР как самостоятельного немецкого государства, установление социалистического режима с немецкой спецификой (многопартийная система при полном преобладании правящей СЕПГ, допущение деятельности частных малых предприятий), усиление тесных экономических связей с СССР, развитие культурных, научных, образовательных контактов – представляли собой процесс, в который втягивалось все большее число граждан ГДР, что позволяло представителям каждой из сторон менять представления, сложившиеся в ходе военного противоборства.

В догматических псевдомарксистских рамках развивались и научные контакты. Но при этом сохранялись в определенной степени традиции «Остфоршунга», возникшие еще в начале XX в., а то и раньше. В качестве примера можно назвать серию «Документы и исследования, посвященные истории Восточной Европы». 17-й том этого исследования, вышедший в 1973 г., был посвящен теме «Генезис и развитие капитализма в России». Здесь не обошлось без ссылок на труды классиков марксизма, в то же время между учеными из СССР и ГДР велась серьезная дискуссия о времени становления в России первоначальных капиталистических отношений (26).

Так или иначе можно говорить о том, что через общение граждан СССР и ГДР по самым разным каналам – от совместного

обучения в вузах до туристических поездок – жители обеих стран постепенно избавлялись от трагических воспоминаний времен Великой Отечественной войны. Со временем сложилась ситуация, когда советский человек мог с немцем сесть за один стол, пригласить его в гости или воспользоваться приглашением из ГДР.

Этой тенденцией не были затронуты те немцы, которые не приняли условия, с их точки зрения, несвободного политического режима в Восточной Германии и при любой возможности, зачастую рискуя жизнью, бежали в западную часть страны. У них о русских, как установивших несвободный режим и у себя дома, в СССР, и здесь, в Восточной Германии, было иное представление. Хотя среди немцев с подобной судьбой были такие, кто хорошо понимал, что дело не в самих русских, а в той политической системе, которая подавляла всех.

И уж, конечно, иное представление о русских, о России, о Советском Союзе было у преобладающего числа жителей Западной Германии, у которых почти не было контактов с гражданами СССР и которые судили о происходящем в этой стране только по газетным публикациям и по телевизионным каналам, где они получали информацию в основном критического характера.

Вместе с тем к происходящему в СССР нарастал интерес особенно со стороны студенческой молодежи, и автор этой статьи лично убедился в этом, когда в 1977 г. по приглашению профессора Боннского университета Ханса-Адольфа Якобсена ему довелось прочитать лекцию по теме «Советский Союз и Хельсинкский процесс». Впечатления о беседах со студентами изложены в дневнике «Свидание с Лорелеей», помещенном в книге «Германия с дальнего и ближнего расстояния (14).

Знакомство с профессором Якобсеном позволило познакомиться с еще одним аспектом отношения немцев к русским – с отношением к России со стороны немецких военнопленных. Еще в бытность корреспондентом немецкой редакции Московского радио во второй половине 50-х годов неоднократно приходилось общаться с бывшими военнопленными немцами в ГДР, большинство из которых провели определенное время в школе для военнопленных в Красногорске, небольшом городе под Москвой. Они, как правило, затем занимали сравнительно высокие посты в разных областях жизни в ГДР, и их впечатления о времени, проведенном в СССР, находясь в плену, носили положительный характер. Но каковы были воспоминания немцев, оказавшихся после войны в западной части Германии? Я всегда помнил о трагической

статистике: из трех миллионов немцев, попавших в плен и оказавшихся в советских лагерях, один миллион погиб и, надо думать, при драматических обстоятельствах. Профессор Якобсен провел в лагерях военнопленных много лет до того момента, когда Аденауэр, прибыв в Москву, договорился о возвращении немецких военнопленных на родину (1955). Это было для него непростое время и, как он сам деликатно выразился, это были его «университеты» жизни. Об обстоятельствах пребывания Ханса-Адольфа Якобсена в плену и возвращения на родину написан очерк «Ханс и Доротея. История одной немецкой семьи» (18). Но самое при этом примечательное: после столь тяжких испытаний проф. Якобсен «заболел» своеобразной «болезнью», которую я замечал у многих, кто не по своей воле побывал в СССР, – желанием устанавливать тесные, дружеские отношения со страной, с которой немцы в XX в. дважды вели опустошительную войну.

В окрестностях небольшого города Мюльхайм, что стоит на речке Рур (земля Северный Рейн-Вестфалия), находилась одна из евангелических академий протестантской церкви – своего рода религиозный и культурно-просветительский центр. И так получилось, что директор Академии доктор Дитер Бах и проф. Ханс-Адольф Якобсен на одной из встреч в Мюльхайме договорились с делегацией «Литературной газеты» об установлении тесных контактов. Со временем это превратилось в небольшую добровольную организацию немецкой и российской интеллигенции, получившую название «Мюльхаймская инициатива». В рамках этой «Инициативы» в течение многих лет, особенно после начавшегося процесса перестройки в СССР, состоялись многочисленные тематические конференции, «круглые столы», издавались брошюры и книги. В одной из них, названной «Не упустить наших возможностей» (13), ставился вопрос о том, что перед нашими народами открылась уникальная возможность установления принципиально новых отношений и что интеллигенция в первую очередь должна создавать творческую основу для таких взаимоотношений.

Существенную роль для объективного осмысления, происходящего в СССР, а затем в России, сыграла деятельность Института исследований Востока научных и международных отношений в Кёльне (сокращенное название на немецком языке БИОСТ). Продукция сотрудников этого института – аналитические записки, обзоры, брошюры – регулярно рассылались в правительственные и научные учреждения ФРГ и прямо или косвенно влияли на формирование представлений политической и научной элиты о том,

что происходит в самых разных областях жизнедеятельности в СССР – от экономической и административной до культурной и философской. После перенесения столицы теперь уже единой Германии из Бонна в Берлин институт был расформирован. Однако представляется, что огромный информационный массив, накопленный в изданиях института, сохраняет возможность для историков из обеих стран составлять себе представление о том, как оценивали ведущие германские политологи сложнейшие процессы в СССР и особенности становления новой, демократической России.

Примечательно, что ни на одной из конференций БИОСТА не прозвучала возможная гипотеза о развале Советского Союза. Показательна в этом плане позиция директора БИОСТА на коллоквиуме, организованном штабом планирования при Министерстве иностранных дел ФРГ и состоявшемся 28 ноября 1985 г. Доктор Хайнрих Фогель выступил на нем с темой «Возможности специфического советского информационного общества» (56). Он обратил внимание на то, что СССР пребывает в состоянии экономической и технологической отсталости и это вызовет проблемы при заимствовании технологических новшеств из стран Запада. О возможном распаде СССР тогда речи не было.

Годом раньше в Мюнхене под редакцией Барбары Диц вышел сборник «Перспективы будущего Советского Союза. Программа и действительность», в котором выступили ряд экспертов по различным областям жизни, главным образом по вопросам экономики. Общий вывод Барбары Диц: «Следует предполагать, что Советскому Союзу и в будущем придется иметь дело с давно известными системными проблемами. Не торопясь делать слишком поспешные прогнозы на будущее, следует обратить внимание на зачастую недооцененную силу советской системы управления» (61, с. 14). Как видим, о возможном конце этой «управляемой системы» составитель сборника и эксперты даже не помышляли. Между тем исторический хронометр неумолимо отсчитывал время. До конца существования «системы» оставалось всего семь лет.

К началу 90-х годов сложилась своеобразная ситуация, когда в Германии необыкновенной популярностью пользовался Михаил Горбачёв, тогда как в Российской Федерации основная масса населения предпочла ему Бориса Ельцина, избранного в 1993 г. президентом Российской Федерации. Канцлер ФРГ Коль установил тесные отношения с Ельциным, практикуя в том числе и дипломатию «сауны», а общественность, понимая, что с точки зрения интере-

сов Германии следует поддерживать контакты с теми, кто реально властвует в Кремле, тем не менее симпатизировала больше Горбачёву. Примечательна статья Хорста Тельчика, много лет занимавшего пост руководителя внешнеполитического отдела в ведомстве канцлера, опубликованная в конце мая 1991 г. в авторитетном леволиберальном еженедельнике «Ди Цайт». Статье предпослан заголовок: «Помогать Горбачёву» (54).

В рамках БИОСТА политолог Хайнц Тиммерман, один из серьезных знатоков происходящего на постсоветском пространстве, в 1992 г. выпустил брошюру, в которой рассматривал совокупность вопросов, связанных с осмыслением деятельности Ельцина в условиях уже нового суверенного государства – России. Брошюра носила краткое название: «Чего ожидает Европа от России?» Х. Тиммерман, в частности, давал такой прогноз: «В России путь к демократии европейского типа в случае, если он вообще состоится, – трудный, длительный, сопровождаемый многими обходными путями. В любом случае европейцы должны быть готовы к тому, что при недостатке демократических традиций авторитарный стиль в правительственном курсе – по крайней мере на переходный период – почти неизбежен» (55, с. 3).

Критическая тональность в оценке деятельности правительства Ельцина нарастала. Журналист Карл Гробе свою статью в леволиберальной газете «Франкфуртер рундшау» весной 1994 г. озаглавил: «Россия – враг или партнер?» Он начинал свою статью со следующей констатации: «Отношения между Россией и Западом развиваются не к лучшему. В настоящее время они даже хуже, чем во времена, когда СССР и обе сверхдержавы стремились к разоружению». И уже в конце статьи: «Если Запад не будет стремиться к подлинному и тем самым к достойному партнерству с Москвой, то он подготовит себе противника в будущем в лице великорусской шовинистической державы» (286).

Еще более резко выступали средства массовой информации консервативного направления. Газета «Ди Вельт» в том же году опубликовала статью депутата Бундестага, председателя фонда «Германия» Вильфрида Бёме, обвинившего Российскую Федерацию в давлении на другие республики – члены СНГ и намерении продолжать советскую колониальную политику (21).

Критика в СМИ нарастала после начала первой чеченской войны. В 1996 г. журналист Кристиан Шмидт-Хойер в еженедельнике «Ди Цайт» делал вывод, что «Россия до сих пор не нашла здорового перехода к обеспечению своего будущего и тем самым

остается подверженной радикальным средствам лечения и актам отчаяния» (48). Корреспондент немецкого телевидения Дирк Зегер опубликовал в 1996 г. книгу с красноречивым названием: «Обманутая Россия. Ельцинская разрушенная демократия» (47). С более сдержанными оценками выступила историк Маргарет Моммзен в книге «Куда заносит Россию? Великая держава между анархией и демократией». Ее вывод: «При всей противоречивости и обнаженности современного политического процесса, – пишет М. Моммзен, – демократический путь представляет собой одну из возможных перспектив развития. Но это не исключает дальнейших проявлений авторитаризма» (40, с. 30).

Эта дилемма была определяющей в представлениях и прогнозах немецких специалистов относительно внутрироссийских процессов до того момента, когда Ельцина на посту президента Российской Федерации сменил В.В. Путин. Политический класс ФРГ воспринял это событие в основном благожелательно, вынося за рамки тот факт, то Путин – выходец из КГБ и в свое время служил под официальным прикрытием в ГДР. Депутаты Бундестага оценили положительно выступление Путина в немецком парламенте на их родном языке. Возникла своего рода эйфория: этот человек хорошо знает Германию и, следовательно, с ним после Ельцина будет куда легче развивать нормальные отношения. Социал-демократ Герхард Шрёдер, сменивший на посту канцлера Гельмута Коля, установил с Путиным тесные, доверительные отношения. Была срочно издана книга известного публициста Александра Рара с примечательным названием «Немец в Кремле» (45). Корреспондент «Московских новостей» в Берлине Александр Сосновский сообщал, что «уже в XXI веке на прилавки были выложены одиннадцать жизнеописаний, документальных исследований или аналитических произведений о российском президенте... Легко прогнозировать, что до 2008 года свет увидит еще как минимум 5 книг, в названии которых будет фигурировать Владимир Путин» (17а).

Обобщая сказанное, можно констатировать следующее: в начале XXI в. в Германии сложилась своеобразная ситуация, влияющая по-разному на формирование общественного мнения о России. Средства массовой информации и аналитические центры после краткого периода ожидания изменений в политике Путина в сторону демократии перешли к интенсивной критике его действий. Обобщенно суть критики деятельности Путина на четвертом году его правления отразил в своей статье Хайнрих Фогель, который

после расформирования БИОСТА стал членом правления фонда «Наука и политика» в Берлине. В статье «Обходной путь или скачивание назад?» в журнале «Остойропа» он писал: «Отсутствие прозрачности при принятии решений, утверждение “вертикали власти” без какого-либо парламентского контроля, демонтаж свободы печати и случай с ЮКОСом не оставляют сомнения: Россия попадает в ловушку нового авторитаризма» (57, с. 42).

Однако политические круги ФРГ с большей сдержанностью реагировали на действия Путина, учитывая при этом важное обстоятельство, – зависимость от поставок нефти и газа из России. Занявшая пост канцлера после досрочных выборов христианская демократка Ангела Меркель уже не стала развивать дипломатию активной дружбы, практиковавшуюся Шрёдером, который вошел в руководство совместной российско-германской корпорации по прокладке газопровода по дну Балтийского моря в сторону Германии. Но и она старалась избегать критики политики Путина.

Притом что конъюнктурно-политические соображения всегда в решающей мере влияли на отношение Германии (как и любого другого государства) к другим странам (в нашем случае – к России), политический класс принимал во внимание научные исследования, в том числе исторического характера. В Германии интерес к истории России существовал всегда, находя отражение прежде всего в солидных изданиях академического толка, порой переиздаваемых с уточнениями и дополнениями. Так, «История России» Карла Штелина издавалась в 1923, 1930, 1935, 1961 гг. (52). Многократно переиздавалась «История России» Гюнтера Штёкля (53).

Порой трактовка истории России носила подчеркнуто идеологический характер, что отражалось уже в названиях трудов. В 1994 г. вышла книга Сони Марголиной «Россия: Нецивилизованное общество» (39), а в 1996 г. книга «Россия на грани крушения: Государство и экономика в состоянии кризиса» (46). Но это, скорее, исключения. Историческую школу Германии отличает склонность к хорошо документированным изданиям справочно-аналитического характера. Среди них немецкой основательностью выделяются: «Настольная книга истории России», изданная в шести томах по периодам (31). В 1983 г. вышел под редакцией Ханса-Иоахима Торке «Лексикон истории России» (37). Немецкие историки Роланд Гётц и Уве Хальбах выпустили несколькими изданиями «Политический лексикон», посвященный странам, входившим в Советский Союз (27), а затем такой же «Политический

лексикон», посвященный национальным республикам и регионам Российской Федерации (28). Так что немецким студентам, изучающим историю России, есть на что опереться.

Среди огромного числа книг, посвященных отдельным темам в истории России, выделяется фундаментальный труд Астрид фон Борке «Происхождение большевизма. Якобинская традиция в России и теория революционной диктатуры» (22). Историк Андреас Каппелер в 1989 г. откликнулся на перестроечные процессы в СССР книгой «Перестройка советской системы: Семь аспектов эксперимента» (35), а четырьмя годами позже солидным исследованием «Россия как страна многих народов. Возникновение. История. Распад» (34). Хельмут Альтрихтер в 2001 г. издал «Краткую историю Советского Союза: 1917–1991» (20). Советская тематика превалирует в книге Леонида Лукса «История России и Советского Союза» (38). Попытались рассмотреть будущее России Габриэла Горцке и Петер Шульце совместно с учеными из России в книге «В поисках новой идентичности. Россия на пороге XXI века» (29). Статью, посвященную анализу политической культуры России, в 1995 г. в журнале «Остойропа» опубликовал кёльнский историк Герхард Зимон; он проанализировал исторические особенности механизма властвования в России; влияние сложившихся традиций на сегодняшние политические процессы (51).

И, конечно, много работ посвящено истории отношений немцев и русских. Среди них обратим внимание на книгу Х.В. Канна «Немцы и русские: История их отношений со времен Средневековья и по настоящий день» (33). Она вышла в 1984 г., т.е. за два года до перестроечных процессов в СССР, за шесть лет до объединения Германии. А в 1990 г. с предисловием Ханса-Дитера Геншера вышла книга: «Они были не только противниками. Немцы и русские в два последних столетия» (50).

Как в любой нормальной исторической науке, предусматривающей разные точки зрения, среди ученых Германии нет единого мнения относительно исторических процессов в России. Это прежде всего касается места России в европейской цивилизации. Ганноверский историк Ханс-Хайнрих Нольте в 1981 г. выпустил книгу под названием: «Становление России как европейской державы» (42), тем самым четко обозначив свою позицию. Он продолжал развивать ее в книге «Россия. СССР. История, политика, экономика», изданной десять лет спустя (43), а также в последующих изданиях карманного формата (44), что делает их весьма удобными для широкого читателя.

Среди тех, кто полагает, что Россия, установившая давние исторические связи с Европой – экономические, политические, культурные, – тем не менее представляет собой особую цивилизацию в силу ее геополитического расположения между Западом и Востоком, следует назвать бывшего канцлера ФРГ Хельмута Шмидта. Свою позицию он подтвердил, выступая в Германском историческом институте в Москве 25 сентября 2007 г.: «Российская нация во многом отличается от европейцев и американцев. Россия представляет собой нечто совсем особенное. За тысячу лет страна привыкла к авторитарному правлению, поэтому она никогда не будет демократией по вестминстерскому или вашингтонскому образцу. Еще много лет россияне будут иметь дело с громадными потерями, понесенными в результате краха Советского Союза; одновременно им придется заниматься насущной необходимой модернизацией государственности, гражданского общества и экономики» (19, с. 13).

Для достаточно широких кругов общественности ФРГ источником регулярной информации о происходящем в России служит информационно-аналитический бюллетень «Russlandanalyse» («Анализ России» или «Российский анализ»). В каждом бюллетене по той или иной теме даются аналитические материалы, результаты опросов, наглядные графики, таблицы, документация, хроника событий.

В заключение целесообразно еще раз подчеркнуть ряд моментов методологического характера. Представления немцев о России и русских на протяжении целого века многомерны. Слишком много событий было в XX в. в России и в Германии, слишком по-разному они сказывались на судьбах людей в этих странах. Ссылаясь на опросы, в которых выясняется, каково отношение немцев к России и какие качества русских рассматриваются ими как положительные или отрицательные, конечно, можно. Но в таких опросах учитывается как бы усредненный образ немца. Разным было восприятие у разных социальных и профессиональных групп в разные периоды и в разном возрасте, эмоциональный фон был индивидуальным.

Известный российский социолог А.Г. Здравомыслов в 2002 г. провел в различных городах Германии 22 экспертных интервью с представителями, как он пишет, «немецкой интеллектуальной элиты», главным образом с учеными. Основной вывод на основе анализа этих интервью: единого взгляда немцев на Россию не существует, ровно как и наоборот (3).

Но если у ученых, вращающихся примерно в одной и той же интеллектуальной и культурной среде, взгляды отличаются, что же говорить о рабочих из Эссена, крестьянах из Баварии, банковских служащих из Кёльна или продавцах из маленького провинциального городка Эрфштадта. То же самое касается представителей различных политических спектров – в прошлом и в настоящем. Либералы, социал-демократы, христианские демократы, зеленые – у них свои представления о прошлом и будущем России, о том, как с ней следует выстраивать отношения.

И тем не менее поток истории – это не просто разнонаправленные поступки отдельных людей в некотором хаотичном движении. Выявляются какие-то тенденции, какие-то причинные взаимосвязи в зависимости от разных окружающих обстоятельств. Такие взаимосвязи в свое время побудили значительную часть немцев поддержать нацистский режим. Но те же немцы после Второй мировой войны создавали в западной части страны общедемократический консенсус, осмыслили в духовном акте покаяния свершенное в годы войны и теперь принимают активное участие в общеевропейском строительстве.

Понять менталитет именно этого поколения немцев наиболее важно для россиян – как с ними взаимодействовать, как дальше жить. Иных обижает, что в немецких СМИ слишком много внимания обращается на теневые стороны жизни в России. Но ведь эти стороны не выдуманы, многие из них признаются властью и критикуются оппозицией. Немцев прежде всего беспокоит возможное развитие авторитарных тенденций в России с их отрицательными возможными последствиями для окружающего мира, в том числе и для Германии.

Герд Кёнен в упомянутой книге (36) говорит о таком феномене, как «российский комплекс». У немцев повышенный интерес к тому, что происходило и происходит в России. Некоторые даже говорят о мистических связях немцев и русских. Гюнтер Рормозер писал в 1993 г., когда Россия уже второй год вырабатывала свой новый курс: «В условиях, когда логика процессов модернизации приобретает радикальный характер, а культура, сделавшая возможными и вызвавшая эти процессы, находится в состоянии глубокого всеобщего кризиса, многое будет зависеть от той духовной силы, с которой русские и немцы смогут философски осмыслить свой всесторонний, во многом сходный опыт» (цит. по: 16, с. 28). По-разному можно оценивать смысл того «духовного опыта», о котором говорит Рормозер, но представляется очевидным, что от-

ношения между Россией и Германией не могут носить только подчеркнуто экономический характер в отрыве от культурных и духовных процессов, от понимания роли демократии в деле обеспечения прав человека, его свободы. Опросы последнего времени свидетельствуют о том, что в Германии возрастает тенденция настроенного отношения к происходящему в России. Результаты опроса, проведенного в 47 странах и опубликованного в июне 2007 г., показали, что в Германии 34% опрошенных относятся к России положительно и 62% – отрицательно (12). И как будут дальше развиваться события, многое зависит от действий руководящих политиков. Но не будем при этом забывать главного: за многовековую историю отношений между Германией и Россией впервые создалась ситуация, когда в сознании и даже в подсознании жителей России исчезло затаенное чувство страха перед возможным нападением со стороны немцев. Есть основания предполагать, что подобные чувства испытывают и жители Германии, не боясь вторжения «русского варвара». Мы вступили в новую историческую эпоху, и наша обязанность использовать предоставляемые ею шансы.

Список литературы

1. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. – М., 2005. – 336 с.
2. Драбкин Я. О Копелеве в жизни и творчестве // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект» / Под ред. Драбкина Я.С. – М., 2002. – С. 33–36.
3. Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России, ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарии. – М., 2003. – 544 с.
4. Зуев М.Н. История России. Учебное пособие. В двух книгах. Книга 2. История России в XX – начале XXI века. – М., 2002. – 608 с.
5. История Германии: Учебное пособие для студентов вузов в 3 т. / Под ред. Б. Бонвеча, Ю.С. Галактионова. Т. 2. – Кемерово, 2005. – 624 с.
6. Каутский К. Большевизм в тупике. – М., 2002. – 315 с.
7. Копелев Л. К предыстории русских образов немцев // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект» / Под ред. Я.С. Драбкина. – М., 2002. – С. 121–156.
8. Копелев Л., Орлова Раиса. Мы жили в Кёльне. – М., 2003. – 544 с.
9. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. – М., 1953. – 104 с.
10. Люксембург Р.: Актуальные аспекты политической и научной деятельности (К 85-летию со дня гибели). Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. – М., 2004. – 294 с.

11. Люксембург Р. О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма / Сост. Я.С. Драбкин. – М., 1991. – 399 с.
12. Московский комсомолец. – 2007, 29 июня. – С. 3.
13. Не упустить наших возможностей. Аспекты российско-германских отношений в XX веке / Сост. Якобсен Х.-А., Орлов Б. – М., 1992. – 141 с.
- 13а. Они были не только противниками. Русские и немцы на протяжении двух столетий / Под научн. руководством проф. Б. Бонвеча. Сост. Дуда Г. и Розе О. – М.; Эрланген, 1990. – 154 с.
14. Орлов Б. Германия с дальнего и ближнего расстояния. – М., 2005. – 493 с.
15. Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ. 1848–2002. – М., 2003. – 560 с.
16. Россия и Германия. Опыт философского диалога. – М., 1993. – 351 с.
17. Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур / Редколлегия: С.А. Карп (отв. ред.), Й. Шлобах, Н.Ф. Сокольская. – М., 2000. – 310 с.
- 17а. Сосновский А. Гешефт с Путиным // Московские новости, 2005. – 7–13 октября, № 39. – С. 9.
18. Ханс и Доротея. История одной немецкой семьи // Орлов Б. Германия с дальнего и ближнего расстояния. – С. 340–348.
19. Шмидт Г. Положение в современном мире. Глобальный обзор. – Доклад в Германском историческом институте. – In recto. – М., 2007. – 14 с.
20. Altrichter H. Kleine Geschichte der Sowjetunion. 1917–1991. – München, 2001. – 262 S.
21. Böhme W. Der Menschenwürde rechnung tragen. Druck Moskaus auf die neuen Republiken als Folge sowjetischer Kolonisierungspolitik // Die Welt. – 1994. 29. Sept. – S. 7.
22. Borke von A. Die Ursprünge des Bolschewismus. Die jacobinische Tradition und die Theorie der revolutionären Diktatur. – München, 1977. – 646 S.
23. Eimermacher K., Volpert A. (Hrsg.). Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit. – München, 2006. – 1134 S.
24. Eimermacher K., Volpert A. (Hrsg.). Tauwetter, Eiszeit und Gelenkte Dialoge. Russen und Deutsche nach 1945. – München, 2006. – 1306 S.
25. Eimermacher K., Volpert A. (Hrsg.). Verführungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. – München, 2005. – 1395 S.
26. Genesis und Entwicklung des Kapitalismus in Russland. Studien und Beiträge / Hoffman P., Lemke H. (Hrsg.). – Berlin, 1973. – 267 S.
- 26а. Enzyklopädie des Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Benz, H. Grampl, H. Weiß. – Berlin, 2000; Alltag unter Hitler / Hrsg. von W. Schneider. – Berlin, 2000; Anatomie des SS-Staates / Von H. Buchheim, M. Broszat, H.A. Jacobsen, H. Krausnik. – München, 1994.
27. Götz R., Halbach U. Politisches Lexikon. GUS. Dritte, neubearbeitete Auflage. – München, 1996. – 448 S.
28. Götz R., Halbach U. Politisches Lexikon. Rußland. Die nationalen Republiken und Gebietseinheiten der Russländischen Föderation. – München, 1994. – 400 S.
- 28а. Grabowsky A. Der Geistige Aufbau der Sowjetunion // Das neue Russland. – Berlin, 1930. – H. 3/4, S. 4–6.

286. Grobe K. Russland-Feind oder Partner? // Frankfurter Rundschau, 1994. – 19. April.
29. Gorzke G., Schulze P.W. (Hrsg.). Auf der Suche nach einer neuen Identität. Russland an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. – Bremen, 1998. – 294 S.
30. Hamburg auf den Barrikaden. Erlebtes und Erhörtes aus dem Hamburger Aufstand 1923. Von Larissa Reisner. – Berlin, o.j. – 85 S.
31. Handbuch der Geschichte Russlands // Heilmann M., Zernack K., Schramm G. (Hrsg.). – Stuttgart, 1980. – Bd I–VI.
32. Herrmann D., Volpert A. (Hrsg.). Traum und Trauma. Russen und Deutsche im 20. Jahrhundert. – München, 2003. – 318 S.
33. Kahn H.W. Die Deutschen und die Russen: Geschichte ihrer Beziehungen vom Mittelalter bis heute. – Köln, 1984. – 225 S.
34. Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall. – München, 1993. – 393 S.
35. Kappeler A. Umbau des Sowjetsystems: 7 Aspekte eines Experiments. – Bonn, 1989. – 237 S.
36. Koenen G. Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten. 1900–1945. – München, 2005. – 528 S.
37. Lexikon der Geschichte Russlands / Torke H.-J. (Hrsg.). – München, 1983. – 446 S.
38. Luks L. Geschichte Russlands und der Sowjetunion. – Regensburg, 2000. – 574 S.
39. Margolina S. Russland: die nichtzivile Gesellschaft. – Hamburg, 1994. – 220 S.
40. Mommsen M. Wohin treibt Russland? Eine Grossmacht zwischen Anarchie und Demokratie. – München, 1996. – 196 S.
41. Neumark N. Die Russen in Deutschland: Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. – Berlin, 1999.
42. Nolte H.-H. Der Aufstieg Russlands zur europäischen Grossmacht. – Stuttgart, 1981. – 124 S.
43. Nolte H.-H. Russland, UdSSR. Geschichte, Politik, Wirtschaft. – Hannover, 1991. – 285 S.
44. Nolte H.-H. Kleine Geschichte Russlands. – Bonn, 2005. – 544 S.
45. Rahr A. Wladimir Putin. Der Deutsche in Kreml. – München, 2000. – 286 S.
46. Russland am Abgrund: Staat und Wirtschaft in der Krise. – Hamburg, 1996. – 98 S.
47. Säger D. Betrogenes Russland: Jelzins gescheiterte Demokratie. – München, 1996. – 351 S.
48. Schmidt-Häuer Ch. Bis daß der Tod sie scheidet. In Jelzins Kreml-Garde hat der Kampf um die Macht längst begonnen // Die Zeit. – Hamburg, 1996. – 27. Sept., N 40. – S. 1.
49. Sie waren nicht nur Gegner. Deutsche & Russen in zwei Jahrhunderten / Mit einem Vorwort von Hans-Dietrich Genscher. – Dortmund, 1990.
50. Simon G. Zukunft aus der Vergangenheit. Elemente der politischen Kultur in Russland // Osteuropa, 1995. – S. 455–482.
51. Stählin K. Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Gegenwart. – Stuttgart, 1923, Bd. I. – 438 S.
52. Stökl G. Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 6. erweiterte Auflage. – Stuttgart, 1997. – 961 S.

53. Teltschik H. Gorbatschow helfen // Die Zeit. – 1991. – Mai, N 23. – S. 7.
54. Timmermann H. Was erwartet Europa von Russland? / Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. – Köln, 1992, N 10. – 46 S.
55. Vogel H. Möglichkeiten einer spezifischen sowjetischen Informationsgesellschaft. Kolloquium des Planungsstabs des Auswärtigen Amtes in Bonn. Am 28. November 1985. – In recto. – 22 S.
56. Vogel H. Umweg oder Rückfall? // Osteuropa, 2004. – N 8. – S. 42–49.
57. Vogeler H. Reise durch Russland: Die Geburt des neuen Menschen. – Dresden, 1925.
58. West-Östliche Spiegelungen. Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbildung unter der Leitung von Lew Kopelew.

Reihe A.

Bd. 1. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 9–17. Jahrhunderten / Hrsg. Mechthild Keller unter Mitarbeit von Ursula u. Karl-Heinz Korn. – München, 1985.

Bd. 2. Russen und Russland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung / Hrsg. Mechthild Keller. – München, 1987.

Bd. 3. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung 1800–1871 / Hrsg. von Mechthild Keller unter Mitarbeit von Claudia Pawlik. – München, 1992.

Bd. 4. 19/20. Jahrhundert. Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von Mechthild Keller unter Mitarbeit von Karl-Heinz Korn. – München, 1999.

Reihe B.

Bd. 1. Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 17–19. Jahrhundert / Hrsg. Dagmar Herrmann unter Mitarbeit von Johanne Peters, Karl-Heinz Korn u. Volker Pallin. – München, 1988.

Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. Sonderband: Deutsche und Deutschland in der russischen Lyrik des frühen 20. Jahrhunderts / Hrsg. Dagmar Herrmann, Johanne Peters. – München, 1988.

Bd. 2. Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung / Hrsg. Dagmar Herrmann unter Mitarbeit von Karl-Heinz Korn-München, 1992.

Bd. 3. 19. Jahrhundert. Von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexanders II / Hrsg. Dagmar Herrmann und Alexander L. Ospowat. – München, 1998.

Bd. 4. 19/20. Jahrhundert. Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. Dagmar Herrmann und Alexander L. Ospowat.

59. West-Östliche Beziehungen. Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbildung.

Bd. 5-1. Deutschland und die Russische Revolution. 1917–1924 / Hrsg. Gerd Koenen, Lew Kopelew. – München, 1988.

Bd. 5-2. Deutschland und die Russische Revolution. 1917–1924 / Hrsg. Gerd Koenen, Lew Kopelew. – München, 1988.

60. Zukunftsperspektiven der Sowjetunion. Programm und Wirklichkeit. – München, 1984. – 200 S.

Глава 4

ОБРАЗ РОССИИ ВО ФРАНЦИИ: «РУССКИЙ» И «СОВЕТСКИЙ ВОПРОС» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Отношения России и Франции на протяжении истории были отмечены многочисленными взлетами и падениями, а краткие моменты политического сближения сменялись продолжительными периодами взаимного отчуждения. Отражая фазы политического потепления – охлаждения, сменяли друг друга образы России, которая воспринималась во Франции то как «варварская Московия», то как «великая европейская держава». После революции 1917 г. зависимость образа России от дипломатических отношений между двумя странами ослабла, зато большую роль стали играть политические мотивы. Развал Советского Союза и возникновение на политической карте мира нового государства, казалось бы, должны были «освободить» образ России от политического наследия, а начавшееся строительство основ демократии и рыночной экономики сделать ее более близкой и понятной современным французам. Однако в реальной жизни этого не произошло.

Существуют разные способы изучения внешнеполитических образов. В одних работах образ России во Франции рассматривается как отражение реальных политических процессов. В этом случае «реальная политика» доминирует над системой смыслов, а центральное место уделяется качеству дипломатических отношений, интенсивности и устойчивости экономических связей (11; 145). В других обосновывается тезис о том, что на протяжении трех последних столетий взгляд Запада на Россию был производным от концептуальных схем и представлений, с помощью которых западные аналитики объясняли и интерпретировали российскую, а позже советскую действительность. Образ Другого,

считает американский историк М. Малиа, – это «двойное зеркальное отражение», в котором виден, в первую очередь, тот, кто смотрит в зеркало (103). Существует третий способ анализа, сочетающий в себе прием «прямого» и «двойного зеркального отражения». Сегодня он успешно применяется французскими историками (С. Кере, Р. Мази).

Цель настоящего исследования – выяснить, что представляет собой образ России во Франции, из чего он складывается и какие доминанты в нем присутствуют. Эволюционно-хронологический способ анализа позволяет выявить, как менялось содержание образа в разные исторические эпохи.

В процессе работы наряду с исследованиями историков, философов, политологов были использованы материалы интервью, взятые автором у французских специалистов, занимающихся изучением России (2006–2008). Всем коллегам, пожелавшим встретиться с автором, приношу глубокую благодарность. Особую признательность хочу выразить моему другу Франсуазе Барри, оказавшей неоценимую помощь в подборе материалов. Я также благодарна Александру Гордону, Жерару Вильду и Жилю Фаварелю-Гарригу за их профессиональную критику и дружеское участие. Автор благодарит администрацию Дома наук о человеке (Париж) за организацию научной командировки во Францию (2008).

1. Из России в СССР

«Открытие» России: Рождение двух образов (XVI–XIX вв.)

До конца XIX в. во Франции основными источниками о России были путевые заметки, дневники и корреспонденция путешественников. В ранних документах, относящихся к XVII в., акцент делался на нецивилизованности страны и жестокости царивших в ней нравов. Сопоставление первых документальных свидетельств о России, появившихся в Европе, убеждает в том, что французские авторы были более критичны к «далекой Московии», нежели другие европейцы (20; 145, с. XV). В формировании негативного отношения несомненную роль играла территориальная удаленность России. Действовали и прагматические соображения: англичане и немцы, в отличие от французов, активно торговавшие с Россией, получали большие выгоды от экономических связей с далеким соседом.

Век Просвещения сформировал контрастные образы России. Один принадлежал французским философам – Вольтеру, Дидро, д'Аламберу, Гримму. Ими была создана «просветительская сказка» – миф о варварской стране, которая в короткий отрезок времени цивилизуется гением своего правителя (М. Малиа). Признавая ценности новой цивилизации, философы Просвещения утверждали: если они подходят Европе, то пригодны и для других стран (9). Просвещенный монарх озарен стремлением вывести свою страну из небытия, сделать жизнь подданных благополучной и счастливой. Именно в этой тональности первое поколение философов века Просвещения писало о Петре I и Екатерине II. Деятельность философов-просветителей не пропала даром. Во многом благодаря им Россия стала восприниматься на Западе и позиционировать себя как европейская страна. Проект реформ «Наказ» Комиссии о составлении проекта нового уложения, подписанный Екатериной II, начинался словами «Россия есть Европейская держава» (24, с. 2).

Но был у века Просвещения и другой, отнюдь не восторженный взгляд на Россию. Он принадлежал второму поколению философов-просветителей – Ж.-Ж. Руссо и его последователям. В монархии эти философы видели проявление деспотизма, а общественным идеалом считали республику. «Восточной утопии», созданной Вольтером, Руссо противопоставил образ страны, неспособной воспринять европейскую культуру. «Русские, – писал он в трактате “Об общественном договоре”, – никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантом подражательным, у него не было подлинного гения... Он понимал, что народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества». Основным упрек, адресованный российскому реформатору, состоял в том, что вместо воспитания в своем народе национального характера Петр I стремился из русских сделать немцев и англичан (28, с. 183).

Первая половина XIX в. сохранила два запоминающихся образа России, созданные Ж. де Местром и А. де Кюстином. Они диаметрально противоположны, как различны характеры и судьбы их авторов. Де Местр – французский аристократ и мыслитель, в годы Французской революции нашедший пристанище в России. О русских он отзывался с нескрываемой симпатией, относя к их достоинствам природные способности, проницательность, прекрасное владение языком. Болезненно переживший Французскую

революцию, де Местр полагал, что привыкшая жить в рабстве Россия не готова к демократизации. В записке, подготовленной для Александра I, он предостерегал российского императора от поспешного реформирования общества. Опасность, писал де Местр, не в том, что русские стремятся к европейским знаниям и наукам, но в том, что они хотят «в один миг прийти к тому, к чему мы шли так долго» (22, с. 60).

Монархист де Кюстин приехал в Россию в 1839 г., чтобы увидеть «незараженное» вирусом революции общество и найти подтверждение своим легитимистским взглядам. Однако из своего путешествия он вернулся глубоко разочарованным. Россия предстала перед ним в образе огромной тюрьмы, все обитатели которой – от представителей древних дворянских родов до простых крестьян – были рабами. Отождествляя общество и власть, Кюстин отказывал русским в наличии способностей, утверждая, что они не имеют собственных интеллектуальных ресурсов развития и лишь копируют, хоть и неудачно, европейские образцы (17). Еще до Кюстина европейские авторы критически отзывались о России. Отличие книги «Россия в 1839 г.» состояло в том, что высказанные в ней мысли стали достоянием широких кругов европейской общественности, чему способствовал огромный для XIX в. тираж (200 тыс. экз.) и переводы книги на европейские языки.

Как объяснить столь различные взгляды на Россию? Ответ на этот вопрос следует искать в историческом контексте. Де Местр и де Кюстин принадлежали к двум разным историческим эпохам. Де Местр, этот «величайший идеолог реакции начала XIX века», как его называл Н. Бердяев (4, с. 47), размышляя о судьбах «молодых народов», к которым он относил Россию, хотел уберечь их от казавшейся ему неизбежной революции. Де Кюстин – представитель консервативного романтизма. Для него мир четко делился на две части: западную – «цивилизованную» и восточную – «нецивилизованную». В этой логике России было уготовано место «азиатской», «варварской» страны. Де Местр писал о России в начале XIX в., когда российская власть размышляла о проведении демократических реформ, а Кюстин в конце 1830-х годов после разгрома выступления декабристов и восстания в Польше, когда русская монархия сделала выбор не в пользу либеральных ценностей. Де Местр опасался быстрых преобразований, Кюстин писал о поверхностной европеизации, проведенной в России. Первый напутствовал, второй осуждал, и его осуждение носило оценочный характер.

Следующий этап в формировании образа России во Франции пришелся на 1850–1870-е годы XIX в. В конце 1850-х годов Россию посетил А. Дюма, опубликовавший заметки о своем путешествии. Практически в то же время в России побывал другой известный писатель Т. Готье. Путешественники и писатели имели особое представление о пространстве России. Они, как отмечает историк Д. Лиштенау, сначала «составляли географические карты России, а потом постепенно изобретали виртуальное, романтическое “русское пространство”» (19). На основании путевых заметок и литературных произведений сложился романтический образ России.

Преодолеть далекое от реальности представление о России удалось с появлением серьезных исследований в области русской культуры и истории. В 1876 г. вышла работа французского историка А. Рамбо «Эпическая Россия», в которой анализировались европейские истоки русской истории. Вслед за ней было опубликовано исследование Е.М. де Вогюэ «Русский роман», в котором русская литература рассматривалась как источник, способный обновить французскую литературную традицию. Но самой главной книгой о России, написанной в XIX столетии, стало многотомное исследование «Империя царей» (1881–1889), переведенное на все европейские языки (99). Его автор историк А. Леруа-Болье по праву считается одним из первых французских специалистов по истории России. В своем исследовании он отстаивал тезис, что Россия – это европейская страна, начавшая движение в сторону Запада в годы правления Петра I и ставшая неотъемлемой частью Европы в результате реформаторской политики Александра II. Леруа-Болье заложил основы «культурологического» подхода к изучению русской истории. В его работе была сделана попытка понять русскую специфику, отсюда и такие введенные историком понятия, как «русская душа» и «русский мистицизм».

Публикация работ Е.М. де Вогюэ и А. Леруа-Болье совпала с военно-политическим сближением России и Франции и заключением русско-французского военного союза (11; 145). Они, как нельзя лучше, подготовили французскую общественность к принятию России в качестве политического союзника Франции. С конца XIX в. во французском общественном мнении Россия приобрела общественно значимый статус «влиятельной европейской державы». Четко сформулированный политический запрос принес свои плоды: рожденные в кабинетах ученых идеи были восприняты французской общественностью.

Политическое сближение двух стран позитивно сказалось на развитии французской славистики. С конца 1890-х годов во французских лицеях началось преподавание русского языка. В 1874 г. в Париже в Школе восточных языков¹ открылось русское отделение, в 1885 г. в Сорбонне была создана кафедра русского языка и литературы. В эти годы во французской культуре сформировалось новое течение, которое некоторые историки именуют «французским славянофильством» (11). Оно было представлено выдающимися славистами, которым на рубеже XIX–XX вв. удалось создать привлекательный образ России. Внимание французского общества к России было вызвано не только политическими или гуманитарными соображениями. Была в нем и экзистенциально-символическая составляющая: для Франции, униженной поражением во франко-прусской войне, «русский мир» приобретал особый смысл и становился антитезой растущему культурному и политическому влиянию Германии.

В начале XX в. сближение России и Франции продолжалось. В эти годы Россия впервые в своей истории из импортера культуры стала превращаться в ее экспортера, а Франция открыла для себя новую Россию. Французы читали переводы Толстого, Достоевского, Чехова, Бунина. Париж рукоплескал русским балетам, восхищался музыкой Римского-Корсакова, Бородина, Чайковского, Стравинского. На страницах журнала «*Revue des études russes*» Россия представляла богатейшей страной, развитие деловых связей с которой сулило немалые выгоды французскому бизнесу. В России открывались представительства французских компаний, банки инвестировали капиталы в российскую экономику. Признаком растущего доверия французского общества к России стало помеще-ние рядовыми французами своих сбережений в российские государственные ценные бумаги (более 1,5 млн. вкладчиков).

Итак, в XVIII–XIX вв. во Франции сложились образы России, которые со временем превратились в стереотипы. Для одних Россия была дикой северной, а позже азиатской страной, представлявшей угрозу для Европы. Для других – государством, которое по своей культуре и религии являлось частью Европы и союзником Франции. В качестве объяснения русской специфики использовался миф об особой «русской душе», который до сих пор

¹ В настоящее время – Французский национальный институт восточных языков и культур.

встречается в исследованиях (137) и политическом дискурсе¹. В разном историко-политическом контексте эти противостоящие друг другу образы будут возрождаться на протяжении всего XX и даже в начале XXI в.

СССР в 1920–1930-е годы: Образ в плену идеологии

Русская революция и формирование нового общества в СССР потрясли мир. Для одних 1917 г. положил отсчет новому историческому времени и воплотил в себе великие идеалы свободы и социального равенства; для других – стал символом всеобщего хаоса, свидетельством возвращения России к ее историческим истокам – «варварству» и «азиатчине». В 1920–1930-е годы во Франции отсутствовали условия для научного изучения Русской революции. Этому не следует удивляться. Науки, изучающей политику в реальном времени, в те годы не существовало, а историки анализировали события, которые как минимум на 50 лет отстояли от современности. Отсутствовала необходимая источниковедческая база для изучения российской действительности. В отсутствие документов и статистических данных основным источником становились свидетельства очевидцев. Но главное состояло в том, что с самого начала отношение к революции 1917 г. определялось политическими симпатиями. Марксисты, коммунисты, интеллектуалы левых взглядов восхищались революцией, а противники СССР, к которым с конца 1920-х годов присоединились диссиденты коммунистического движения, ее осуждали.

В 1920–1930-е годы СССР стал местом паломничества для тысяч французов. В эти годы на смену путешественникам-писателям пришли путешественники-политики. Их поездки не имели ничего общего с «буржуазным туризмом», а цель состояла в «открытии новой политической системы» (106, с. 8). Среди путешественников были активисты ФКП и профсоюзные лидеры, рабочие, ученые, писатели. Многие из них по возвращении во Францию публиковали заметки о своих впечатлениях о поездке на «родину первой социалистической революции». Близость дистанции являлась главным аргументом подлинности написанного. Путевые заметки становились иллюстративным материалом, позво-

¹ Во время официального визита в Россию президент Французской Республики Н. Саркози (октябрь 2007 г.) в своем выступлении перед студентами Государственного технического университета им. Н. Баумана говорил об особых свойствах «русской души». – *Прим. авт.*

лявшим конструировать «коммунистическую утопию» (Ф. Фюре). Этот процесс предполагал наличие постоянно воспроизводившихся тем. В 1920-е годы речь шла о достижениях СССР в борьбе с неграмотностью, успехах среднего и высшего образования, равенстве мужчин и женщин, борьбе с бедностью. С началом индустриализации в путевых заметках начал преобладать пафос строительства нового общества. В эти годы в них воспроизводился образ динамично развивавшейся «страны-предприятия», говорилось об успехах первых пятилеток, отчетливо звучала вера в индустриализацию и научно-технический прогресс.

Мотивы интереса к России у представителей разных политических течений различались. Интерес французских коммунистов питался политическими идеями: русская революция была для них моделью, которой должны были следовать страны Запада. Французские социалисты, не разделявшие увлечения революционными методами борьбы, тем не менее с большим уважением отнеслись к русской революции, видя в ней продолжение 1789 г. и Парижской коммуны. Для представителей французской творческой интеллигенции – А. Барбюса, Р. Роллана, А. Жида, Л. Арагона – СССР стал источником вдохновения. Интерес к Советской России политических деятелей являлся следствием политического реализма. Первым известным французским политиком, посетившим СССР, был Э. Эррио¹. В 1924 г. по инициативе Э. Эррио, к тому времени возглавившего совет министров, Франция признала СССР и установила с ним дипломатические отношения. Вновь посетивший СССР в 1933 г. Эррио в книге «Восток» писал о том, что поскольку русская революция и возникновение СССР – это свершившиеся события, то «пришло время изучать эти факты, отбросив страсти» (36, с. 13).

Восприятие русской революции французским обществом подробно анализируется в книге историка, профессора Высшей нормальной школы С. Керре «Восточное сияние. Французы и Советский Союз, 1917–1939». В ней показано, как сторонниками СССР конструировался позитивный образ советской России, какую роль в этом процессе играли Коминтерн и ФКП, а также действовавшие за рубежом советские организации. Революционные репортажи 1920–1930-х годов заложили основы мифа о Со-

¹ В годы Первой мировой войны мэтр Лиона, радикал Э. Эррио возглавил Ассоциацию Франция–Россия (1916), которая была призвана укреплять отношения между союзниками (59, с. 23).

ветской России – стране «социального рая» для трудящихся, который на долгие годы сохранился во французских левых кругах.

Почему французские интеллектуалы согласились принять советский миф? Для многих из них это совпало с принятием коммунистической идеологии, в которой они нашли ответ на вопросы истории и современности, а также общественно-политический проект будущего, воплощением которого стал СССР. Их воодушевлял «революционный романтизм» и идея разрыва с прошлым. Ф. Фюре писал, что 1917 год напомнил многим французским сторонникам демократии и республики их собственное революционное прошлое (81, с. 82). В конце 1920-х годов, когда в Европе разразился экономический кризис, СССР предстал образцом нового благополучного и стабильного общества, которому неведомы потрясения. О том, что прячется за фасадом этой «стабильности», французской общественности не было известно или она не хотела об этом знать.

Большое влияние на умонастроения общества оказывала международная ситуация. Приход к власти в Германии национал-социалистической партии во главе с Гитлером (январь 1933 г.) был воспринят французской общественностью как прямая угроза национальной безопасности. Поиск внешнеполитических союзников привел Францию к сближению с СССР. В 1932 г. в Париже был подписан франко-советский пакт о ненападении, а в мае 1935 г. – договор о взаимной помощи между Францией и Россией, по которому стороны обязывались оказывать друг другу поддержку в случае внешней угрозы. В этом историческом контексте любая критика советского режима воспринималась французской общественностью как «политическая провокация» (59, с. 244). К этому добавлялась глубокая ненависть французов к Гитлеру. «Прогитлеровцев, – позже писал французский философ и политолог Р. Арон, – мы презирали, тогда как просталинцы часто были нам намного симпатичней» (1, с. 61).

На противоположном фланге сформировалось антибольшевистское течение. Его представители отождествляли революцию с анархией и террором. Идейным и политическим противником Революции была русская эмиграция (137). Для ее представителей была характерна политическая заостренность оценок. Русские историки, политики и мыслители, эмигрировавшие во Францию, считает Э. Каррер д'Анкосс, могли бы в 1920–1930-е годы внести большой вклад в изучение СССР, однако «они замкнулись в своей личной трагедии» и не сумели во имя научной объективности пре-

одолеть эмоциональное отрицание революции (105, с. 13). Русская колония во Франции была многочисленной (80 тыс. человек в 1920-е годы), однако большого политического веса во французском обществе она не имела. Никто из известных русских иммигрантов не стал признанным экспертом по России во французских правительственных или журналистских кругах. Русские интеллектуалы были не востребованы французскими университетами, не были интегрированы в научную среду, по крайней мере в общественных науках (59, с. 78–79).

Еще одним идейным противником Советского Союза стали диссиденты коммунистического движения. Центральное место в этом ряду принадлежало последователям Л. Троцкого. Троцкисты критиковали советский режим за «предательство дела революции». В 1935 г. в Париже вышла книга Б. Суварина «Сталин. Исторический обзор большевизма». Эта книга многократно переиздавалась, последнее издание без каких-либо изменений, но с послесловием автора вышло в 1977 г. (136). Это было первое изданное по-французски крупное исследование по истории СССР. В книге ставились важнейшие для понимания советского политического режима вопросы: его природа и внутренние изменения. Основными признаками советского режима автор считал отсутствие политических свобод, запрещение оппозиционных общественных организаций и их постепенное превращение в инструмент правящей партии (136, с. 232–233). В сталинской России возникло «кнуто-советское» государство, в котором возродились традиции «азиатской Московии» с ее дикостью, деспотизмом и насилием. Суварин был одним из первых авторов, написавших правду о советских лагерях. Однако в свет книга вышла в момент политического сближения Франции и СССР. В левых кругах Франции она была воспринята как шокирующая, а издательство «Галлимар» отказалось ее печатать.

В целом можно сделать вывод, что главным в публикациях об СССР во Франции в 1920–1930-е годы было не знание новой реальности, но отношение к ней. Одни авторы видели в русской революции подтверждение «дикости» русского народа: тем самым вновь возрождался миф об особенностях «русской души», которой свойственны фатализм, пассивность, готовность терпеть диктатуру и насилие (59, с. 213–214, 232). На другом фланге русская революция воспринималась как прорыв из прошлого в будущее, осуществление на практике великих идей свободы и социального равенства. Это было не простое восхищение перед народом и стра-

ной, начавшим отсчет нового исторического времени. Для коммунистов и представителей левой политической мысли Россия становилась носителем нового социального и политического опыта. Если в начале XX в. России удалось превратиться в «экспортера» культуры, то после 1917 г. она приобрела новую историческую и политическую значимость как носитель новой модели общественно-политического развития. Под впечатлением революционных событий в России видные французские интеллектуалы вступили в ряды ФКП. Среди них были известные французские историки – Э. Лабрус, Ж.-П. Вернан, А. Собуль. Для них политическое признание революции 1917 г. означало принятие марксизма в качестве научного метода. В 1920–1930-е годы марксистская историческая школа только начала формироваться, но ей предстояло сыграть важную роль в истории французской общественной мысли XX столетия, и в частности в советологии.

Институционализация советологии: От мифологии к критическому осмыслению реальности (1945–1970)

В послевоенные годы Франция начала строительство нового общества, страна была устремлена в будущее, стараясь забыть об унижительном прошлом – периоде оккупации и коллаборационизма. В послевоенный период во французском общественном сознании утвердился героический образ СССР – державы, которая победой в войне доказала правильность своего социально-политического выбора. Победа СССР привлекла к советскому опыту большое внимание французских политиков и интеллектуалов.

В годы, последовавшие за окончанием войны, во Франции произошла институционализация новой науки – советологии, в задачи которой входило исследование советского политического режима и особенностей его функционирования. Французские историки по-разному объясняют возникновение новой науки. Для одних – это был результат признания статуса Советского Союза как великой державы. Политики на Западе, пишет в этой связи Э. Каррер д'Анкосс, пришли к мнению, что советская система «стабилизировалась», что делало необходимым ее изучение (105, с. 15). Для других возникновение новой науки мотивировалось поиском Францией собственной модели развития (71, с. 48). Стало необходимым создание научных учреждений, специализирующихся на исследовании СССР. В 1945 г. был учрежден Институт поли-

тических исследований (Institut d'études politiques) и Высшая школа практических исследований (Ecole pratique des hautes études), в которых готовились кадры по новым научным специальностям. Начали издаваться новые журналы, посвященные СССР, среди них – «L'URSS, faits et documents» (Париж, издавался с 1949 по 1967 г.).

На раннем этапе своего развития советология принесла не только новые знания об СССР, но и способствовала утверждению новых мифов. В разных странах Запада сложились свои национальные советологические школы, а для осмысления советского режима использовались различные схемы анализа. Эти различия особенно видны при сопоставлении траекторий развития двух школ – американской и французской. В послевоенные годы американскими обществоведами была выработана концепция тоталитаризма, ставшая инструментом анализа советского политического режима. В основе этой концепции, как считает российский исследователь Ю.И. Игрицкий, лежала возникшая еще до войны «внутренняя потребность западной политологии и социологии дать дефиницию и типологические характеристики ранее неизвестных им явлений (каковыми, бесспорно, были общество, возникшее в СССР, итальянский фашизм и германский национализм)» (13, с. 55). Концепция тоталитаризма позволила определить, как функционирует система и какая роль в ней принадлежит официальной идеологии и правящей партии. Но предложенный ею анализ отличался схематизмом и политической заостренностью. Советология в США развивалась в условиях «холодной войны». В эти годы в американском обществе окрепли антисоветские и антирусские настроения, а одной из наиболее читаемых книг стала переизданная книга А. де Кюстина.

Формирование советологии во Франции происходило в иных политических условиях. Участие коммунистов в Соппротивлении усилило позиции ФКП, в послевоенные годы профессора-коммунисты получили доступ к лучшим французским учебным заведениям, становились авторами учебников, по которым училась вся страна. Позиции марксизма окрепли. Обращение французских историков, философов, географов, экономистов к марксистскому методу анализа имело не только научный, но и глубоко личный смысл. Марксизм с присущей ему претензией на знание всеобщих законов истории виделся французским интеллектуалам как универсальное знание. Привлекательность марксистского метода усиливалась тем, что, казалось, его принципы успешно реализуются в

жизни первого в мире советского государства. Выбор марксистского метода становился для французских ученых важным шагом в собственном политическом самоопределении. Теперь они не просто отвечали на запрос, сформулированный политиками, как это нередко бывало в прошлом, но сами начинали претендовать на политическую роль.

В послевоенные годы за исследователями-марксистами закрепилась монополия на исследование СССР. В 1945 г. была издана книга коммуниста Ж. Брюа «История СССР», опубликованная в популярной серии «Что я знаю?» (50), а в 1947 г. – книга того же автора «Презентация СССР». В них повторялись ключевые положения официальной советской исторической науки, а история СССР интерпретировалась на основе марксистско-ленинской идеологии. Цель этих работ была не в объяснении советского режима, но в его политической легитимации. Монополия коммунистов и марксистов на научное знание об СССР сохранялась до тех пор, пока существовал альянс между французскими интеллектуалами и ФКП. Демистификация советского режима, как и конструирование «советского мифа», лежали в политической плоскости. Начало демистификации СССР было положено разрывом между И. Сталиным и Б. Тито. За «югославским кризисом» последовало «дело Кравченко», ставшее серьезным потрясением для близкой к ФКП интеллигенции¹. Делом Кравченко во Франции был открыт «великий спор» о сути советского режима (87).

¹ Ответственный советский работник В. Кравченко остался на Западе. В 1946 г. в США, а в 1947 г. во Франции была опубликована его книга «Я выбираю свободу», в которой подробно рассказывалось о репрессиях в СССР и сталинских лагерях. Выход книги во Франции сопровождался политическим скандалом: ФКП официально выступила с опровержением фактов, содержащихся в книге. Кравченко подал в суд на французское издание «Lettres françaises», обвинив его в клевете. Суд состоялся в 1949 г. Свидетелями на процессе выступали политические жертвы сталинского режима, люди прошедшие через советские тюрьмы. Французское общество отнеслось к этим свидетельствам с большим подозрением. М. Бубер-Нойман, опубликовавшая книгу воспоминаний, вызвала возмущение заявлением, что в немецком лагере сохранялись остатки права, которого в советских лагерях вовсе не было. Аргументация сторонников ФКП нередко носила абстрактный характер. Так, известный французский философ Ж.-П. Сартр, в то время близкий ФКП, доказывал, что лагерей в СССР не было, поскольку «концепция лагеря философски противоречит концепции социализма». Такое отношение к свидетельству очевидцев стало возможным, поскольку идеологическая дискуссия, развернувшаяся во Франции вокруг тем «Социализм» и

В 1950 г. французской философ и политолог Р. Арон принял участие в создании Конгресса за свободу и культуру (Берлин), в задачи которого входило разоблачение советского режима. В послевоенной Франции с именем Р. Арона связано становление и развитие либерального течения. В юности философ испытал влияние марксизма и социалистических идей, в начале 30-х годов в Германии заинтересовался неокантианством и социологией М. Вебера. Приход к власти Гитлера с особой остротой поставил перед Ароном вопрос о смысле истории. Накануне войны Арон сформулировал идею тоталитарного государства, которую в то время применил лишь к нацистской Германии и фашистской Италии. В годы, последовавшие за окончанием Второй мировой войны, Арон одним из первых во Франции принял аргументацию тоталитарной школы. В книге воспоминаний «Пристрастный зритель» (1981) ученый писал о том, что тем самым обрек себя на интеллектуальное одиночество и вынужден был расстаться с друзьями молодости, которые в большинстве своем исповедовали коммунистические идеи. Во Франции сила левых партий и идей превращала критику коммунизма в реакционную позицию. Немногие интеллектуалы были готовы к тому, чтобы их причислили к консерваторам или реакционерам. Оказаться в этом лагере было оскорбительно и одновременно опасно. Но не только французские интеллектуалы не были готовы использовать применительно к советскому режиму концепцию тоталитаризма – к этому не было готово французское общество.

На левом фланге советский режим критиковали троцкисты. Основным объектом их критики была «русская бюрократия», извратившая суть революции и организовавшая в России термидорианский переворот. К троцкистам примыкали члены кружка левых интеллектуалов, издававшие журнал «Socialisme ou barbarie» («Социализм или варварство», основан в 1949 г.). Среди членов кружка были интеллектуалы – К. Касториadis, К. Лефор, Ж.-Ф. Лиотар. Анализируя политическую природу Советского Союза, они приходили к выводу об утверждении в СССР «государственного капитализма», проводящего агрессивную внешнюю политику. По мере того как советское влияние на страны Восточной Европы возрастало, эта оценка получала все более широкое распространение в среде французских интеллектуалов.

«СССР», «парила очень высоко над реальностью» и к самой реальности никакого отношения не имела (1, с. 219).

Послевоенные годы во Франции были временем острого идейного противостояния. Главным вопросом, определявшим идейную принадлежность, было отношение к СССР. В интеллектуальной среде деление на коммунистов (и им симпатизирующих) и антикоммунистов было настолько жестким, что любые контакты между двумя лагерями исключались. Представители различных идейно-политических течений были изолированы друг от друга. Каждое из них существовало само по себе, издавало собственные журналы, проводило обсуждение в своем кругу.

Смерть Сталина в 1953 г. и последовавшие за ней осуждение на XX съезде КПСС «культы личности» (1956), жестокое подавление восстания в Венгрии (ноябрь 1956 г.) приоткрыли завесу над советским обществом. Глубокий психологический шок вызвал выход во Франции книги А. Солженицына «Архипелаг Гулаг» (1973–1976). Этот роман, считает Э. Каррер д'Анкосс, предопределил возвращение французского общества и особенно его интеллектуальной части к вечным ценностям Добра и Зла и помог многим во Франции переосмыслить советский опыт (цит. по: 71, с. 51). Начиная с 1956 г. французские интеллектуалы стали дистанцироваться от СССР, а научная мысль – «освободиться» от политики. Часть интеллектуалов пополнила ряды «нового левого» некоммунистического движения. Его сторонники – К. Кастириадис, К. Лефор, Ж. Мартинэ, не отказываясь от идей социализма, искали «третий путь», который был бы не капиталистическим, но и не советским. Идеалом «нового левого» движения стала социалистическая модель, которая, сохраняя верность Французской революции 1789 г., вместе с тем отрицала бы насилие и диктатуру. В 1960-е годы к новому левому движению примкнули известные философы и историки – Э. Морэн, Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри.

С конца 1950-х годов в интеллектуальной среде возросло влияние троцкизма. Для многих левых интеллектуалов троцкизм становился своеобразным переходным периодом, позволявшим дистанцироваться от ФКП (71, с. 49). Именно таким путем – через троцкизм – от марксизма отошел историк А. Безансон, позже примкнувший к тоталитарной школе.

Окреп «либеральный полюс», центром притяжения которого оставался Р. Арон. В 1965 г. философ издал ставшую классической работу «Демократия и тоталитаризм». В ней разоблачалась «религия века» – коммунизм и советский деспотизм, основу которого, по мнению автора, составляла диктатура правящей партии. Вслед за К. Фридрихом и Зб. Бжезинским, описавшими десятью годами

раньше «тоталитарный синдром», французский философ сформулировал пять признаков тоталитаризма. К ним он относил: наличие партии, за которой закрепляется монополия на политическую деятельность; наличие идеологии, на которую опирается «монополистическая партия» («официальная государственная правда»); наличие у государства развитой системы преследования и монополии на средства массовой коммуникации; осуществление государством контроля над экономической и социальной сферами жизни; идеологизация общественной жизни и любых преступлений, которые рассматриваются государством как политические (38, с. 287–288). К ним последователи Арона добавили еще два: стремление партийного государства расширить свое влияние до утверждения мирового господства (Д. Кола, Э. Морэн), а также выявление группы классовых врагов, подлежащих массовому уничтожению (Д. Кола).

Объектом исследования в работе Арона были германский нацизм и советский коммунизм. К чертам, позволявшим сопоставлять эти два политических режима, философ относил: ненависть большевиков и национал-социалистов к демократии и парламентаризму; стремление создать однородное, недифференцированное общество и объединить нацию (в рамках «одной нации» или «одной расы») (Гитлер), «одного класса» (Ленин). Вместе с тем Арон достаточно осторожно использовал параллели между политическими режимами. Отрицая мысль о коренном родстве нацизма и коммунизма, он ввел понятие двух типов тоталитаризма. Главным отличием нацизма от коммунизма Арон считал идеологию: в то время как гитлеровский общественный проект с самого начала был преступен, советский режим, писал он, «вдохновлялся гуманистическим идеалом». Но большевики быстро поняли, что самое гуманное в мире общество невозможно построить без насилия. Советский режим стал продуктом сочетания «высоких целей и жестоких инструментов». Особая роль в нем принадлежала идеологии – Арон называл советский режим «идеократическим» – и партии, закрепившей за собой монополию на интерпретацию идеологии и политическую деятельность.

Элементы тоталитарной теории использовались в трудах ряда историков. В 1917 г., писала Э. Каррер д'Анкосс, большевики «конфисковали» власть у революционного народа и заменили ее диктатурой пролетариата. Уже в годы правления Ленина проявились особенности советского государства – его бюрократизм и авторитаризм (54, с. 27). Сталинский режим основывался на массо-

вом терроре и осуществлялся при помощи трех институтов – Партии, Полиции, Государства. Со смертью Сталина тоталитарная эпоха в жизни советского государства завершилась. Историк анализировала деятельность советского государства, которому противостояло «задыхающееся общество», в открытых и скрытых формах противостоявшее власти. Внутренняя неоднородность, наличие в обществе различных форм протеста давали основание думать, что советское общество может быть трансформировано. «Россия стала инструментом и первой жертвой тоталитарного опыта», – писала Каррер д’Анкосс в более поздней работе «Незавершенная Россия». В годы советского господства, которые приравнивались к периоду татаро-монгольской ига, российская история была прервана, и лишь с провозглашением суверенитета РФ и крахом СССР этот разрыв был преодолен – «Россия вернулась к самой себе» (56, с. 11, 231).

С конца 1970-х годов понятие «советский тоталитаризм» стало применяться во Франции за пределами либерального течения. До начала нового столетия было опубликовано немало работ, в которых анализировался феномен советского тоталитаризма. Среди авторов были бывшие коммунисты, а также люди, откровенно симпатизировавшие социалистической идее. Теория тоталитаризма стала первой научной концепцией, которая противостояла мифологизированному восприятию СССР. Работы представителей школы были острополюемичными, подчас пропитанными антикоммунизмом, их отличала радикальность и эмоциональность оценок. Но иначе быть не могло: в послевоенные годы советская история во Франции являла собой своеобразное «поле битвы», на котором кипели политические страсти. Отношение к ней было повышено эмоциональным: можно было быть только «за» или «против» Советского Союза. После смерти Сталина в СССР начались изменения, а во Франции начал распадаться альянс французских интеллектуалов и ФКП. Французское общество становилось более открытым к восприятию критики СССР. Благодаря работам представителей «тоталитарной школы» французская советология перестала быть прокоммунистической. Эта школа с характерной для нее политической заостренностью подготовила почву для нового этапа развития знаний о советской системе. Появившееся в середине 1960-х годов новое поколение историков отказалось от инструментального видения истории и стало осваивать нейтральный научный подход. Их судьбы сложились по-разному: кто-то пришел к изучению СССР через увлечение марксизмом и коммунизмом

(А. Безансон), кто-то в годы войны был участником Сопrotивления (М. Ферро), другие были выходцами из семей русских эмигрантов (А. Бенигсен, Э. Каррер д'Анкосс, Б. Керблэ). Но всех их объединяло то, что в своем научном анализе они сумели дистанцироваться от личных пристрастий.

В исторической и политической науке формировались новые подходы к изучению СССР. При работе с источниками ученые использовали критический метод, позволявший вводить в научный оборот новые открытые источники, ранее историками не анализировавшиеся (газетные и журнальные материалы, свидетельства современников), и предполагавший использование специальных процедур с целью верификации данных, полученных советскими исследователями. Возрос интерес советологов к истории. Внимание к прошлому объяснялось стремлением ученых понять, что в реальности произошло в СССР в 1917 г. К 50-летию Октябрьской революции было опубликовано исследование М. Ферро «Революция 1917. Падение царизма и основы Октября» (77). В этой работе впервые в научный оборот были введены такие исторические источники, как наказания граждан властям (март-апрель 1917 г.). Критическое направление анализа позволяло «демистифицировать» советскую историю. Новое поколение историков отказалось от «инструментального» взгляда на науку.

Пространство анализа расширилось. Одни авторы изучали советский политический режим: известный журналист М. Татю, представлявший в СССР газету «Le Monde», описывал основные события, происходившие в высших эшелонах власти СССР в 1960–1966 гг., героями его повествования были несколько десятков ключевых политических фигур (138). Других интересовала социальная история советского общества (Б. Керблэ). Большое внимание французские исследователи уделяли изучению советской экономики. Некоторые из них (М. Лавинь) не скрывали своего позитивного отношения к предмету исследования (95), другие (Е. Залесский), наоборот, критически оценивали советский опыт плановой экономики (153).

В 1960–1970-е годы произошло институциональное укрепление советологии. К этому времени во Франции действовало семь научно-исследовательских центров, специализировавшихся на изучении русской и советской истории. В 1969 г. в Институте политических исследований была открыта магистратура по изучению стран Восточной Европы. Правительством был создан Центр информации и документации по странам Восточной Европы и Ки-

таю. Начали издаваться новые научные журналы, среди них: «Cahiers de l'économie soviétique» (Париж, издается с 1945 г.), «Courrier des pays de l'Est» (Париж, издается с 1964 г.), «Cahiers du monde russe et soviétique» (Париж, издается с 1959 г.), «Economies et sociétés» (Париж, издавался с 1956 по 1966 г.), «URSS et les pays de l'Est» (Страсбург, издавался с 1960 по 1968 г.), «Revue de l'Est», позже переименованный в «Revue d'études comparatives Est-Ouest» (Париж, издается с 1970 г.). Русский язык снова преподавался во французских школах.

В 1960–1970-е годы французское общество стало задавать все больше вопросов относительно природы и сущности советского государства. В тот момент дать ответ на них могли только специалисты. Тогда же появилась группа ученых-экспертов, чьи связи с массмедиа повысили общественный престиж профессионального знания. Имена историков М. Ферро и Э. Каррер д'Анкосс стали известны далеко за пределами научного сообщества. Изменилась общественная атмосфера: табу со многих вопросов было снято, стало возможно широкое обсуждение вопросов, имеющих отношение к советской истории и современности.

«Документальная революция» (1980–1990-е годы)

Отношение к Советскому Союзу во Франции в конце XX столетия складывалось под влиянием сдвигов во французской интеллектуальной жизни и политической культуре, а также расширения документальной базы исследований. В 1980-е годы французские интеллектуалы разочаровались в коммунистической идее. ФКП лишилась некогда доминирующих позиций в политической жизни Франции, а марксистская система анализа утратила прежнее влияние в научном сообществе. Из жизни ушли выдающиеся историки-марксисты – А. Собуль и Ж. Брюа, внесшие немалый вклад в формирование позитивного имиджа СССР. Продолжало набирать силу либеральное течение. Работы Р. Арона издавались и переиздавались, читающая публика открыла для себя французскую либеральную мысль XIX в. и забытое имя А. де Токвиля. Открытие архивов и включение в научный оборот неизвестных источников позволили начать изучение ранее скрытых сторон жизни советского общества.

Интерес к СССР и странам социалистического лагеря во Франции продолжал оставаться высоким. Только за период с 1976 по 1991 г. были защищены 56 докторских диссертаций, посвящен-

ных социалистическим странам (87, с. 275). С приходом к власти левых сил финансирование научных исследований возросло. В Высшей школе гуманитарных наук Центр изучения советского общества возглавил М. Ферро, в Институте политических исследований и Центре изучения международных отношений аналогичными исследованиями руководили Э. Каррер д'Анкокс и П. Аснар. Французский национальный институт восточных языков и культур и Институт славянских исследований, по традиции специализирующиеся на изучении языка и литературы, открыли свои двери историкам и географам. Признаком нового времени стала широкая публикация научных дискуссий на страницах газет и журналов. История окончательно перестала быть достоянием профессионального сообщества, превращаясь в предмет публичных обсуждений.

С началом перестройки появились новые возможности изучения советского общества, связанные с открытием советских архивов. В научный оборот были введены документы руководящих органов и низовых структур КПСС; архивы советского государства, и в частности его карательных институтов. Это была подлинная «документальная революция». Ни в одной европейской стране история, считает руководитель Центра изучения России, Кавказа и Центральной Европы А. Блюм, не была столь кардинальным образом обновлена, как это произошло в 1980-е годы с советской историей (49, с. 359). Доступ к новым документам позволил французским исследователям обратиться к анализу различных тем. В числе последних были: функционирование советского государства (историк Н. Верт писал о присущей советскому государству «двойной логике» – административной, которая была унаследована СССР от царской России, и деспотичной, утвердившейся в годы правления Сталина) (149); напряжениях в советской системе между повседневной жизнью и официальной политикой государства (47); функционирование карательной системы, организация массовых репрессий (48); анализ советской экономики, в которой, по мнению Ж. Сапира, содержались отдельные элементы капиталистической экономики (129).

«Документальная революция» по времени совпала с глубокими трансформационными процессами в общественных науках. Во-первых, в новых условиях общественные науки перестали претендовать на «всеобщее знание» о социальных и политических процессах в обществе. В общественных науках произошло снижение «теоретических амбиций» в пользу диверсификации научных

подходов и методов (49). Во-вторых, исследователи отказались от политического и экономического детерминизма и начали изучать все сферы жизни советского общества (92). В-третьих, объектом изучения становились акторы системы (125). В-четвертых, с открытием новых источников с особой остротой встал вопрос об использовании научных методов, позволяющих их интерпретировать, объяснять и верифицировать. Пространство анализа расширилось, однако новых интерпретационных схем, позволяющих лучше понять советскую историю, не появилось. Наоборот, произошло, по выражению швейцарского историка Б. Студер, возвращение к позитивизму с характерной для него «фетишизацией» документального наследия (134, с. 39).

В годы перестройки стали доступны не только архивные материалы – значительно диверсифицировались источники информации о состоянии советского общества. Гласность сделала возможным изучение советской действительности, открылись темы, связанные с деятельностью элит и идеологическими разногласиями в среде партийного руководства. В эти годы во французском научном сообществе вновь получила распространение мысль о возможной либерализации советского режима. Специалисты по советскому праву (М. Лесаж) писали о формировании в СССР правового государства (100; 101), международники отмечали, что сдвиги во внешней политике СССР приближают конец «холодной войны» (140), а социологи фиксировали новые тенденции в культурной и общественной жизни страны (42). Большое внимание уделялось демократизации политического режима. Историки видели в перестройке восстановление нарушенного в 1917 г. исторического континуитета, а географ Ж. Радвани отождествлял ее с революцией (117). С большой симпатией французские авторы относились к М. Горбачёву (139), однако специалисты в полной мере осознавали масштаб экономических проблем, с которыми пришлось столкнуться новому советскому руководителю (63; 64; 65; 130; 151).

Расширение источниковедческой базы и рамок анализа позволило французским обществоведам сформулировать гипотезу, что в новых условиях становится возможным «примирение» сторонников идеологизированной политической истории и аполитичной социальной истории (150, с. 99). Однако во Франции «примирения» между различными подходами к анализу советской истории не произошло. Наоборот, в конце 1980-х – начале 1990-х

годов страна стала свидетельницей одной из самых острых «битв за историю».

В 1995 г. во Франции были изданы две книги: «История одной иллюзии» Ф. Фюре (81) и «Советская трагедия», перевод книги известного американского советолога, представителя тоталитарной школы М. Малиа. В них сталинизм и нацизм рассматривались как порождение несущей смерть идеологии, в первом случае – коммунистической, во втором – нацистской. А два года спустя, в 1997 г., была опубликована «Черная книга коммунизма», быстро ставшая политическим бестселлером (62). В ней впервые были обозначены масштабы «коммунистической катастрофы», которая в течение XX в. в разных странах мира унесла от 85 млн. до 100 млн. человеческих жизней. Но кроме этого, в ней ставился вопрос о том, что все произошедшее в СССР стало возможно благодаря поддержке французского общественного мнения, и в частности левых политических партий. Эти публикации произвели во французском обществе эффект разорвавшейся бомбы. Тезис об ответственности французских левых за злодеяния сталинизма переводил дискуссию в новую – политическую плоскость, затрагивая конкретные персоналии. Сенсационность заявлений одного из авторов и редактора книги С. Куртуа вызвала невиданный интерес со стороны прессы. В свою очередь научное сообщество болезненно реагировало на политизацию дискуссии, историки критиковали публикацию документов из советских архивов без надлежащей верификации содержавшихся в них сведений.

Дискуссия о тоталитаризме во Франции не завершена. Во французских общественных науках существуют разные точки зрения относительно познавательной ценности теории тоталитаризма. Эта концепция, считает А. Берелович, ничего не дала для исследования советского режима, а ее популярность объясняется исключительно политическими мотивами (5). С ним согласен Ж. Радвани: теория тоталитаризма, пишет он, способствовала утверждению плоскостного видения СССР как монолитного общества, в котором отсутствуют противоречия и конфликты (117, с. 10). По мнению М. Ферро, теория носила скорее описательный, чем объяснительный характер. Главными ее ограничениями историк считает сфокусированность на проблемах политики и идеологии, а также безразличие к проблемам развития общества (79). Но существует и другая точка зрения. Так, социолог Ж. Минк убежден: концепция тоталитаризма сформулировала основы для понимания советского режима, хотя предложенная ею модель была статичной

и не учитывала изменений, происходивших в советском обществе (23).

В 2000 г. в свет вышло солидное издание «Век коммунизмов» (134). Это был коллективный ответ европейских историков, политологов, социологов на возрождение тоталитарной парадигмы и публикацию «Черной книги коммунизма». Авторы издания стремились показать сложность и неоднозначность социальных и экономических процессов, протекавших в СССР, их «несостыкованность» с политической историей; множественность коммунистических практик и то общее, что было для них характерно. Участников проекта объединила мысль о недопустимости возрождения политизированного взгляда на историю.

В конце советского периода образ СССР во Франции окончательно потускнел, а советская тема ушла с первых полос журналов и газет (если, конечно, не считать вышеприведенной дискуссии). Негативное восприятие СССР подпитывалось фактами реальной политики, а советский политический режим все чаще отождествлялся с авторитарной и агрессивной властью стареющих вождей. Лишь в связи с начавшейся перестройкой у политиков и исследователей появилась надежда на возможность реформирования советской системы, которые быстро развеялись. Немалый вклад в «развенчание» советского опыта в эти годы внесли представители либерального течения. Многие из них, в том числе С. Куртуа и Ф. Фюре, сформулировали новые правила «популяризации» исторического знания. Вокруг их видения исторических событий разрастались медийные проекты, в них история становилась частью массовой культуры. Тем не менее «актуализация» исторического знания не сумела подготовить французское научное сообщество к одному из наиболее драматических событий конца XX в. – развалу СССР.

II. Русская трансформация конца XX – начала XXI в. в оценках французских аналитиков

Новые тенденции в изучении постсоветской России

В 1991–1993 гг. Россия пережила события, которые по масштабам и остроте сопоставимы с революцией. Распался СССР, перестала существовать советская империя, на политической карте мира появилось новое государство – Российская Федерация. В стране сменился политический режим, произошло крупномасштабное перераспределение собственности, получили развитие

новые формы экономических отношений. Глубокие изменения произошли в российском обществе – изменилась его социальная структура, нарастали различия между богатыми и бедными.

Крушение советской системы внесло смятение в ряды французских советологов. После событий 1991 г. некоторые признанные специалисты от продолжения научной работы отошли, другие переживали тяжелый внутренний кризис. Изучение постсоветской России начало развиваться по новым траекториям: значительно повысилась роль американской научной школы; возрос статус массмедиа; диверсифицировались научные методы, с помощью которых делались попытки осмысления постсоветского мира; расширился состав исследователей, изучающих современную Россию; получило широкое развитие международное, и в частности франко-российское, научное сотрудничество в гуманитарной области.

Влияние американской советологии проявилось задолго до 1991 г. «Сателлитом» американской славистики признает себя французский историк А. Безансон. Многие французские ученые, прежде чем стать известными у себя на родине, получали признание в США. В постсоветский период эта тенденция усилилась. Об «американизации» французской русистики пишет Ж. Минк (112, с. 446), о ней в интервью говорили многие мои собеседники – ведущие французские специалисты, изучающие Россию (2007–2008). «Американцы, – считает Ф. Досэ, преподаватель Университета в Клермон-Ферране, – явно доминируют в этой области знания, а мы, французские ученые, пропитываемся их идеями» (12).

В периоды революций историческое время ускоряется, с особой остротой встает вопрос о своевременном получении информации о происходящем. В этой ситуации журналисты оказываются в привилегированном положении: доступ к информации, порой эксклюзивной, дает им возможность рассказывать о событиях, комментировать и интерпретировать их в режиме on-line. На поворотном этапе новейшей российской истории во французском обществе появилась и стала крепнуть иллюзия, что именно журналисты знают о современной России все.

Новые траектории исследований были предложены учеными, не специализирующимися на изучении России. Крушение СССР, появление новой России, начавшееся в ней строительство основ политической демократии и рыночных отношений вызвали огромный интерес у французских социологов и политологов. Эти исследователи не были славистами, не знали русского языка, но их

впечатлял масштаб перемен, и они с огромным энтузиазмом отправились на «открытие» нового континента – постсоветской России.

Таким образом, границы русистики расширились, она перестала быть сферой интересов узкого круга специалистов. Одно из первых социологических исследований в России провела группа ученых из Центра анализа и социологической интервенции (Высшая школа социальных наук, Париж) во главе с М. Вевьоркой и А. Береловичем. С российской стороны в нем участвовали исследователи Института мировой экономики и международных отношений во главе с Л. Гордоном и Э. Клоповым. Цель проекта состояла в том, чтобы выяснить, происходит ли в условиях постсоветского развития формирование гражданского общества и появляются ли в нем социальные акторы – субъекты социального действия, способные сформулировать и реализовать позитивный проект общественного развития. Вывод французских социологов был в целом пессимистичным – они писали о том, что в постсоветском обществе социальные движения стали менее значимыми, чем в годы перестройки. За три года работы (1992–1994) ученым удалось описать и проанализировать социальные практики, получившие распространение в позднесоветском и постсоветском обществах; выявить и лучше понять мотивы поведения различных социальных акторов (25; 26; 44).

Другой франко-российский социологический проект носил более камерный характер. Инициатором проекта выступил французский социолог Д. Берто (Высшая школа социальных наук, Париж), с российской стороны его курировала В. Семенова (Ин-т социологии РАН). В центре внимания французских и российских социологов были три поколения русских семей. Семья как микрогруппа исследовалась в историческом контексте. Социологи анализировали динамику социальной и территориальной мобильности членов семей, преемственность и изменение их социального статуса, процесс трансляции культурного капитала от поколения к поколению. Работы, опубликованные участниками проекта, – это не только выполненные на высоком профессиональном уровне исследования, но прежде всего пронзительный рассказ о том, как выживали наши соотечественники в XX столетии (31; 45).

Среди французских исследователей нет единства в вопросе, насколько полезны исследования, проведенные неспециалистами. Экономист, руководитель Центра исследований институтов и регулирования в постсоветских системах Ж. Сапир (Высшая школа

социальных наук, Париж) невысокого мнения об этом опыте. Изучением России, считает он, должны заниматься ученые, хорошо знающие историю страны и ее язык (30). Другие исследователи, наоборот, приветствовали новые подходы к изучению России, считая, что расширение методологических рамок позитивно скажется на развитии русистики как самостоятельной науки. Действительно, заимствование социологических методов доказывало, что российское общество может быть изучено с помощью научного инструментария, который применяется в исследовании других стран.

В начале нового столетия пространство для проведения социологических исследований в России сузилось. Об этом в интервью говорил социолог Ж. Фаварель-Гарриг. Общество стало более закрытым, сложно получить доступ к статусным лицам, практически невозможно заниматься острыми политическими сюжетами, бессмысленно пытаться проводить исследования в ряде регионов, в частности на Северном Кавказе. Как-либо выйти из положения можно лишь с помощью паллиативов: выбрать неброскую тему, которая тем не менее будет давать представление об эволюции российского общества, или исследовать события недавнего прошлого, которые утратили политическую актуальность, но представляют большой интерес для изучающих современную историю (35).

Ситуация в России, сложность для французских специалистов проводить качественные исследования имели ряд серьезных последствий для изучения российского общества во Франции.

Образ современной России: Сложности интерпретации

При всем разнообразии мнений во французской аналитике, отчетливо просматриваются два течения. Одно ассоциируется с идеей «деградации» современной России, другое – с идеей ее «нормализации». Сторонники идеи «деградации» критически оценивают российский политический режим, политику, которую проводит российское руководство, и конкретных лиц, находящихся у власти. Их позиция сводится к мысли, что за прошедшие более чем полтора десятилетия не оправдалась надежда, что Россия превратится в демократическое государство с развитой рыночной экономикой. Идее «деградации» противостоит взгляд на современную Россию как на страну, которая приходит в «нормальное состояние». От принадлежности к течению зависит отношение к основным проблемам развития современной России.

Предметом изучения являются различные темы. Внимание исследователей (А. де Тэнги, А. Дюбьен, Тома Гомар) привлекают международные отношения и место России в мире (69; 84; 141), социальные сюжеты, связанные с миграцией населения на постсоветском пространстве (141), социальными сдвигами (128) и формированием в обществе новых социальных групп (68). Ученых также интересуют «горячие темы», такие как война в Чечне и ее последствия для российского и чеченского народов (Т. Обрехт, А. Ле Эйру), рост национализма (М. Ларуэль), развитие неформальных отношений в обществе (67; 108). Рамки настоящей статьи не позволяют раскрыть все эти сюжеты, поэтому остановлюсь на двух, которым уделяется наибольшее внимание: изучении современного российского политического режима и анализе российской экономики. Внимание к теме политического режима появилось сразу после того, как распался СССР и в России начались политические реформы. В последующие годы оно неуклонно нарастало по мере обострения противостояния между законодательной и исполнительной ветвями власти (1993), кризиса государственности (1998–1999) и начавшегося строительства национального Российского государства (2000-е годы).

Одна из характерных черт анализа российского политического режима – его персонификация. В 1990-е годы российский политический режим ассоциировался с именем первого российского президента Б. Ельцина, а он сам – с начатыми в стране демократическими и рыночными преобразованиями¹. События осени 1993 г. стали переломным моментом в отношении к первому российскому президенту, а в ходе осеннего политического кризиса за ним закрепилось новое имя – «царь Борис». Чеченская война (1994), дефолт (1998), смена министерских кабинетов на фоне коррупционных скандалов (1998–1999) разрушили уважение к Ельцину. «На примере оценки деятельности Ельцина на посту президента, – пишет А. Спиридонова, изучавшая образы Горбачёва и Ельцина во французской прессе, – легко прослеживается эволюция отношения французской прессы к России, прошедшая через ста-

¹ При этом следует уточнить, что Б. Ельцин никогда, даже в самые лучшие времена, не пользовался во Франции популярностью, сопоставимой с популярностью М. Горбачёва. А. Спиридонова отмечает, что Горбачёв продолжал пользоваться уважением французов и после его ухода из большой политики, а его оценки политической ситуации до сих пор перепечатываются французскими издательствами (34).

дии неоднозначного восприятия его поступков, снисхождения, уступок, возмущения и, наконец, неприятия и негодования» (34, с. 60). В конце своего правления Ельцин изображался в аналитике как больной, неспособный руководить страной человек, увязший в коррупционных скандалах. За этим отталкивающим образом забывался политик, который окончательно порвал с коммунистическим прошлым и начал строительство новой России¹.

С приходом к власти В. Путина политикоцентричный подход в изучении России стал доминирующим. Растущая закрытость российского общества, непрозрачность процедур принятия решений, отсутствие открытой информации о том, что происходит на верхних этажах властной пирамиды, возродили, казалось бы, оставшуюся в далеком прошлом кремленологию с ее попытками выявить влияние группировок, находящихся у власти или претендующих на нее. Все больше работ в современной Франции выполняются именно в этом жанре. В 2000–2008 гг. в центре публикаций о России находился образ, нередко демонизированный, президента В. Путина. Пожалуй, ни один российский политик не вызывал такого интереса во Франции, как второй российский президент. Концентрация внимания на первом лице государства – логическое следствие политического режима, в рамках которого президент сосредоточил в своих руках огромные полномочия. Но это еще и ответ на существующий запрос. По традиции жанр политической биографии пользуется большим спросом у читателей. Рассказ о том, как никому не известный полковник спецслужб превратился во влиятельного политика, представляет для массовой аудитории больший интерес, чем повествование о сложных и не всегда понятных западному человеку проблемах российского общества. Акцент, который сегодня делается на роли личности, отчасти можно объяснить отсутствием необходимых источников, закрытостью архивов 1990–2000-х годов (6). Но одновременно с этим биография как способ постижения политической реальности упрощает задачу автора, позволяя объяснять политический про-

¹ Попутно отмечу, что лишь после ухода из жизни деятельность Б. Ельцина удостоилась серьезного анализа. В апреле 2007 г. сразу после кончины первого президента России по телевизионному каналу «Арте» (аналогу российского телеканала «Культура») был показан посвященный ему серьезный фильм и состоялись публичные дебаты с участием ведущих французских специалистов.

цесс личностными особенностями руководителя, его профессиональным опытом и спецификой окружения.

Сторонники идеи «деградации» современной России предлагают различные интерпретации российского политического режима. Кто-то из них пишет о «суперпрезидентском» правлении (М. Мандрас), другие – о «возвращении к советизму» и «вступлении России в новую фазу авторитаризма» (В. де Кабель), третьи – о «демократуре» – политическом режиме, в рамках которого формально существуют политические партии и выборы, но в реальности политическая конкуренция отсутствует (88).

С приходом к власти В. Путина исследовательский интерес к теме политического режима возрос, что было логически связано с начавшейся централизацией власти и усилением института президентской власти. Чтобы реализовать проект восстановления государственной власти, отмечает журналистка «Le Monde» М. Жего, В. Путин «воссоздал иерархическую властную пирамиду, существовавшую в эпоху царей и позже в годы советской власти. Президент находится на самом вершине этой пирамиды, олицетворяя собой высшую власть; чуть ниже – своего рода Политбюро; еще ниже – назначенные сверху номенклатурные кадры» (89).

Сторонниками идеи «деградации» высказывается мысль, что выстроенный в начале 2000-х годов в России политический режим не имеет серьезной опоры в обществе, а основным способом его легитимации является сила. Российский президент, считает М. Мандрас, «оторван» от административной системы страны, как федеральной, так и региональной. Он – «суперпрезидент», стоящий над институтами власти (109, с. 20). Важной характеристикой современной российской власти является приход во власть сотрудников спецслужб. «Никогда прежде власть спецслужб в России не была столь велика», – пишет М. Жего. В настоящее время эти люди заседают в парламенте, принимают законы, вершат суд (89, с. 29). Среди признаков нового времени французские исследователи, представляющие это течение, называют контроль спецслужб над политикой и стратегическими отраслями экономики. «Люди в погонах», считают французские авторы, сыграли ведущую роль в развязывании войны в Чечне, «деле ЮКОСа», с их подачи ведется поиск внутренних и внешних врагов, в стране развивается «шпиономания» (88; 115; 116). В связи с одиозными случаями дедовщины в армии и убийствами на расовой и этнической почве французские исследователи и журналисты пишут о банализации насилия в современной России (116), неспособности или

нежелании государства вести серьезную борьбу с преступностью (66). Там, где велик интерес к спецслужбам, особой популярностью пользуются теории заговора. Не случайно в 2007 г. одной из наиболее популярных книг во Франции стала книга А. Ваксберга «Лаборатория ядов: от Ленина до Путина», в которой «политическое отравление» представлено в качестве российской политической традиции (143).

Модель экономического развития, сформировавшаяся в стране, представляется сторонникам «деградационной» точки зрения уязвимой: российская экономика слабо диверсифицирована, а источником ее роста являются высокие цены на энергоносители (66, с. 20). Восприятие современной России сторонниками идеи «деградации» состоит в том, что они отождествляют общество с политическим режимом. Вывод представителей этого течения однозначен: если плох политический режим, безнадежны и Россия, и российское общество. В более широком контексте эта мысль вписывается в представление о возможной «ретоталитаризации» постсоветских обществ (33).

Анализируя современный российский политический режим, сторонники идеи «нормализации» особый акцент делают на том, что России пришлось начинать строительство рыночных и демократических институтов с нуля; что за годы она многое успела, заплатив за реформы высокую цену. Год распада СССР, считает историк и экономист Ж. Соколофф, автор фундаментального исследования «Метаморфоза России», является ключевой датой в истории современной России. Первый российский президент Б. Ельцин «попытался изменить историю»: им были заложены основы новой политической системы и рыночной экономики. Реформы, проведенные в 1990-е годы, положили конец «склеротическому» и «репрессивному» советскому режиму. За прошедшие годы Россия стала «нормальной» страной, хотя и остается «малочивилизованной» (135, с. 17–18).

В схожей тональности рассуждает Э. Каррер д'Анкосс. В 1990-е годы произошел радикальный разрыв с советским прошлым, и «Россия стала частью цивилизованного европейского мира», – пишет историк (56, с. 231). Определяя современное состояние страны, она обращает внимание на «незавершенность» начатых в 1990-е годы преобразований. Под «незавершенностью» подразумевается прежде всего отсутствие в России необходимых демократических и рыночных институтов. С этих позиций и оценивается деятельность второго российского президента. Для Кар-

пер д'Анкосс В. Путин – это политик, стремящийся выстроить современное Российское государство. Если ему «удастся сделать жизнь граждан стабильной, со временем это сформирует у россиян уважение к институтам. А для России – это центральный вопрос» (14).

Институциональные преобразования рассматриваются как наиболее важное направление в деятельности В. Путина и другим французским специалистом – Ж. Сапиром. Жесткий критик ельцинской эпохи, Ж. Сапир убежден, что с приходом к власти В. Путина начался выход страны из кризиса. Главное достоинство нынешнего российского президента в том, что он понял: институциональное развитие напрямую связано с экономическим ростом, а экономический рост – с преобразованиями в институциональной сфере. Если следовать рассуждениям Сапира, построение «вертикали власти» и централизация являются признаками возникновения в России современного государства. Другой важной составляющей политики нынешней российской власти стало укрепление позиций государства в экономике. Властями формулируется продуманная экономическая и индустриальная стратегия; создаются крупные государственные и полугосударственные холдинги. Меняется не только политика, но и настроения элит: в их среде утверждается мода на «экономический патриотизм». Эти шаги вопреки мнению ряда французских экспертов, считает Ж. Сапир, не имеют ничего общего с «советской моделью», поскольку главная их цель – решение острых социально-экономических проблем и легитимация институтов. Если Россия продолжит путь в этом направлении, одновременно демонстрируя экономические успехи, она сможет предложить собственную модель экономического развития (29; 132).

Сторонники идеи «нормализации» России не идеализируют нынешнюю российскую власть. «Стабильность», в понимании Ж. Соколоффа, – это «реакция», неизбежно наступающая за периодом радикальных изменений. Любой капитализм обладает национальными особенностями. «Россия не могла найти национальные особенности в той модели рыночной демократии, которую она приняла от Вашингтона». В. Путин пришел к власти в момент кризиса нового режима, перед ним стояла задача «адаптировать» реформы к российским национальным условиям. Второй российский президент предложил свою «русифицированную» версию демократии и рынка, воплотившуюся в идее «суверенной демократии». Ее авторы полагают, что пока россияне не готовы к демократии

западного типа. В реальной жизни этот приводит к сужению политического пространства, усилению государственного регулирования и созданию крупных госкорпораций (33, с. 767).

Сторонники идеи «нормализации» России убеждены, что современный политический режим следует рассматривать в контексте отношений российского населения и государства. В этой связи аналитики ставят вопрос: почему В. Путин пользуется поддержкой большинства населения в своей стране? Отвечая на него, Ж. Фаварель-Гарриг и К. Руссле, авторы книги «Российское общество в поисках порядка», обратились к анализу российского общества с конца 1980-х годов. В исследовании показано, как нарастал сначала в СССР, а позже в России разрыв между обществом и властью, как ослабла институциональная ткань общества и преобладающими стали неформальные теневые отношения. Стремление к «сильной руке», делают вывод социологи, явилось результатом глубокого экономического, политического, социального кризиса, пережитого Россией в последние десятилетия (75). В. Путин начал модернизацию страны. В годы его правления правовые отношения в экономической сфере укрепились, была реформирована налоговая система, объемы неформальной экономики сократились, были предприняты социальные реформы. Российский президент выступил в роли консолидирующего политического лидера, а предложенный им проект отвечал запросам различных социальных групп: молодых людей привлекает прагматизм президента, предпринимателей – его стремление рационализировать систему, а бедных – советские черты проекта (75, с. 109). Свое объяснение феномена популярности Путина предлагает Ж. Радвани (118). В схожей тональности рассуждает журналист 1-го канала Французского телевидения О. Раванелло, автор книги «Взгляд из Москвы». Западные наблюдатели рассматривают Россию через призму своих представлений, не задумываясь о том, что собой представляет жизнь рядовых россиян, пишет он. Если бы они отказались от своих умозрительных представлений, то, возможно, поняли бы, почему миллионы граждан поддерживают Путина и голосуют за его преемника Д. Медведева (122). Следует отметить, что в последнее время во Франции появляется все больше высокопрофессиональных исследований, посвященных российскому обществу (119) и просто свидетельств очевидцев, которые описывают Россию такой, какой ее увидели (110). Отход от политикоцентричного взгляда на Россию и интерес к жизни российского общества – это очевидный и важный сдвиг во французской аналитике.

Сторонников идеи «нормализации» сближает ряд позиций. Во-первых, они полагают, что для изучения современной России нормативный подход неприемлем, поскольку требуется анализ реальных акторов и практик (152). Во-вторых, они отчетливо осознают масштаб проблем, с которыми столкнулась Россия в последние шестнадцать лет своего существования, глубину экономического и социального кризиса, которые страна пережила в 1990-е годы. В-третьих, многие беды современной России – бедность, коррупцию, преступность, неформальную экономику – они отказываются рассматривать как следствие реформ, а анализируют в исторической ретроспективе, обоснованно отмечая, что все эти явления уже существовали в СССР.

В 1990-е годы в изучении постсоветской России широкое распространение получил заимствованный из сравнительной политологии метод сравнительного анализа. В основе компаративной методологии лежала мысль французского политолога Д. Кола о том, что посткоммунистическая эпоха – это новое историческое время, единое для всех посткоммунистических стран (60). Тезис о «едином историческом времени» предполагал, что «выход» из коммунизма ставит перед постсоветскими странами схожие задачи, связанные с преодолением коммунистического прошлого, строительством новых политических, экономических и гражданских институтов. «Единое историческое время» – это метафора, с помощью которой выявлялось общее и специфическое в развитии стран, освободившихся от советского авторитаризма, а также определялись факторы, способствовавшие и/или препятствовавшие их продвижению в сторону демократии и рыночной экономики.

Выделяя общее и особенное, что характеризует постсоветские страны, авторы коллективной монографии «Посткоммунистическая Европа» (2002) отмечали, что (1) страны советского лагеря были неравномерно погружены в социалистическую реальность; (2) их государственные, политические и общественные институты находились на разной стадии развития; (3) в экономической сфере они были в различной степени интегрированы в советский ВПК. Признавалось, что в общем ряду российский случай был обременен дополнительными неблагоприятными факторами: социализм в СССР сохранялся значительно дольше, чем в странах Восточной Европы; в России в 1991 г. отсутствовало национальное государство и ей предстояло строить «с нуля» государственные, политические и общественные институты; давление ВПК на экономику СССР было большим, чем в других странах социалистиче-

ского лагеря. К тому же экономические реформы продлились в РФ недолго, были неглубокими, не сопровождались адаптацией институтов и социума к экономическим сдвигам и не превратились, пользуясь формулировкой экономиста Ж. Вильда, «в подлинное обучение рыночной экономике» (152, с. 296).

Наряду с внутренними системными ограничениями, препятствовавшими продвижению постсоветских стран к демократии и свободной экономике, исследовались неблагоприятные внешние обстоятельства транзита, жесткое давление на постсоветские страны со стороны международных финансовых институтов, и прежде всего МВФ. Серьезную критику вызывала деятельность иностранных, прежде всего американских, экспертов, которые были плохо осведомлены о ситуации в России и не желали считаться с ее национальной культурой. Тезис об ответственности западных экспертов и финансовых институтов за неудачи российских реформ до сих пор широко обсуждается во французской литературе, он неоднократно поднимался в ходе проведенных мной интервью (30; 35; 131). «Думаю, – подчеркивает социолог Ж. Фаварель-Гарриг, – что на Западе в отношении России действовал комплекс превосходства, своеобразное отношение учителя к ученику, за которое сегодня приходится расплачиваться. В ряде случаев я согласен с мыслью о наличии нового западного империализма, который всюду хочет насадить демократию» (35).

До тех пор пока постсоветские страны двигались в одном направлении, имело смысл сопоставлять их опыт. Однако со временем их траектории разошлись. Восточноевропейские страны европеизировали свои политические и экономические институты, а в России власть и экономика оставались слитыми; отсутствовало правовое государство; приватизация привела к формированию олигархических кланов, что до сегодняшнего дня рассматривается французскими аналитиками как один из наиболее шокирующих эпизодов постсоветской истории (137; 159, с. 346). Компаративные исследования отчетливо зафиксировали отставание России от стран Центральной Европы, показали, как много ей предстоит еще сделать в области модернизации институтов. В компаративных исследованиях в основном принимали участие политологи, социологи и экономисты. Академическая наука с самого начала скептически отнеслась к идее сопоставления постсоветской России со странами Восточной Европы. Принимая Россию как часть европейского пространства, Каррер д'Анкосс тем не менее считает неуместным ее сравнение с европейскими странами. Тезис историка

сводится к тому, что Россию следует измерять ее собственной историей (14). Аналогичным образом рассуждает Ж. Соколофф. Со второй половины 1990-х годов сравнение институтов и социальных структур постсоветских обществ стало утрачивать внутренние основания. Тем не менее следует признать, что изучение постсоветского пространства дало мощный импульс развитию западной политической науки. Сегодня компаративный метод начинает широко применяться в исторических исследованиях (134).

Другое направление в компаративистике – анализ современности через проведение исторических аналогий. Исторические сравнения как способ конструирования реальности – довольно распространенный прием. Одним из первых его начали использовать в 1930-е годы троцкисты, сопоставлявшие «сталинский период» с Термидором. Хлесткие сравнения должны были привлечь внимание к событиям в СССР, сделать их понятными западному читателю. Анализируя российскую действительность, французские авторы (впрочем, в этом они мало отличаются от российских) склонны объяснять настоящее историческим прошлым. Четвертая русская революция изменила экономическую, политическую, институциональную структуру российского общества. Однако эти изменения не всегда вписывались в идеальные представления о переходе от авторитарного общества к демократическому. В современной России акторы остаются сильнее институтов; бюрократическая элита, как и в советские времена, продолжает оказывать решающее влияние на общественно-политические процессы. Из этих общих представлений делается вывод о том, что новая Россия – это продолжение «советской империи» и даже «империи царей». Нарушения демократии, ограничение свободы СМИ, неконкурентные выборы приводят некоторых исследователей к мысли о том, что сегодня в России возрождаются «советский строй» и «диктатура».

Использование этого приема в значительной степени зависит от целевой аудитории. В одних случаях история прямолинейно «накладывается» на современность, усиливая ее эмоциональное восприятие. В этом жанре написаны работы, обращенные к массовому читателю. Так, в популярной книге В. Федоровского «От Распутина до Путина» российская политика в XX в. представлена как занимательная история закулисной борьбы, результат деятельности «серых кардиналов», среди которых такие разные фигуры, как Распутин, Парвус, Берия, Яковлев, Путин (76). В научных изданиях обращение к историческому материалу углубляет анализ,

носит системный характер, позволяя сквозь призму истории понять те ограничения, в которых вынуждены действовать современные российские политики (Э. Каррер д'Анкосс, Ж. Соколофф).

Исторический континуитет как аналитический прием компенсирует дефицит информации об изменениях, происходящих в российском обществе и власти. Есть у этого приема своя специфика: людям свойственно интерпретировать неизвестное с помощью известного, считает историк С. Кере. «Именно это я хотела показать в своей книге “Восточное сияние”. В межвоенный период французы анализировали СССР через призму царской России, а Сталин воспринимался ими в духе А. Леруа-Болье. Так и сегодня: аналитики пытаются выяснить, что в современной России осталось от советского периода». В результате использования исторических аналогий, как считает историк, складывается разрыв – «образ России, формирующийся в литературе, не соответствует реальности, поскольку спроецирован на прошлое, вместо того чтобы концентрироваться на происходящих в обществе изменениях»¹ (15). Использование исторического ассоциативного ряда упрощает исследовательскую задачу, ведь если все, что происходит в российском обществе сегодня, уже было раньше, какой смысл изучать современность? Тем самым сегодняшней день лишается своей оригинальности и неповторимости, становясь банальным продолжением уже известного прошлого. В обыденном сознании такая интерпретация позволяет реанимировать антисоветские настроения, которые переносятся на современную Россию.

Заключение

Образ дореволюционной России нередко был окружен во Франции романтическим ореолом, а Советский Союз ассоциировался с «мифом». Для кого-то это было «тоталитарное государство», «империя зла», для кого-то – попытка осуществить новый универсальный проект, страна, попытавшаяся проложить путь в будущее. Крушение Берлинской стены, исчезновение советского лагеря и последовавший за этими событиями распад СССР потрясли французское общество. Ученым, политикам, простым людям было трудно, практически невозможно понять, как могла в

¹ Следует отметить, что эффект «запаздывания» характерен не только для аналитики. В массовом сознании, как считают социальные психологи, также воспроизводятся образы, которые тиражировались в прошлом (27, с. 55).

одночасье рухнуть одна из великих держав мира. Шок вызвал и тот факт, что крушение режима произошло относительно «спокойно» и в СССР не нашлось людей, пожелавших защитить советский строй.

Французское профессиональное сообщество оказалось неподготовленным к событиям 1991 г. Впрочем, вряд ли стоит его в этом винить. Все, что произошло с СССР, мало кто предвидел как в нашей стране, так и за рубежом. Первыми в гущу российских событий «окунулись» социологи и политологи, попытавшиеся выявить закономерности развития постсоветских обществ. Что же касается профессиональных советологов, то им было непросто совершить «переход» от СССР к новой России. Как, в начале XX столетия было сложно славистам понять и объяснить Революцию 1917 года.

Прошли годы. Сегодня во Франции издаются качественные исследования, посвященные российской и советской истории, политическому режиму, экономическому и общественному развитию современной России, а также многим другим проблемам. Сформировалось новое поколение русистов, профессиональное становление которых пришлось на 1990-е годы. В их отношении к предмету исследования отсутствует эмоциональная привязанность. Для них Россия – такая же страна, как и многие другие, лишенная романтического ореола и национальной исключительности. Этот подход позволяет «вписать» советскую историю в историю Европы. Вместе с тем нередко представителям этого поколения свойственен идеализм. «Наше поколение, – говорит одна из участниц интервью, – выросло в тот момент, когда левые находились у власти. Мы были под большим впечатлением от падения Берлинской стены. Это был момент больших ожиданий, связанных с развитием демократии в Европе». Сопоставление современной России с демократическим идеалом не способствует пониманию российской действительности и подчас лишь усиливает критическую тональность аналитиков. Для многих представителей этого поколения исследователей российская политическая реальность слишком отличается от идеалов демократии, и порой им не удастся скрыть свое разочарование происходящим.

На рубеже XX–XXI столетий Россия перестала находиться в системе интересов Франции, французы о ней просто забыли. Славистика испытывает определенные сложности – все меньше студентов во Франции стремятся изучать русский язык и специализироваться по истории СССР и России. В мире появились новые

проблемы – международный терроризм, исламский фундаментализм. Интерес профессионального сообщества переключился на новые регионы, среди которых ведущее место принадлежит Китаю и ряду других быстро развивающихся стран. Сегодня отношение французов к нашей стране можно определить как незнание, непонимание, нередко растерянность. В отношении России стали возрождаться стереотипы, сложившиеся в прошлые столетия. «Кюстин возвращается», – так образно характеризует ситуацию Э. Каррер д'Анкосс. Вновь, как и столетия назад, в научном и журналистском сообществах обсуждается вопрос: «Является ли Россия европейской страной?» В этой связи показательной стала дискуссия между двумя историками – М. Малиа и А. Безансоном, опубликованная на страницах французского журнала «Commentaire». Первый доказывал, что Россия ничем не отличается от западных стран – это европейское государство, только менее развитое. Будущее России ученый связывал с преодолением отсталости и ее дальнейшей европеизацией (21). Иную точку зрения излагал Безансон: для него Россия – это страна «отстающего развития», которая на протяжении всей своей истории пыталась разными способами – через религиозное чувство или построение империи – компенсировать ощущение собственной неполноценности. Тот факт, что в постсоветское время в России «декоммунизация» осуществлена не была, заставлял историка опасаться за дальнейшее будущее страны (3). Эта дискуссия представляет интерес, поскольку в ней зеркально отразились господствующие во французской аналитике точки зрения на Россию.

На сегодняшний день Россия во Франции не ассоциируется ни с универсальным проектом, как это было во времена СССР, ни с культурными, духовными, художественными ценностями, как это было в дореволюционный период. Растущая роль России как «энергетической державы», а также усиление ее международных позиций вызывают на Западе не столько уважение, сколько страх и недоверие. Летом в связи с российско-грузинским конфликтом во французской прессе активно обсуждался вопрос о возрождении российских «имперских амбиций» и использовании силы в «усмирении» бывших союзников по социалистическому лагерю, возникали аналогии между вводом российских войск в Южную Осетию и августом 1968 г., когда русские войска вошли в Прагу. Еще большие имиджевые потери Россия понесла в конце 2008 г. в связи с газовым кризисом. Сегодня перед Россией и ее политическим руководством стоит нелегкий вопрос: как восстано-

вить влияние в мире и одновременно завоевать симпатии людей за рубежом. Однако на сегодняшний день средства, которыми осуществляется первая задача, никак не способствуют решению второй.

Список литературы

1. Арон Р. Пристрастный зритель. – М.: Праксис, 2006. – 412 с.
2. Безансон А. Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. – М., Париж: Изд-во «МИК» – «Русская мысль», 2000. – 102 с.
3. Безансон А. Россия – Европейская страна? Спор с Мартином Малиа // Отечественные записки. – М., 2004. – № 5. – С. 246–265.
4. Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. – М.: Феникс – ХДС-пресс, 1991. – 82 с.
5. Берелович А. Интервью: архив автора.
6. Блюм А. Особенности изучения России 90-х годов XX в. в западной историографии // Судьба России: Вектор перемен. Материалы международной конференции / Под ред. Пихои Р. Т. 1. – Екатеринбург – М., 2007. – С. 54–60.
7. Вевборка М. Интервью: архив автора.
8. Вильд М. Интервью: архив автора.
9. Гордон А. Цивилизация нового времени между мир-культурой и культурным ареалом. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 131 с.
10. Данилов В., Берелович А. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД 1918–1922. – М.: РОССПЭН, 1998. – 342 с.
11. Данилова О. Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX в. // Россия и Франция. XVIII–XX вв. – Выпуск 7. – М., 2006. – С. 236–270.
12. Досэ Ф. Интервью: архив автора.
13. Игрицкий Ю. Россия в социоисторическом пространстве XX в. – М.: ИНИОН, 2005. – 500 с.
14. Каррер д'Анкосс Э. Чтобы быть влиятельной в мире, России нужно быть внутренне сильной // Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен / Отв. ред. и составитель Н. Лапина. – М., 2008. – С. 343–350.
15. Кёре С. Интервью: архив автора.
16. Кола Д. Политическая социология. – М.: Изд-во «Весь мир», 2001. – 405 с.
17. Кюстин де А. Николаевская Россия. – М.: Терра, 1990. – 288 с.
18. Ле Эйру А. Интервью: архив автора.
19. Лиштенан Ф.-Д. Как говорил Тютчев, Россию надо почувствовать // Адрес в Интернете: <http://www/polit.ru/culture/2006/07/04/vechnyefrancuzlku.html>
20. Лиштенан Ф.-Д. Гражданское общество? Русское общество и европейские свидетельства XV–XVII вв. / Выступление на Российско-французском форуме молодых ученых «Гражданское общество в России и Европе: Становление, развитие, перспективы (Москва, 23 июля – 5 августа 2007 г.).
21. Малиа М. Non possumus: Ответ Алену Безансону // Отечественные записки. – М., 2004. – № 5. – С. 266–271.

22. Местр де Ж. Четыре неизданные главы о России. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – 299 с.
23. Минк Ж. Концепции тоталитаризма // Лекция, прочитанная в Москве (ИНИОН РАН, 25.06.2006).
24. Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения // Под редакцией Н. Чечулина. – СПб.: Императорская академия наук, 1907. – 174 с.
25. Новые социальные движения в России. (По материалам российско-французского исследования) / Под ред. Гордона Л., Клопова Э. – Выпуск 1. – М., 1993. – 184 с.
26. Новые социальные движения в России. (По материалам российско-французского исследования) / Под ред. Гордона Л., Клопова Э. – Выпуск 3. – М., 1994. – 256 с.
27. Образы российской власти: От Ельцина до Путина / Под ред. Шестопал Е. – М., 2008. – 416 с.
28. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – 703 с.
29. Сапир Ж. Россия после Путина: Экономические и социальные основы политической стабильности // Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен / Отв. ред. и составитель Н. Лапина. – М., 2008. – С. 112–142.
30. Сапир Ж. Интервью: архив автора.
31. Семенова В., Фотеева Е., Берто Д. Судьбы людей: Россия XX век. – М.: ИС РАН, 1993. – 265 с.
32. Современные интерпретации русского национализма / Под ред. Ларюэль М. – Stuttgart: Verlag, 2007. – 338 p.
33. Соколофф Ж. Бедная держава: История России с 1815 года до наших дней. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 882 с.
34. Спиридонова А. Россия 90-х годов на страницах французских общественно-политических журналов: Дипломная работа, Ярославский государственный университет им. П. Демидова. – Научный руководитель – проф., д.и.н. Канинская Г. – Ярославль, 2004. – 107 с.
35. Фаварель-Гарриг Ж. Интервью: архив автора.
36. Эррио Э. Восток. – М.: Соцэкгиз, 1935. – 311 с.
37. Allaman J. Vladimir Poutine et le poutinisme. – P.: Harmattan. – 158 p.
38. Aron R. Démocratie et totalitarisme. – P.: Gallimard, 1965. – 378 p.
39. Barry F. Gorbatchev a-t-il les moyens de sa politique? // Courrier des pays de l'Est. – P., 1987. – N 318. – P. 68–70.
40. Barry F. La coopération élatée: les républiques soviétiques entrent en scène // Courrier des pays de l'Est. – P., 1990. –N 348. – P. 39–48.
41. Benaroya F. L'économie de la Russie. – P. : La Découverte , 2006. – 123 p.
42. Berelowitch A. La perestroïka culturelle: une parole libérée // Notes et études documentaires. – P., 1988. – N 4867/4868. – P. 11–27.
43. Berelowitch A. Les élites politiques en Russie: Changement et continuité // Ex-URSS: les Etats en divorce / Sous la direction de Berton-Hogge R., Crosnier M.-A. – P., 1993. – P. 77–89.
44. Berelowitch A., Wiewiorka M. Les Russes d'en bas. Enquête sur la Russie post-communiste. – P.: Seuil, 1996. – 439 p.

45. Bertaux D., Garros V. Lioudmilla, une Russe dans le siècle. – P.: La Dispute, 1998. – 223 p.
46. Besançon A. Présent soviétique et passé russe. – P.: Le livre de poche, 1988. – 401 p.
47. Blum A. Naître, Vivre et Mourir en URSS, 1917–1991. – P.: Payot, 1994. – 314 p.
48. Blum A. A l'origine des purges de 1937, l'exemple de l'administration de la statistique démographique // Cahiers du Monde russe. – P., 1998. – Vol. XXXIX. – N 1–2. – P. 169–196.
49. Blum A. De l'ambition de totalité à la recherche en dispersion // Les sciences sociales en mutation / Sous la dir. de Wieviorka M. – P., 2007. – P. 353–364.
50. Bruhat J. L'histoire de l'URSS. – P.: Ed. Sociales, 1945. – 321 p.
51. Buttino M. Ethnicité et politique dans la guerre civile: à propos du basmacestovo au Fergana // Cahiers du Monde russe. – P., 1997. – Vol. XXXVIII. – N 1–2. – P. 195–222.
52. Les capitalistes russes: Dossier constitué par Désert M., Favarel-Garrigues G. – P.: La documentation française, 1997. – 72 p.
53. Carrère d'Encausse E. L'URSS de 1917 à 1953. – P.: Centurion, 1972. – 236 p.
54. Carrère d'Encausse E. Le pouvoir confisqué: Gouvernants et gouvernés en U.R.S.S. – P.: Flammarion, 1980. – 329 p.
55. Carrère d'Encausse E. L'empire éclaté: La révolte des nations en URSS. – P.: Flammarion, 1978. – 314 p.
56. Carrère d'Encausse E. La Russie inachevée. – P.: Fayard, 2000. – 285 p.
57. Castel de V. Russie: la «verticale du pouvoir» // Futuribles. – P., 2004. – N 297. – P. 5–12.
58. Chapelon J. En C.C.C.P. Quelques impressions d'un voyage dans l'Union des Républiques Soviétiques Socialistes. – P.: Librairie philosophique J. Vrin, 1926. – 99 p.
59. Coeuré S. La grande lueur à l'Est: Les français et l'Union soviétique, 1917–1939. – P.: Seuil, 1999. – 364 p.
60. Colas D. Introduction générale: l'Europe post-communiste. – In: L'Europe post-communiste / Sous la dir. de Colas D. – P., 2002. – P. 1–9.
61. Colas D. Société civile, Etat, Nation. – In: L'Europe post-communiste / Sous la dir. de Colas D. – P., 2002. – P. 13–112.
62. Courtois S., Werth N., Panne J.J. et alii. Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, repression. – P.: Robert Laffont, 1997. – 922 p.
63. Crosnier M.-A. L'année économique: l'an I de la perestroïka // Notes et études doc. – P., 1988. – N 4867–4868. – P. 103–117.
64. Crosnier M.-A. Union Soviétique: grèves et loi sur la grève // Chronique intern. – P., 1990. – N 2. – P. 8–12.
65. Crosnier M.-A. Le programme Chataline de la transition vers le marché, août 1990 // Courrier des pays de l'Est. – P., 1990. – N 353. – P. 39–67.
66. Daucé F., Walter G. Russie 2006: entre dérive politique et succès économiques // Courrier des pays de l'Est. – P., 2007. – N 1059. – P. 6–22.
67. Désert M. Le débat russe sur l'informel. – Mode of access: www.ceris-sciencespo.com/publica/question/qdr17.pdf

68. Désert M. Les nouveaux Russes // Questions internationales. – P., 2007. – N 27. – P. 76–87.
69. Dubien A La Russie et l'espace post-soviétique // Questions internationales. – P., 2007. – N 27. – P. 32–41.
70. Duhamel L. La criminalité économique en Sibérie de Brejnev à Gorbatchev // Revue d'études comparatives Est-Ouest. – P., 1991. – Vol. 22, N 4. – P. 21–47.
71. Dullin S. Les interprétations françaises du système soviétique. – In: Le siècle des communismes / Sous la dir. de Dreyfus M., Groppo B., Ingerflom Cl.S., Lew R., Pennetier Cl., Pudal B., Wolikow S. – P., 2000. – P. 47–65.
72. Elleinstein J. Histoire de l'URSS. – P.: Ed. sociales, 1972. – Vol. 1: La conquête du pouvoir. – 221 p.
73. Euve F. Voyage dans l'intelligentsia moscovite // Etudes. – P., 1991. – T. 374, N 2. – P. 171–179.
74. Favarel-Garrigues G. La politique soviétique de lutte contre les infractions économiques à travers les archives du Comité du Parti de la région de Sverdlovsk (1965–1982) // Revue d'études comparatives Est-Ouest. – P., 1997. – Vol. 28, N 2. – P. 155–206.
75. Favarel-Garrigues G., Rousselet K. La société russe en quête d'ordre. Avec Vladimir Poutine? – P.: Autrement, 2004. – 117 p.
76. Fedorovski V. De Raspoutine à Poutine. – P.: Perrin, 2007. – 205 p.
77. Ferro M. La révolution de 1917: Octobre, naissance d'une société. – P.: Aubier-Montaigne, 1976. – 517 p.
78. Ferro M. Des Soviets au communisme bureaucratique. – P.: Gallimard, 1980. – 434 p.
79. Ferro M. Nazisme et communisme: les limites d'une comparaison // Nazisme et communisme. Deux régimes dans le siècle / Présenté par Ferro M. – P., 1999. – P. 11–35.
80. Fossato F. La télévision, média du pouvoir // Pouvoirs. – P., 2005. – N 112. – P. 49–62.
81. Furet F. Le Passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XX siècle. – P.: Robert Laffont / Calmann-Levy. – 1995. – 580 p.
82. Gazier A. Le bouleversement des institutions et de la vie politique. – In: L'Europe post-communiste / Sous la dir. de Colas D. – P., 2002. – P. 113–258.
83. George P. L'URSS, la terre et les hommes. – P.: SEFI, 1946. – 235 p.
84. Gomart Th. Quelle place pour la Russie en Europe? // Questions internationales. – P., 2007. – N 27. – P. 42–50.
85. Heller M., Nekrich A. L'Utopie au pouvoir. – P.: Calmann-Lévy, 1982. – 879 p.
86. Ingerflom Cl.S. De la Russie à l'URSS. – In: Le siècle des communismes / Sous la dir. de Dreyfus M., Groppo B., Ingerflom Cl.S., Lew R., Pennetier Cl., Pudal B., Wolikow S. – P., 2000. – P. 113–122.
87. Jalobert L. Le Grand Débat. Les universitaires français – historiens et géographes – et les pays communistes de 1945 à 1991. – Toulouse: GRHI, 2001. – 405 p.
88. Jauvert V. Révélation sur le système Poutine // Nouvel obs. – P., 2008. – N 2260. – 28 févr. // Mode of access: <http://hebdo.nouvelobs.com/hebdo/parution/p2260/articles/a367586.html>
89. Jégo M. Les hommes du président // Politique internationale. – P., 2007. – N 115. – P. 28–35.

90. Jobert V. L'intelligentsia russe juge et partie de l'effondrement de l'URSS. – In: L'effondrement de l'Empire soviétique. – Bruxelles, 1998. – P. 297–313.
91. Kerblay B. Les marchés paysans en URSS. – P.: Mouton, 1968. – 519 p.
92. Kerblay B. Du mir aux agrovilles. – P.: Inst. d'études slaves, 1985. – 422 p.
93. Kerblay B. Les modèles interprétatifs en soviétologie // Revue des pays de l'Est. – Bruxelles, 1989. – N 1. – P. 1–13.
94. Lasserre I. La Russie fait claquer son drapeau à la face de l'Occident // Le Figaro. – P., 2007. – 9 Oct.
95. Lavigne M. Les économies socialistes: soviétiques et européennes. – P.: Colin, 1970. – 437 p.
96. Lefort Cl. La complication. Retour sur le communisme. – P.: Fayard, 1999. – 259 p.
97. Le Huérou A., Rousselet K. La société civile en Russie: de l'utopie à l'engagement civique? // Problèmes politiques et sociaux. – P., 1999. – N 814. – P. 3–70.
98. Le Huérou A., Merlin A., Regamay A., Serrano S. Tchétchénie: une affaire intérieure? – P.: CERI/Autrement, 2005. – 237 p.
99. Leroy-Beaulieu A. L'empire des tsars et les russes, 2 vol. – 2-eme édition. – P.: Hachette, 1883–1886.
100. Lesage M. Le système politique de l'URSS. – P.: PUF, 1987. – 504 p.
101. Lesage M. L'URSS vers un état de droit // Problèmes polit. et sociaux. – P., 1988. – N 597. – P. 1–62.
102. Lorrain P. La mystérieuse ascension de Vladimir Poutine. – P.: Rocher, 2000. – 454 p.
103. Malia M. L'Occident et l'énigme russe. Du Cavalier en bronze au mosolée de Lénine. – P.: Seuil, 2003. – 538 p.
104. Mandeville L. Russie: La vague nationaliste // Politique internationale. – P., 2007. – N 114. – P. 26–33.
105. Marcou L. L'Union Soviétique / Introduction d'Hélène Carrère d'Encausse. – P.: Armand Colin, 1971. – 149 p.
106. Mazuy R. Croire plutôt que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939). – P.: Odile Jacob, 2002. – 368 p.
107. Mendras M. De la nécessité du droit et de l'Etat dans le passage à l'économie de marché. – Esprit. – P., 1995. – N 2441. – P. 4–11.
108. Mendras M. Enrichissement et clientélisme en Russie // Problèmes économiques. – P., 1998. – N 2593. – P. 6–12.
109. Mendras M. Les institutions politiques en danger // Pouvoirs. – P., 2005. – N 112. – P. 9–22.
110. Millot L. La Russie nouvelle. – P.: Actes Sud, 2008. – 310 p.
111. Mink G. Les mystères de l'acteur invisible: Remarques sur l'hypothèse du retour des communistes en Europe Centrale et Orientale // Cahiers intern. de sociologie. – P., 1993. – Vol. 95. – P. 417–433.
112. Mink G. La société post-communiste: théories et données sociologiques. – In: L'Europe post-communiste / Sous la dir. de Colas D. – P., 2002. – P. 443–536.
113. Mink G. French Research on Eastern Europe // Mode of access: http://www.ge-sis.org/en/Publications/Magazines/newsletter_eastern_europe/archive/n1002/n100206.htm

114. Morin E. De la nature de l'URSS. – P.: Fayard, 1983. – 275 p.
115. Nougayrède N. Les oligarques et le pouvoir: la redistribution des cartes // Pouvoirs. – P., 2005. – N 112. – P. 35–48.
116. Obrecht T. Russie, la loi du pouvoir. Enquête sur une parodie démocratique. – P.: Autrement, 2006. – 189 p.
117. Radvanyi J. L'URSS en Révolution. – P.: Ed. sociales, 1987. – 263 p.
118. Radvanyi J. Pourquoi le président Vladimir Poutine est si populaire en Russie // Le Monde diplomatique. – P., 2007. – Décembre.
119. Radvanyi J. La nouvelle Russie. – P.: Armand Colin, 2007. – 462 p.
120. Rambaud A. Histoire de la Russie des origines jusqu'à nos jours. – P.: Hachette, 1878. – 451 p.
121. Rambaud A. La Russie épique. Etude sur les chansons héroïques de la Russie. – P.: Maisonneuve, 1876. – 504 p.
122. Ravello O. L'oeil de Moscou. – P.: Ed. du Toucan, 2000. – 252 p.
123. Raviot J.-R. Qui gouverne la Russie? // Questions internationales. – P., 2007. – N 27. – P. 51–63.
124. Revel J.-F. La tentation totalitaire. – P.: Robert Laffont, 1976. – 372 p.
125. Rittersporn G. Le régime face au carnaval: Folklore non conformiste en URSS dans les années 1930 // Annales: histoire, sciences sociales. – P., 2003. – N 2. – P. 471–496.
126. Le rouge et le noir. Extrême droite et nationalisme en Russie / Sous la dir. de Laruelle M. – P.: Ed. CNRS, 2007. – 261 p.
127. Rousseau J.-J. Contrat social. – P.: Garnier, 1772. – 514 p.
128. Rousselet K. Les grandes transformations de la société russe // Pouvoirs. – P., 2005. – N 112. – P. 23–33.
129. Sapir G. L'économie soviétique: origine, développement, fonctionnement // Historiens et Géographes. – P., 1995. – N 351. – P. 175–188.
130. Sapir J. Le système militaire soviétique. – P.: Découverte, 1988. – 344 p.
131. Sapir J. Le chaos russe. Désordres économiques, conflits politiques, décomposition militaire. – P.: Découverte, 1996. – 329 p.
132. Sapir J. Le vrai bilan de Vladimir Poutine // Politique internationale. – P., 2007. – N 115. – P. 212–231.
133. Sapir J. En Russie les «interventionnistes» ont gagné contre les «libéraux». – Figaro. – P., 2007. – 10 oct.
134. Le siècle des communismes / Sous la dir. de Dreyfus M., Groppo B., Ingerflom Cl.S., Lew R., Penetier Cl., Pudal B., Wolikow S. – P., 2000. – 542 p.
135. Sokoloff G. Métamorphose de la Russie, 1984–2004. – P.: Fayard, 2003. – 650 p.
136. Souvarine B. Staline. Aperçu historique du bolchevisme. – P.: Champ libre, 1977. – 639 p.
137. Struve N. Soixante-dix ans d'émigration russe, 1919–1989. – P.: Fayard, 1996. – 303 p.
138. Tatu M. Le pouvoir en URSS. Du déclin de Khrouchtchev à la direction collective. – P.: Grasset, 1967. – 605 p.
139. Tatu M. Gorbatchev: L'URSS va-t-elle changer? – P.: Centurion, 1987. – 271 p.
140. Tinguy de A. USA-URSS la détente, 1972. – Bruxelles: Complexe, 1985. – 252 p.
141. Tinguy de A. La grande migration. La Russie et les Russes après l'ouverture du rideau de fer. – P.: Plon, 2004.

142. Tinguy de A. La sortie de l'Empire: le poids de l'héritage // Questions internationales. – P., 2007. – N 27. – P. 6–21.
143. Vaksberg A. Le Laboratoire des poisons: de Lénine à Poutine. – P.: Buchet Castel, 2007. – 248 p.
144. Vernon B. Les élites en uniforme // Pouvoirs. – P., 2005. – N 112. – P. 63–76.
145. Le voyage en Russie. Anthologie des voyageurs français aux XVIII et XIX siècles / Préface, chronologie, notices biographiques établies par Cl. de Grève. – P.: Robert Laffont, 1990. – 540 p.
146. Voltaire Charles XII roi de Suède. Ed. stereotype. – Munster, 1884. – 359 p.
147. Voltaire L'Apothéose de Pierre le Grand. – Prague: Ed. de l'Académie tchécoslovaque, 1964. – 213 p.
148. Werth N. Les procès de Moscou (1936–1938). – Bruxelles: Complexe, 1987. – 188 p.
149. Werth N. Histoire de l'Union Soviétique: De l'Empire russe à l'Union Soviétique, 1900–1990. – P.: PUF, 1990. – 547 p.
150. Werth N. L'historiographie de l'URSS dans la période post-communiste // Revue d'études comparatives Est-Ouest. – P., 1999. – Vol. 30. – N 1. – P. 81–104.
151. Wild G. Mikhail Gorbatchev et l'économie soviétique // Economie prospective intern. – P., 1986. – N 26. – P. 101–115.
152. Wild G. Economie de la transition: le dossier. – In: L'Europe post-communiste / Sous la dir. de Colas D. – P., 2002. – P. 259–392.
153. Zaleski E. La planification stalinienne: Croissance et fluctuations économiques en URSS, 1933–1952. – P.: Economica, 1984. – 1066 p.
154. Zlotowski Y. La singulière renaissance de l'économie russe // Questions internationales. – P., 2007. – N 27. – P. 64–75.

Глава 5

ОБРАЗ РОССИИ В ИТАЛИИ (XX – начало XXI в.)

В данной главе речь пойдет о том, как в общественном мнении Италии, в издававшихся там книгах и публицистических очерках на протяжении XX в. создавался и входил в массовое сознание образ далекой и могучей северной страны, с народом которой, по мнению самих итальянцев, у них имелось много общего как в национальном характере, так и в отношении к жизни – прежде всего спорадическое неприятие власти, скептическое отношение к косной государственной бюрократии и масса творчески применяемых способов снизить накал государственного давления на личность (например, уклониться от уплаты налогов или выполнения иных гражданских повинностей).

Правда, в период авторитарно-тоталитарных режимов – 1922–1943/45 в Италии и 1917–1991 гг. в СССР – возможностей для этого было мало, но в функционировании этих режимов и попытках людей уйти из-под тоталитарного контроля наблюдалось много общего. Из-за сходства судеб двух наций итальянцам и русским удавалось достигать очень высокого градуса взаимопонимания, какого, вероятно, не было у тех и других с иными народами того же европейского континента.

Для более внятной структуризации анализа выделим более или менее четко прорисовывающиеся периоды: 1900–1917, 1917–1922, 1922–1945, 1945–1991, 1991–2009 гг. Эти даты связаны с крутыми переменами в обеих странах, а нередко и с изменением государственного устройства, что оказывало прямое воздействие на итальянское и российское общества.

Касаясь здесь в основном лишь политических моментов восприятия «другого», уделим внимание и соприкосновению двух

культур. Оно затрагивало все сферы: от театра и кино до живописного и архитектурного искусства, музыки. Проходили взаимодополняющие гастроли Большого театра в Италии и Ла Скалы в Москве, обмен солистами и деятелями балета, приезд ведущих дирижеров. Эта линия взаимодействия, активно развивавшаяся в XX в., находит продолжение и в XXI в. Об этом свидетельствуют проводимые в России мероприятия Итальянского института культуры, равно как и такого же рода российские мероприятия культурного свойства в Италии.

Область культуры – пожалуй, самая «массовая», благодаря широкой аудитории художественного творчества, в которой происходит формирование образа страны. Образ русских и России в Италии во многом формировался так же, как и в других европейских странах, через произведения русской классической художественной литературы, переведенной на итальянский язык. Итальянцам знакомо советское и русское кино, наши фильмы, привозимые на итальянские кинофестивали, нередко становились их призерами. Устраивалась масса художественных выставок. Представители творческих профессий, научного мира тесно общались¹.

1900–1917

Если рассматривать начало XX в., период до революционных событий 1917 г., то прежде всего надо сказать об особом отношении, горячих симпатиях русских к Италии, издавна распространенных в образованных кругах российского общества. Но и в Италии среди образованного слоя как бы на основах взаимности складывалось такое же отношение к русским и России.

В Италию тогда ездили многие, прежде всего, разумеется, люди состоятельные, принадлежавшие к высшим слоям общества, но были даже специальные экскурсионные поездки для русских учителей. Цель большинства путешественников из России была одна – прикоснуться к культуре Древнего Рима и итальянского Средневековья, Возрождения и более позднего времени, посмотреть и оценить повседневную жизнь страны, ее природные красоты.

¹ См. целую подборку изданных на русском и итальянском языках сборников материалов конференций историков двух стран. Все они, начиная с первого сборника «Проблемы советско-итальянской историографии» 1964 г., выходили в издательстве «Наука».

Архитектурным и прочим красотам и особенностям Италии, характеру самих итальянцев посвящались литературные – в прозе и поэзии (в поэзии XX в. эта линия идет от А. Блока и О. Мандельштама до И. Бродского) – и научно-популярные произведения русских авторов. Среди последних наиболее широко известна книга «Образы Италии» П.П. Муратова, многократно вплоть до наших времен переиздававшаяся (15; см. также: 5, 6).

Но, подчеркну еще раз, импульс итальянцев к познанию России – факт несомненный. Обращаясь к проблемам взаимоотношений двух стран в 1930-е годы, к репрессиям сталинского режима, затронувшим многих итальянцев-политэмигрантов, живших тогда в СССР, историк Елена Дундович отмечает, что она сама, как очевидно и другие итальянские историки, в лице России «открывали для себя далекую и загадочную землю, судьбы которой так часто переплетались с судьбами нашей страны» (31, с. 13).

Нюансы менявшегося отношения итальянцев к России, главным образом ее политического руководства, в первой половине XX в. неплохо исследованы в трудах историка Джорджо Петракки. Его работы основаны на фундаментальных источниках – документах итальянского МИДа, парламентских дебатах, всевозможной прессе изучаемого времени, дневниках и мемуарах известных политических и государственных деятелей. Они посвящены главным образом дипломатическим отношениям двух стран и восприятию России итальянскими дипломатами (см.: 41; 42; 43).

Интересно отметить, что взошедший на итальянский престол в самом начале XX в. Виктор Эммануил III через свою жену, черноморскую принцессу Елену, воспитывавшуюся при петербургском царском дворе, прекрасно знал о нравах этого двора, настроениях высшего петербургского общества, русском менталитете в целом и поэтому вел свою политику в отношении России с большим знанием дела, чем его предшественники. В начале XX в. он стремился поддерживать дружественные отношения с северной державой, к чьей системе самодержавного правления, как свидетельствуют архивные документы, он испытывал недвусмысленные симпатии¹ (35, с. 177–197). Виктор Эммануил III завидовал Нико-

¹ Об этом свидетельствуют документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Фонд 133, дела: Посольство в Риме, 1900–1917 гг. Эти документы с отражением отношения итальянцев, в том числе и королевского двора к России, широко использованы в нашей недавней публикации на итальянском языке: Ljubin V.P. La rivoluzione del 1905–1907 e il raffreddamento dei rapporti

лаю II, досадуя, что власть итальянского монарха ограничивается, согласно принятой в 1848 г. Пьемонтской конституции, – так называемым Альбертинским статутом.

Проводившийся на основе взаимных симпатий монархами России и Италии курс на сближение двух стран в начале XX в. нашел свое выражение в заключении в 1909 г. соглашения в Раккониджи (см.: 21, с. 300–324). Это сыграло свою роль в ходе Первой мировой войны, в 1915 г. Италия вышла из Тройственного союза, в котором состояла с 1882 г., перешла на сторону Антанты, и воевала в этой войне в составе союзнической коалиции вместе с Россией (11). Это боевое братство несомненно способствовало росту симпатий итальянцев к России.

Одним из событий, изменивших отношение итальянского общественного мнения и послуживших формированию позитивного образа России в Италии, стал подвиг русских военных моряков в Мессине в 1908 г., столетие которого было торжественно отмечено в двух странах.

Об этой славной странице в истории наших отношений с Италией следует рассказать особо. Накануне нового 1909 г. Италию потрясла новость о страшном землетрясении, поразившем города Мессина и Реджо-ди-Калабрия. Как позже стало известно, в Мессине из 147 тыс. человек тогдашнего ее населения погибли 80 тыс. Первыми на помощь мессинцам еще до того, как в городе появились итальянские спасатели, прибыли русские моряки отряда боевых кораблей Балтийского флота, незадолго до этого бросивших якорь в соседнем порту Аугуста.

Отряд в составе линейных кораблей «Цесаревич» и «Слава», крейсеров «Адмирал Макаров» и «Богатырь» под командованием контр-адмирала Литвинова прибыл с дружественным визитом в Италию и находился в этом сицилийском порту с 2 декабря 1908 г. Действия военных моряков послужили укреплению российско-итальянских отношений. Итальянские издания, газеты и иллюстрированные журналы, в те дни выносили в заголовки: «Да здравствует Россия, да здравствует Николай II!» В российское посольство поступали благодарственные телеграммы и послания от официальных лиц и простых граждан.

В ходе последовавшего в 1909 г. официального визита Николай II и министр иностранных дел А.П. Извольский подписали

russo-italiani all'inizio del XX secolo (sulla base dei materiali degli archive russi) // 1905: l'altra rivoluzione russa / a cura di G. Lami. Torino: Cuem, 2007. P. 177–197.

важные соглашения в Раккониджи, определившие характер отношений двух стран на ближайшие годы (41, с. 19–99).

Между тем в начале XX в. российско-итальянские отношения не отличались особой теплотой. Царизм становился жупелом косности для Европы, в том числе для Италии. Общественное мнение Италии в русско-японском военном конфликте поддерживало скорее Японию, а во время революции 1905 г. выступило с гневным осуждением репрессий царского правительства против восставших масс. Пресса левого направления постоянно публиковала осуждающие царизм статьи. В поддержании антицаристских настроений наряду с другими русскими эмигрантами революционерами, нашедшими пристанище в стране, принимал участие оказавшийся в те годы в Италии М. Горький (20; 13, с. 441–448).

Один из специальных корреспондентов газеты «Коррьере дела сера» Гуэльфо Чивинини сообщал об увиденном. В озаглавленной «С отрядом русских моряков среди руин Мессины» статье он писал: «Герои, герои, эти русские, которым навсегда суждено остаться в нашей благодарной памяти! Нужно было видеть, как они действуют, и это я видел сегодня, следуя за ними в наиболее опасные места под обломками зданий, грозивших обрушиться. Они ничего не боялись, рискуя жизнью» (29).

О произошедшем сообщал и российский вице-консул в Катании.

«Число раскопанных нами приблизительно 1800 человек. – доносил вице-консул. – Эта цифра, конечно, скромная и хотя бледнеет перед числом населения, заживо погребенного под развалинами рухнувшего города, зато горит ярким светом, если вспомнить об ужасающей обстановке поля действия, ограниченности импровизированных горстью наших моряков спасательных средств, самоотверженной и сверхчеловеческой их работе. Нужно отметить также работу моряков английских крейсеров “Салли” и “Минерва”, дружно помогавших нашим. Несмотря на присутствие в Мессине трех военных судов итальянским правительством до 1 января не было сделано ничего для оказания помощи пострадавшим и даже по принятию мер к прекращению мародерства. По приблизительным подсчетам нами доставлено, считая раненых, в Неаполь и Сиракузы 2000 человек, медицинская помощь оказана 5000 человек».

К счастью, наши моряки не понесли никаких потерь, заключал вице-консул. «Печать общества отдает должное нашим морякам, ставя в пример итальянскому правительству быстроту их

братской помощи, неустрашимости и сердечности» (1, Оп. 470. Ф. 133. Д. 115. Л. 4).

Пережитая итальянским обществом трагедия землетрясения в Мессине и Калабрии долго продолжала оставаться темой статей в печати и кинохроники. Подвиг русских военных моряков нашел широкое отражение в тогдашних средствах массовой информации, главными из которых оставались как общенациональные, так и местные газеты и журналы, в письмах в российское посольство в Риме (1, Оп. 470. Ф. 133. Д. 115. Л. 3).

В частных беседах главе посольства барону Корфу итальянцы говорили, что русские моряки «вызвали всеобщие симпатии не только бесстрашным, примерным исполнением долга, в чем отчасти не уступали и англичане, – но наши выказывали при этом чуткость, которой у других моряков не было». «За все это благодарные мессинцы решили назвать в их честь главную площадь имеющего возродиться города “площадью русских моряков”, а ведущим к ней улицам присвоить названия наших судов и фамилии их командиров» (1, Оп. 470. Ф. 133. Д. 115. Л. 3-Зоб.).

Вместе с тем сохранялась и преемственность негативного восприятия России, ее политического строя. Многочисленные представители левого спектра общественного мнения Италии: социалисты, анархисты, республиканцы на протяжении 1903–1908 гг. оказывали сопротивление визиту царя, обвиняя его в преступном подавлении восстания масс в 1905–1907 гг. (23). Кумиром этих сил был проживавший в Италии с 1905 г. М. Горький, борец с самодержавием (59). Его пьесы шли на итальянской сцене (иногда местные власти пытались эти постановки запретить), его книги переводились и издавались в Италии. Вокруг Горького, поселившегося на острове Капри, группировались русские революционеры-эмигранты. Надо сказать, что итальянское правительство в виду демократических и либеральных традиций общества, установившихся еще со времен Рисорджименто, никогда не создавало каких-либо ограничений пребыванию в Италии оппозиционно настроенных к своему правительству русских (60).

Это имело большое значение, так как в тот период итальянцы составляли свои представления о русских и о борьбе революционеров с самодержавием именно на основе восприятия ими политических эмигрантов, которых в начале века было не так мало в их стране. Многие годы на генуэзской Ривьере в городе Нерви проживал вместе с женой больной туберкулезом Г.В. Плеханов, вокруг которого собирались социал-демократы, в основном из

меньшевистского крыла РСДРП. Следует упомянуть имена двух женщин-революционерок из России, сыгравших очень заметную роль в итальянском социалистическом движении. Одна из них – Анна Кулишова, вместе со своим мужем Филиппо Турати, которого именно она побудила к знакомству с основами марксизма, была в рядах тех, кто основал в 1892 г. Итальянскую социалистическую партию. Другая, не менее легендарная личность – Анжелика Балабанова – в начале XX в. входила в руководство ИСП, в 1911–1915 гг. работала в центральном органе партии газете «Аванти» вместе с главным редактором Бенито Муссолини, с которым познакомилась еще в годы его эмиграции в Швейцарии и там ввела его в круг революционеров-марксистов. Потом она вернулась в Советскую Россию и работала секретарем Коминтерна, в 1922 г. снова уехала на Запад, продолжая до конца своих дней (1965) активную деятельность в международном социалистическом движении (см.: 24; 25; 26).

Вообще русская эмиграция в Италии и образ русского, который воплощали тесно соприкасавшиеся с местным населением российские эмигранты (а их много было не только в начале века, но и после массового исхода из страны после Гражданской войны представителей в основном высших слоев населения), – это особая тема. Ей посвящены, особенно в последнее время, после 1991 г., многие публикации как в России, так и в Италии (см.: 16; 36; 56; 60).

Разразившаяся в России революция и свержение монархии встретили горячие симпатии итальянских оппозиционеров, среди которых основной силой были социалисты. Но это вызвало уныние тех, кто надеялся, что Россия, помогавшая итальянцам сдерживать на фронте австрийско-немецкие войска, будет постоянно выручать итальянскую армию, как это не раз бывало в случаях наступления австрийцев. Однако другая часть итальянского общества, придерживавшаяся антимилиитаристских взглядов, под влиянием социалистических идей ИСП впервые в странах западноевропейского ареала выдвинула все громче звучащий лозунг: «Fare come in Russia!» – «Сделать как в России!» В этом сказалось особое отношение пролетарских слоев итальянского общества, бедного крестьянства к стране, где, казалось, именно эти социальные слои пришли к руководству государством, уничтожив власть ненавистных им аристократов, дворян, помещиков и буржуазии.

1917–1945

Первая мировая война прервала обычные для мирного времени связи между Россией и Италией. Когда они после ее окончания возобновились, обе страны были уже иными. В Италии установилась фашистская диктатура, в России – в результате событий 1917 г. – власть большевиков. В период Гражданской войны в России и после ее окончания итальянцы и русские стремились снова наладить хозяйственные контакты, в чем обе страны, чьи экономики и социальные связи в которых оказались нарушенными войной, были весьма заинтересованы, их правящие круги намеревались противостоять закрытости и обособлению двух обществ.

В 20-е годы возобновились торгово-экономические связи. С итальянской стороны задачу их восстановления взяла на себя фирма «Чиче» и ее руководитель кавалер Франко Маринотти, своего рода итальянский Арманд Хаммер (12). О развитии российско-итальянских отношений в XX в. имеется немало работ в отечественной историографии. Эту проблематику подробно исследовала И.А. Хормач (17, 18, 19).

Российские события 1917 г., перемены во власти, последующая кровавая Гражданская война на просторах бывшей Российской империи нашли свое отражение и в итальянском общественном мнении, в исследованиях современных итальянских историков (33, 27).

Одним из них является монография Этторе Чинеллы «Русская революция». Книга открывается предисловием Виктора Заславского, эмигранта из СССР, позиционировавшего себя в Италии как социолога и специалиста по СССР и современной России. Как бы задавая тон всей книге, Заславский пишет: «Переосмыслить Октябрьскую революцию означает сегодня свести счеты со сталинизмом и подумать об опыте миллионов людей в России и на Западе, которые, исходя из высоких идеалов равенства, солидарности и справедливости, созидали, поддерживали и страдали от советского режима, одного из самых жестоких в истории XX века» (28, с. XV).

Концептуальный подход самого автора Чинеллы представлен уже на первых страницах книги. Чинелла сообщает, что он был уверен в том, что после вторжения в Афганистан и польских событий 1980–1981 гг. советский режим продержится недолго (28, с. 3). СССР представлял собой, по мнению автора, последнюю многонациональную, полукOLONиальную империю, которая выжи-

ла в современном мире в эпоху, когда процесс деколонизации уже закончился. Экономика была застылой и заржавевшей, она вызывала разочарование у стремившихся к получению больших потребительских благ людей. Налицо были ужасающий рост смертности и деградация санитарно-гигиенической системы. Советская система с каждым днем все более напоминала разлагающегося колосса.

Чинелла считает, что еще не написана комплексная история русской революции, которая не ограничится тем, что снова повторит рассказ о том, что происходило в Петрограде с февраля по октябрь 1917 г., а исследует весь спектр социальных движений и политических сил, действовавших тогда в стране. Для автора было важным выявить «многочисленные и противоречивые черты ленинизма». Только так, согласно Чинелле, можно понять, как Ленин, революционер, начинавший свою политическую деятельность с именами Маркса и Каутского, построил «самую страшную тиранию XX века».

«Русская революция абсолютно не совпадает с большевистской революцией, не кончается в 1917 г., – считает Чинелла. – Ее разнообразные компоненты продолжают действовать в последующие годы, вплоть до лета 1921 г.» (28, с. 6). Специально выделив в своем исследовании тему революции на Украине, автор считает, что, «оставшись пленницей Советской России, Украина потеряла надежду на цивилизованный прогресс, и среди всех народов СССР украинский народ станет в будущем самым преследуемым и жертвенным (достаточно вспомнить голод 1932–1933 гг.)». Поэтому необходимо «отдать должное забытому народу и продемонстрировать глубокие исторические корни его нынешней независимости», и более того следует «защитить эту независимость от возрождающегося и угрожающего ей русского империализма» (28, с. 7).

Ныне после крушения СССР, продолжает Чинелла, не должно оставаться сомнений в том, что «главным историческим результатом большевистской революции как раз и стало бальзамирование мумифицированной царской империи, распадавшейся в 1917 г.». Ленин и его наследники, сознавали они это или нет, «вдохнули жизнь в разлагавшийся труп, наполнив его новой идеологией и заставив его маршировать в целях присоединения новых территорий». Это было историческое чудо, которое смогли совершить только большевики. Русские коммунисты посредством коллективизации села разрушили сельское хозяйство, создали гигантскую неэффективную государственную промышленность, по-

строили полицейское государство с господством привилегированной бюрократии.

Политические деяния большевиков, несмотря на прикрытие их словесами о модернизации, представляли собой гигантскую реакцию, которая раз и навсегда оборвала нить, связывавшую Россию с европейской цивилизацией. После неудачи попыток экономической и социальной инженерии режим превратился в крепость из папье-маше. Но ужасное семидесятилетнее большевистское наследие продолжает воздействовать на посткоммунистическую Россию, которая, будучи не в состоянии решить свои внутренние проблемы, пытается опереться на те аспекты коммунистического прошлого, которые более других могут быть близки ее ввергнутым в нищету и растерянным гражданам: шовинистическую гордость и ностальгию по военной мощи, полагает Чинелла.

По его мнению, «на пепелище коммунизма в России сегодня вырастает фашизм», вместе с тем «сохраняются в зародыше многие аспекты коммунизма, которые примут законченные формы в предстоящие десятилетия» (28, с. 8).

Это, конечно, лишь одна из точек зрения на советский период истории России, повторяющая набившие оскомину стереотипы времен «холодной войны», когда западные обществоведы как по команде осуждали и представляли Россию в самом негативном свете. Подаваемая в средствах массовой информации и паранаучных монографиях картина была похожей. Но в Италии существовали и иные подходы и точки зрения. Это было связано с огромным влиянием в итальянском общественном мнении самой крупной компартии Запада.

Созданная в 1921 г. Коммунистическая партия Италии (в 1943 г. после роспуска Коминтерна она была переименована в Итальянскую коммунистическую партию) стала главной политической силой страны, которая в течение многих десятилетий XX в. недвусмысленно поддерживала Советскую Россию. Она приняла на себя основную тяжесть вооруженной антифашистской борьбы, ее представители работали в Москве в Коминтерне. Деятельность ИКП, ее пропаганда в массах способствовали росту не только идеологической приверженности советскому коммунизму (по принятой на Западе терминологии), но и симпатий к советскому народу, русским, России.

Во время нападения гитлеровской Германии и фашистской Италии на СССР находившиеся в Советском Союзе итальянские коммунисты оказывали посильную помощь советскому народу,

выступали по радио, вели антифашистскую пропаганду, опекали и оказывали идеологическое воздействие на попавших в плен итальянцев из разгромленной в 1943 г. группировки итало-фашистских войск носившей название АРМИР. Все это стало тоже одной из заметных страниц советско-итальянских отношений, содействовало созданию особого образа Советского Союза и его народа в Италии.

Что касается взаимоотношений в области культуры, то они продолжали развиваться, еще и благодаря тому, что в Италии в ту пору в среде российской белой эмиграции оказалось много известных деятелей искусства, литературы, науки. Они так или иначе влияли на восприятие России в Италии, создавали ее образ в качестве заметных в тогдашней итальянской культурной жизни представителей российской интеллигенции, оказавшихся по стечению обстоятельств за рубежами родины.

В книге известной российской итальянистки Н.П. Комоловой исследуется деятельность русского зарубежья в Италии (7). Тематика Италии в русской культуре играла заметную, хотя и неоднозначную роль, подчеркивает автор. В период Серебряного века она выражала мечту о прекрасном и стремление побывать в обетованной стране, тогда вполне осуществимое. Яркое воплощение образы Италии нашли тогда в поэзии и прозе А. Блока, Н. Гумилёва, О. Мандельштама, Б. Зайцева, П. Муратова, Вяч. Иванова. Б. Зайцев признавался в одном из писем: «Об Италии я много писал и до сих пор я поклоняюсь ей». Как отмечал внук писателя, профессор Сорбонны М.А. Соллогуб: «Италию Зайцев воспринимал как неиссякаемый духовный источник для русских паломников – там лечили они раны сердца, там черпали вдохновение и творческую энергию, там рождались многие замыслы, которым суждено было воплотиться и обогатить отечественную и мировую культуру» (7, с. 340).

Во Флоренции есть улица, названная в честь замечательного русского историка Николая Петровича Оттокара (1884–1957), прожившего в этом городе почти 40 лет. Он написал несколько книг по истории города, долгие годы был профессором Флорентийского университета, воспитал немало учеников. Флоренция избрала Оттокара своим почетным гражданином. Труды Оттокара, в их числе известные работы по истории Флоренции и Сиены, а также книга «Краткая история России», в которой давалась характеристика и Советской России, были восприняты в Италии как новаторские (7, с. 403).

В этом контексте в Москве возник Институт итальянской культуры – «Студио итальяно» (1918–1922). Это была общественная просветительская организация, объединившая друзей Италии в трудные послереволюционные годы. Первым директором был живший в Москве итальянец Одоардо Кампо, его сменил искусствовед Павел Муратов, уже названный нами как автор знаменитой книги «Образы Италии». Институт проводил цикл публичных лекций по истории итальянского искусства и литературы. Он объединил вокруг себя университетскую профессуру, студенчество, представителей интеллигенции. О. Кампа установил контакты с интеллектуальной элитой Италии и способствовал приезду ее представителей в Москву. После высылки в 1922 г. из России большой группы интеллигенции, в том числе П. Муратова, институт прекратил свое существование, а его деятельность более чем на полвека была предана забвению.

Эмигранты послевоенных лет оказались в Италии в трудных обстоятельствах, поскольку между режимом Муссолини и большевистской диктатурой установились довольно тесные отношения, что отражалось на положении русских эмигрантов, вынужденных переселиться в Париж или Прагу. Так поступили Зайцев, Осоргин, Шмурло. Оставшимся в Италии помогали итальянцы и русские фонды, особенно фонд княгини М.П. Демидовой.

Эмигранты старались знакомить итальянцев с достижениями русской культуры. Организатором лекций высланных из Советской России ученых, писателей, философов был профессор-славист Э. Ло Гатто. Он перевел на итальянский язык «Евгения Онегина», тесно сотрудничал с Вяч. Ивановым. Ранее в Италии работали художники Врубель, Богаевский, Нестеров, а позднее художники-эмигранты А. Юсупов, Г. Шилтян, Н. Лохов, В. Фалилеев, Римма и Леонид Брайловские, написавшие серию «Видение старой России», приобретенную Ватиканом.

Что касается профашистски настроенных тогда итальянцев, составлявших, вероятно, до конца 30-х годов, благодаря активной работе фашистского режима с молодежью большинство населения (3), то для них Советская Россия была политическим противником, а само слово «большевик» было в этих слоях ругательным. Достаточно посмотреть некоторые из фашистских изданий, чтобы найти немало подтверждений этому (34). Однако эволюция отношения последователей Муссолини к СССР не была прямолинейной.

Когда Италия сама искала свой «третий путь» на путях модернизации, предлагавшихся захватившим власть в стране в

1922 г. фашистским режимом (см. об этом: 54), Советская Россия виделась в ином свете. Публицист Берто Риччи в статье «Рим, Москва и Чикаго», опубликованной 15 декабря 1927 г. газетой «Selvaggio» писал: «Необходимо опровергнуть легенду о катастрофе русской революции, большевистском хаосе, крахе империи и т.д. России революция большевиков полезна, как была полезна Франции революция жирондистов и якобинцев. Необходимо понимать, что любая революция, поскольку она осуществляет универсалистские, религиозные или анархистские цели, в конце концов сводится к инстинкту власти нации: т.е. к империализму. Верно и то, что когда революции выходят за пределы своего дома и пересаживаются на чужую землю, тогда они сеют разрушение. На деле любая революция, представляя национальную идею определенного народа, не согласовывает себя ни с кем другим. Мы итальянцы, которые тоже совершили революцию и более великую революцию, не можем чувствовать себя более близкими к Лондону, парламентскому и консервативному, к Парижу, парламентскому и демократическому, чем к коммунистической Москве» (54, с. 199).

Современный историк Дж. Сантомассимо, из чьей книги взята вышеприведенная цитата Риччи, заявляет что зять Муссолини Чиано и сам Муссолини по крайней мере до 1935–1936 гг. верили, что совершают свою революцию. «Отсюда вытекала положительная оценка, настоящая переоценка большевистской революции. На это указывала публикация текста Сталина о социализме в одной стране, что ставя предел интернационализму, оставляло открытым для других государств создание своего рода национального социализма, что, ясное дело, нам вполне подходит. Среди прочего следует подчеркнуть, что в эти годы были опубликованы многие труды авторов-коммунистов из Советского Союза» (54, с. 200).

Муссолини в беседах со своим биографом Ивом Де Беньяком высказал мнение, что философ У. Спирито давно симпатизировал большевизму. Он заявил, что в Италии только профессор Спирито поддерживает его собственное мнение, что «если большевистская Россия не нарушила европейского мира, то это благодаря господину Сталину и его уравновешивающей концепции социализма в одной стране» (54, с. 155). Один из давних сподвижников Муссолини Уго Барни признавал, что многие молодые люди, находящиеся в рядах фашистских организаций, «с энтузиазмом относятся к советским экспериментам», особенно ввиду поразив-

шего мир экономического кризиса. Однако Барни сетовал, что эти молодые люди «ищут выходы на путях ошибочных проектов» (54, с. 160).

На Феррарской конференции 1932 г. фашистский министр Боттаи добился принятия резолюции, в которой отрицалась «всякая идентификация корпоративизма и большевизма из-за их четко выраженной изначальной противопоставленности, различия задач и целей» (54, с. 167).

Отношения между фашистской Италией и СССР нередко, особенно уже перед началом Второй мировой войны, переживали напряженные моменты. Так, 9 декабря 1939 г. советское Генеральное консульство в Милане подверглось нападению толпы в 300 человек при полном попустительстве итальянских властей. После направленной советским послом В. Штейном на имя итальянского министра иностранных дел Г. Чиано соответствующей ноты протеста (2, Ф. Секретариат Литвинова. Оп. 18, папка 144. Д. 88. Л. 286), СССР предпочел закрыть Генеральное консульство в Милане и настоял на том, чтобы Италия на паритетных началах ликвидировала свое консульство в Одессе.

Отметим еще раз, что в фашистских изданиях постоянно давался враждебный образ Советской России. Такая пропагандистская антисоветская линия продолжалась вплоть до свержения фашистского режима. Поэтому уже по окончании войны реакционными силами в Италии не составило труда оживить и использовать эти антисоветские образы, в том числе и в предвыборной борьбе с целью ослабить влияние самой сильной западной коммунистической партии – ИКП. Но надо отметить, что не всегда эта пропаганда получала ожидавшийся правыми резонанс, и нередко она оказывалась контрпродуктивной.

1945–1991

Окончание Второй мировой войны знаменовало собой начало нового этапа отношений между Италией и СССР, которые отличались от отношений между СССР и другими западными странами, что в немалой степени зависело от особого отношения большей части итальянского населения, симпатизировавшего идеям социализма и коммунизма, к Советскому Союзу и советским людям. Немаловажным оказался тот факт, что итальянские коммунисты и социалисты, выступавшие единым фронтом в движении Сопrotивления, свергнувшего в апреле 1945 г. фашистский режим,

были привержены идеологии марксизма. Они выступали за развитие дружеских отношений с СССР, их лидеры – П. Тольятти и П. Ненни, ставший лауреатом Сталинской премии, в послевоенный период часто бывали в нашей стране и выступали с антиимпериалистических позиций, против создания блока НАТО и других недружественных в отношении Советского Союза акций ведущих западных держав.

В напряженный послевоенный период, когда под влиянием курса премьер-министра Альчиде Де Гаспери и возглавляемой им ХДП, Италия разворачивала свой внешнеполитический курс в сторону тесного союзничества с США и западноевропейскими странами, находившиеся в Риме советские дипломаты отражали этот поворот и позицию итальянских левых в своих донесениях.

Интересно сообщение посла в Риме М.А. Костылева о выступлении 7 октября 1948 г. сенатора социалиста Джуа «с яркой обвинительной речью против правительства, *стремящегося втянуть Италию в войну против Советского Союза*. Обращаясь к министру обороны Паччарди, Джуа заявил: “Уверены ли Вы, господин министр, что большинство итальянского народа не встретит с радостью Красную Армию, как Армию-освободительницу?” (2, Ф. Секретариат Литвинова. Оп. 18, папка 144. Д. 88. Л. 148–149).

Выступая в Палате депутатов, левый социалист Сандро Пертини заявил: “В случае возникновения конфликта совершенно бесполезно думать о возможности остаться нейтральными. Мы также будем вовлечены в агрессивные действия западных держав против Советского Союза. Ясно, что правительство Де Гаспери попытается предоставить в распоряжение агрессоров военные базы, порты, аэропорты и т.д., как поступило правительство Салó в отношении нацистов. В этом случае итальянские трудящиеся будут бороться так же, как они боролись против нацистов. Во всяком случае и прежде всего они будут бороться для защиты Советского Союза...» (2, Ф. Секретариат Литвинова. Оп. 18, папка 144. Д. 88. Л. 149).

Противостояние левых и правых сил охватывало всю политическую жизнь Италии. Страна оказалась своего рода «прифронтовым» государством, не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику которого две сверхдержавы того времени (США поддерживая созданную Де Гаспери партию – ХДП, СССР – итальянские левые силы) оказывали самое непосредственное влияние (48).

О восстановлении нормальных отношений между нашими странами после крушения фашизма рассказано в мемуарах первого

итальянского посла в СССР послевоенного времени Пьетро Кварони (44). О предпринимавшихся в тот период итальянским правительством и итальянской дипломатией усилиях с целью добиться дружественного отношения к своей стране вышедшего из войны победителем СССР, красноречиво свидетельствуют недавно изданные документы из архива итальянского МИДа (30).

После невнятной политики 50-х годов последовали попытки улучшить отношения с СССР в 60-е годы. Как отмечает в своей диссертации Г.А. Гиголаев, в конце 1950-х – начале 1960-х годов отношения между Италией и СССР, существенно осложненные «холодной войной», начали улучшаться. Это касалось прежде всего экономических связей. В декабре 1957 г. было заключено долгосрочное торговое соглашение на 1958–1961 гг., способствовавшее развитию взаимовыгодной торговли.

Политические отношения развивались сложнее. Начавшийся в 1958–1963 гг. в связи с обострением отношений между Востоком и Западом из-за Берлинского кризиса 1961 г. более интенсивный диалог не оставил в стороне и Италию. Бурный экономический рост в Италии 50-х годов, создание в 1957 г. ЕЭС и усиление в правящей в Италии ХДП левого крыла «неоатлантистов» способствовали тому, что Итальянская республика стала стремиться к более независимому внешнеполитическому курсу на международной арене. Речь не шла о сколько-нибудь выраженном дистанцировании от позиции США и других союзников по НАТО, но Италия попыталась играть роль посредника между Востоком и Западом, что подразумевало установление особых отношений с СССР.

Основными протагонистами этой политики были лидеры «неоатлантистов» – президент республики в 1955–1962 гг. Джованни Гронки и Аминторе Фанфани, трижды возглавлявший итальянское правительство в период с 1958 по 1963 г. Важную роль в развитии советско-итальянских отношений играли представители крупного бизнеса, недовольные установленными НАТО ограничениями на торговлю со странами восточного блока и стремившиеся освоить перспективный советский рынок. Наиболее известным представителем этих кругов был председатель государственного нефтегазового объединения ЭНИ Энрико Маттеи, тесно связанный с «неоатлантистами» и являвшийся влиятельным представителем левого крыла ХДП.

Немало усилий в плане активизации политических, экономических и культурных контактов между Италией и Советским

Союзом приложил итальянский посол в СССР граф Лука Пьетромарки. Он возглавлял итальянское посольство в Москве с октября 1958 по март 1961 г. За этот период произошло немало событий, способствовавших улучшению советско-итальянских отношений. Состоялись визиты в СССР министра внешней торговли Италии Р. Дель Бо в 1959 г. и президента Дж Гронки в 1960 г. Была урегулирована проблема репатриации итальянских военнопленных, состоялось заключение контрактов между рядом итальянских корпораций и советскими внешнеэкономическими организациями. Объем советско-итальянской торговли вырос за два года 1958–1960 гг. в 2,5 раза. Италия превратилась в крупнейшего в мире покупателя советской нефти. В 1960 г. было подписано советско-итальянское культурное соглашение, и культурные связи были поставлены на прочную основу. Во всех этих событиях принял деятельное участие посол Пьетромарки, действовавший подчас на свой страх и риск вопреки официальной позиции МИДа Италии (см. 4).

Намерение руководства страны улучшить отношения с Москвой (упомянутый визит президента Гронки в СССР в феврале 1960 г.) совпало с обострением международной обстановки: новое нарастание напряженности между двумя блоками, строительство Берлинской стены и другие события 60-х годов. В самой Италии происходили заметные внутривластные перемены. Они привели к ослаблению средней державы, каковой была Италия, и в последующие 70-е годы приходилось с этим считаться. Италия маневрировала между блоками. Для правительства и итальянских политических партий отношения между Востоком и Западом по внутренним и внешним причинам стали наибольшей заботой национальной политики: по внешним потому, что от них зависела безопасность страны, по внутренним потому, что в Италии была сильная компартия и ее внутренние дела, нередко самым провинциальным и карикатурным образом, влияли на отношения между двумя блоками, считает историк и публицист Серджио Романо (48, с. 213).

Торгово-экономические связи становились все более активными. Италия, занимая среди капиталистических стран второе место после Германии в торговле с СССР, оставалась надежным торговым партнером. Разумеется, с точки зрения развивавшихся на протяжении всего XX в. экономических и торговых связей Италии с СССР / Россией, такие устойчивые, развивавшиеся на протяжении многих десятилетий партнерские связи как между ЭНИ и

Газпромом, ФИАТом и автозаводом в г. Тольятти, равно как и между другими концернами, играющими видную роль в жизни двух стран, а нередко и в мире, могли бы также стать объектом исследования по тематике «Образ России в Италии», хотя бы в том сегменте данной панорамной картины, как экономическое партнерство и взаимное представление о наших странах в предпринимательской среде (о сотрудничестве в нефтегазовой сфере см., напр.: 55).

В партийной пропаганде ИКП, привлекавшей в свои ряды массу студенческой, творческой молодежи, выбиравшей для себя левые взгляды и марксистскую, грамшианскую идеологию, звучало славословие Советского Союза и его достижений. Особенно весомыми моментами, подкрепляющими эту пропаганду, стали невиданные достижения СССР в освоении космического пространства. Пропагандировались и удачные эксперименты советского строя в области социальной политики.

Все это могли ощутить и те в СССР, кто свободно читал итальянски. В газетных киосках по крайней мере столичных городов свободно продавались коммунистические итальянские газеты «Унита» и «Паэзе сера», журнал «Ринашита», из которых советский читатель мог узнать много нетривиально подававшихся мировых новостей, и с жадностью поглощал информацию о своей собственной стране, подававшийся доброжелательно, но в таком ракурсе объективного подхода, от которого он давно отвык. В других итальянских газетах, считавшихся в СССР буржуазными, равно как и в телерепортажах, образ России конструировался нередко с позиций весьма недоброжелательной критики.

Начиная с 60-х годов в Италии на волне «итальянского чуда» и стремительного развития национальной экономики, превращения в общем-то аграрной страны начала и середины века в развитую индустриальную державу, получает невиданное развитие туризм, ширится число поездок в отпуск в другие страны. (Обратный поток – путешествия советских людей в Италию был ввиду созданных в СССР препятствий для таких поездок крайне скудным и не шел ни в какое сравнение с тем туристическим потоком представителей российского общества, которым характеризовалось начало XX в.).

Многие итальянцы хотели увидеть своими глазами «страну победившего социализма» и, возвращаясь на родину из этих поездок, привозили свои впечатления об СССР. Путешествия совершались как в туристических группах, так и в виде индивидуальных

туров, часто люди проезжали длинными дорогами нашей страны, в основном, конечно, ее европейской части, на своих автомашинах. Посещались крупнейшие города, столицы республик европейской части СССР – Москва, Ленинград, Киев, Минск, Вильнюс, Рига, Таллин, Баку, Тбилиси, Ереван. Популярны были морские круизы с заходом итальянских кораблей в черноморские порты, в основном по маршруту Одесса – Ялта – Сочи.

Эти впечатления от непосредственного общения со страной и ее людьми также способствовали созданию неискаженного образа России и СССР в целом в широких массах итальянцев. Маршруты туристических поездок итальянцев пролегали не только по главным городам России, Украины, Белоруссии, прибалтийских республик, но шли и в азиатскую часть РСФСР, республики Закавказья и Средней Азии. Что касается последней, то излюбленным местом туристического паломничества были Бухара и Самарканд, и по-видимому не случайно одна из самых популярных передач бурно развивавшегося, как и повсюду в мире, телевидения (репортажи из СССР показывались по трем главным каналам гос-телевидения РАИ довольно регулярно) получила название «Самарканд».

Отношение к «стране победившего социализма» со стороны итальянских левых стало меняться после событий в Венгрии 1956 г., а затем в Чехословакии 1968 г., и в конце концов сначала итальянские социалисты, а затем и коммунисты отошли от линии поддержки СССР (подробнее см.: 14, с. 347–462).

Что касается политико-идеологической сферы, то в 70-е годы в Италии вырастает такое интересное явление, как «еврокоммунизм». Это были годы интенсивного противостояния в «холодной войне» двух враждующих коалиций, двух сверхдержав – США и СССР. Линия раздела проходила и в Италии, в которой как нигде на Западе именно в этот период укрепила позиции считавшаяся «просоветской», но уже начавшая дрейф в сторону социал-демократизации ИКП. Под руководством своего нового секретаря Э. Берлингуэра ИКП отказалась от долгие годы использовавшегося лозунга: «Италия вне НАТО, а НАТО вне Италии». Итальянские коммунисты признали роль и значение НАТО и ЕЭС. В результате этого нового курса итальянские коммунисты набрали на парламентских выборах 1976 г. 34,4% голосов, претендуя на вхождение в правительство.

Этому противились правящие круги США, тогдашний президент Джимми Картер. Насколько серьезной была ситуация, ста-

ло ясно в самое последнее время, когда достоянием общественности стали документы о том, что тогдашние американские власти в те времена были готовы к непосредственному вмешательству в дела Италии, чтобы воспрепятствовать приходу коммунистов к власти на национальном уровне, их вхождению в правительство. Как подчеркивают немецкие журналисты Аксель Фрон и Клаус Вигрефе, опубликовавшие в журнале «Шпигель» в 2008 г. статью «Кошмар в Риме», в разгар «холодной войны» «для западных стратегов было кошмаром представить себе, что министры-коммунисты заседают в одном из правительств государства – члена НАТО и обладают доступом к сверхсекретным документам наподобие плана применения ядерного оружия». «К счастью, – заключают немецкие авторы, – в Италии события развивались по-другому. На выборах в июне 1976 г. ХДП неожиданно набрала 38,7%. ИКП с 34,4% осталась в оппозиции» (32).

Характерно, что до сих пор не до конца раскрыто, какие силы стояли за похищением и убийством в 1978 г. видного политического деятеля Италии, много раз занимавшего пост премьер-министра Альдо Моро. Именно Моро среди всех руководителей постоянно с 1947 по 1992 г. правившей в стране ХДП в середине 70-х годов склонялся к сотрудничеству с ИКП и ее тогдашним лидером Э. Берлингуэром. И именно после убийства Моро эта линия внутри партии демохристиан потерпела поражение. Перспектива так называемого исторического компромисса – сотрудничество христианских демократов с коммунистами на парламентском уровне и линия на возможное участие ИКП в правительстве – была забыта.

Что касается изменения приоритетов и в былые времена тесного сотрудничества братских партий – КПСС и ИКП, то резкие замечания Москвы по поводу самостоятельной линии итальянских коммунистов, обвинения в ревизионизме вызвали изменение отношений между партиями, что способствовало дальнейшей эволюции ИКП в сторону социал-демократии, сближению ее с такой партией, как СДПГ (57; 58).

Особый энтузиазм, прежде всего в среде левых сил в Италии, вызвали перестройка и политика демократизации в СССР. Советский режим становился более открытым, советские люди получили, наконец, больше возможностей для выезда на Запад, многие из них устремились в страну своей давней мечты – Италию, и общение с людьми из социалистического мира снова содействовало созданию образа советского человека – пришельца из

действительно иного мира по сравнению с капиталистическим итальянским.

Отношение итальянцев к тогдашним событиям в СССР показано во многих изданиях того времени. События перестройки доминировали в итальянских массмедиа, они стали тогда основной темой новостных передач телевидения и занимали первые полосы в газетах.

В определенной мере это отношение обобщено в книгах посла Италии в СССР в годы перестройки, известного современного итальянского публициста бывшего посла Италии в СССР Серджо Романо. В книге «Путеводитель по итальянской внешней политике» он отмечал, что европейская политика Италии во второй половине 80-х годов была посвящена не столько европейской интеграции, сколько чрезвычайным переменам в отношениях Восток–Запад, вызванным приходом к власти в СССР Горбачёва. Романо поясняет, почему это оказало сильное воздействие на итальянскую внешнюю политику.

В Америке, пишет он, заявления Горбачёва долгое время наталкивались на заметный скептицизм. В Германии Коль не слишком дипломатично заявил, что его диалектика напоминает речи дьявольского пропагандиста «третьего рейха» Геббельса. В Англии госпожа Тэтчер прониклась уважением к Горбачёву во время его визита в Лондон в 1984 г. В первые годы «перестройки» Италия была, вероятно, единственной западной страной, которая более всего верила в реформаторский эксперимент советского лидера и инновации, которые он хотел внести в отношения между государствами.

Горбачёв обещал новую эру разрядки. У части итальянского правящего класса это обещание вызвало надежду, что стране больше не придется принимать мучительных решений, как во время ракетного кризиса в Европе или во время Московской олимпиады, когда после советского вторжения в Афганистан итальянская олимпийская команда осталась сиротой, выступая без гимна и флага. Для средней державы, постоянно озабоченной поддержанием сложного внутреннего равновесия, новая разрядка сулила большую международную автономию и менее конфликтные отношения внутри страны. Первая перспектива была по душе тем, кто исповедовал концепцию Италии как «решающей гири» на чаше весов, вторая – тем, кто обращал внимание на отношения с левыми силами.

Горбачёву симпатизировала большая часть итальянских католических сил, в особенности тех, что сожалели об упущенной возможности развить начавшие устанавливаться в эпоху Хрущёва и Иоанна XXIII «экуменические» связи между Римом и Москвой. В этих кругах пользовались успехом как пацифистские призывы нового советского лидера, так и его попытка реформировать экономическую систему СССР. В тот период в части итальянского католического движения возродилась надежда, что Россия станет открытой для духовных отношений с западным христианством, что два мира смогут встретиться на новой почве и что логике конфронтации будет противопоставлена логика диалога. Если бы реформаторская политика Горбачёва привела к успеху, то это стало бы подтверждением того, на чем настаивали итальянские левые католики: необходимость третьего пути между двумя одинаково материалистическими путями капитализма, с одной стороны, и сталинского и брежневского марксизма – с другой. Симпатия к Советскому Союзу для левых католиков была необходимым дополнением к их антипатии к Америке.

Горбачёв нравился многим предпринимателям и деловым людям. В то время как ученые осмысливали стагнацию мировой торговли, перестройка обещала открыть широкие возможности обширного советского рынка с его 280 млн. потребителей. Поэтому в интересах итальянской экономики ей следовало как можно больше помогать. Этот энтузиазм по поводу итало-советских экономических связей был последним вариантом феномена начала XX в., когда некоторые итальянцы мечтали преобразовать российский рынок в великое поле для удовлетворения амбиций молодой итальянской индустрии. Например, Гуалино лелеял мечту о развитии урбанизации окрестностей Петербурга, Маринотти налаживал первые контакты с большевистской республикой, «Рив» построила первый шарикоподшипниковый завод в рамках первого пятилетнего плана, а итальянские судостроительные верфи и авиапромышленность поставляли для СССР корабли и самолеты.

Известно, что после окончания Второй мировой войны даже крупный банкир Раффаэле Маттиоли возлагал много надежд на развитие отношений между двумя странами. Ему представлялось, как писал он в письме Тольятти, что между двумя странами можно наладить более прочные отношения, чем те, что установились между Италией и наиболее передовыми промышленно развитыми экономическими державами Запада. Такой же была «философия» Энрико Маттеи, и такой же была и философия немалой части всех

тех деловых людей, которые видели в перестройке великий шанс для итальянской экономики.

На этом основывалось убеждение, что Италия, занимающая последнее место среди крупных экономик Запада возможно наиболее подходит как партнер для развития отношений с отсталой сверхдержавой, богатой ресурсами и нуждающейся во всем. Здесь главный порок итальянской экономической системы по западным стандартам – ее отсталость – мог превратиться в ее достоинство.

Именно в этом, подчеркивает Романо, заключались причины всеобщей симпатии, с которой Италия оказалась в первых рядах стран, приветствовавших реформаторский эксперимент нового советского лидера. Парадоксальным образом итальянские коммунисты, может быть помня опыт других провалившихся реформ, воспринимали события настороженно и оставались в роли наблюдателей. Но убедившись в том, что успех Горбачёва продемонстрировал бы жизнеспособность и применимость их идеологии, Италия стала главным «болельщиком перестройки» на всем Западе. Она сумела извлечь из этого некоторые политические выгоды в период, когда отношения Востока и Запада характеризовались осторожностью. Прибыли уменьшались по мере того, как постепенно на это поле вступали новые страны, имевшие большее значение для внешней политики СССР.

Возможно, в глазах советского руководства в течение семи лет, прошедших от прихода к власти Горбачёва до распада Советского Союза, наибольшим капиталом Италии были ее связи с католической церковью. Отказавшись от иронического скептицизма Сталина («а сколько дивизий у Папы?»), новый советский лидер проявлял симпатии к Святому престолу и с большим вниманием относился к мировой политике Папы-поляка. После того, как он был своего рода занозой в боку советского режима из-за своей поддержки «Солидарности» и защиты национальных устремлений своей страны, в конце 80-х годов Иоанн Павел II на деле стал идеальным собеседником Горбачёва, нужным союзником в его политике мира и необходимым столпом того «общего европейского дома», строительство которого было провозглашено советским лидером.

Это была еще одна причина для поддержания хороших отношений с Италией, прежде всего, когда министром иностранных дел был Андреотти, христианский демократ, тесно связанный с ватиканскими кругами. Когда Горбачёв в ноябре 1989 г. прибыл с визитом в Италию по приглашению итальянского правительства,

он был заинтересован прежде всего во встрече в Ватикане с Иоанном Павлом II, потому что надеялся в тот момент получить «глобальный поток кислорода и международное благословление».

Во время перестройки экономические отношения оставались довольно интенсивными и от «привилегированных» отношений между двумя странами были получены некоторые выгоды. Но на них оказали неизбежное воздействие крах политики Горбачёва и коллапс советской экономики. На место великих ожиданий второй половины 80-х годов для Италии и других западных стран пришли заботы, связанные с долгами, которые набрал СССР в предшествующий период (48, с. 234–238).

В период 1989–1991 гг. выявились признаки кризиса той внешней политики, которую Италия проводила в различные, чередующиеся фазы в разделенной на блоки Европе, начиная с тех лет, когда президентом был Гронки. После конца советской империи в Центральной Европе, германского объединения и распада СССР одно за другим отпали условия, которые позволяли Италии вести себя как наиболее склонную к примирению из западных держав.

Возвращаясь к вопросу об отношении в Италии к СССР в период перестройки, Романо пишет в другой своей книге «Мемуары консерватора»: «Почти четыре года, с 1985 по 1989, я наблюдал в Москве за ходом горбачёвских реформ». На Западе к тому времени уже были позади социальные и экономические «революции», резко изменившие жизнь общества: перемена во взаимоотношениях полов в конце 60-х годов, разительные сдвиги в сфере информатики и технологий в 70-е и 80-е годы. В СССР же ничего не менялось: пустые прилавки и очереди у магазинов, неприступные лица продавщиц, старинные деревянные счеты у кассиров, серая толпа на улицах, религиозное молчание публики в театрах, продуктовые сумки в руках женщин на случай непредсказуемых неожиданностей советского рынка. «Родина социализма», по мнению Романо, была самой «ретроградной» из великих держав. СССР был олигархическим государством, управлявшимся партийным секретарем и «советом старцев». Когда он приехал в 1985 г. на работу в Москву, то средний возраст руководящего ядра составлял 75 лет. Это заставляет Романо провести параллель с закатом Венецианской республики. Последний предперестроечный «дождь» в Москве – Константин Черненко, с иронией замечает он, был еще более бессилён, чем старый Лудовико Манин в годы, когда французы осаждали Венецию.

У Романо, как непосредственного свидетеля событий, есть свое объяснение причин провала горбачёвской политики реформ и как следствие путча 19–21 августа 1991 г., вызвавшего развал Советского Союза. За фасадом так нравившейся тогда на Западе раскованной манеры поведения Горбачёва Романо виделось другое, а именно вопиющая противоречивость его взглядов и позиций. Горбачёву не была известна никакая другая теория, кроме теории коммунизма, констатирует автор. Государственная экономика и единственная партия были его догмами.

Насколько секретарю-реформатору удалось изменить страну? – спрашивал себя Романо. – Понимал ли он, что реформы могут еще более обнажить все пороки советской системы? Отдавал ли он себе отчет в том, что уже в 1986–1987 гг. перестройка проваливалась, а гласность в отличие от этого набрала слишком большую скорость? Как и любой поворот в России от Петра I до Александра II, перестройка тоже была «революцией сверху», щедрым даром царя своим подданным. Выходили прежде запрещенные цензурой книги, реабилитировали тех, кого до этого считали преступниками.

Пытаясь ответить на вопрос: почему проиграл Горбачёв, Романо пишет, что экономическое и социальное положение в стране ухудшались. Иногда это вызывалось обстоятельствами, с которыми руководство ничего не могло поделать. Так, резкое падение мировых цен на нефть в начале 1986 г. привело к плачевному состоянию советских финансов. Но главной причиной был провал перестроечных реформ, а гласность, поднимая завесу над ложью и скрытыми пороками режима, лишь усугубляла ситуацию. «В подобном случае другой хирург на его месте зашил бы живот пациента и предоставил бы его Божьей воле», – замечает Романо. Горбачёв же шел напролом, вызывая гнев и сопротивление тех сил, которые в конце концов его и сгубили. Этими силами, по оценке итальянского дипломата, были оппозиция большей части старой номенклатуры, забегавшие вперед радикальные реформаторы, сепаратизм динамичных республик, недовольство отсталых республик, пробудившиеся местничество и национализм. Горбачёв уверовал в свои способности посредника и был убежден, что в условиях противоборства двух противоположных партий – сторонников реформ и консервативных реставраторов – он незаменим. Он полагал, что в конце концов все вернутся к нему и попросят возглавить новый Советский Союз.

Другой пристрастный наблюдатель, долгое время работавший в Москве корреспондентом газеты ИКП «Унита» Дж. Къеза, высказал свое отношение к перестройке и дал оценку дальнейшего развития событий в России на страницах своих книг. Две из них были переведены на русский язык.

Стремительное развитие событий в 1989 г. застало врасплох не только непосредственных главных участников, но и наблюдателей в разных странах мира, отмечал Къеза. Необходимо найти объяснение – нет, скорее объяснения – такого эффекта внезапности, ибо, только поняв его причины, можно будет не просто усвоить урок истории, совершающийся у нас на глазах, но и попытаться предугадать ее возможное дальнейшее развитие. Недооценка размаха горбачёвской революции явилась причиной запоздалого понимания неизбежности тех поразительных перспектив, которые ей суждено было открыть для остальной части мира.

Начатые Горбачёвым эпохальные перемены, нацеленные на изменение социально-экономической системы одной из двух крупнейших держав на планете, не могли не повлечь за собой колоссальных сдвигов в международном масштабе. Советский лидер выступил в роли самого сознательного предсказателя, когда предупредил мировое сообщество о том, что «новое мышление» будет означать «перестройку для СССР и для всего мира». Волна, поднятая этим землетрясением, уже вышла за географические пределы Российской империи и опрокинув концептуальные границы, в рамках которых планета «рассуждала» в последние 100 лет. И нет такой плотины, которая могла бы сдержать ее. Совсем не случайно, что зародившись в недрах кризиса реального коммунизма, идеи перестройки распространились настолько, что ставят под сомнение устои других систем, заключал итальянский журналист (8, с. 7–8).

1991–2009

Подспудно развивавшиеся в обеих странах тенденции, жажда перемен, внесения некоей свежей струи в застоявшуюся жизнь общества, привели почти одновременно к огромным переменам, перенесению центра тяжести в политическом мире, а в России, возникшей как самостоятельное государство после развала Советского Союза в 1991 г., и к смене не только политического, но и экономического строя.

Конец века и начало нового XXI в. означали в какой-то мере смену приоритетов в отношении итальянцев к России. На это накладывали отпечаток и политические события, правление то левоцентристской – 1996–2001 гг., то правоцентристской – 2001–2006 гг., то снова левоцентристской коалиции, с 2006 по 2008 г., а начиная с весны 2008 г. снова правоцентристов во главе с Берлускони. Кроме этого, полностью изменилась международная обстановка. Все авторы, трактующие рассматриваемую тему, обращали внимание на «системный разрыв, вызванный международным кризисом после падения Берлинской стены и распада СССР, что означало окончание биполярного мирового равновесия, когда в свою очередь поменялись правила игры, а ее протагонисты либо поменялись, либо исчезли, оказавшись замененными новыми актерами» (38, с. IX).

Что касается последнего 15-летия, то многие авторы, в том числе и итальянские, отмечали значительное сходство процессов, развернувшихся в обеих странах (10, 40). Так, известный автор, специализирующийся на освещении международных сюжетов Пьетро Оттоне в статье «Ди Пьетро как Горбачёв» проводил прямые аналогии между крушением «старых режимов» в России и Италии в начале 90-х годов XX в., когда, как он пишет, мотором перемен в одной стране стала перестройка, в другой – прокуратура г. Милана, инициировавшая проведение операции «Чистые руки» (40, с. 193). Оттони пишет далее о «перекрещивающихся судьбах» России и Италии и выделяет ряд сходных моментов пережитого странами в конце века кризиса: 1) происхождение кризиса было одинаковым, 2) в обоих случаях появился демиург, 3) кризис создал ситуацию *tabula rasa*, и из глубин в обоих обществах вновь вышли на сцену силы традиционализма, сходные между собой, 4) возвращение к нормальности требует длительного времени (40, с. 193).

В Италии продолжались споры о крушении мифа коммунизма, в них принимали участие видные ученые и публицисты (37, с. 15–22, 23–32; 52). Созывались научные конференции, с целью прояснить причины и извлечь уроки из этого крушения. Одной из них, получивших в итальянских массмедиа широкий резонанс, стала организованная левыми силами с участием их ведущих лидеров, а также известных на всю страну публицистов – В. Вельтрони, П. Фассино, П. Миели и других, конференция в Риме в ноябре 1999 г. В этой конференции под названием «Последний Октябрь» довелось участвовать и автору данного очерка.

Эволюция итальянского общества была связана с политическими подвижками, отражавшимися и на взаимоотношениях с Россией, восприятием и изменением образа нашей страны в Италии. У руля правления в Италии в последние годы сменяли друг друга конкурирующие силы, по-разному относящиеся к России. В 1994 г. к власти пришло правительство Берлускони, впоследствии заявлявшего, что Россия вполне может стать членом таких организаций, как НАТО и ЕС. С 1996 по 2001 г. в Италии у власти находилось правительство левоцентристской коалиции, возглавленной Романо Проди. Он не раз подчеркивал, особенно тогда, когда в 1999 г. встал во главе Комиссии европейских сообществ, фактического правительства ЕС, что Россия и Европа неотделимы. С 2001 по 2006 г. в Италии весь законодательный период, что явилось большим достижением для страны, до того отличавшейся нестабильностью правительств, правила правящая коалиция во главе с тем же Берлускони. В 2006 г., когда к власти вновь пришли левоцентристы под руководством Р. Проди, президентом страны стал бывший видный деятель ИКП Дж. Наполитано, председателем Сената – представитель левых католиков Ф. Мартино, председателем Палаты депутатов – глава партии Коммунистическое возрождение Ф. Бертинотти, т.е. ключевые посты государства оказались в руках левых. В 2008 г. к власти при поддержке устойчивого большинства в парламенте снова пришел лидер правящей коалиции С. Берлускони.

Все это несомненно влияло и влияет на взаимоотношения Италии и Российской Федерации, создает вполне определенный настрой общественного мнения, что находит отражение в мире гуманитарных общественных наук, в итальянских СМИ, на итальянских сайтах Интернета. Надо сказать, что каждый из итальянских первых лиц последнего времени, каких бы взглядов он ни придерживался, заявлял и не только заявлял, но и предпринимал конкретные шаги по улучшению отношений с Россией, равно как и с новыми государствами – республиками бывшего СССР.

В связи с неоднозначной трактовкой итальянским общественным мнением, национальными СМИ российской общественной жизни образ нынешней России в Италии обладает рядом как положительных, так и отрицательных черт. Многие периодические издания, как и радио и телевидение, авторы посвященных России книг часто сообщают о негативных явлениях, сопровождавших демократический транзит конца 90-х годов – начала 2000-х годов.

Не слишком изменилась эта картина и в годы президентства Путина.

Характеризуя период правления Ельцина и становления новой России уже цитировавшийся нами Дж. Кьеца подчеркивал, что «для миллионов российских граждан слово “демократ” сегодня носит ругательный характер». «Я вижу, что проводившийся в России до сих пор курс губителен для всех ценностей, существовавших и существующих в этой стране, для культуры, духовности, науки и ее мировой роли как государства. Мне как другу России жалко, что она может потерять все эти присущие ей достоинства; а как представителя Запада меня волнуют последующие нарушения равновесия и огромный вакуум в мире – следствие разрушения и распада России», – подчеркивал Кьеца.

По его мнению, главные ценности Запада – либеральная демократия, плюрализм, рынок, свобода личности – это достижения мировой цивилизации. Но западные советники предлагают России не эти ценности, а «определенную неолиберальную их интерпретацию, которую, слава Богу, на Западе поддерживают далеко не все».

Иван Ильин утешался тем, что в силу ее размеров и богатств Россию невозможно превратить в колонию, писал Кьеца. Хуже того, Россия стала бы источником постоянных распрей между победителями. Как минимум она вкусила бы посмертную месть, превратившись в незаживающую язву таких размеров, что зараза от нее отравит всю планету на века. Необязательно любить Россию для того, чтобы пожелать ей иного будущего. «Достаточно любить самих себя, Запад и Восток, нашу Землю. Но Запад расширяет НАТО и обращается с Россией почти как со страной “Патриарха” Габриеля Гарсия Маркеса, сделав все для того, чтобы Патриарх вообразил себя вечным и незаменимым», – констатировал итальянский автор (9, с. 254–255).

Что касается развития итало-российских связей, то обращают на себя внимание ощутимый подъем делового сотрудничества Италии и России в последние 10–15 лет, широкое развитие массового туризма в обоих направлениях, что, разумеется, способствует созданию более объективного и, как правило, все же скорее положительного образа каждой из стран в общественном мнении страны-партнера. Не уменьшается и роль таких сфер, как наука и культура в широком смысле слова, научных и культурных обменов.

Радует тот факт, что в отличие от прежних времен XX в., в этих обменах активнейшим образом участвует молодежь – сту-

денты и школьники, стремящиеся не только познать другую страну, но и выучить, часто на очень высоком уровне, тот язык, на котором говорит ее население. А итальянский язык, как и русский в Италии, всегда входил в число наиболее популярных для изучения. Регулярно в обеих странах проводятся на неформальном уровне недели изучения русского и итальянского языков. Все это также способствует созданию неискаженного образа России в Италии и Италии в России.

Что касается литературы о России, то здесь в первую очередь можно отметить труды того же уже цитировавшегося нами Серджи Романо, глубоко знающего и понимающего проблемы истории и современности нашей страны.

В небольшой, но обобщающей работе Романо «Дух Раккониджи и сироты перестройки», опубликованной в весьма модном в 90-е годы в Италии общественно-политическом журнале «Лимес»¹ (47, с. 186–194) прямо поставлен вопрос: «Почему итальянцам нужна Россия?»

Итальянские коммунисты, несмотря на их внешние расхождения с политикой Москвы, на деле продолжали в 70–80-е годы поддерживать внешнеполитический курс СССР, утверждает Романо. Начавшаяся в СССР в 1985 г. перестройка оживила надежды итальянских левых на то, что существует путь социализма, и что именно на этом пути будут решены национальные социальные и экономические, равно как и международные проблемы. Но этот «сезон надежд» закончился уже в 1989 г. В то время как СССР терял свою европейскую империю и продвигался к саморазрушению, Италия теряла большую часть своего внешнеполитического потенциала.

Развал СССР (среди итальянской литературы на эту тему отметим: 53) и быстрая деградация экономических отношений между двумя странами, не мешали тому, что Россия продолжала оставаться важной составляющей итальянской политики. «После смерти коммунизма его родина продолжает оставаться местом, к которому итальянская левая – будь то коммунисты или левые католики – продолжает относиться со всей страстностью и играть роль ангажированного наблюдателя. Не существует больше роди-

¹ Более развернуто свое мнение о перечисленных сюжетах С. Романо представил в обширном эссе «Современная Россия», опубликованном им в качестве приложения к итальянскому изданию известной книги Николая Рязановского «История России» (см.: 46, с. 595–628).

ны социализма, но все же остается та фамильярность, которая заставляет немалую часть итальянцев воспринимать российские события как свои собственные, как будто бы от их исхода зависят не только судьбы России, но и самой Италии и всего мира. Многие итальянцы прежней коммунистической веры не могут признать, что отдали свои чувства и свой ум потерпевшему поражение эксперименту и продолжают делать ставку на происходящие теперь российские события в надежде, что они вовсе не ошибались» (47, с. 191–192).

Когда в начале недавнего российско-грузинского вооруженного конфликта в августе 2008 г. на Западе большинство массмедиа было настроено прогрузински, опубликованные в журнале «Панорама» и газете «Коррьере дела сера» высказывания С. Романо послужили перелому ситуации в Италии и складыванию более объемной и объективной картины в национальных массмедиа.

Недавние статьи итальянского дипломата и публициста в итальянском журнале «Панорама» посвящены месту России в современном мире и ее отношениям с оставшейся единственной сверхдержавой США. По поводу российско-грузинского конфликта и его влияния на перемены в международной политике Романо замечал: «Президент Буш заявил, что необходимо уважать суверенитет и целостность Грузии. Это означает, что Абхазия и Южная Осетия не имеют права отделиться от Тбилиси и объявить свою независимость. Но когда сербское правительство просило уважения своей территориальной целостности и назвало независимость Косово нарушением международного права, на это последовал ответ, что народы имеют право решать собственную судьбу. Считается правильным осудить боевые действия, но будет ли неправильным вспомнить о том, что исход южных осетин после грузинского нападения напоминает исход албанцев из Косово, когда Слободан Милошевич затеял этническую чистку региона?»

Американский министр обороны Роберт Гейтс сказал, что поведение России «поставило под сомнение стратегический диалог между Россией и Соединенными Штатами». Республиканский кандидат в президенты Джон Мак Кейн заявил, что необходимо подумать о прекращении участия России в «восьмерке». Но почему-то, пишет Романо, никто на Западе не требует, чтобы Соединенные Штаты после скандалов в Абу Грейбе и Гуантанамо вышли из Совета ООН по правам человека. Американцы не поняли, что вхождение Украины и Грузии в НАТО будет расценено Моск-

вой как нетерпимое вторжение. Они не поняли, что создание американских баз в Польше и Чешской Республике будет расценено в России так же, как была воспринята Соединенными Штатами установка советских ракет на Кубе в 1962 г. Они не поняли, что Владимир Путин популярен в своей стране именно потому, что вывел Россию из прострации, в которую она впала в эпоху Бориса Ельцина.

Из слов Буша, заявлений Гейтса и поспешности, с которой американское правительство заключило договор с Польшей об установке базы ракет-перехватчиков, можно заключить, что грузинский кризис ничему не научил Вашингтон. Поэтому нам надо быть готовыми к новым ошибкам и новым кризисам, подчеркивает Романо (49).

Ситуация в России стала предметом анализа С. Романо и в самое последнее время, когда по ходу разрастания финансово-экономического кризиса итальянский публицист писал: «Пять месяцев назад казалось, что страна брызжет здоровьем, валютные резервы составляли 452 млрд. долл., предвиделся рост ВВП более чем на 7%». Россия могла вести переговоры со своими клиентами с позиции силы, подкрепленной поставками нефти и газа по дорогим ценам. Ныне ситуация резко поменялась. Падение цены на нефть с июльских 147,94 долл. до 40 долл. за баррель привело к тому, что государственная казна перестала пополняться. Инфляция может подняться в ближайшие месяцы до 15%, а безработица охватить 4,5 млн. человек.

В ответ на эти негативные явления в России, продолжал Романо, предпринят ряд политических и дипломатических инициатив. В сфере внутренней политики президент Медведев пообещал больше демократии и попросил Думу поддержать конституционную реформу, по которой срок пребывания на посту главы государства продлевается и тем самым гарантируется большая последовательность будущего президентства Путина. В международной сфере Россия не намерена закрываться в крепости протекционизма, хочет быть частью мировой экономики и не отказывается от своих программ модернизации. Будем надеяться, подчеркивает Романо, что Соединенные Штаты вместо того, чтобы продолжать разговоры о «холодной войне», попытаются это осознать и воспользоваться позитивными аспектами данных сигналов (50).

Приведенные факты и мнения позволяют заключить, что образ России и его широкая распространенность в сознании и размышлениях прошлых и нынешнего поколения итальянцев остается

одной из заметных составляющих национального общественного мнения, с разными, нередко противоположными чувствами, но очень внимательно следящего за развитием событий в стране, к которой итальянцы в большинстве своем относятся с большим уважением и неравнодушной пристрастностью.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Фонд 133. – Канцелярия. Посольство в Риме, 1900–1917 гг.
2. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 082. – Полпредство/посольство в Риме. Референтура по Италии. 1920-е – 1960-е годы; Ф. Секретариат Литвинова.
3. Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
4. Гиголаев Г.Е. От конфронтации к сотрудничеству. Италия во внешней политике Советского Союза: 1953–1964 гг. Дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. – М.: ИВИ РАН, 2008.
5. Кара-Мурза А. Знаменитые русские о Риме. – М., 2001.
6. Кара-Мурза А. Знаменитые русские о Флоренции. – М., 2001.
7. Комолова Н.П. Италия в русской культуре Серебряного века. Времена и судьбы. – М.: Наука, 2005.
8. Къеза Дж. Переход к демократии. – М.: Межд. отн-я, 1993.
9. Къеза Дж. Прощай, Россия! – М.: Гея, 1998.
10. Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура Италии. – М.: ИНИОН РАН, 1996.
11. Любин В.П. Италия накануне вступления в Первую мировую войну (на пути к краху либерального государства). – М.: Наука, 1982.
12. Любин В.П. Итало-советские торгово-экономические отношения в 20-е годы // Вопросы истории. – М., 2002. – № 11. – С. 54–72.
13. Любин В.П. Русская революция 1905–1907 гг. и итальянские левые // *Cahiers du Monde russe*. – Paris, 2007, Avril-septembre, N 48/2–3. – P. 441–448.
14. Любин В.П. Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники, 1892–2006. – М.: Наука, 2007.
15. Муратов П.П. Образы Италии. – М.: Республика, 1994.
16. Россия и Италия. Русская эмиграция в Италии в XX веке. – М.: Наука, 2003.
17. Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией, 1917–1924 гг. – М., 1993. – 197 с.
18. Хормач И.А. СССР–Италия, 1924–1939 гг. (дипломатические и экономические отношения). – М., 1995. – 288 с.
19. Хормач И.А. СССР–Италия и блоковое противостояние в Европе. Вторая половина 40-х – начало 60-х годов. – М., 2005. – Т. 1–2.
20. Чони П. Феномен М. Горького в политической борьбе первой трети XX века. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. – М.: ИВИ РАН, 2007.
21. Яхимович З.П. Русско-итальянские отношения в начале XX века. (К истории свидания в Раккониджи) // Россия и Италия. – М.: Наука, 1969.

22. Archivio Centrale dello Stato (ACS), Roma.
23. 1905: l'altra rivoluzione russa / A cura di G. Lami. – Milano: Cuem, 2007.
24. Balabanoff A. Erinnerungen und Erlebnisse. – Berlin, 1927.
25. Balabanoff A. My Life as Rebel. – L., 1939.
26. Balabanoff A. Lenin visto da vicino. – Roma, 1959 (нем. издание: Balabanoff A. Lenin. Psychologische Beobachtungen und Betrachtungen. – Hannover: Verlag für Literatur und Zeitgeschehen GMBH, 1961).
27. Buttino M. La rivoluzione capovolta. L'Asia centrale tra il crollo dell'Impero zarista e la formazione dell'URSS. – Napoli, 2003.
28. Cinella E. La rivoluzione russa. – Milano: Corriere della sera, 2005.
29. Civinini G. Col drappello dei marinai russi fra le rovine di Messina // Corriere della Sera. – Milano, 1 gennaio 1909.
30. Documenti Diplomatici Italiani (DDI). Decima serie, 1943–1948. – Roma, 2000.
31. Dundovich E. Tra esilio e castigo. Il Komintern, il PCI e la repressione degli antifascisti italiani in URSS (1936–1938). – Roma: Carocci ed., 1998.
32. Frohn A., Wiegrefe K. Alptraum in Rome // Spiegel. – Hamburg, 2008. N 9, 25. Febr. – S. 56.
33. Lami G. La questione ucraina fra '800 e '900. – Milano: Cuem, 2005.
34. Lami G. l'URSS – Fascismo. Manoscritto. – Milano, 2007.
35. Ljubin V.P. La rivoluzione del 1905–1907 e il raffreddamento dei rapporti russo-italiani all'inizio del XX secolo (sulla base dei materiali degli archivi russi) // 1905: l'altra rivoluzione russa / A cura di G.Lami. – Torino: Cuem, 2007. – P. 177–197.
36. Lo Gatto E. I Russi e l'Italia. – Roma, 1971.
37. L'URSS; il mito e le masse. – Milano: F. Angeli, 1991.
38. Mieli P. Storia della Prima Repubblica. Con una cronologia a cura di Matteo Moneta. – Torino: UTET, 2006.
39. Morozzo della Rocca R. Le Nazioni non muoiono. Russia rivoluzionaria, Polonia indipendente e Santa Sede. – Bologna: Mulino, 1992.
40. Ottoni P. Di Pietro come Gorbacev // Limes. – Roma, 1994. – N 1. – P. 193–202.
41. Petracchi G. Da San Pietroburgo a Mosca. La diplomazia italiana in Russia 1861/1941. – Roma: Bonacci ed., 1993.
42. Petracchi G. Diplomazia di guerra e rivoluzione. Italia e Russia dall'ottobre 1916 al maggio 1917. – Bologna: Il Mulino, 1974.
43. Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana 1917/25. – Roma; Bari: Laterza, 1982.
44. Quaroni P. Il mondo di un ambasciatore. – Milano: Ferro ed., 1965.
45. Quartararo R. Italia–URSS, 1917–1941. I rapporti politici. – Napoli: ESI, 1997.
46. Riasanovsky N.V. Storia della Russia. Nuova edizione aggiornata a cura di S. Romano. – Milano: Bompiani, 2008.
47. Romano S. Lo spirito di Racconigi e gli orfani della perestrojka // Limes. – Roma, 1994. – N 1.
48. Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi. – Milano: Rizzoli, 2002.
49. Romano S. L'europeo // Panorama. – Milano, 22 Agosto 2008.
50. Romano S. L'europeo // Panorama. – Milano, 19 Dicembre 2008.
51. Romano S. Memorie di un conservatore. – Milano: Rizzoli, 2003.

52. Salvadori M.L. L'utopia caduta. Storia del pensiero comunista da Lenin a Gorbaciov. – Roma; Bari: Laterza, 1992.
53. Salvi S. La disunione sovietica. Guida alle nazioni della Non Russia. – Firenze: Ponte alle Grazie, 1990.
54. Santomassimo G. La terza via fascista. Il mito del corporativismo. – Roma: Carocci ed., 2006.
55. Seifert T., Werner K. Il libro nero del petrolio. Una storia di avidità, guerra, potere e denaro. – Roma: Newton Compton ed., 2007.
56. Tamborra A. Esuli russi in Italia dal 1905 al 1921. – Roma; Bari: Laterza, 1977.
57. Timmermann H. Zwischen «Mitte-Rechts» und «Mitte-Links», das innenpolitische Kraeftespiel Italiens. – Köln: BIOSt, 1972.
58. Timmermann H. Una visione più laica del mondo, il Pci la deve molto a lui // Ciao Enrico. – Roma: Fratelli Spada, 1984.
59. Uno scrittore «amaro» nel paese «dolce». Maxim Gor'kij fra Capri, Sorrento e Mosca / A cura di M. Talalay. – Capri: Oebalus, 2006.
60. Venturi A. Rivoluzionari russi in Italia 1917–1921. – Milano: Feltrinelli, 1979.

Глава 6

ОБРАЗ РОССИИ В ПОЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Россия, польско-русские отношения в самых разных аспектах на протяжении веков являлись постоянным элементом исторического и национального сознания поляков. Обращаясь к осмыслению образа России, польская общественная мысль чаще всего изначально сосредоточивается на представлении этого образа как чего-то чужого, враждебного и вместе с тем чем-то притягательного, заставляющего думать о себе. Понятие «русские» функционировало как слово-символ и вызывало эмоционально окрашенный комплекс представлений. Польский философ А. Шафф отмечал в свое время, что «характерный синдром поляков» связан с аллергией по отношению к России и русским (41, с. 56).

Первым письменным источником, содержащим сведения об отношении поляков к русским землям и народу, их заселяющему, является Польская хроника Анонима Галла, написанная в 1112–1116 гг. В этом произведении фигурируют благородные польские рыцари, воюющие с дикими и не знающими рыцарских законов русинами. В хрониках Анонима Галла говорится также (часто без комментариев) о династических союзах благородных поляков с русскими князьями. Общий негативный тон в описании русских земель явился отражением неприязненного отношения католиков и западноевропейцев того периода к православию вообще.

Подобный неприязненный тон сохраняется и в хронике Винцента Кадлубека (XII – начало XIII в.). И здесь восточные соседи Польши предстают как люди дикие, необразованные, неблагородные, да к тому же еще поддерживающие тесные контакты с язычниками – печенегами и половцами. Источники последующего периода – хроника Янки из Чарнкова, знаменитая «История» Яна

Длугоша, хроника Кромера – также содержат не слишком привлекательные описания русской земли.

В XVI в., по мысли В. Мочаловой, «концепт загадочного, варварского, полумифического восточного соседа, установившего у себя тираническую систему правления, был составной частью польской картины мира, как бы оттеняя гуманистические ценности шляхетского общества, контрастно подсвечивая национальный автопортрет» (7, с. 44). Именно такой: дикой, варварской страной с тираническим правлением предстает Россия в «Трактате о двух Сарматиях» Мацея из Мехова (XVI в.), в произведениях Я. Кохановского, в описаниях польских политиков и дипломатов XVI–XVII вв. Ст. Жулкевского, Ст. Немоевского и др.

Особый интерес к России, ее особое место в польской общественной мысли явно обозначились с конца XVIII в., с периода разделов. Национально-освободительные восстания XIX в. определили специфику отношения к России. Философ В. Ледницкий писал: «Дым 1831 г., а потом и 1863 г. заставлял слезиться наши глаза и надолго лишил нас способности трезвого и реалистического видения России» (цит. по: 12, с. 211).

Следует подчеркнуть, что важнейшим фактором эволюции отношения поляков к России явилось совпадение политических настроений элиты с подъемом общественного сознания, соединение политического и культурного векторов.

В период польского романтизма (XIX в.) сложились многие предубеждения и стереотипы отношения к России, которые живы и по сей день. Романтизм – это эпоха, которая в значительной степени по-прежнему определяет польскую идентичность и культурную «запрограммированность». «Это касается, – полагает М. Бохун, – и польско-российских отношений» (12, с. 213).

В романтизме, как известно, на первом плане идея народа, его миссии, предназначения. Польский народ, его самосознание формируются на фоне противостояния врагу – России как воплощению всякого зла. Реальные поражения компенсировались в общественной мысли представлениями об извечной борьбе добра (Польши) со злом (Россией). Поражения Польши воспринимались как наказание за грехи. Народ, потерпевший поражение, мстил победителю, не оставляя ему не только никаких достоинств, но и просто человеческих черт. Классик польского романтизма А. Мицкевич создал канон образа России. «Польский романтизм, – пишет В. Хорев, – перенял, дополнил и “романтизировал” существовавший ранее в польской культуре негативный образ России,

который в упрощенной, экспрессивной и стереотипной форме, определивший ее живучесть и распространенность, вошел в историческую память следующих поколений» (11, с. 77).

В произведениях Мицкевича строки, посвященные России, рисуют ее как огромную, неприветливую, промерзшую страну, где все подчинено воле царя-деспота. Народ покорен и пассивен. Эта тема холода, замороженности России повторяется и в произведениях других польских поэтов того времени – Ю. Словацкого, К. Норвида.

Вместе с тем романтизм (в соответствии с самой сутью концепции) разделял деспотов, угнетателей и поработанный, страдающий народ. Но если классик романтизма А. Мицкевич иногда жалел «братьев-славян», то многие польские мыслители отказывали России в праве причислять себя к славянским народам. После восстания 1830–1831 гг. один из активных участников его М. Мохнацкий в своих сочинениях отводил России место в Азии как народу азиатскому. Там, на бескрайних и диких азиатских просторах, и должна, по мысли Мохнацкого, Россия обрести свое истинное место, в чем ей призвана «помочь» Европа (в отличие от Польши недостаточно четко осознающая опасность, исходящую со стороны России) (33, с. 116).

В работах философа Б. Трентовского (1808–1869), историка и философа Х. Каменьского (1813–1866) Россия представлена как страна варваров, страна, принадлежащая к иной, нелатинской, незападной цивилизации.

В середине XIX в. на смену характерному для романтизма мышлению о России в категориях духовных, религиозных, цивилизационных приходит мышление в категориях биологических, расовых, геополитических (12, с. 278). Ф. Духиньский, его последователь В. Лютославский идентифицируют Россию с туранским племенем, заселявшим некогда азиатские степи, а затем прорвавшимся в Европу. Ф. Духиньский считал предками русских уральские, алтайские, угро-финские племена, лишь после XII в. отчасти славянизированные киевскими князьями.

Идея «туранской цивилизации», к которой якобы принадлежит Россия, становится в Польше XIX в. весьма популярной и благополучно переживает в XX в. Внимание польских мыслителей в значительной мере концентрируется вокруг решения проблемы, поставленной впервые еще С. Герберштейном, посетившим Московию в XVI в.: варварство ли народа требует тиранического правления или тирания делает народ варварским и жес-

токим? Сам факт варварства и тирании не подлежит никакому сомнению (45, с. 162).

На рубеже XIX–XX вв. исследование российской проблематики велось главным образом историками львовской школы (именно во Львове, входившем в состав Австро-Венгрии, можно было работать, не опасаясь российской цензуры). Глава этой школы Ш. Аскенази и его ученики С. Кутшеба, В. Смоленский, В. Собеский, А. Краусхар, занимаясь главным образом историей XVIII–XIX вв., создают в своих трудах образ России чуждой западной, а значит, и польской цивилизации, – страны грубой, варварской, деспотичной. Достаточно активно занимаясь проблемами религии и церкви, польские историки того периода много пишут о преследовании русским правительством униатов и католиков, слиянии православия и самодержавия.

Такого рода позиции были преобладающими, но не единственными. Так, известный исследователь российской литературы А. Брюкнер выступал против постулата о принадлежности России к Востоку; сторонниками поиска компромисса с Россией на основе общеславянских корней были К. Василевский, Х. Лисицкий. Но их идеи не были популярны в польском обществе, болезненно переживавшем политику русификации, проводимую царским правительством.

В независимой Польше (1918–1939) отношение к советской России не стало более благожелательным. Одним из наиболее значимых и интересных исследователей, писавших о России в межвоенной Польше, был М. Здзеховский (1861–1938) – философ, историк культуры, профессор Краковского, а затем Виленского университетов, знаток русской литературы и философии, основатель Славянского клуба в Кракове и журнала «Славянский мир». Он учился в России, был лично знаком со многими представителями российской интеллигенции, публиковал свои статьи в российской периодике, был лидером галицийских славянофилов. М. Здзеховский относился к России эмоционально и неравнодушно. Современные исследователи выделяют два периода в эволюции его восприятия нашей страны – до 1914 г. и после (23, с. 189).

Первый период связан с постижением Здзеховским русской души посредством изучения литературы, которую он высоко ценил, особо выделяя Л. Толстого. Однако события 1914–1920 гг. заставили польского философа изменить свое отношение к России, которая становится для него теперь воплощением абсолютного, вселенского зла.

Предостерегая поляков от российского влияния (отнюдь не внешнего, политического, а гораздо более опасного – духовного), М. Здзеховский самой значимой, определяющей чертой русской души считал максимализм, размах которого очаровал Польшу. «Максимализм каждый вопрос сводит к дилемме: либо все, либо ничего. Отсюда, – писал М. Здзеховский, – в сфере морали – абсолютное совершенство, в сфере социальной – абсолютное счастье рая на земле, который каждому человеку обеспечит возможность широко пользоваться всеми благами жизни; наконец, в сфере политической – универсализм абсолютного господства над миром. Но так как достижение абсолюта невозможно в этом мире, максимум естественно перерастает в отрицание действительности, в слепое и жестокое в своей решительности разрушение во всех сферах морали, социальной и государственной жизни» (52, с. 152).

Максимализм русских приводит к антиномичности стиля их жизни, отсутствию равновесия, склонности к крайностям. С одной стороны, анархия, с другой – культ деспотического государства; с одной – мечта о свободе, братстве всех людей, с другой – национализм и неуважение к другим национальностям. Русским свойственно безумие самообожествления, неуважение к другим народам, стремление всем навязать свое представление о мире.

Максимализм приводит к осознанию бессмысленности всех усилий по улучшению жизни: ведь если совершенство недостижимо, то и разница между добром и злом ничтожна, неважна.

Усматривая в максимализме ключ к русской истории, к anomalies ее развития, М. Здзеховский приемлет этот максимализм в русской литературе. В максимализме следует искать ключ к загадке «русской души», эксцентричности России и русских и особенностям их мировосприятия. «Особенность русского ума, – пишет философ, – состоит в склонности к затемнению любой простой и ясной вещи с помощью мистической фразы и возвышения ее таким образом до какой-то туманной высоты. Мистическая фраза у русских делает подчас черное – белым, зло – добром, подлость – геройством» (цит по: 23, с. 206).

Русские отличаются отсутствием чувства собственного достоинства, презрением к добродетели, неуважением к традициям. Специфична, по мысли М. Здзеховского, и религиозность русских: они ищут небесный Иерусалим здесь на земле, а не в эсхатологической, трансцендентной перспективе, проявляя при этом максимализм мышления. Не находя религиозной правды в ее абсолюте, душа русского человека не может успокоиться, ища идеал.

М. Здеховский подчеркивал роль православия как определяющего фактора истории России. Именно принятие христианства из Византии, по его мнению, стало главным фактором, оторвавшим Россию от Запада и сблизившим ее с Востоком. Из Византии пришла на Русь идея царя – помазанника Божия. «Россияне называют свою религию православной, но основной догмат этой религии можно сформулировать в словах: “царь от Бога”, то есть православие по сути своей является цареславием» (цит. по: 12, с. 241).

Слабость православия, его связь с властью сделали возможным триумф большевизма. Влияние таких религиозных мыслителей, как В. Соловьёв, Е. Трубецкой, Л. Толстой, с которыми был близок М. Здеховский, оказалось ничтожным. Возобладали другие представители интеллигенции, заменившие религию антирелигией, религией антихриста, большевизмом, ставшим новой верой. Большевизм абсолютно чужд Европе, он уничтожает все, что есть человеческого в человеке, но вполне соответствует специфике русского мировосприятия. Эта специфика включает в себя идеи мессианства, в чем русские близки к полякам.

Сходство проявляется в глубокой мистической вере в высшее призвание и России, и Польши морально исцелить погибающую от материализма Европу. Философ говорит о польском «мистическом патриотизме» и русском «патриотическом мистицизме» (9, с. 158).

В межвоенной Польше российской проблематикой занимались многие крупные историки, такие как В. Токаж, Ю. Фельдман, М. Хандельсман. Но вряд ли кто-то может сравниться по степени влияния на формирование исторического сознания с творчеством Я. Кухажевского (1876–1952), политического деятеля, историка и публициста. Его семитомное сочинение «От белого до красного царизма», изданное в 1923–1935 гг., было известно всем образованным полякам того времени. Примечательно, что сочинения Я. Кухажевского неоднократно переиздавались и в 90-е годы XX в.

Главная идея работы Я. Кухажевского – преемственность самодержавия и большевизма, перерастание мессианства славянофильского в мессианство коммунистическое. По мнению Я. Кухажевского, в России даже добро служит злу. Я. Кухажевский сурово оценивает Россию, в отличие от М. Здеховского не тратя время на размышления о загадочной русской душе. Он усматривает в России «огромное историческое недоразумение, огромную мистификацию», населенную народом без образования и культуры, без чувства закона, без уважения к женской чести, даже без привязан-

ности к своему углу и деревне. «Русские – это народ «чрезвычайно легко оставляющий отцовское гнездо и уходящий туда, где, возможно, лучше жить, пребывающий в некоем переходном периоде между кочевым и оседлым образом жизни; ненавидящий государство, как воплощение вечного насилия...» (24, с. 343).

Причем весь народ от просвещенных верхов до низов проникнут одной низменной страстью – жадной захвата чужого. Именно захвата чужого, а не сохранения своего. Религия неспособна облагородить русский народ, ибо православие – не настоящее христианство. До татар христианство не успело утвердиться, а после татар, хотя и строились на Руси многочисленные церкви, соблюдались строгие посты и бились многочисленные поклоны, русские оставались во власти обряда, а не духа христианства. «На фоне обособленности, темноты расцветала ксенофобия и утвердилась идея о том..., что только на русско-московских землях сохранилась истинная вера» (24, с. 347).

Представление об избранности переходит из сферы религиозной в сферу политическую, порождает национализм и мессианство. Избранный народ – носитель высшей правды, и другие народы должны ему подчиниться. Я. Кухажевский полагает, что эта идея характерна для русского сознания от монаха Филофея (с его концепцией Москвы – Третьего Рима) до Ф. Достоевского. Идеи Шатова, по мысли, Я. Кухажевского – это идеи самого автора «Бесов».

Обращаясь к польской общественной и исторической мысли межвоенного периода, невозможно обойти вниманием работы профессора Виленского университета Ф. Конечного (1862–1949). Будучи теоретиком цивилизационного развития, Ф. Конечный выделял семь главных цивилизаций в истории человечества: европейскую, браминскую, туранскую, латинскую, византийскую, китайскую и арабскую. Сам ученый был апологетом латинской цивилизации, выступал при этом противником цивилизационного синтеза. Решительно не приемля идею Польши как моста между Западом и Востоком, Ф. Конечный писал в своей работе «Польша между Востоком и Западом»: «Синтез Запада и Востока я считаю лишь фразой. Что же касается очевидной ныне в Польше цивилизационной мешанины, то она, по-моему, является свидетельством упадка цивилизации. Цивилизация может быть чистой или не быть вообще; нельзя принадлежать к двум цивилизациям. Польша пала потому, что, ища синтез Запада и Востока, превратилась в цивилизационную карикатуру...» (22, с. 236).

Ф. Конечный решительно осуждал византийское влияние, дух византизма, суть которого он усматривал в абсолютном подчинении государству всех элементов общественной жизни, в том числе и церкви. «Совершенно противоположны, – полагает Ф. Конечный, – пути развития латинской, западноевропейской цивилизации: все ее развитие, все гражданские свободы и готовность общества к решению публичных проблем сформировались благодаря независимости церковной власти от светской» (22, с. 231).

Поляки в свое время успешно противостояли византизму, русские же оказались его адептами. Поляки сумели также противостоять и нашествию туранской цивилизации в лице монголо-татар. (Под туранской цивилизацией Ф. Конечный понимает сформировавшуюся в центральноазиатских степях цивилизацию, основанную на гегемонии государства.) Русь в полной мере подверглась туранскому влиянию, которое, впрочем, проявилось еще до монголо-татар, в период борьбы Руси с печенегами и половцами.

Со временем, к несчастью Польши, страна поддалась влиянию туранской цивилизации, которая постепенно разрушила, подорвала силу цивилизации латинской. Тлетворное влияние Востока привело к гибели Польши. Это влияние было не всегда простым и явным. Происходила скрытая «русификация интеллекта». Такие русские писатели, как Толстой и Достоевский, нарушали строй польской души. «Именно на рубеже XIX и XX в. в Польше стал появляться новый тип поляка с горячим польским сердцем, готового на жертвы, даже на мученичество ради Польши, но обладающего... русифицированным мозгом. В польской литературе можно найти очень известные имена авторов, которые восприняли от русских не только литературный стиль, но распространяли русские “настроения”, а подчас и откровенно русские представления о частной и общественной жизни, – ненавидя Россию всей душой! Пропитанные русскими методами мышления, они старались применить их... во имя польского дела. Результат, конечно же, был противоположен намерениям» (22, с. 237).

Не только в литературу, но и в общественную жизнь, и в быт, и даже в революционное движение проникли русская ментальность, русский нигилизм, что привело к самым пагубным последствиям для Польши.

Географически, замечает Ф. Конечный, Польша всегда будет между Востоком и Западом. Но в синтезе этих двух феноменов таится погибель для Польши. Ее место на Западе.

В межвоенной Польше интерес к происходящему в России, попытки осмыслить последствия событий 1917 г. проявляли ученые, работающие в Люблинском католическом университете, такие как А. Шиманьский, Е. Пастушка, И. Чума, Е. Урбан и целый ряд других исследователей. Анализируя суть большевизма, его генезис, И. Чума усматривал истоки такового в разрыве цивилизационно-культурных связей России и Запада. Это как бы отрезало Россию от возможностей использования достижения западноевропейской науки, общественной и религиозной мысли. «Религиозный русский человек анормативен, аформален, склонен к мистицизму, но не в понимании западной церкви, а скорее в понимании восточном, он умеет верить, но не может определить свою жизненную позицию. Изоляция Москвы от средневекового Запада... привела к превращению России в оплот ритуала и литургики, причем огромные религиозные силы русского народа остались ниже уровня умственного развития эпохи» (14, с. 20).

Когда при Петре I Россия открылась на Запад, она восприняла отнюдь не лучшие его достижения. Идеи просвещения, атеизма, морально-философский упадок человека Запада и породили большевизм, как полагает И. Чума.

Такого рода взгляды господствовали в католической мысли того периода. Большевизм расценивался именно как порождение Запада, нашедшее для себя благоприятную почву в России (18, с. 234).

Естественно, католических исследователей занимали проблемы атеизма в Советской России. Пишущий об этом Е. Урбан подчеркивал весьма невысокий научный уровень антирелигиозной пропаганды, отмечал, что русская мысль вообще не склонна к глубоким и сложным философским размышлениям. Она прямолинейна и вполне удовлетворяется брошюрой, утверждающей, что ничего, кроме материи, в мире не существует, а мысль и «духовная жизнь» – это продукт жизнедеятельности мозга (18, с. 244).

Католическая мысль отрицала научность большевизма, решительно отвергала атеизм, настойчиво утверждала идею о том, что не только теория, но и вся политическая и общественная практика большевизма построена на лжи. Интересно, как оценивали большевиков в прессе межвоенной (1918–1939) Польши. Одна из первых информации о них появилась на страницах еженедельника «Пяст» и была окрашена в весьма тревожные тона. «За небольшими исключениями, – пишет Х. Лисяк, – большевистская революция на страницах польской прессы изображалась как гомериче-

ский хаос, господство огня и меча, едва ли не апокалипсис» (27, с. 387).

Конечно, в коммунистической прессе акценты расставлялись по-иному, но не они определяли общественное мнение.

Оценивая большевизм как кровавый хаос, польские журналисты и публицисты того периода истоки его усматривали в истории России, в периоде татаро-монгольского нашествия. Отрицательные характеристики большевиков особенно усилились после обретения Польшей независимости и в связи с соперничеством Польши и России за территории Украины и Белоруссии. В прессе (особенно в эндецкой)¹ активно муссировалась тема еврейского происхождения многих большевиков. Тем более что во Временном революционном комитете в Белостоке, созданном по инициативе Москвы, преобладали евреи. Католическая печать также подчеркивала засилье евреев в русской революции и видела в этом самые пагубные последствия и для Польши, и для Европы.

Большевики и красноармейцы изображались дикими, полуазиатскими ордами (именно азиатские черты придавали польские художники большевикам в своих карикатурах) вечно голодных насильников и грабителей. Польские солдаты выглядели как элегантно одетые рыцари, исполненные благородства и достоинства, красноармейцы же – как плохо одетые, босые, небритые, не умеющие воевать солдаты. Большевики несли с собой насилие, дикость, бесправие, поругание религии. Именно в эти первые послереволюционные годы в сознании многих поляков утвердился образ большевика, который, как утверждает Х. Лисяк, «просуществовал много лет, а среди старшего поколения поляков функционирует и по сей день» (26, с. 387).

После Второй мировой войны, вплоть до 80-х годов, образ России в польской общественной мысли вписывался в схемы, предлагаемые Москвой. Сложные моменты в польско-российских отношениях, «белые пятна» в истории обходились, замалчивались (во всяком случае в официальных изданиях). Достаточно заглянуть в школьные учебники той поры, чтобы убедиться, что образ России официальными средствами формировался во вполне официальном духе. Заметим, что в Народной Польше, согласно школьной программе 1946 г., конечной датой изучения всеобщей

¹ Эндечия – Национально-демократическая партия, возглавляемая Р. Дмовским. Партия отличалась националистическими и антисемитскими взглядами.

истории был 1919, а программа 1948 г. предусматривала изложение исторических событий только до 1918 г. В 1954 г. конечным рубежом стал 1945 г. Конечно, лучшим способом избежать оценки сложных моментов польско-российских отношений был способ умолчания о них. А если что-то и говорилось, то весьма тенденциозно и в духе официальной концепции. После 1956 г. веяния оттепели коснулись и истории, но к 70-м годам наметившиеся были тенденции сошли на нет. В средней школе часы преподавания истории были сокращены, а из программ средних специальных учебных заведений история исчезла вообще (29, с. 16–18).

В учебниках 70-х годов (написанных известными польскими историками) история России излагается вполне в духе официальной советской историографии. Как замечает Т. Мареш, «в учебниках трудно найти что-либо такое, к чему могла бы выразить претензии Россия. Это было обусловлено политическими причинами. Только по отношению к царской России, царским генералам, ограничивающим национальную независимость поляков, авторы решились на критические замечания. Польско-советские отношения, как правило, представлены либо в положительном ключе, либо замалчиваются...» (30, с. 188).

Гораздо более свободной в выражении своего отношения к России вообще и к России советской в частности была польская общественная мысль в эмиграции. В эмигрантской публицистике (независимо от политической ориентации) господствовало убеждение в преимуществах царской России и СССР (теория континуитета). Соответственно польско-советские отношения рассматривались как продолжение польско-российских со всеми их проблемами и осложнениями. Советская политика по отношению к Польше расценивалась как политика агрессивная, основанная на насилии, территориальной экспансии, неуважению к польскому суверенитету (15, с. 244).

Подтверждение этой мысли усматривалось в событиях 17 сентября, катынском расстреле, преследовании солдат и офицеров Армии Крайовой после окончания войны.

Польские эмигрантские издания неоднократно высказывали идеи о том, что истоки советских политических устоев следует искать в российских традициях. Так, один из авторов «Белого орла» (в 1947 г.) замечает, что «большевизм по сути российское явление, и потому он так легко утвердился в России». Ю. Понятовский на страницах «Польского ежедневника» (в 1956 г.) утверждает, что советский строй и советское мировоззрение – это ипостась

российского менталитета, В. Збышевский в «Культуре» (в 1955 г.) всю ответственность за большевизм возлагает на русский народ (47, с. 110).

В редакционной статье, опубликованной в издающемся в Нью-Йорке «Тыгоднике польском» (в 1945 г.), говорилось о том, что «Советская Россия не только является детищем Ивана Грозного, Екатерины и Суворова, но и гордится этим ... Сталинизм – это вовсе не коммунизм, он не имеет ничего общего с левицей. Это порождение азиатчины, пожравшее тело социальной революции. Это красный фашизм, красный нацизм, опаснейшая, самая темная, милитаристская форма русского империализма» (47, с. 111).

Конечно, в социалистической Польше увидеть нечто подобное на страницах подцензурной печати было невозможно. Но в 80-е годы ситуация изменилась весьма серьезно. В польской публицистике, в научной печати все чаще стали говорить о кризисе исторической науки, о «вторичной исторической неграмотности», порождаемой школой. Молодежь, да и общество в целом перестали верить официальной версии истории. Прежде всего, речь шла о польско-российских и польско-советских отношениях. Война 1920 г., деятельность Армии Крайовой, Катынь, Варшавское восстание – все эти «белые пятна» волновали общество, ищущее правду не в учебниках и официальных изданиях, а в продукции подпольных издательств «Нова», «Кронг», «Ритм» и целого ряда других. Многочисленные подпольные журналы, кассеты, радиопередачи – казалось, прорвалась какая-то плотина, и поток информации (как и прежде не всегда объективной, но с совершенно противоположным прежнему содержанию) хлынул на польское общество. СССР рассматривается как страна, оккупировавшая Польшу. Сталин – как тиран, подчинивший своей власти Центральную и Восточную Европу, Россия и СССР – как извечные угнетатели Польши; в русской истории и культуре не усматривалось ничего ценного.

Не вписывались в эту схему работы очень немногих авторов. Прежде всего следует назвать А. Валицкого, известного исследователя российской общественной мысли, для которого русская интеллектуальная традиция – интегральная часть европейской. Он отрицал постулат «ненормальности» России. А. Валицкий возлагал на себя великую миссию: раскрыть истинную ценность русской мысли, вернуть понимание этой ценности и самим русским, которые утратили его в советское время. «Я хотел бы, – пишет А. Валицкий в своем письме к Ч. Милошу, – посмотреть на рус-

скую мысль с точки зрения общих у нас с русскими испытаний – они не могут этого сделать, я могу... За действительное духовное возрождение России я готов заплатить “внутренней русификацией всех поляков...” Те, кто поворачивается спиной к России вместо того, чтобы повернуть к ней лицом, вовсе не националисты – это абстрактные “западники”, с пренебрежением относящиеся к родному “захолустью»» (4, с. 84).

Философ не соглашается с позицией, согласно которой в Польше все ненавидят русских. Как писал, например, один из авторов и идеологов парижской «Культуры» Ю. Мерошевский: «Русских ненавидят в Польше больше, чем англичан в Индии или французов в Алжире. Ненавидят их одинаково католики и коммунисты, крестьяне и рабочие, интеллигенция – словом, все. Эта ненависть безгранична, никакие слова не дают представления о ней» (цит. по: 4, с. 82).

А. Валицкий же утверждает, что «...мы не должны ненавидеть русских... больше всего страданий они причинили себе сами, ... из иррациональной веры, что из этих страданий вырастет нечто великое для всего мира» (там же).

Из общего хора выбивался и голос историка Б. Зентары, усматривавшего в традициях Великого Новгорода и земских соборов стремление к защите прав личности и ограничению самодержавия (50).

Холодной, варварской, грубой и неприветливой предстает Россия в средневековых польских хрониках, этот мотив холода и грубости проходит через века и знакомо повторяется в работах польских авторов 80–90-х годов.

Именно такой виделась Россия известнейшему польскому публицисту (недавно скончавшемуся) Р. Капусциньскому. Его знают и читают в Польше, его произведения входят в обязательную школьную программу.

В книге «Империя» автор делится своими взглядами на Россию и СССР. Он родился и провел детство в Полесье, на территории нынешней Белоруссии. Его первые впечатления о советском строе – аресты, голод, бессмысленная пальба красноармейцев по костелу. На протяжении жизни Капусциньский еще не раз сталкивался с империей и путешествовал по ней. Он увлекается и восхищается многим из увиденного в разных уголках империи: в Грузии, в Азербайджане, в Средней Азии. Но в самой России лишь холод, колючая проволока, лагеря, неприветливые, грубые люди. Пространства России угнетают его, ассоциируются со смертью,

они слишком бескрайни для человека, они таят в себе небытие, уничтожение, они отнимают все силы, от величия пространства захватывает дух и дышать человек не может.

Человека давит не только пространство, но и деспотическая власть. «Царь считался Богом в полном смысле слова. В течение столетий, на протяжении всей истории России. Только в XIX в. был издан царский указ о том, чтобы из церквей убрать портреты царя... Если цари – наместники Бога, то Ленин и Сталин – наместники мирового коммунизма...» (19, с. 91).

И народ это приемлет, он носитель «цивилизации, которая не задает вопросов... цивилизации остановившейся, парализованной, неподвижной...» (18, с. 151). Этим людям многого не надо: «начальство лучше знает». Суть же русской философии жизни, как полагает Р. Капусциньский, лучше всего выразила одна сибирячка, обитающая в убогом, грязном домишке на окраине Иркутска и ответившая на вопрос о том, как она живет, такими словами: «Как живем? ... Дышим» (19, с. 189). Только демократические перемены позволили жителям империи не просто дышать, но и жить. Однако самой империи не стало.

Перемены, происшедшие в России и в Польше в конце XX – начале XXI в., способствовали активизации польской общественной мысли в ее попытках осознания роли России в судьбах Польши. В этот период появляется большой массив публикаций, посвященных России как в научной литературе, так и в публицистике. Анализ этих публикаций свидетельствует о том, что в польской общественной мысли не просто идет процесс переосмысления облика России в связи с идущими в стране процессами трансформации. Достаточно сильны опасения, что демократизация в России поверхностна и непоследовательна, а без демократии Россия – это тот же СССР или империя Романовых. Вместе с тем ряд авторов решительно выступает против отождествления России прежней и России нынешней, усматривая в подобном отождествлении влияние исторически сложившихся стереотипов и предубеждений.

Вслед за А. Поморским представляется значимым отметить то обстоятельство, что заявленная тема в польской литературе чаще всего рассматривается в контексте понятия стереотипа России и русских. Уже этот факт настораживает, т.е. «обращение к категории стереотипа... имеет характер стереотипа» (38, с. 13). Часто употребляемые термины «исторический опыт поляков», «Восток», «Запад» сами по себе носят характер стереотипов и не несут в себе реального и конкретного содержания.

По мнению Э. Левандовского (социолога, работающего в Лодзинском университете), Россия и русские заслуживают глубокого социологического и историко-философского осмысления. Прежде всего потому, что Россия – это не просто страна, а целый континент, обладающий огромными материальными и человеческими ресурсами. «Россия не принадлежала и не принадлежит Западу. Она разорвана между Западом и Востоком» (26, с. 186).

Из сформулированных С. Хантингтоном восьми черт западной цивилизации (классическое наследие, католицизм и протестантизм, языковая множественность, отделение церкви от государства, главенство закона, плюрализм, наличие представительных органов, индивидуализм) в России обнаруживается только наследие классической древности, но и его страна получила не из Рима, а из Константинополя.

Уникальность западноевропейской культуры и цивилизации не означает универсальности: иные цивилизации обладают собственными ценностями и традициями, вполне сочетаемыми с требованиями технического и экономического прогресса. Более того, полагает Э. Левандовский, некоторые советские концепции могут быть применимы в современном мире с большим успехом, чем это удалось сделать в СССР. В качестве примера ученый приводит Японию, где используется централизованное планирование и в известном смысле «тоталитарная» система воспитания. «Таким образом, не исключено, что некоторые коммунистические идеи, которые не оправдали себя в России, будут более успешно реализованы в иной стране. Ведь необязательно марксизм должен легализовать тоталитаризм» (там же).

Россия по многим причинам оказалась особенно восприимчивой к коммунизму, идеалы которого, как отмечает Э. Левандовский, солидаризируясь с А. Валицким, Сталин фактически заменил идеалами государственными.

История доказывает, что русский народ непредсказуем и нетерпелив. Подобно Дмитрию Карамазову, он хотел бы сразу быстро уничтожить зло и осчастливить человечество. Этот герой Достоевского был способен к любым крайностям, он вел себя как типичный русский и являл собой такую же неразрешимую загадку как российский сфинкс. Если же сравнивать Россию со сфинксом, то ему следовало бы иметь голову типичной русской женщины. Лучше всего Настасья Филипповна Барашковой, героини «Идиота», или Аглаи Епанчиной, но, возможно, и Катерины из «Братьев Карамазовых» или Лизы из «Бесов», или Ахмаковой из «Подрост-

ка», или Дуни из «Преступления и наказания». Реальным же прототипом всех этих женских персонажей была Аполлинария Сулова, воплощавшая в себе, по мнению Достоевского, черты типичной русской женщины. Искать же российского сфинкса следует за Уралом. Именно там 80% территории составляет вечная мерзлота, которую русский ученый М. Самгин в 1927 г. и называл российским сфинксом (29, с. 189).

Русский человек, по мысли Э. Левандовского, сочетает в себе многие противоречивые черты, быстро меняет настроение. В отличие от мужественных немцев и англичан русские (а также и поляки) имеют женские черты. Но в отличие от поляков, наполовину сирот (без отца), русские имеют матушку-Россию и бабушку-царя. Польский католицизм, как и русское православие, основан на признании высших неземных ценностей более значимыми, чем ценности «мира сего». Это в известной мере обуславливает сходство обоих народов и вместе с тем их отличие от народов протестантских.

Но если в размышлениях социолога присутствует стремление не просто обозначить характерные черты российского менталитета, но и определить некоторые точки соприкосновения с особенностями менталитета поляков, то для массового сознания скорее характерна тенденция к дистанцированию от русских, противопоставлению русских и поляков.

Социологические исследования, проведенные в конце XX в., свидетельствовали о том, что поляки наиболее лояльно относились к прибывающим в страну иностранцам из богатых и развитых стран и с гораздо меньшей симпатией – к представителям «бедных» стран, в частности бывшего СССР. Правда, здесь заметна некоторая благоприятная для россиян и народов Центральной и Восточной Европы динамика. В начале XXI в. уменьшилась симпатия к представителям «богатых» стран: американцам, французам, итальянцам и несколько увеличилась – к представителям стран «бедных». Тем не менее самыми нежеланными гостями Польши остаются граждане Румынии, России и Украины (34, с. 78).

В бытующем в Польше стереотипе России и русских явно присутствуют негативные черты. Причем степень «негативности» усиливалась по мере отдаления от социалистического периода. Если в 1975 г. 7% респондентов выражали неприязнь к России, а 59% – симпатию, то в 1991 г. соответствующие цифры были: 32 и 16%. Больше, чем русских, поляки не любили сербов, украинцев,

румын и цыган, причем русские аккумулировали в себе массу негативных черт: неряшливость, склонность к пьянству, отсутствие культуры, агрессивность (38, с. 35).

Немного изменилось и в начале XXI в. Отношение поляков к России весьма ощутимо «отягощено» историей. Именно исторические стереотипы во многом являются фактором, определяющим это отношение. Каждый восьмой поляк отождествляет образ России с коммунизмом, СССР, тоталитаризмом и социализмом. Две трети поляков полагают, что в истории польско-российских отношений больше негативных, чем позитивных моментов. Причем жители деревень чаще отмечают некие позитивные моменты, чем жители городов, а молодежь (18–24 года) чаще настаивает на преобладании негативных моментов (42, с. 50).

Как показывают исследования последних лет, больше половины поляков считают, что Россия должна ощущать чувство вины по отношению к Польше в связи с событиями Второй мировой войны, Катынью, а также социалистическим периодом, когда Польша зависела от СССР. Более 80% поляков уверены, что Польша не должна иметь чувства вины по отношению к России в связи с историческим прошлым (42, с. 50; 20, с. 142).

«Политизированность» образа России проявляется и в том, кого поляки называют наиболее известными россиянами. Чаще всего это Горбачёв, Путин, Ленин, несколько реже – Сталин, Ельцин. Менее популярны имена, связанные с миром культуры. Однако 40% поляков знают хотя бы одно имя, связанное с этой сферой. Чаще всего это Пушкин, Толстой, Достоевский, Булгаков, Чехов, Чайковский, Высоцкий. В целом русская культура XIX – первой половины XX в. (в отличие от современной) неплохо известна в Польше. Достаточно вспомнить, что «Мастер и Маргарита» М. Булгакова была недавно признана в Польше лучшей книгой, написанной в период между 1900 и 2000 г. (20, с. 142). Поляки создали свою киноверсию этого романа.

В налаживании польско-российских отношений современные поляки важное место отводят экономическому фактору. Больше половины респондентов во взаимовыгодной торговле усматривает главный способ улучшения отношений. Только каждый пятый поляк уповает на общее славянское происхождение и культурную близость (42, с. 53).

Почти 60% жителей Польши с удовольствием посетили бы Россию, особенно Москву, но только 13% хотели бы в России работать, а 1% – жить постоянно (42, с. 54).

По отношению к русским поляки часто используют несколько поучающий, менторский тон, нередко представляя Польшу мостом между Востоком и Западом. Однако, как отмечает И. Конечна (Варшавский университет), «в своем ощущении цивилизационной миссии мы должны следить за тем, чтобы не стать тем мостом, по которому никто не хочет ехать, ибо все уже давно пользуются самолетом» (20, с. 143).

Пытаясь оценить в целом знания современных поляков о России, образ последней в общественном сознании, известный польский публицист Б. Цивиньский пишет: «В том, что мы знаем о России, последняя декада вырисовывается как своеобразная черная дыра. В темной мгле выделяются какие-то фрагменты действительности, какие-то образы – может, действительно важные, а может, просто марионетки, выдвинутые для достижений чьих-то политических целей; проявляются какие-то мифологические образы всемогущей мафии, занятой либо продажей алмазов тоннами, либо нефти сотнями резервуаров... Был шокирующий Ельцин, есть скользкий Путин, есть более, чем когда бы то ни было, богатая, неправдоподобно космополитическая Москва, есть преступления в Чечне... Но где все это происходит...» (13, с. 359).

Бесспорно, что общественное сознание во многом определяется СМИ. Нельзя сказать, что о России мало пишут в Польше. По количеству информации Россию опережает только Германия. Вместе с тем характер информации чаще всего необъективен и носит случайный, в некотором смысле «сенсационный» характер. Преобладает информация чисто политического свойства, о культуре, о повседневной жизни жителей России говорится немного.

Либеральная пресса – «Газета Выборча», «Жечьпосполита», «Политика», «Впрост» и ряд других изданий – достаточно часто затрагивает российскую проблематику. Россия на страницах этих изданий – государство, проживающее кризис, страдающее имперским комплексом, национализмом и ксенофобией, но обладающее огромными потенциальными возможностями развития.

Либеральная пресса высказывает озабоченность ростом авторитарных тенденций в российской политике. Как ключевая фигура антидемократических процессов до избрания президентом Д. Медведева рассматривался В. Путин. С одной стороны, его представляли как прагматика, человека «сильной руки», который консолидировал российское общество, а с другой – как «кандидата на просвещенного автократа» или, еще резче, как «фашиста», «современного Сталина», душителя свобод. Путин оценивался че-

рез призму чеченской войны и протестов оппозиции. Как чеченцы, так и оппозиция пользуются в Польше симпатией.

Но вместе с тем ряд авторов на страницах либеральной печати рисуют достаточно привлекательный образ России, страны огромных возможностей, активно ищущей свою идентичность, новое понимание своего места в мире. Обращая внимание на динамичное экономическое развитие России, публицисты либерального толка нередко упрекают поляков в непонимании значения России как экономического партнера, в неумении преодолеть негативные стереотипы во имя чисто прагматических национальных интересов.

Левая пресса в лице таких изданий, как «Трибуна», «Пшеглэнд», «Дзись», играющих основную роль в кругах, связанных с посткоммунистической левицей, в своей трактовке российской проблематики мало отличается от либеральной прессы. Можно констатировать, правда, что левые издания несколько больше, чем либеральные, полемизируют с негативным образом России, настаивая на необходимости выстраивания рациональных и прагматических отношений.

Интерес вызывают статьи (на страницах «Пшеглэнда») одного из лучших в Польше знатоков России А. Валицкого, сохраняющего верность своим взглядам, о которых речь шла выше. Он решительно выступает в защиту политики Путина, расценивая ее не как стремление к авторитаризму, а как попытку исправить ошибки Ельцина, вывести страну из депрессии и кризиса. А. Валицкий отвергает миф о хороших олигархах и злом Путине, считая, что борьба с олигархами связана со стремлением вернуть государству контроль над ресурсами страны. Философ убежден, что «...будущее Европы связано с Россией в сфере культуры, политики, источников сырья, безопасности... Политика, основанная на ошибочном принципе цивилизационной чуждости России и Европы... является политикой вредной и антиевропейской. Европа не может быть здоровой и благополучной без окончательного преодоления наследия холодной войны, что предполагает возвращение России в общий европейский дом» (цит. по: 49, с. 371).

В польской прессе правого толка (в частности, в таких изданиях как связанный с радикально-католическим радио «Мария» «Наш дзенник», еженедельник эндецкого направления «Мысль польска», декларирующее себя как независимое издание «Наша Польска», католический еженедельник «Глосс», еженедельник

«Найвысши час», журнал «Аркана») предстает в целом негативный образ России.

Наша страна выглядит как государство, где власть захватили евреи, государство авторитарное и варварское, являющееся продолжателем имперской политики СССР, приводятся описания зверств в Чечне, деятельности вездесущих агентов КГБ, которые вербуют агентов по всему миру, в том числе и в Польше. Это страна, где народ деградировал морально и физически, страна хаоса и беззакония.

Среди изданий правого толка в известной мере исключением является «Мысль польска», на страницах которой время от времени появляются статьи если и не доброжелательные по отношению к России, то по крайней мере пытающиеся проводить мысль о желательном для Польши сотрудничестве с восточным соседом, налаживании с ним нормальных отношений.

С позицией этого издания в известной мере созвучны мысли, высказываемые Р. Гертыхом – лидером партии «Лига польских семей» до выборов 2007 г. входившей в сейм и в коалицию с партией братьев Качиньских «Право и справедливость». Партия Гертыха в свое время пыталась апеллировать к идейному наследию эндеции. В своей работе «Контрреволюция молодых» Гертых формулирует геополитическую концепцию, в основе которой – представления о необходимости для Польши в своем противостоянии Западу опираться на Россию.

Некогда Гертых был решительно против вступления Польши в Евросоюз. Но когда таковое произошло, он перешел на позиции «Европы отечеств», отстаивания национальных интересов Польши в рамках ЕС. Идея Гертыха в принципе такова: Запад, опирающийся на Америку и международную финансовую мафию, проникнут либеральным, антихристианским духом. Польша призвана противостоять ему, опираясь на Россию, страны ЦВЕ и богатые арабские страны. Россия не представляет для Польши опасности в плане духовном и может даже многое у поляков позаимствовать.

Сохраняя доброжелательные отношения с Россией, Польша могла бы стать центром, вокруг которого объединились бы страны ЦВЕ (к которым Гертых относит, помимо Польши, Чехию, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Сербию, Черногорию, Македонию, Хорватию, Словению, Литву, Латвию, Эстонию и, возможно, Украину и Белоруссию). Он допускает вероятность создания системы в чем-то аналогичной (географически) Австро-Венгрии (21, с. 248–249).

Представления, схожие с мыслями Гертыха, пропагандирует и радио «Мария». В передачах этой радиостанции Польша рассматривается как страна, где сохранилось истинное христианство; ее задача – отстоять христианские ценности перед напором аморального, либерального Запада. Эта историческая миссия может быть исполнена, если Польша сплотит вокруг себя страны ЦВЕ, сохраняя хорошие отношения с Россией. Последняя причинила много зла Польше, но, исходя из геополитических и экономических интересов, нормальные отношения с ней необходимы.

Весьма похожие мотивы можно обнаружить и в программе партии «Самооборона» А. Леппера. Эта партия ныне занимает достаточно маргинальное положение, но до 2007 г. входила в состав сейма, а также в состав правящей коалиции.

Достаточно интересно представлена «российская тема» на страницах одного из наиболее влиятельных польских еженедельников – «Тыгодника повсехного» в 90-е годы XX в.

Первой бросающейся в глаза отличительной чертой подачи российской публицистики в «Тыгоднике» является, как замечает А. Поморский, некая особая эмоциональность. Ни одна другая страна не порождает такого эмоционального отношения. Причем характер этой эмоциональности определяется спецификой развития событий в России.

В публицистике «Тыгодника» заметна и другая несомненная черта – настойчивая констатация «отсутствия информации» о российских проблемах. Именно об этом писали А. Дравич, А. Михник, Б. Геремек, Г. Пшебинда. Причем сетования на недостаток информации достаточно странны, так как почти в каждом номере «Тыгодника» помещался материал о России. Российская тематика была представлена в нескольких аспектах и жанрах: польские национальные интересы в контексте восточной политики; записки о путешествиях по России; религиозная проблематика; развитие бывших советских республик; история ГУЛАГа; история России.

Религиозная проблематика освещалась с позиций достаточно объективных и умеренных, подчеркивался мотив универсальности христианства и необходимости уважения всех религий.

Заметим, то в изданиях разной политической направленности одной из наиболее привлекательных тем является проблема взаимоотношений между католицизмом и православием. В польской прессе после 1989 г. довольно часто появлялись разного рода публикации, касающиеся проблем религиозной жизни в России.

Помимо «Тыгодника повсехного», различные аспекты религиозной проблематики поднимались на страницах «Политики» и «Газеты выборчей».

Православие интересует польских журналистов, как правило, в связи с политикой. Часто публикации сопровождались фотографиями президента и Алексия II. Поддержка Патриархом президента в комментариях объяснялась русскими традициями, а также связями церкви с КГБ.

Православная церковь чаще изображается как церковь закрытая, не склонная к диалогу, враждебная католицизму. Э. Пжибыл, исследующая рассматриваемую проблему, отмечает, что журналисты часто плохо знают православные реалии, не пытаются осознать причины того ли иного явления, довольствуясь констатацией фактов. Нередко на страницах печати освещаются конфликты между православными и католиками в России, причем авторы, независимо от издания, где они публикуют свои статьи, проявляют себя как одна из сторон конфликта, считают российских католиков «своими», «поляками», а православных – «чужими» (39, с. 35).

Рассматриваемая в данном контексте позиция «Тыгодника» представляется наиболее умеренной и взвешенной.

Исторические сюжеты на страницах этого издания также подавались достаточно сдержанно и отнюдь не имели целью показать некую особую «злую» доминанту российской истории и культуры.

Что касается политических комментариев, то они отличались известной неточностью и неверностью прогнозов: так, за несколько месяцев до путча 1991 г. говорилось о стабильности и спокойствии на российской политической сцене; почти накануне распада СССР появляется статья о том, что если распад и неизбежен, то он будет длиться очень долго и т.д.

Размышляя об исторической тематике «Тыгодника», А. Поморский отмечает, что последняя концентрируется вокруг проблемы империи. В соответствии с польской традицией Польша расположена как бы между двух империй (отождествляемых с цивилизациями) – Россией и Германией.

В представлении авторов «Тыгодника» образ Германии свободен от негативных стереотипов, более того, он конструируется так, чтобы вызывать положительные эмоции у читателей. Россия же изображается как империя, противостоящая Западу, как субстанция, воплощающая отсталость. Акценты могут расставляться

по-разному, но суть остается единой: Запад, Германия – это империя со знаком плюс; Восток, Россия – империя со знаком минус, воплощение варварства, дикости, отсталости и неизбежной имперской агрессивности. Жертвой последней на протяжении многих столетий являлась Польша, у которой Россия пыталась отнять не только политическую свободу, но и культуру, и менталитет.

Россия – нечто чужое и чуждое Польше и полякам. Но образ этого «чужого» неконкретен. Российское общество, российский народ предстает в виде некой «политической абстракции», лишенной структуры и характерных особенностей.

Достаточно своеобразно представлена в «Тыгоднике» российская культура. В качестве главных героев российской литературы здесь фигурируют диссиденты или люди культуры, связанные с оппозицией: А. Солженицын, А. Синявский, В. Максимов, В. Некрасов, Ю. Любимов, И. Бродский. Иногда присутствуют и классики, но всегда в политическом контексте. Это, прежде всего, М. Булгаков, В. Маяковский, Б. Пастернак. Современная российская литература по сути отсутствует как объект заинтересованности авторов «Тыгодника». «Предметом анализа, – замечает А. Поморский, – является не литература, а политика» (38, с. 76). Складывается впечатление, что Россия – это страна без культуры, страна вне культуры. И более того – это страна «вне христианства», которое, якобы, только в 1990-е годы начинает оживать на фоне рехристианизации российского общества.

В социальной и культурной проблематике заметна еще одна особенность стереотипа, связанная не столько с содержанием, сколько с формой высказываемых суждений. Речь идет о гротеске как приеме изображения российской действительности. Именно гротеск адекватен изображению России как страны без интеллигенции, без культуры. Российская антицивилизация «ненормальности» противостоит западной цивилизации.

В представлении большинства авторов Россия может быть уподоблена женщине, соединяющей в себе черты Венеры и некоего гермафродита. По отношению к ней возможны разные чувства: жалость, снисходительность, даже симпатия. Но этот образ, лишенный индивидуальности (только поляк имеет право обладать таковой), никогда не может вызывать уважения.

Культура России в публицистике «Тыгодника» даже не ниже европейской культуры – она вне мира цивилизации и общечеловеческой культуры, она пребывает в некоем антимире. При этом стереотип российской культуры неразрывно связан с образом Поль-

ши: без кривого зеркала России последний утрачивает свою глубину и яркость. «Россия, имперская баба... в своем гротескном воплощении – это карнавал Бахтина – инверсия сознания польского интеллигента». «Стереотипы... ходят парами (цитирует А. Поморский А. Зайончковского). Не может существовать стереотип чужого без стереотипа самого себя, без автостереотипа. Однако стереотип чужого – это в известном смысле перевернутая и карикатурная проекция нас самих, выражающих в автостереотипе важные для нас культурные ценности» (38, с. 88).

При этом размышления публицистов «Тыгодника» чаще всего соответствуют формуле «что позволено поляку, не позволено москалю».

Достаточно много внимания российской проблематике уделяется издающимся в Варшаве польским журналом на русском языке «Новая Польша». Журнал распространяется в России, он доступен русскоязычному читателю и уже поэтому позиция «Новой Польши» представляет особый интерес. В статье главного редактора этого издания Е. Помяновского «Как нам ужиться с Россией» развиваются идеи главного редактора парижской «Культуры» Е. Гедройца и Ю. Мерошевского – одного из идеологов и этого издания.

Концепция Е. Гедройца и Ю. Мерошевского в интерпретации Е. Помяновского сводится к следующему:

«– установление добрососедских и взаимовыгодных отношений между Польшей и Россией и необходимо, и возможно именно потому, что Польша, наконец, избавилась от статуса вассала;

– эта цель не может быть достигнута за счет независимости и жизненных интересов общих соседей Польши и России, в первую очередь Украины;

– условием подобных дружественных отношений является все более широкое и выгодное для России ее участие в международных экономических структурах, исключая (как ВТО или Евросоюз) чью-либо гегемонию, ибо они эгалитарны по самой своей сути. Их успех делает агрессию анахронизмом».

По мысли Е. Помяновского, демократические перемены, происходящие в России, не необратимы. Есть некие политические силы, как в России, так и в Польше, которые могут «столкнуть Россию на прежний имперский путь, чреватый самоубийственной и кровавой конфронтацией с Западом» (8, с. 3).

Примерно в том же ключе высказывается и А. Михник, причисляемый к 20 самым влиятельным журналистам мира (главный редактор одного из самых популярных в Польше изданий – «Газеты выборчей»), заявивший в интервью «Новой газете»: «Я очень люблю Россию. И я не боюсь России демократической. Но Россия без демократии – это Советский Союз, только с другим названием. И если Россия действительно возвращается к этому, то это будет страшно и для всего мира и для самой страны» (6, с. 4).

Развивая свои мысли, Е. Помяновский отмечает, что, несмотря на теоретически очень неплохие перспективы, нынешние отношения России и Польши далеко не безоблачны, и будущее этих отношений отнюдь не отличается кристальной ясностью. Польше сегодня приходится уживаться с Россией, что не так-то просто после «целых веков кровопролитных конфликтов и несметного числа причин для взаимной враждебности» (8, с. 4).

Прошло уже немало лет с того момента, как ушли в прошлое принципы совместного существования социалистических стран, основанные, как полагает автор, на «Домострое» и «правилах пользования общей кухней», но соответствующая требованиям современности восточная политика Польши пока не сформировалась. Польские политики исходят из принципа минимализма в отношении Польши ко всему, что «происходит по ту сторону Буга». Трудно обнаружить целостную концепцию восточной политики у какой-либо польской политической партии или в польской дипломатии.

Что мешает нормальному развитию польско-российских отношений? С таким вопросом редакция «Новой Польши» обратилась к представителям польской общественности и опубликовала их ответы на страницах журнала.

Давая свой ответ на поставленный редакцией вопрос, известный польский политик Т. Мазовецкий высказал мнение о положительной динамике польско-российских отношений. Однако, по его мнению, нормализации этих отношений мешают не столько «нерешенные вопросы», сколько несоблюдение Россией прав человека, что особенно ярко проявляется в чеченской войне. «...Уничтожение чеченского народа отбрасывает мрачную тень на отношение к России» (1, с. 5).

Такой же позиции придерживается профессор, историк искусства, писатель Я. Возняковский (там же).

В. Гелжинский (ректор Высшей школы журналистики) полагает, что состояние польско-российских отношений не следует

рассматривать «вообще», «в целом». Необходимо выделять отношения между элитами, широкими массами и между государствами как институтами. Если признать такой подход, то правомерно констатировать, что между элитами отношения отличные и никакая нормализация не нужна. Отношения между массами – плохие. Причина, главным образом, коренится в негативных стереотипах, исправить которые очень трудно. Один из путей – корректировка школьных учебников, особенно российских. Но, «...увы, и после этого, – замечает В. Гелжинский, – останется прекрасная русская литература во главе с Достоевским, не слишком благосклонная к полякам. С этим ничего не поделаешь». Для нормализации же межгосударственных отношений важно их не обострять и одной, и другой стороне. Относительно польской стороны В. Гелжинский, достаточно нетипично для польских авторов, отмечает в качестве такого раздражающего фактора «постоянное, хотя и скрытое, форсирование миссионерской деятельности католических священников среди православных верующих» (1, с. 6).

А.М. Круль (главный редактор влиятельного еженедельника «Впрост») полагает, что нормализация польско-российских отношений уже произошла и на большее рассчитывать не приходится, ибо эта нормализация обусловлена реальными интересами, а они у России и Польши далеко не всегда совпадают (1, с. 6).

Почти никто из отвечающих на вопросы «Новой Польши» не обошелся без упоминания об исторической несправедливости и обидах, которые Россия причинила Польше. Причем об этих обидах сами русские знают очень мало (особенно это касается истории после 1939 г.), а потому часто искренне не могут понять «за что поляки нас не любят». Это обстоятельство, несомненно, отягощает польско-российские отношения и улучшить их возможно лишь на пути признания Россией своих прегрешений перед Польшей и раскаяния (2).

Выдающийся польский поэт, эссеист, историк литературы, лауреат Нобелевской премии (1980) Ч. Милош, родившийся в Литве, большую часть жизни проведший в США и Западной Европе и считающийся знатоком не только польского менталитета, но и русской культуры, в одном из своих произведений пытался разобраться в причинах польско-русского антагонизма и неприязни. В том, что таковые существуют, Милош не сомневается. В чем же причина? «Не исключено, – пишет М. Милош, – что поляки знают о русских то, что русские сами о себе знают, но не хотят в этом признаться и наоборот... Похоже, каждое столкновение с русскими

полякам неприятно, заставляет их защищаться, ибо раскрывает что-то в них самих» (32, с. 392).

Вряд ли, полагает Милош, причины неприязни можно свести к политическим событиям XIX–XX вв. Корни гораздо глубже. В XVI–XVII вв. Россия – варварская периферия Европы, не очень-то поляков интересующая. Все, что тогда ценилось – ремесло, наука, искусство, шло с Запада. Восточное влияние – одежда, оружие, некоторые обычаи – перенимались не из России, а из Турции. Разделы, зависимость от России были восприняты поляками как варварское, татарское нашествие, наказание за грехи.

Поляки, сталкиваясь с русскими, всегда чувствовали свое превосходство благодаря своему католицизму, своим традициям, своей принадлежности к Западу. Русским же польская подчеркнутая вежливость, улыбки, любезность казались ненужными и фальшивыми.

В польской литературе нет таких героев, как Алеша Карамазов или князь Мышкин, у поляков нет этого характерного для русских стремления к абсолютному добру, к уверенности, что уж если оно недостижимо, то не все ли равно как жить.

Милош признается в своей симпатии к русским, в понимании их сути, в определенной близости к ним. Очень похожи и мысли популярного польского писателя Т. Конвицкого, пишущего о «зараженных» Россией.

Именно они, полагает Т. Конвицкий, «играли в нашей интеллектуальной жизни положительную роль. У них были открыты глаза, их взгляд не был замутнен провинциальным национализмом...

Кто знает, не обусловлено ли наше восхищение Россией тем, что по сути мы очень похожи на них, а они на нас? Что наши грехи в них вырастают стократ, а их высокие достоинства в нас странным образом мельчают.

Однако же эта духовная близость может оказаться для нас роковой. И не спустя столетия, а в не слишком отдаленном будущем. Мы исторгли из себя советскую Россию, чтобы припасть к России мессианской и загадочной.

Я тоже заражен Россией, т.е. трагическим, сакрализованным злом» (1, с. 4).

Можно констатировать, очевидно, что в польской общественной мысли преобладает негативный образ России как политического противника Польши, страны, из которой исходило много зла для поляков. Но этот негативный образ грубой, холодной, дес-

потической страны немонолитен. Польские интеллектуалы улавливают в этом образе некую особую, важную для всех людей (русские они или поляки) истину, которая отнюдь не всегда проявляется в государственных или политических отношениях, но от этого не перестает быть истиной.

События на Кавказе, конфликт России и Грузии в 2008 г. еще раз ярко проявили характерные для польской общественной мысли особенности отношения к России.

Эти события вызвали в Варшаве быструю и весьма энергичную реакцию. Как известно, президент Лех Качиньский незамедлительно вылетел в Тбилиси, захватив по дороге президентов Латвии, Эстонии, Литвы и Украины. На митинге, участники которого восторженно приветствовали прилетевшую команду, Качиньский произнес пламенную речь, заявив о готовности Польши к борьбе со страной, которая показала свое истинное лицо, столь известное полякам. Речь шла о России, которая всегда стремилась подчинять себе соседние государства и решившей, что времена империи возвращаются. Вслед за Грузией, говорил польский президент, может наступить очередь Украины, потом прибалтийских государств, а впоследствии, возможно, и Польши.

Смелая речь Качиньского была встречена в Польше по меньшей мере неоднозначно. В прессе писали и о «звездной ночи» Качиньского, имея ввиду ночь с 12 на 13 сентября, когда польский президент выступил на митинге в Тбилиси, и о неоправданных, а то и смешных претензиях на роль арбитра в споре, решение которого явно не под силу Польше.

Министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский, сопровождавший президента в его поездке, отметил, что выступление польского лидера было его самостоятельной инициативой и отнюдь не является официальной позицией Польши. Сикорский отличается от президента более умеренными и сдержанными взглядами. Качиньский во время полета в Тбилиси даже шутил, что русские не подстрелят самолет, так как на борту Радек Сикорский.

Без особого энтузиазма отнесся к заявлениям Качиньского и премьер-министр Дональд Туск, заметив, что Качиньский сказал в Тбилиси «несколько лишних слов». Польша же, как полагает премьер, не должна быть той страной, которая имеет «самые плохие отношения с Россией из всех государств – членов ЕС» и стремится стать «миссионером любой ценой» (10). Правда, по инициативе польской стороны и того же Д. Туска было создано

экстренное совещание представителей стран – членов ЕС по кавказскому конфликту.

Заметим, что Качиньский и Саакашвили – давние друзья: президент неоднократно бывал в Грузии, в том числе и в 2007 г., когда «Мишико» закрыл оппозиционный телевизионный канал «Имеди». Работа последнего возобновилась в результате успешной посреднической миссии А. Михника, отправившегося в Тбилиси по просьбе США и Брюсселя. В те горячие для Саакашвили дни Качиньский однозначно принял его сторону в противостоянии президента и оппозиции.

А. Михник, относящий себя к числу «польских антисоветских русофилов», посетив несколько раз Грузию, стал решительным грузинофилом. Позиция А. Михника достаточно типична для многих представителей польского политического класса. Истоки событий, как полагает «антисоветский русофил», следует искать в специфике политических процессов, происходящих в России в последнее время. После начала перестройки казалось, что Россия движется в направлении либеральной демократии. Но расстрел парламента, чеченская война, а впоследствии фактическое устранение оппозиции, преследование независимых СМИ, практическая ликвидация свободного рынка, антизападная, в частности антиамериканская истерия, фальсификация истории – все это звенья одной цепи.

Отдельные события этого ряда превратились в политический курс с момента прихода Путина к власти. Отношение А. Михника к Путину изменилось после ареста Ходорковского, процесс против которого был реализован в «поистине латиноамериканском духе». Преследования олигархов стали «одним из элементов демонтажа демократии в России».

«Атака России против Грузии» стала «серьезным поражением российской демократии». Но это не потеря Россией лица. Россия показала миру именно такое лицо, которое хотела показать. «И в этом смысле это успех России» (31, с. 23). Россия, полагает А. Михник, не обречена генетически на деспотию, но она попала в ловушку имперского мышления и имперской политики.

Об опасности имперской или неоимперской политики России, о ее неприглядном «истинном лице», которое показалось, когда «демократическая маска» упала, говорится в статьях многих польских публицистов и политологов, появившихся в печати в связи с событиями на Кавказе. Так, известный польский политолог А. Смоляр полагает, что Путин (заметим, что в польской печати

Путин и Медведев рассматриваются как некий спаянный тандем, хотя и отмечается, что Медведев элегантнее и обаятельнее своего соратника) только и мечтает об имперской России, проводя при этом на Кавказе анахроничную имперскую политику. Россия вовсе не так уж горячо заинтересована в маленьких кавказских республиках – речь идет о «геополитической трансформации мира для реализации своих имперских амбиций». Автор полагает, что между Россией и Западом – глубокая пропасть. «Россия может быть партнером в переговорах об энергоносителях, о борьбе с терроризмом, о распространении оружия массового поражения, об Иране, Северной Корее, исламском радикализме. Но она не является и не может быть партнером для переговоров о мировом порядке» (44, с. 19).

Продолжая мысль А. Смоляра, публицист «Жечипосполитой» М. Магеровский констатирует, что Россия не может рассчитывать на благосклонность Запада и рассматриваться как стратегический международный партнер. Она ни с кем не считается, не соблюдает демократические ценности и вдобавок бомбит своих соседей. Такая страна представляет реальную опасность для цивилизованного мира (28, с. 13).

А. Смоляр, разделяющий характерную для польской общественной мысли позицию о невозможности некоего самобытного пути развития России, полагает, что сейчас, как, впрочем, и всегда, она стоит перед выбором: или окончательная интеграция с Западом, или погружение в изоляцию, превращение в страну с вымирающим населением, ставящую вечные вопросы об идентичности, предназначении и мечтающую о величии (44, с. 20).

Постулат о пограничном положении России, непреложной предопределенности выбора между Востоком и Западом и о нежелании (или невозможности в силу глубоких цивилизационных причин) выбора в пользу Запада достаточно характерен для размышлений польских авторов. Лежащая на границе двух миров Россия, полагает З. Рачиньский, не хочет быть частью «либерально-демократического интернационала». Действующая в России система власти больше похожа на классическую модель российского самодержавия, чем на настоящую демократию. Но это нравится россиянам. «Кавказская война проходила в атмосфере высокого патриотического подъема и не только явилась бальзамом для изболевшейся русской души, но и послужила консолидации властной элиты» (40, с. 45).

Особо глубокие знания Польши, касающиеся всех проблем, связанных с Россией, – достаточно часто повторяющийся мотив в материалах польских СМИ. Эти знания позволяют Польше претендовать на роль эксперта по восточной политике ЕС.

Имперские амбиции России, замечает Б. Вильдштейн на страницах «Жечипосполитой», слишком хорошо известны Польше. Запад же плохо знает Россию и явно обольщается по поводу ее продвижения по пути демократии. Россию надо остановить, ибо опасно выращивать «российского монстра» (48, с. 14).

При всей распространенности подобного рода представлений, их разделяют не все поляки. В Польше есть люди, думающие по-другому и не побоявшиеся в связи с этим попасть в число российских «агентов влияния». Так, М. Яницкий и В. Владыка на страницах популярного в стране еженедельника «Политика» усматривали опасность в политике Л. Качиньского, направленной на превращение Польши в некое прифронтовое государство, которому постоянно угрожает Россия. Эта политика, выглядевшая патриотической, на деле становится политикой «морально-патриотического шантажа» и отнюдь не способствует реалистическому взгляду на вещи (17, с. 16).

Весьма опасно, полагает М. Островский на страницах той же «Политики», сводить патриотизм к «громким, смелыми бескомпромиссным» декларациям, осуждающим Россию. Лозунг изоляции России может быть и хорош в Португалии или за Атлантическим океаном, но весьма неоднозначен для страны, с Россией соседствующей (36, с. 13).

Польским национально-государственным интересам соответствует укрепление независимости постсоветских государств, вовлечение их в западные структуры, уменьшение зависимости от российских источников сырья, пишет на страницах «Жечипосполитой» известный публицист П. Сквечиньский. Эта позиция Польши порождает конфликт интересов между Москвой и Варшавой. Ситуация печальная, но нормальная. Ненормально же отношение поляков к России и русским. Одним из основных элементов мышления поляков о России является лицемерие, что проявилось, в частности, в отношении к грузинскому конфликту. Польские интересы соответствуют поддержке Грузии, но при этом удивляет упорство, с каким поляки не хотят признать факта, что и сама Грузия выступила как агрессор, напав на Осетию. Внешняя политика управляется национальным эгоизмом. Нормально, что поляки поддерживали грузинскую агрессию. Ненормально делать вид, что не-

возможен иной подход – оценка действий России как попытки защитить малый народ от аннексии грузин. Хотя при этом Россия руководствовалась, конечно, не любовью к осетинам, а своими национально-государственными интересами. «Складывается впечатление, – пишет П. Сквечинский, – что единственным действием российского правительства, которое было бы признано поляками удовлетворительным, было бы провозглашение роспуска собственного государства и призыв соотечественников к коллективному самоубийству. Тогда бы на берегах Вислы все были бы довольны. Хотя и это, наверное, стало бы поводом для комментариев о российских саморазрушительных традициях, завершении дела Дзержинского и Сталина...» (46, с. 13).

Потенциальная опасность для Польши со стороны России сохраняется. Но для антироссийской волны, захлестнувшей Польшу, полагает П. Сквечинский, оснований нет. Вовсе не обязательно унижать Россию для утверждения достоинства Польши.

Многие польские обозреватели расценивают события на Кавказе как конфликт России и США, в котором Польша в силу недостаточности своего потенциала не может играть равноправную роль и ее претензии просто смешны. Именно так расценивает польскую политику экономист и публицист В. Кучинский. «Не думаю, – пишет он, – что громкие крики Польши – хоббита в окружении лилипутов – на кого-то произвели впечатление. Они смешны» (25, с. 14). Гораздо большего, по мнению многих аналитиков, поляки смогут добиться, если откажутся от антироссийской риторики и будут действовать через структуры ЕС.

Серьезные надежды в Польше возлагают на проект восточного партнерства, предложенного Польшей и Швецией. Суть последнего – в обеспечении диверсификации поставок углеводородов и ослаблении зависимости от России. Автор «Жечипосполитой» А. Халицкий полагает, что план восточного партнерства может стать визитной карточкой правительства Д. Туска. Ведь в 2011 г. Польша будет председательствовать в ЕС, и этот год может стать годом «великого политического открытия на Восток» (16, с. 12).

Заметим, что и сам бывший польский президент не был таким уж безумным романтиком, борющимся за «вашу и нашу свободу». Не самые лучшие друзья Качиньского, вспоминая о неравнодушном отношении его к Ю. Пилсудскому, с насмешкой говорят о том, что президент ищет для себя «Каштанку» оседлав ко-

тору он мог бы покорить Россию (с Каштанкой, любимой лошадью Пилсудского, сравнивают Саакашвили).

Президент же заявлял, что он вовсе не строит свою политику на идеях маршала и отнюдь не стремится к воссозданию первой Речи Посполитой. Не такой уж он мечтатель. Просто Россия боится усиления влияния Польши в регионе, который действительно некогда входил в состав Речи Посполитой, а Грузия, Украина и Азербайджан имеют особое значение для Польши. Азербайджан может стать мощным источником нефти и газа, поставляемых на Запад в обход России. Смена руководства в Грузии очень осложнила бы ситуацию. Поэтому, как подчеркивал сам президент, помимо чисто эмоционального момента, грузинская проблема столь важна. Л. Качиньский откешивался от обвинений в русофобии, декларировал свою политику как прагматическую и реалистическую.

На самом деле, однако, трудно рассматривать отношение бывшего польского президента к России иначе, чем «реальную русофобию», если можно так выразиться. Реакция польских политиков на события в Грузии, а также оценка их, получившая отражение на страницах польской печати позволяют констатировать, что и в текущий момент польской общественной мысли в целом присуще скорее негативное отношение к России, столь явно, как мы видели выше, обозначенное в прошлом. Вместе с тем как прежде, так и теперь присутствуют представления о необходимости непредвзятого, объективного отношения к России, преодоления исторически сложившихся стереотипов, выстраивания политики по отношению к России на основании принципов реализма.

Список литературы

1. Анкета «Новой Польши» // Новая Польша. – Варшава, 2003. – № 2. – С. 3–6.
2. Анкета «Новой Польши» // Новая Польша. – Варшава, 2003. – № 3. – С. 8–10.
3. Анкета «Новой Польши» // Новая Польша. – Варшава, 2003. – № 4. – С. 3–5.
4. Валицкий А. Россия // Вопросы философии. – М., 1990. – № 12. – С. 67–88.
5. Кулерский В. Визит Путина в польском зеркале // Новая Польша. – Варшава. – М., 2002. – № 3. – С. 3–10.
6. Михник А. Без демократии Россия – это Советский Союз // Новая газета. – М., 2004. – 5 апр. – С. 4.
7. Мочалова В. Представления о России и их верификация в Польше XVI–XVII вв. // Россия – Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М., 2002. – С. 44–64.

8. Помяновский Е. Как нам ужиться с Россией // Новая Польша. – Варшава, 2002. – № 3. – С. 3–8.
9. Разьны А. Россия в глазах Мариана Здзеховского // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимнепонимание. – М., 2000. – С. 155–161.
10. Туск Д. Польша не должна быть миссионером любой ценой. – Режим доступа: // svoboda.news.ru
11. Хорев В. Мицкевич и польский стереотип отношения к России. Мицкевич и Пушкин // Польша и поляки глазами русских литераторов. – М., 2005. – С. 60–77.
12. Bohun M. Oblicza obsesji – negatywny obraz Rosji w mysli polskiej // Katalog wzajemnych uprzedzen polakow i rosjan. – W-wa, 2006. – S. 203–302.
13. Cywinski B. Sieroty po imperium // Rzeczpospolita. – W-wa, 2002. – 22 kwiet. – S. 3.
14. Czuma J. Filozoficzne punkty styczne Zachodu i bolszewizmu. – Lublin, 1930. – 150 S.
15. Habielski R. Zycie społeczne i kulturalne emigracji. – W-wa, 1999. – 340 s.
16. Halicki A. Unia musi przekroczyć Bug // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 30 wrzes. – S. 12.
17. Janicki M., Władyka W. Wewnętrzna polityka zagraniczna // Polityka. – W-wa, 2008. – N 35. – S. 14–16.
18. Jelinski E. Idee bolszewizmu w katolickiej mysli filozoficznej // Oblicza wschodu w kulturze polskiej. – Poznan, 1999. – S. 231–246.
19. Kapuscinski R. Imperium. – W-wa, 2007. – 336 s.
20. Konieczna J. Polsko-rosyjskie asymetrie, uprzedzenia i nadzieje // Polacy i rosjanie: przewyciezanie uprzedzen. – Lodz, 2006. – S. 137–143.
21. Kola Adam F. Rosja we współczesnej polskiej mysli slowianofilizujacej // Ibid. – S. 246–254.
22. Konieczny F. Polska między wschodem a zachodem // Duzsa polska i rosyjska: Antologia. – W-wa, 2002. – S. 230–260.
23. Kotlarski G. Między rusofilia a rusofobia // Oblicza wschodu w kulturze polskiej. – Poznan, 1999. – S. 185–210.
24. Kuchazrewski J. Od białego caratu do czerwonego // Duzsa polska i rosyjska: Antologia. – W-wa, 2002. – S. 342–407.
25. Kuczynski W. Rosja odbiła Kaukaz // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 13 sierp. – S. 14.
26. Lewandowski E. Rosyjski sfinks. – W-wa, 1999. – 216 s.
27. Lisak H. Obraz bolszewika w oczach polaków w pierwszych latach odradzajacej się II Rzeczypospolitej, (1918–1920) // Oblicza wschodu w kulturze polskiej. – Poznan, 1999. – S. 383–394.
28. Magierowski M. Potwór Rosja // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 31 sierp. – S. 13.
29. Maternicki J. Nauczanie historii najnowszej // Wiadomosci hist. – W-wa, 1987. – N 1. – S. 3–19.
30. Marezs T. Rosjanin w polskich podręcznikach szkolnych do historii. – Lodz, 2006. – 246 s.
31. Michnik A. Prezydent i rząd zdali gruziński egzamin // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2008. – 10 wrzes. – S. 23.

32. Milosz Cz. Rodzinna Europa // Duzsa polska i rosyjska: Antologia. – W-wa, 2002. – S. 391–407.
33. Mochnacki M. Pisma krytyczne i polityczne. – Krakow, 1996. – T. 2. – 429 s.
34. Nowicka E., Lodzinski S. U progu otwartego swiata: Poczucie polskosci i nastawienia polakow wobec cudzoziemcow w latach 1988–1998. – Krakow, 2001. – 188 s.
35. Oczekiwania wobec koalicji PiS – Samoobrona – LPR. – W-wa, Czerwiec, 2006. – Mode of access: // www.cbos.pl
36. Ostrowski M. Co z ta Rosja // Polityka. – W-wa, 2008. – N 34. – S. 13–15.
37. Pomianowski J. Protokol rozbieznosci // Rzeczpospolita. – W-wa, 2004. – 8/9 maj. – S. 8.
38. Pomorski A. Imperialna baba. – W-wa, 2003. – 215 s.
39. Przybyl E. Religie w Rosji w swietle prasy polskiej po 1989 r. // Polacy i rosjanie: przewyciezanie uprzedzen. – Lodz, 2006. – S. 344–357.
40. Raczynski Z. Rosja wstaje z kolan // Polityka. – W-wa, 2008. – N 37. – S. 45–46.
41. Schaff A. Stereotyp: definicja i teoria // Kultura i spoleczenstwo. – W-wa, 1978. – T. 22. – N 3. – S. 43–78.
42. Skorupska A. Polska opinia publiczna o Rosji i rosjanach // Polacy i rosjanie: przewyciezanie uprzedzen. – Lodz, 2006. – S. 50–55.
43. Skorupska A. Wizerunek Rosji i rosjan w mediach // Ibid. – S. 76–383.
44. Smolar A. Kuda idiosz, Rossija? // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2008. – 23/23 sierp. – S. 20–21.
45. Stobiecki R. Rosja i rosjanie w polskiej mysli historycznej XIX i XX ww. // Katalog wzajemnych uprzedzen polakow i rosjan. – W-wa, 2006. – S. 159–201.
46. Skwieczynski P. Kompleks Rosji // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 13/14 wrzes. – S. 13–15.
47. Tokarz T. Sowiety czyli Rosja. Teza kontynuacyjna w publicytcie polskiego wychodzstwa // Przegląd humanistyczny. – W-wa, 2007. – N 4. – S. 98–118.
48. Wildsztejn B. Hodowanie rosyjskiego monstrum rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 5 wrzes. – S. 14.
49. Zakowska M. Rosia i rosjanin w publicytcie polskiej po 1989 r. // Polacy i rosjanie: przewyciezanie uprzedzen. – Lodz, 2006. – S. 360–373.
50. Zientara B. Dawna Rosja: Despotyzm i demokracja. – W-wa, 1995. – 350 s.
51. Znaniecki F. Pisma filozoficzne. – W-wa, 1987. – T. 1. – 496 s.
52. Zdziechowski M. Wplywy rosyjskie na dusze polska // Duzsa polska i rosyjska: Antologia. – W-wa, 2002. – S. 151–17.

Глава 7

СОВРЕМЕННЫЕ УКРАИНСКИЕ ПОЛИТИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ РОССИИ

Теоретико-методологические аспекты образа России в Украине

И российские, и украинские исследователи, анализируя развитие и видоизменение представлений украинцев о России и россиянах в том виде, в котором они находят отражение в средствах массовой информации и политической риторике, стремятся осмыслить теоретические аспекты и рамки этого процесса. Так, например, В. Мироненко считает, что образ страны предполагает «некоторый объем объективной информации, преломленный в индивидуальном и коллективном мировосприятии и системе ценностей» (40, с. 299). Проводя различие между образом и имиджем страны, он допускает в то же время выделение нескольких образов России: историко-географический, демографический, экономический, геополитический и т.д. Тем не менее данные образы следует рассматривать как важные факторы, оказывающие влияние на формирование образа России в общественном сознании Украины, который не может быть единым в восприятии жителей западной и восточной ее частей, а также Крыма.

В. Мироненко подчеркивает, в частности, что «целостного образа России в Украине пока не существует» не потому что ее воспринимают в различных украинских регионах по-разному, а прежде всего потому что сама Россия «находится в процессе глубокой трансформации» (40, с. 300). Образ России в украинской истории присутствует, пишет он, «в самых разных исторических сочинениях – от “Истории Украины-Руси” отца украинской национальной историографии Михаила Грушевского до книги экс-

президента Леонида Кучмы “Украина – не Россия”» (40, с. 302). Касаясь попыток отдельных политических сил на Украине использовать в настоящее время образ России как врага, В. Мироненко отмечает, что «активная эксплуатация негативного образа России, выборочная политическая актуализация некоторых исторических событий могли быть пусть не оправданы, но хотя бы поняты на начальной стадии государственного строительства в Украине», однако «в среднесрочной и долгосрочной перспективе такая тактика представлялась мне совершенно контрпродуктивной» (там же, с. 303).

С. Ширин справедливо отмечает, что «использование различных парадигм исследования формирования образа России на постсоветской Украине приводит не только к различной терминологии, но и к применению различных принципов при отборе эмпирической базы, от которой зависит сама сфера исследуемых фактов» (66). Учитывая отношения, сложившиеся между двумя государствами, он подчеркивает, что сам факт исследования образа России в современной Украине является политическим актом. В рамках первой парадигмы он считает, что пособником антироссийской ксенофобии «явилось украинское государство, для которого (с тех пор, как Украина обрела независимость) формирование отношения широких слоев общественности к русскоязычному меньшинству стало важной политической задачей» (там же). На основе второй парадигмы автор выявляет «источник ксенофобии из процесса дерусификации, которым сопровождается формирование украинской национальной идентичности» (там же). При помощи третьей парадигмы можно, полагает С. Ширин, «обвинить российских политиков в том, что они сами провоцируют украинских националистов на ксенофобию, высказывая суждения о необходимости российской гегемонии в этой стране» (там же).

Кандидат исторических наук А.Н. Окара отмечает, что «позитивная программа развития образа России в Украине и других странах СНГ должна исходить из приоритетов “soft power” и уважительного отношения к самим этим странам, их народам и национальным культурам» (45, с. 30). Автор предупреждает, что Россия должна строить свои отношения с Украиной «не на национальном эгоизме, а на поиске общих целей, общих интересов и “общей судьбы”» (там же).

Д.Н. Замятин в рамках ключевых геополитических образов России, складывавшихся в течение II тысячелетия н.э., выделяет

следующие образы сформированные различными исследователями: 1) «Остров Россия» (Ильин М.В., Цымбурский В.Л.), который «базируется на этнокультурных, цивилизационных и языковых особенностях Древней Руси и средневековой России, предопределивших аутентичность самого образа»; 2) «Россия – Евразия» (Вернадский Г.В., Савицкий П.Н.) как образ, разработанный в рамках концепции евразийства в 20–30-е годы XX в.; 3) «Россия-и-Европа» или «Россия как Европа» (Зимин А.А.), в соответствии с данным образом Россия «воспринимается во многом как маргинальная, пограничная, фронтирная страна Европы, во многом схожая, например, с Испанией – прежде всего, конечно, на историко-культурных основаниях»; 4) Россия как правопреемница Византии (Оболенский Д.), в соответствии с этим образом «Россия входила в византийский культурный круг», а российскую цивилизацию при этом называли «византийско-православной». К нему примыкает образ «России как Скандовизантии» (Лихачёв Д.С.); 5) «Россия – также Восточная Европа» (Игрицкий Ю.И.). Данный образ неоднократно менялся, пишет Д.Н. Замятин, «на протяжении XX столетия, включая порой совершенно различные страны и страновые и региональные образы» (18).

Д.Н. Замятин считает, что в состав основных геополитических образов России входит и Украина, так как она «в значительной степени пересекается с самим образом России (если рассматривать его как систему взаимосвязанных геоисторических, геокультурных и геополитических образов)». Он обосновывает это, опираясь на современные исследования, тесно переплетающимися с политической историей и политической географией России и Украины, составлявших часто «фактически единое целое (от исторического вхождения территории Украины в состав России до создания Украинского государства в результате распада СССР)» (там же).

Таким образом, определяя понятие и содержание образа России в Украине исследователи руководствуются различными подходами, которые позволяют выделить историко-географические, геоисторические, геокультурные, геополитические и другие грани этого образа, нередко принимающие самодовлеющее значение. Для понимания важности проблемы с точки зрения отношений двух стран и братских народов необходимо не запутаться в терминологической эквилибристике, а в доступной для восприятия форме представить два основных вида данного образа (негативный и положительный) и показать какой вклад в их формирование

внесли государственные деятели и политики, а также исследователи. Разумеется, при этом немаловажное значение имеет то, на какие историко-географические, культурные и геополитические факторы опираются конструкторы этих образов.

Роль государственных деятелей и политиков в формировании образа России в Украине

После распада СССР государственные и политические деятели Украины стремились использовать образ России как правопреемницы Советского Союза, олицетворяя ее с государством, сохранившим прежние имперские традиции, для упрочения своего суверенитета. «В качестве нового образца развития перед ними витал, – отмечает профессор Национального университета “Киево-Могилянская академия” Н. Амеленко, – образ западноевропейского национального государства, которое “реформаторы – либералы и демократы” воображали как наилучшую форму соединения либеральной экономики и демократической политики» (1, с. 197). Однако это не помогло первому президенту Украины Л. Кравчуку преодолеть политический и социально-экономический кризисы в стране, и он потерпел поражение на выборах 1994 г.

Новый президент Л. Кучма в течение десяти лет так и не смог четко определить приоритеты в политической и социально-экономической сферах. В области внешней политики он продолжал балансировать между Западом и Востоком, что непосредственно сказалось и на невозможности сформировать на Украине положительный образ России. Называя часто Россию в официальных выступлениях важным стратегическим партнером Украины, президент Л. Кучма в то же время указывает на различия, существующие между двумя странами, подчеркивая при этом, что любое копирование российского опыта неизбежно приведет к «вторичности» и «второсортности» Украины (30, с. 509). К различиям между двумя странами он относит прежде всего то, что Украина якобы сделала свой европейский выбор еще «в глубокой древности», а России «менее присуще чувство принадлежности к Европе» (там же, с. 510). Призывая в процессе украинской самоидентификации строго следовать формуле «Украина – не Россия» и провести четкую инвентаризацию «в головах и душах», Л. Кучма в то же время не предлагает путей и способов решения проблем, накопившихся в отношениях между двумя государствами, очевидно, надеясь на то, что Евросоюз поможет их решить (там же, с. 23–24). Высказыва-

ния президента Л. Кучмы о месте и роли России в современном мировом сообществе способствовали формированию в общественном мнении Украины образа России как евроазиатского государства, которому, в отличие от Украины, еще предстоит доказать свою приверженность и принадлежность к европейской цивилизации. Правда, в одном своем недавнем интервью он подверг резкой критике политику ныне действующих руководителей Украины, подчеркнув, что только «Россия может позволить себе развиваться в том направлении, которое считает нужным» (23, с. 3). А зависимость Украины во многих областях является настолько очевидной, что «нам не с чем идти в Европу», – отметил он (там же). Жаль, что прозрение у экс-президента Л. Кучмы наступило так поздно. Ведь ошибки, допущенные в период его президентства, и способствовали приходу к власти нынешнего руководства, а также возникновению острого политического и социально-экономического кризиса в стране.

Еще в период президентства Л. Кучмы, в сентябре 2002 г. известный украинский поэт и общественный деятель Д. Павличко, обосновывая необходимость разработки украинской национальной идеи, писал: «Из всех недостатков нашей государственной системы, она имеет несомненные достоинства, к которым относятся сохранение территориальной целостности, европейский выбор, подготовка к членству в НАТО, негативное отношение к российско-белорусскому союзу, аграрная реформа, рост внутреннего валового продукта» (47, с. 56). Как видим, из шести названных им достоинств три стали в настоящее время приоритетными направлениями внешней политики Украины, возможность реализации которых практически исключается при доминирующем существовании положительного образа России в общественном сознании украинского населения.

В результате президентских выборов 2004 г., переросших в «оранжевую революцию», к власти пришли политические силы во главе с В. Ющенко, которые уже четко заявили о своем геополитическом выборе, ориентированном на Евросоюз и НАТО. При этом они не желают учитывать такие факторы, как тесные экономические связи украинских предприятий с предприятиями стран СНГ, энергетическую зависимость Украины, историко-культурные традиции и др. Все это привело к острым противоречиям между президентом В. Ющенко, с одной стороны, и «Партией регионов» во главе с В. Януковичем и рядом политических сил – с другой.

Следует также отметить особую роль в осуществлении «оранжевой революции» и влиянии на формирование общественного мнения в Украине таких организаций, как Национальный демократический институт США, Информационное агентство США, «Фридом Хаус», Институт «Открытое общество» Дж. Сороса и др. При их непосредственной финансовой помощи на Украине было создано около 900 местных неправительственных организаций, которые приняли, пишет Э. Попов, активное участие в подготовке и проведении «оранжевой революции» (52, с. 97). В свою очередь известный политолог С. Марков считает, что в настоящее время на Украине действуют 2800 неправительственных организаций (26, с. 7). Э. Попов предупреждает, что, обеспечив победу «оранжевой революции», украинские неправительственные организации стали заниматься экспортом «идей и технологий государственного переворота в сопредельные с Украиной страны, – прежде всего в Белоруссию и Россию (в меньшей степени, в Азербайджан)» (52, с. 99). Касаясь деятельности пятимиллионной украинской общины в России и украинских неправительственных организаций, автор указывает, что «Украина, являя собой огромную зону нестабильности, активно поддерживаемая Западом, будет экспортировать “стратегическую нестабильность”» в Российскую Федерацию (там же, с. 103).

Данную точку зрения поддерживает и С. Мирзоев. Он отмечает огромное влияние США на политику современного руководства Украины, подчеркивая при этом, что «многообразие текущих событий укладывается в описание двух трендов: отрыв во всех аспектах Украины от России и формирование новой, вполне поддающейся внешнему управлению украинской политической системы» (38, с. 121–122). Естественно, что в такой ситуации влияние внешнего фактора на изменение образа России в общественном сознании Украины может стать определяющим.

Проблема европейского выбора Украины особенно активно выдвинулась на первый план в последние годы. Об этом говорил президент Украины В. Ющенко 22 февраля 2008 г. в интервью обозревателю газеты «Время новостей», отмечая, что вступление Украины в НАТО обусловлено необходимостью гарантировать ей «суверенитет и сохранение национальной целостности» и «не несет ни одной угрозы России» (8, с. 2).

Однако еще в январе 2008 г. президент В. Ющенко, премьер-министр Ю. Тимошенко и спикер Верховной рады А. Яценюк направили генеральному секретарю НАТО письменное обращение

с просьбой рассмотреть вопрос о присоединении Украины к Плану действий по членству в Североатлантическом альянсе на саммите в Бухаресте. О своем отношении к вступлению страны в НАТО высказался 1 марта 2008 г. на 2-м съезде Советов Украины и лидер оппозиционной Партии регионов В. Янукович. Его заявление о переходе партии к массовым акциям протеста вызвало неоднозначную реакцию украинских экспертов. Так, директор Института глобальных стратегий В. Карасев подчеркнул, что «это означает выведение парламентского кризиса на улицу и создание дополнительно еще и общеполитического кризиса» (20). Правда, уже через несколько дней в интервью газете «Известия» тональность высказываний В. Януковича несколько изменилась. На вопрос о вступлении Украины в НАТО он ответил, что «нужно помнить о добрососедстве с Россией», а также о необходимости достижения «понимания в обществе» (11).

Противостояние между В. Ющенко и В. Януковичем возникло в средствах массовой информации Украины в первые годы после «оранжевой революции» как борьба «двух путей развития Украины» (64, с. 97). Однако ослабление требований В. Януковича об установлении особых отношений с Россией, о нейтральном статусе Украины и сохранении русского языка, а также его позиция по выводу страны из кризиса, по мнению экспертов, «сейчас вызывает куда большие симпатии у ЕС, чем экстремизм президента и его команды рейдеров» (там же, с. 98).

Учитывая сложную внутривосточную ситуацию тогдашний премьер-министр Украины Ю. Тимошенко считала, что Украине необходимо проводить широкую разъяснительную работу о преимуществах участия страны в НАТО. Об этом она заявила на конференции «Украина – ЕС» в Брюсселе 10 марта 2008 г. В связи с этим правительство Украины «предусмотрело значительное финансирование информационной кампании относительно принципов и заданий коллективной безопасности в мире», и руководство страны, по словам Ю. Тимошенко, «должно проводить серьезную информационную работу относительно освещения отношений Украины с Альянсом» (58). А это неизбежно приведет к попыткам переубедить большую часть населения Украины, выступающую за интеграцию со странами СНГ и в первую очередь с Россией. И для этого будет необходимо скорректировать образ России, который складывался в течение общей многовековой истории в общественном сознании населения Украины.

Кроме того, и выступления некоторых бывших государственных деятелей западных государств однозначно способствуют активизации дискуссий по вопросу вступления Украины в НАТО и подталкивают ее руководство на скорейшее принятие соответствующего решения. Так, бывший помощник президента США Дж. Картера по национальной безопасности З. Бжезинский на 8-м Круглом столе, посвященном проблемам государственного развития Украины, издевательски заявил, что «Украина должна сказать своему младшему брату – России, чтобы та училась у нее политической культуре». Заметив насмешки слушателей, он пояснил, что Россия «в действительности младший брат Украины для тех, кто знает историю» (5, с. 15), чем сам безусловно продемонстрировал слабое знание истории Древней Руси. Обосновывая жизненную необходимость для Украины европейского выбора, З. Бжезинский указывал, что «поскольку Украина движется к Европе, империалистическая возможность для России закрывается навсегда, и Россия тогда будет иметь лишь одну возможность – последовать примеру своего старшего брата» (там же). Другими словами, американский эксперт без учета особенностей внутривнутриполитической ситуации на Украине вполне серьезно предлагает ей не только преподать урок России, но и показать ей перспективный путь движения на Запад. Это фактически подтверждает и Ю.К. Козлов, подчеркивающий, что «власти Украины на протяжении длительного времени ведут враждебную политику в отношении России, за счет России в соответствии с известными рекомендациями З. Бжезинского» (3, с. 16). З. Бжезинский считает, что руководство России представлено преимущественно выходцами из КГБ и занимает враждебную позицию по отношению к «настоящей демократии в Украине». По его мнению, в условиях «реальной демократии в Украине в дальнейшем больше россиян считали бы путинский режим анахронизмом» (4, с. 83). Окружающий Россию «демократический геополитический плюрализм» неминуемо подтолкнет ее, подчеркивает З. Бжезинский, «на решительный разрыв с авторитарной и шовинистической традицией, которая до сих пор господствует в мировоззрении московской политической элиты» (там же, с. 87).

Здесь следовало бы вспомнить пресс-конференцию президента Украины В. Ющенко и президента РФ В. Путина, которая состоялась 12 февраля 2008 г. в Москве после завершения двусторонних переговоров. На ней В. Путин подчеркнул: «Россия и Украина – крупнейшие и важнейшие друг для друга партнеры.

И, считаю, мы должны делать все для того, чтобы это партнерство без всяких оговорок носило стратегический характер, способствовало росту благосостояния наших граждан, а практическое взаимодействие неизменно опиралось на принципы добрососедства, прагматизма и взаимовыгодного сотрудничества» (21). Главным результатом этих переговоров, по мнению В. Ющенко, было то, что удалось «запустить механизм государственной комиссии Путин – Ющенко, которая дает возможность через план действий 2008 г. дать ответ по существу на два-три десятка самых сложных вопросов, которые возникают в практике наших отношений» (там же).

Социологические опросы, проводимые на Украине, свидетельствуют пока о неоднозначном отношении к данному геополитическому выбору. Так, генеральный директор «ФОМ-Украина» А. Бухалов сообщил 11 марта 2008 г., что 62,3% украинцев одобряют идею проведения референдума о вступлении страны в НАТО. При этом «письмо генеральному секретарю НАТО Яапу де Хооп Схефферу о присоединении Украины к ПДЧ, подписанное президентом Виктором Ющенко, премьером Юлией Тимошенко и главой парламента Арсением Яценюком, население Украины в целом не одобрило». Кроме того, данное письмо послужило тому, что 43,3% опрошенных стали хуже относиться к В. Ющенко, 42 – к Ю. Тимошенко и 41,2% – к А. Яценюку. И только около 10% населения страны поддержали данное письмо. В то же время письмо руководителя Партии регионов В. Януковича генеральному секретарю НАТО с просьбой не рассматривать вопрос о присоединении Украины к Плану действий по членству в НАТО одобрили 47,5% украинцев (33).

Особую озабоченность вызывает и то, что в развитии украинско-российских отношений остается ряд сложных проблем, которые не удалось решить Украине и России в предшествующие 17 лет. О попытках успешно разрешить их говорится в «Плане действий Украина – Россия до 2009 года (первоочередные задачи в двусторонних отношениях)» (51), утвержденном президентами двух государств 12 февраля 2008 г.

Что касается результатов бухарестского саммита глав государств – членов НАТО, то В. Ющенко достаточно оригинально интерпретировал достигнутые на нем решения. Так, несмотря на то, что руководители государств Североатлантического блока в Бухаресте приняли решение перенести рассмотрение вопроса о включении Украины в План действий по членству (ПДЧ) в НАТО

на декабрь 2008 г. президент Украины В. Ющенко 4 апреля 2008 г. на совместной с генеральным секретарем НАТО пресс-конференции заявил: «Мы получили вчера сильный и ясный текст относительно украинской перспективы в НАТО». Рассматривая такое решение как достижение победы, он подчеркнул, что «ни одна из стран – членов НАТО не выступила против украинской перспективы в этой организации, и ни одна не дала негативной оценки нашей заявки на ПДЧ» (9).

Настойчивые попытки В. Ющенко добиться признания голода 1932–1933 гг., поразившего кроме Украины и значительные территории РСФСР, геноцидом украинского народа направлены также на создание отрицательного образа России. Вызывает беспокойство и то, что президент Украины все чаще стремится найти поддержку в данном вопросе у лидеров других государств. Очередная такая попытка была предпринята в июле 2008 г. в ходе визита в Киев канцлера Германии А. Меркель. Однако, отказавшись от посещения мемориала жертвам голодомора 1932–1933 гг., она «подтвердила, что в этом щекотливом вопросе Германия поддерживает позицию России и не признает голодомор геноцидом украинского народа» (36).

Другим серьезным шагом, направленным против России, была попытка В. Ющенко добиться от Константинопольского патриарха Варфоломея I в дни празднования 1020-летия Крещения Руси согласия признать создание украинской поместной церкви, узаконив таким образом раскол в епархиях Русской православной церкви, произошедший на Украине не без помощи ее высшего политического руководства. Несмотря на явное вмешательство государственных деятелей в церковные дела предстоятели двух церквей – Варфоломей I и Алексий II – оказались мудрее политиков. Они высказали уверенность в том, что конфликты необходимо решать в «каноническом поле» в соответствии с законами, «которые давным-давно, задолго до появления у украинских властей желания быть чрезвычайно суверенными, установились в самом православии» (56). Константинопольский патриарх, в частности, заявил: «Мой призыв ко всем участникам противостояния – искренне делайте все для укрепления мира и единства» (46).

До абсурда доведена и проблема запретов на использование русского языка в Украине. После решения данного вопроса в государственных учреждениях, на телевидении и радио, на предприятиях, в вузах и школах, предпринимается попытка осуществить украинизацию тюрем. Так, украинская праворадикальная партия

«Братство» предложила властям предоставлять право условно-досрочного освобождения только заключенным, выучившим гимн Украины и украинские песни, а также успешно сдавшим экзамен на знание украинского языка и литературы. Кроме того, эта партия «предлагает ввести в Уголовный кодекс понятие “ссылка”, чтобы отправлять западных украинцев в Крым для украинизации полуострова, а преступников с Донбасса селить в Закарпатье – там их научат на правильном языке родину любить» (7).

Состоявшийся 15 апреля 2008 г. визит министра иностранных дел Украины В. Огрызко в Москву показал, что решить острые проблемы двусторонних отношений не удалось. К тому же, в соответствии с информационным сообщением МИД Украины, стало известно, что российской стороне был передан «меморандум, в котором четко обозначены этапы и порядок вывода до 28 мая 2017 года войсковых формирований Черноморского флота Российской Федерации с мест его временной дислокации на территории Украины» (62). Большим откровением явилось высказывание по поводу данного меморандума главы комитета по социальной политике и труду Верховной рады Украины В. Хара. Он, в частности, отметил: «Руководство Украины считает, что страна уже определилась с интеграционным выбором, и надеется, что Украину и без ПДЧ примут в НАТО. Сегодня для этого зачищается правовое и информационное поле» (там же). Логику предпринимаемых украинским МИДом шагов объяснил директор Института политического анализа и международных исследований (г. Киев) С. Толстов. По его мнению, «Киеву требуются безусловные гарантии, которые он предъявит альянсу в доказательство того, что у России не будет перспективы оставаться хозяином Севастопольской бухты после 2017 года» (там же).

Однако заметное обострение внутривластного кризиса на Украине и демарши ее руководителей, часто ущемлявшие интересы России, вызывали вопросы о будущем отношений двух стран. Полная «зачистка правового и информационного поля» в Украине, о чем мечтало «оранжевое» руководство, невозможна без трансформации образа России как братского, дружественного государства и стратегического партнера в образ врага. Только в таком случае можно добиться необходимых результатов в ходе социологических опросов и референдума по вопросу вступления Украины в НАТО.

Таким образом, в начале XXI в. государственные деятели Украины обозначили геополитический выбор для своей страны,

закрывающийся во вступлении Украины в ближайшем будущем в Евросоюз и НАТО, избрав единственный верный, по их мнению, путь «в ЕС через НАТО». Поэтому они стремились выполнить все условия, необходимые для вступления в Североатлантический альянс. Их совсем не смущало то, что при этом они неизбежно должны будут нарушить отдельные статьи своих основополагающих законодательных актов, а также действующих договоров и соглашений с РФ. Здесь следовало бы прислушаться им к мнению академика НАН Украины И.М. Дзюбы, достаточно корректно указывающего, что с точки зрения стратегического положения Украины между Востоком и Западом, между Югом и Севером, а также исторического опыта «усвоения и объединения разных культурных традиций выпадет новая роль обеспечения им симбиоза – то есть, не сама по себе выпадет, а может быть достигнута благодаря ответственной политической и культурной воле, соответствующему интеллектуальному труду» (16, с. 31).

Несмотря на массовые протесты населения и требования оппозиционных партий провести по данному вопросу референдум, руководители «оранжевой революции» не желали прислушиваться к мнению большинства граждан страны, которые, согласно самым разнообразным и независимым социологическим опросам, высказываются против вступления Украины в НАТО. Они не считали также необходимым прислушиваться к рекомендациям авторитетных экспертов и ученых, которые предостерегают, что реализация такого геополитического выбора может привести к непредсказуемым последствиям. Изображение России в качестве потенциальной внешней угрозы – один из ключевых элементов их идеологии и политики.

Руководители Украины не раз достаточно резко реагировали на рациональные советы российских коллег и ученых, квалифицируя их часто как проявление имперских амбиций. Поэтому любые неофициально высказанные российскими государственными и политическими деятелями суждения воспринимаются на Украине очень болезненно и квалифицируются как попытки вмешательства во внутренние дела государства. Примером этого может служить скандал, возникший в связи с пересказанной российскими СМИ фразой, в которой якобы В. Путин во время закрытой встречи с Дж. Бушем в Сочи «поставил под сомнение существование Украины как государства» (25, с. 1). Обострению скандала способствовало и выступление министра иностранных дел РФ С. Лаврова в эфире радиостанции «Эхо Москвы», заявившего: мы сделаем

все, чтобы не допустить принятия Украины и Грузии в НАТО. А последовавшее затем, 11 апреля 2008 г., заявление начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ Ю. Балуевского, обещавшего в случае вступления Киева и Тбилиси в НАТО принять «не только военные меры», но и «меры иного характера», еще более обострило ситуацию.

Следует отметить, что выраженный в таких формах протест России против вступления Украины в НАТО привел к обратному эффекту: многие украинцы стали смотреть на Североатлантический альянс как на способ защитить свою государственность. По мнению руководителя украинского исследовательского центра «София» А. Ермолаева, «неожиданно появившийся “внешний враг” сплотил граждан и представителей власти Украины, которые были разделены на два лагеря со времен оранжевой революции 2004 года» (25, с. 8).

Примерно такую же точку зрения высказал и руководитель Центра политических исследований и конфликтологии (г. Киев) М. Погребинский, отметив при этом, что если Россия «высказывает резкие протесты, а тем более в форме, которую при желании можно трактовать как угрозы», сторонников вступления Украины в альянс легче убедить в том, что в НАТО «надо не просто идти, а бежать сломя голову, ибо – Россия угрожает». Бурную реакцию вызывали и выступления Ю.М. Лужкова, в которых он затрагивал проблемы легитимности передачи Крыма Украине в 1954 г., а также статуса Севастополя и базы Черноморского флота России. М. Погребинский искренне сожалеет, что решение острых проблем двусторонних отношений откладывалось часто «на потом» и совершенно справедливо вопрошает: «Что мешало России еще пять лет тому назад (Путин уже достаточно укрепился, а газ мы получали по 50 долл. за тыс. куб. м) выработать внятную политику по отношению к Украине? Предложить привлекательные для элиты интеграционные инициативы?...» (53). Он считает, что перенос решения вопроса о включении Украины в План действий по членству в НАТО на декабрь 2008 г. выгоден В. Ющенко и его сторонникам. Теперь для того, чтобы удержать тему НАТО в повестке дня, подчеркивает М. Погребинский, будут оправданными «нагнетание напряженности с Россией, ужесточение войны с русским языком, историей и т.п.» (там же). Здесь следует согласиться с мнением народного депутата Украины, одного из лидеров Партии регионов В. Богуслаева, считающего, что руководителям двух стран «нужна политическая воля». По его мнению, «украинское

руководство – одержимо русофобией, российское – газодолларами» (22).

Серьезной проверкой политической зрелости для руководителей Украины стала агрессия Грузии против Южной Осетии, которую они рассматривают как внутреннее дело Грузии, наводящей порядок на своей территории. Следует заметить, что в предшествовавшие агрессии месяцы Украина поставила Грузии значительные партии военной техники, вооружений и боеприпасов. Президент Ющенко всецело поддержал агрессивные действия Грузии. Кроме того, 13 августа 2008 г. он издал указ, в соответствии с которым предлагалось ввести ограничения на передвижения кораблей Черноморского флота, нарушив таким образом положения действующего «Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» 1997 г. Это вызвало достаточно жесткую реакцию президента России Д. Медведева. Он, в частности, подчеркнул: «Черноморский флот РФ будет в зоне специального, особого внимания, и пусть нам не указывают, как нам себя вести. Мы будем действовать в соответствии с международными соглашениями и директивами, выданными мною как главнокомандующим» (35).

Тем не менее тогдашний премьер-министр Украины Ю. Тимошенко заняла особую позицию в данном вопросе. Однако в высшем руководстве страны дошло до того, что ее обвинили в предательстве интересов Украины. Так, заместитель главы секретариата президента А. Кислинский подчеркнул, что «Россия готова поддержать Тимошенко за ее пассивную позицию в конфликте с Грузией» (67). Кроме того, сторонники президента Ющенко считают, что после создания в Верховной раде коалиции Ю. Тимошенко с В. Януковичем состоится окончательное оформление «прокремлевского большинства Партии регионов и БЮТ» (59). К тому же, лидер партии «Наша Украина» В. Кириленко пугает общественность тем, что Партия регионов и Блок Юлии Тимошенко «будут изменять украинскую Конституцию лишь с одной целью – забрать полномочия у президента во внешней и внутренней политике в угоду Кремлю» (там же). Такие необоснованные высказывания только усиливают противоречия внутри украинской политической элиты и способствуют формированию у определенной части электората негативного образа России.

Еще более откровенно прозвучал вопрос, который актуален и сегодня: готово ли украинское руководство «отвечать за потерю Крыма и возникновение военного конфликта с РФ на территории

Украины по аналогии с Грузией, а также обострение региональных противоречий в Украине, настаивая на присоединении к ПДЧ в НАТО?» (там же). Такая постановка вопроса, хотя и может урезонить горячие головы некоторых украинских политиков, вносит свой вклад в формирование образа России как врага. На такого рода провокационные рассуждения тогдашний лидер оппозиции В. Янукович ответил: «Только в страшном сне может привидеться, что украинцы и россияне идут друг против друга». В то же время он вынужден признать наличие попыток «разжигания вражды» (10, с. 1).

Многие украинские политики и политологи высказывали опасения, что Украина будет втянута в конфликт между Россией и Грузией. Так, руководитель Коммунистической партии Украины П. Симоненко подчеркивает: «Мы должны осознавать, что любые попытки США втянуть нас в так называемые миротворческие операции, особенно если это происходит на территории Европы и бывшего СССР, это не просто попытка нашими руками реализовать свои неоколониалистические планы, это опасность для нашей территориальной целостности» (61). Бывший президент Украины Л. Кучма считает, «что украинская власть, запутавшись в интересах двух стратегических партнеров, попала в патовую ситуацию: она не может поддержать ни одну из сторон без ущерба для собственных интересов» (там же). Эту точку зрения фактически поддерживает и руководитель политологического центра «София» А. Ермолаев, который полагает, «что Украина должна занять в этом вопросе нейтральную позицию» (там же).

Как прямое предостережение украинскому руководству прозвучало в статье «НАТО или Россия?», опубликованной 22 сентября 2008 г. в центральной газете «Украинская правда», в которой указывается: «Не имеют право украинские политики настаивать на присоединении к НАТО, не имея гарантий от потенциальной угрозы со стороны России» (44).

В целом многие украинские политики, предприниматели и средства массовой информации считают, пишет председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. Густов, что «приверженность президента к “евроинтеграции” подразумевает не столько стремление к модернизации политической системы и экономики страны, сколько к реализации “мечты В. Ющенко” об “Украине без России”» (14).

Сигналы о поддержке русофобов и фашистских пособников, инициаторами чего часто становятся руководители отдельных об-

ластей Украины, поступают регулярно от представителей русских общин. Однако не все средства массовой информации адекватно реагируют на них. И даже посольство РФ в Украине не оказывает должной помощи русским общинам, которые не в состоянии самостоятельно противостоять «оранжевым» национал-патриотам. Так, например, 22 августа 2008 г. городской Совет Полтавы принял решение установить на Соборной площади города памятник гетьману Мазепе, являющемуся для многих украинцев и россиян предателем, приурочив его к 300-летию юбилею Полтавской битвы. Инициатором данной акции стал Оргкомитет по отмечанию юбилея Полтавской битвы, с которым «российские дипломатические структуры поддерживали и продолжают поддерживать, – пишет заместитель председателя Русской общины Полтавской области Н. Яременко, – тесные связи, подписывают с ними меморандумы о сотрудничестве, при этом абсолютно игнорируя русские организации Полтавы, общественный комитет “Полтава-300”, наши предупреждения и мнения» (34). Возмущение вызвало и то, что на встречу тогдашнего посла РФ В.С. Черномырдина с руководством Полтавской области, посвященную вопросам финансирования со стороны России 300-летия Полтавской битвы и 200-летия Н.В. Гоголя, не были приглашены представители организаций российских соотечественников. «И когда российская сторона игнорирует русские организации или “стыдится” встречаться с ними, это наносит ущерб престижу России», – справедливо отмечает Н. Яременко (там же).

Осенью 2008 г. на Украине нагнеталась обстановка в связи с очередным политическим кризисом и возможными досрочными парламентскими выборами. Без попыток использования негативного образа России и здесь не обошлось. Так, в заявлении пропрезидентской партии «Наша Украина» несколько раз упоминались в негативном плане термины «Кремль» и «Москва». Причем это было представлено как предупреждение, что «именно Россия может выступить в роли мобилизирующего избирателей “внешнего врага” для украинских пропрезидентских партий» (68). В разжигании антироссийских настроений играют средства массовой информации. Материалы часто острого, а иногда и провокационного характера регулярно размещаются на отдельных сайтах Интернета, транслируются на каналах телевидения и радио, публикуются в периодической печати. И в России имеются политические силы, заинтересованные в нагнетании напряжения на Украине. Примером этого является недавнее выступление на телеканале «Украи-

на» лидера ЛДПР В. Жириновского, который заявил о том, что «если украинские власти начнут физическое уничтожение русского населения или репрессии против него, Россия имеет право осуществить вооруженное вторжение на территорию соседнего государства» (12). В комментарии российской прессы справедливо указано, что «заявление лидера ЛДПР выглядит провокационно, в нем явно прослеживается попытка расколоть украинское общество» (там же). Очевидно, прав заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа С. Маркедонов, указывая, что определенные политические силы на Украине приглашают выступать В. Жириновского «на телевидение, потому что им нужна истерика как жанр, чтобы говорить: вот, смотрите, это Россия» (там же).

В значительной мере имеют провокационный характер и некоторые вопросы, задаваемые отдельным политическим деятелям Украины. Так, например, депутату Верховной рады Крыма и руководителю фракции «Курултай-Рух» Р. Ильясову был задан вопрос: «...Предположим, что Крым станет отделяться от Украины и попытается реинтегрироваться в Россию, на чьей стороне будет крымско-татарский народ?» (27, с. 5). На что крымский депутат ответил: «Имперский настрой России, особенно после недавних событий на Кавказе, пугает малые народы» (там же).

Тем не менее трудно не согласиться с известным политологом, деканом Высшей школы телевидения МГУ В. Третьяковым, который подчеркнул, что, проявляя лояльность к украинским властям за годы президентства Л. Кравчука, Л. Кучмы и В. Ющенко, «Россия получила от Украины: постоянную и целенаправленную дерусификацию и фактическое попрание прав русских на Украине; постоянно ведущиеся как внутри самой Украины, так и на международной арене антироссийскую и антирусскую пропаганду и политику; планомерно реализуемый проект превращения Черного моря во внутреннее озеро НАТО и США с максимальным вытеснением отсюда России» (60).

Таким образом, государственные деятели и политики вносили существенный вклад в формирование образа России в Украине, широко используя при этом трибуны международных организаций, национальные средства массовой информации. Опираясь часто на известные исторические факты и события, они интерпретировали их в соответствии с общественной обстановкой и политической конъюнктурой. К сожалению, немалая часть высших государственных деятелей Украины предпринимала в последние

годы огромные усилия для обоснования необходимости вступления Украины в НАТО, активно используя при этом в первую очередь искусственно созданный ими фактор внешней угрозы со стороны России.

Взгляды и концепции современных исследователей и экспертов

Современные украинские и российские исследователи неоднозначно относятся к сложившейся ситуации на Украине и в зависимости от их политических пристрастий вносят свой вклад в создание положительного или негативного образа России. Проблемам формирования образа России в Украине посвящены работы Н. Амельченко (1), Д.Н. Замятина (18, 19), А.И. Миллера (37), В. Мироненко (39, 40), А. Портнова (54, 55), Ю.И. Суровцева (57), С. Ширина (66) и др. Они нашли также отражение в многочисленных исследованиях общего характера, среди которых особое место занимают работы, подготовленные известными украинскими и российскими учеными.

Заместитель директора Института истории Украины Национальной академии наук, доктор исторических наук С.В. Кульчицкий считает, что именно Россия оказала определяющее влияние на то, что в мае 2002 г. приоритетом во внешней политике Украины стала Европа. Он это связывает с подписанием в Москве президентами США и РФ Договора о взаимном сокращении наступательных ядерных вооружений и Декларации о новых стратегических отношениях, а также с тем, что на встрече министров иностранных дел НАТО и России в Рейкьявике (Исландия) было заявлено о создании совета 20 (19 стран – членов НАТО и Россия). Не являясь членом НАТО, «Россия де-факто стала, – по его мнению, – одним из влиятельнейших членов системы коллективной безопасности, которую сформировал Североатлантический альянс» (28, с. 129). На самом деле С.В. Кульчицкий сильно лукавит, подчеркивая, что такая политика России способствовала тому, что 23 мая 2002 г. состоялось «историческое заседание Совета национальной безопасности и обороны с участием Президента Украины», на котором было принято решение о начале процесса, «конечной целью которого является присоединение к НАТО» (там же). Подобные тенденции во внешней политике Украины под давлением националистических сил начали формироваться еще в 90-е годы прошлого столетия.

Утверждая, что украинское общественное мнение ориентировано в основном на интеграцию в Европу, С.В. Кульчицкий полагает, что «пример европейских социальных держав, которые в советское время назывались капиталистическими, в равной степени привлекателен для граждан Украины и России» (29, с. 269). Однако он предупреждает, что политические силы современной России стремятся возродить сверхдержаву. Поэтому они не нуждаются ни в НАТО, ни в ЕС. «И в имперское, и в советское время Россия осуществляла вестернизацию только для того, чтобы оставаться мировой империей», – подчеркивает автор. В постсоветский период Россия преследует, считает он, ту же цель (там же, с. 270).

С.В. Кульчицкий отмечает, что интеграционное давление России на Украину после возникновения идеи ЕЭП «стало просто неудержимым». Учитывая, что главной целью Единого экономического пространства является установление экономического союза России, Украины, Беларуси и Казахстана с использованием единой валюты, условия такого союза автоматически уничтожают «евроатлантическую перспективу для Украины» (там же). Такие не всегда аргументированные утверждения С.В. Кульчицкого способствуют не только приданию внешнеполитическому курсу РФ экспансионистского характера, обвинению соседнего государства в сохранении «имперских устремлений», но и формированию враждебного образа России на Украине.

Доктор философских наук Б.О. Парахонский (Национальный институт проблем международной безопасности, г. Киев) пытается учитывать в своих рассуждениях и последствия не всегда продуманной политики нынешних украинских властей. Он полагает, что «Украина еще не имеет реальных и надежных партнеров», так как стратегическое партнерство предусматривает «высокую степень взаимозаинтересованности как в геоэкономическом, так и в геостратегическом ракурсах» (48, с. 138). Поэтому для Украины «возможны такие линии поведения государства, как политика интеграции в европейские структуры, усиление стратегического сотрудничества с США, развитие равноправного партнерства с РФ». Однако, понимая, что совместить несовместимое невозможно, он предупреждает об опасности бесконтрольной интеграции Украины в Европу. В таком случае, по его мнению, «можно ожидать неприятной для развития украинской нации экономической и психологической экспансии со стороны Запада», что может привести к угрозе «превращения Украины в сырьевой придаток Европы». Из чего следует, что процесс «вхождения Украины в Европу

и мировую цивилизацию должен быть контролируемым и опираться на обоснованную и последовательную концепцию» (48, с. 139).

Рассматривая вопросы развития отношений с Россией, Б.О. Парахонский вынужден признать, что «Украина, не имея четкой стратегии поведения в отношениях с РФ, много теряет вследствие того, что является непредсказуемой страной, которая действует без учета своих стратегических приоритетов и на которую в связи с этим можно оказывать внешнее давление несмотря на ее интересы» (там же, с. 141). Кроме того, он подвергает критике руководство страны, которое вместо заботы об экономической привлекательности Украины «ставит державу в позицию просителя или дешевого газа и нефти, или иностранных инвестиций и других форм помощи». Большой ущерб международному авторитету Украины наносит, по его мнению, и «ложь в международных отношениях, поскольку это является признаком слабости и неуверенности в своих силах» (там же). Исходя из этого «Украине в дальнейшем трудно рассчитывать лишь на “дружеские контакты” с РФ, а явное ослабление давления со стороны России будет происходить лишь при условии достаточно искренних действий со стороны Украины в области геополитики, в частности: в военно-политической сфере и в экономических отношениях» (там же).

Касаясь проблемы возможной интеграции новых независимых государств на постсоветском пространстве, Б.О. Парахонский отмечает, что интеграция Украины с бывшими союзными республиками СССР может стать для нее «третьим Переяславом». Этот термин он относит к разным моделям включения Украины в российское геополитическое пространство. «Первым Переяславом» Б.О. Парахонский называет присоединение Украины к России в 1654 г., «вторым Переяславом» – вхождение украинского государства в состав СССР в 1922 г., «третьим Переяславом» – «новую модель включения Украины в состав евразийского образования под неоспоримым доминированием Москвы» (там же, с. 144).

Указывая, что Украина может связывать свое будущее только с Европейским сообществом, Б.О. Парахонский тем не менее вынужден признать, что ее «пока что не воспринимают как часть европейского мира» и так будет до тех пор, пока она «не будет включена европейцами в систему стратегического прогнозирования собственного будущего» (49, с. 254).

Отмечая укрепление отношений России с западноевропейскими государствами и странами СНГ, автор подчеркивает, что

«Украина должна уберечь себя от потенциального возрастания “российского влияния”, а также от конъюнктурных изменений в системе отношений США – НАТО – Россия». Учитывая это, он рекомендует ускорить «продвижение Украины в европейском направлении», используя путь «через НАТО в ЕС», который поможет ей «быстро подготовиться и к вступлению в Евросоюз». Так как расширение НАТО, в отличие от расширения ЕС, является, по словам автора, процессом политическим, шансы Украины «уже в ближайшие годы присоединиться к Альянсу являются достаточно реальными» (49, с. 255).

Заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Украины НАН Украины Г.В. Касьянов указывает, что после «оранжевой революции» во внешней политике страны обозначились две тенденции: 1) «стремительное “похолодание” в отношениях с Россией»; 2) «новая волна интеграционного давления на Европейский союз со стороны властной элиты Украины» (24, с. 386). Реализация этих тенденций в международной политике Украины завершилась, по мнению автора, неудачно: «Сближение с Западом было чисто символическим, в то же время ухудшение отношений с Россией – абсолютно реальным» (там же, с. 394). Для автора Запад выступает для нынешнего руководства Украины в образе «Доброго», а Россия – «Злого» (там же).

Российский политолог Ю.И. Суровцев еще в 2000 г. справедливо заметил, что образ России на Украине в начале XXI в. «будет зависеть, по крайней мере, от того, насколько гармоничный баланс связей с Западом и Россией найдет внешняя политика Украины; от того, насколько успешно будут разрешаться внутриэкономические и внутривнутриполитические проблемы, острота которых ныне дестабилизирует ситуацию; от того, конечно, какую политику выработает и будет проводить “путинская” Россия, не поступаясь своими интересами, но понимая и уважая интересы Украины» (57, с. 166).

Касаясь проблемы европейской культурной традиции, в соответствии с которой Европа является особым цивилизованным обществом «для восточноевропейских интеллектуалов», украинский исследователь А. Гриценко считает, что «для них антитезой Европы стал не отечественный консервативный элитизм или “старомодный” национализм, а то, что, по их мнению, разделило их с Европой, к которой они испокон века принадлежали, то есть полуазиатская, варварская, большевистская и постбольшевистская Россия» (13, с. 78). Таким образом, А. Гриценко обобщает не только

отдельные историко-географические аспекты негативного образа России, но и обвиняет ее в том, что она препятствует Украине осуществить свой европейский выбор.

Отмечая, что Россия по-прежнему продолжает «существовать как империя», О. Пахлёвска подчеркивает, что «первым соседом России, который ощущает на себе тяжесть этих гангренозных имперских амбиций, является Украина» (50, с. 89). Автор предлагает «оторвать “украинскую идею” от “российской”, прекратить эту патологическую зависимость первой от второй» с тем, чтобы «украинская идея» в общественном сознании населения была сформирована «как своеобразный, но комплекующий сегмент “идеи европейской”, а не исключительно антипод “российской идеи”» (там же).

Анализируя последствия «оранжевой революции» для Украины, доктор политических наук, киевский корреспондент газеты «Российские вести» С.С. Жильцов касается и проблем ее взаимоотношений с Россией, а также влияния на них и на украинское общественное мнение внешних факторов. «Кампания Запада против России и лично Владимира Путина началась не сегодня и закончится, – пишет он, – не завтра» (17, с. 237). Особую роль в этом играют США, стратегия которых состоит в том, чтобы «превратить Украину в буфер между Россией и Европой», а также изменить систему трубопроводов, отгородив «Россию от наиболее перспективных нефтегазовых ресурсов» (там же, с. 239). Основываясь на известном высказывании З. Бжезинского («Россия без Украины – просто страна, с Украиной – империя»), автор считает, что главной задачей для США является «не допустить соединения усилий России и Украины», а для значительной части американской политической элиты желательно «было бы использовать Украину против России» (там же, с. 242–243).

Касаясь антироссийских высказываний некоторых политических деятелей Украины, автор полагает, что они не столько отражают «их прозападный настрой», сколько свидетельствуют о том, что «Россия по-прежнему слабо использует механизмы отстаивания собственных внешнеполитических интересов» (там же, с. 244). В то же время он отмечает существенные изменения, произошедшие в антироссийской риторике в областях Западной Украины. Они заключаются в том, что вместо надписей на заборах («убей москаля», «хороший москаль – мертвый москаль» и др.) аналогичные «призывы переместились на более высокий уровень – в прессу» (там же, с. 245). Ярким примером этому является книга

академика Высшей школы Украины В. Лызанчука «Всегда помни: ты – украинец!» (32). Следует обратить внимание на названия разделов данной книги: «Стоголосозвени, родной язык!»; «Меньше украинского языка – меньше Украины»; «Нам всем пора для Украины жить!»; «Опомнитесь, матери российских солдат!»; «Работаем не для чужестранца...»; «Вырываемся из духовного рабства московской мысли!» и т.п. Они носят крайне националистический и русофобский характер. Автор считает, что многие «украинцы стали жертвой деформированного общественного развития, направленного сталинской командно-административной ордой на полное нивелирование самобытности народов» (32, с. 28). И в настоящее время они «еще находятся, – пишет он, – под влиянием красно-коричневых лихоев, промосковских интеграторов, зажавшихся бездарей-чиновников, которые, прикрываясь красно-речивыми пропагандистскими мифологемами о социальной защите трудящихся, интернациональном единстве, вечной дружбе и исторической общности восточнославянских народов, защите прав человека, целенаправленно тормозят развитие национального просвещения, культуры, экономики, расширение функционирования украинского языка, т.е. построение Украинской державы» (там же, с. 238–239).

Следует отметить, что среди работ, посвященных анализу языковой политики, встречаются исследования в значительной мере лишенные идеологической и политической составляющих. К таким необходимо отнести сборник статей «Языковая политика и языковая ситуация в Украине: Анализ и рекомендации» (41), подготовленный в рамках программы INTAS учеными Украины, Австрии и Великобритании. В нем на основе анализа нормативно-правовых актов Украины и международных организаций, опросов и других материалов рассматриваются основные аспекты современной языковой политики, выявляются проблемы и даются рекомендации по ее совершенствованию. Особого внимания заслуживает следующая рекомендация: «Каждый регион, где доля лиц с русским (или другим негосударственным) языком как родным составляет не ниже 50%, самостоятельно устанавливает процент программ на русском (или ином негосударственном) языке на региональном теле- и радиовещании» (там же, с. 337). При этом должно быть четко установлено, что «квота не может превышать процент этого языка как родного, зафиксированный в последней переписи населения» (там же). Кроме того, рекомендуется практиковать в учебных заведениях Украины «отдельное и сопоставимое

преподавание украинского и русского языков, которое должно основываться на соответствующих методиках» (41). Если бы нынешнее украинское руководство придерживалось данных рекомендаций авторитетных ученых, ему бы удалось избежать многотысячных демонстраций в отдельных регионах и в значительной мере решить проблему статуса русского языка и положения русскоязычного населения. Такая политика несомненно способствовала бы существенному улучшению украинско-российских отношений.

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института европейских исследований НАН Украины А. Портнов отмечает, что образованное «вследствие дезинтеграционных процессов конца 1980-х – начала 1990-х годов государство Украина, де-юре и де-факто наследница СССР, сразу же столкнулась с проблемой исторической легитимности». Это привнесло еще большую остроту в обсуждение проблемы политического будущего страны в связи с тем, что «государство не прошло через смену элит» (54, с. 95). Автор считает, что «неопределенность» в обращении политической элиты Украины с большинством «базовых исторических вопросов» определила «принципиальное отличие украинской трансформации от трансформации западных соседей Украины, ныне членов Евросоюза: Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, Румынии». К таким вопросам он относит реабилитацию ОУН-УПА, объявление искусственного голода 1932–1933 гг. геноцидом, осуждение коммунистической идеологии и политики СССР. «Отсутствие правовой экспертизы и юридического вердикта по поводу прошлого отражают, – подчеркивает он, – описанную выше более или менее осознанную властями линию на сохранение неопределенности как способа избежания общественного конфликта» (там же, с. 137).

Учитывая угрозу возможного распада своей страны, профессор Одесского университета им. И. Мечникова В. Дергачев полагает, что Россия и Украина должны добиться взаимопонимания. Тем не менее он не верит в их воссоединение на федеративной основе в первую очередь «из-за раздвоенности украинского самосознания». Украина, сыгравшая роль «пятой колонны» Запада, стала, пишет он, родиной «мыльных» проектов «дезинтеграции геоэкономического пространства Восточной Европы (ГУАМ, энергетические и другие коридоры)» (15, с. 110). Среди других причин, которые могут препятствовать вступлению Украины в Евросоюз, В. Дергачев выделяет следующие территориальные проблемы с

соседними государствами: «украинско-румынская (острова Змеиный и черноморского шельфа), украинско-российская (Азовского моря и Керченского пролива), украинско-молдавская (Днестровская ГЭС и др.)» (15, с. 109). Кроме того, новое поколение российской политической элиты, «лишенное чувства ностальгии к славянской дружбе», рассматривает, считает он, «Украину как страну, которая подворовывает российские материальные и интеллектуальные ресурсы и одновременно осуществляет недружественную политику в отношении русского языка и культуры» (там же).

Касаясь появившихся в российских и западных средствах массовой информации публикаций о том, что ЕС и НАТО нужна лишь «украинская Украина», а России – «русская Украина», В. Дергачев называет это заблуждением, так как парламентские выборы 2006 г. разделили страну на три части. К ним он относит: Украину «истинных украинцев» (Галичину), занимающую площадь в 50 тыс. км² с населением 4,7 млн. человек; «украинскую Украину» – 280 тыс. км² и 18 млн. жителей; «русскую Украину» – свыше 260 тыс. км² и 23 млн. жителей (там же, с. 111). В то же время В. Дергачев предостерегает государственных деятелей и политиков от соблазна «впасть в самодовольство, повторяя, что “дуже гарна” Украина – пуп земли, здесь расположен географический центр Европы и “последний оплот честной демократии” на постсоветском пространстве» (там же, с. 113). Он справедливо считает, что «Украина, несомненно, обладает высоким потенциалом созидательной энергии народа, и искусство политиков заключается в том, чтобы от самолюбования перейти к созданию цивилизованной формы гражданского общества» (там же).

Профессор Национального университета «Киево-Могилянская академия», президент Киевского международного института социологии В. Хмелько рассматривает проблемы отношения граждан Украины к ее вступлению в Евросоюз и НАТО. Социологические опросы, проведенные накануне парламентских выборов 2006 г. в Центрально-Западной и Юго-Восточной частях Украины, показали, отмечает он, что в этих «двух частях Украины (в каждой из которых, кстати, проживает примерно половина населения: 52% – в Центрально-Западной, 48% – в Юго-Восточной), соотношения сторонников и противников вступления в Евросоюз оказались противоположными – в Центрально-Западной части заметно больше сторонников, чем противников (44% против 23), а в Юго-Восточной – противников больше, чем сторонников (56% против 22%)» (65, с. 77). Что касается вопроса о вступлении Украины в

НАТО, то баланс сторонников и противников в сравнении с отношением к Евросоюзу существенно отличается, пишет В. Хмелько. Так, например, «если в Центрально-Западной части сторонников вступления в НАТО меньше, чем противников, всего на 16% (23% против 39), то в Юго-Восточной – на 70% (7 против 77%)» (там же, с. 83). В целом же среди населения Украины противников вступления страны и в ЕС, и НАТО, больше чем сторонников. Однако они представлены, как отмечает В. Хмелько, «в существенно разных пропорциях: в Евросоюз – в соотношении 39% против 33, а в НАТО – 57 против 16%» (там же, с. 86). Кроме того, социологические опросы показали, что «именно для жителей Юго-Восточной Украины, русскоязычных и этнических русских присоединение Украины к союзу России и Беларуси представляется гораздо более приемлемой альтернативой, чем евроатлантическая интеграция нашей страны» (там же, с. 87).

Важное значение имеет и работа профессора Н. Амельченко, коллеги В. Хмелько по Национальному университету «Киево-Могилянская академия». В ней, в частности, отмечается, что в период «президентских (2004) и парламентских (2006) выборов для политической мобилизации масс широко использовался образ России как дружественной страны, цивилизационно и культурно родственной Украине, экономическое сотрудничество с которой является гарантом экономической и политической независимости Украины (Партия регионов, коммунисты), как оплота славянского единства и братства, защитницы славянской цивилизации и культуры от агрессивных намерений НАТО и США (прогрессивные социалисты), союзника в борьбе с мировым империализмом, который стремится превратить Украину в колонию США и Европы (коммунисты и прогрессивные социалисты)» (1, с. 207). Хотя в экономике и властных структурах Украины представители Востока и Юга страны занимают, пишет автор, значительные позиции, «позитивный образ России так и не стал господствующим в информационном пространстве» (там же). И главную причину Н. Амельченко видит в том, что в то время пока прагматичные политики занимаются решением хозяйственных вопросов, «массмедиа и учебники продолжают воспроизводить примордиалистский образ нации и национальной истории, в которой Россия воображается как главный враг украинской независимости» (там же, с. 208).

Среди многочисленных работ, посвященных рассматриваемой теме, особое место занимает статья украинских ученых О. Балакиревой, Р. Левина и Д. Дмитрука, являющихся сотрудни-

ками Института экономики и прогнозирования НАН Украины. Она посвящена изучению общественного мнения по вопросу интеграции Украины в Единое экономическое пространство (ЕЭП) с участием Белоруссии, Казахстана и России. Исследуя нормативно-правовую базу, они пришли к выводу, что «на законодательном уровне определена важная стратегическая составляющая интеграции Украины в мировую экономику – интеграция в ЕЭП при одновременном соблюдении условий, позволяющих ей интегрироваться в ЕС» (2, с. 109). Рассматривая мнения экспертов, они считают, что «в определенных пределах и именно на нынешнем этапе социально-экономической трансформации оптимальную перспективу развития страны задает стратегия объединения обоих интеграционных направлений (ЕЭП и ЕС) при условии соблюдения выгодного для Украины баланса интересов; указанные векторы экономической интеграции – не взаимоисключающие» (там же, с. 111). Однако авторы понимают, что интеграция Украины в ЕЭП ограничивается такими внешнеполитическими факторами, как необходимость достижения «консенсуса интересов России и Украины», а также проведения «политики выстраивания международных отношений по линиям Украина – США, Украина – ЕС, Россия – США и Россия – ЕС» (там же). В связи с этим и возник вопрос о возможном присоединении Украины к «восточнославянскому блоку России и Белоруссии». Социологический опрос, проведенный Институтом социологии НАН Украины в 2005 г. показал, отмечают авторы, что «54% населения Украины одобрили идею присоединения к союзу России и Белоруссии», в то же время 47% поддержали «идею вступления Украины в ЕС» (2, с. 112).

Такие результаты опроса приводят, считают авторы, «к предположению, что в коллективном сознании формируется восприятие этих интеграционных векторов как альтернативных» (там же, с. 113). Если же сравнивать результаты данного опроса с опросом, проведенным в феврале 2004 г., то наблюдается значительное увеличение сторонников ЕЭП (с 26% до 46) и некоторое снижение числа сторонников ЕС (с 27 до 23%). «Подобное изменение можно расценивать, – пишут авторы, – как аргумент в пользу того, что активизация усилий государства по реализации стратегии “ЕЭП на условиях ЗСТ и ВТО” в данное время будет положительно воспринята значительной частью украинского общества» (там же, с. 117).

Однако уже после парламентских выборов, состоявшихся 26 марта 2006 г., вопрос о вступлении Украины в ЕС поддержали

67% респондентов в западной части страны, 57 – в ее центральной части, 39 – в восточных областях и только 29% – на юге страны. А приоритетными направлениями украинской внешней политики считают сотрудничество с Россией (46%), с государствами ЕС (30), со странами СНГ (9%). При этом большинство (61%) высказалось против вступления Украины в НАТО (2, с. 122). Тем не менее из результатов опросов экспертов следует, что «идея экономического сотрудничества на постсоветском пространстве воспринимается как часть российской геополитики, больше декларативной, чем воплощенной в реальные интеграционные процессы, страдающей отсутствием взвешенного анализа и понятного баланса взаимных выгод, недостаточной прозрачностью, организационной слабостью, чрезмерной политизацией вопреки декларированным экономическим целям» (там же, с. 120). Более того, некоторые эксперты считают, что «ЕЭП – это тактическое прикрытие стратегии продвижения имперских интересов России» (там же, с. 121).

Определенный интерес для понимания данной проблемы представляют и высказывания политологов и политиков, принявших участие в Международном экспертно-политическом форуме «Форос-2008». Так, первый вице-спикер Крымского парламента С. Цеков отметил, что основной причиной ухудшения российско-украинских отношений является «антироссийская и даже русофобская политика органов госвласти Украины» (26, с. 7). Он считает, что на протяжении 17 лет независимости «Россия руководствовалась принципом пряника» и теперь она «должна очень жестко выступать со своих позиций», что лишь «при таком подходе появится почва для дружбы» (там же).

Председатель Луганского областного совета В. Голенко подчеркивает, что в настоящее время «на Украине вся гуманитарная политика направлена на создание образа врага в лице России» (там же). Обосновывая свое утверждение, он приводит примеры препятствий, создаваемых центральными властями при попытке местных органов власти ввести в некоторых областях Украины русский язык как региональный, а также настойчивое навязывание трактовки голода 1932–1933 гг. как геноцида украинского народа.

Касаюсь политики украинского руководства в отношении русскоязычного населения главный редактор газеты «Крымская правда» К. Бахарев указывает, что этнические русские составляют сейчас 60% населения Крыма и «власти пытаются русское населе-

ние маргинализировать и люмпенизировать, чтобы исключить из политического процесса» (26, с. 7).

В связи с этим зарубежные исследователи С. Уайт (Университет Глазго) и И. Макалистер (Национальный университет Австралии), опираясь на социологические опросы, указывают: «Согласно нашему опросу в 2006 г., около 80% населения определили себя как украинцев, но 17%, что немало, – как русских» (63, с. 15). По вопросу отношения к русскому языку население Украины «разделилось, – отмечают они, – практически пополам: 51% опрошенных ответили, что считают своим родным языком украинский, 46% назвали таким языком русский» (там же).

Еще более остро обозначены данные проблемы в книге «Бандеризация Украины – главная угроза для России» (3), в которой подчеркивается, что в решении своих геополитических задач на Украине «США используют галицийских националистов как наиболее активную, легкоуправляемую и враждебную России политическую силу» (3, с. 5). В том числе для распространения на всю Украину, сложившегося уже в западной ее части, образа России как врага. В книге также указывается, что попытки «бандеризации» Украины во внутренней политике «в основном направлены: на тотальную фальсификацию исторических событий; на реабилитацию эсэсовско-бандеровских формирований; на превращение большинства населения в националистов с эсэсовско-бандеровским способом мышления и поведения; на ликвидацию в ближайшие годы церковью Московского патриархата, в последующем ликвидацию православия вообще и полное окатоличивание всего народа; на искоренение русского языка и культуры» (там же).

Особое место среди работ украинских исследователей занимают учебники по истории Украины, в которых авторы пытаются по-новому интерпретировать события и факты совместной с Россией истории с явной целевой установкой существенно снизить влияние российского фактора на общественное мнение украинского населения. Так, например, в учебнике Б.Д. Лановыка и М.В. Лазаровыча подчеркивается, что «Украина, несмотря на свой, по существу колониальный, статус в составе СССР, в значительной мере была причастна к международной политике». Получив независимость, «Украинская держава начала, – считают они, – качественно новый этап во внешнеполитической деятельности, главным смыслом которого было превращение ее из объекта геополитики в равноправный субъект международного сотрудничества»

(31, с. 528). И к первым шагам Украины во внешнеполитической сфере они относят стремление «выйти из-под навязчивого влияния России, которая никак не могла преодолеть имперский комплекс “старшего брата”» (там же, с. 529).

Отмечая эффективное развитие отношений с НАТО, авторы полагают, что «негативным фактором на пути укрепления связей Украины с Западом является отсутствие четкой определенности ее международной политики». К ней они относят, в частности, так называемую многовекторность, «которая сводится к балансированию между пожеланиями войти в круг западных стран и традиционной лояльностью к России, а также провозглашение украинским руководством заявлений, которые взаимоисключают друг друга» (там же, с. 532). Касаясь проблемы геополитического выбора, авторы указывают, что, находясь «в Европе географически и исторически, Украина обязана стать европейской страной де-факто» (там же, с. 536).

О.Д. Бойко, рассматривая характерные особенности украинской ментальности в своем учебном пособии, подчеркивает, что «продолжительное пребывание украинского народа в жестких рамках тоталитарного общества оставило свой след в национальном генетическом коде» и приводит основные черты «советской» ментальности (6, с. 643). Придавая особое значение отношениям Украины с Россией, он считает, что только «обеспечение сотрудничества с западными странами, не менее масштабного, чем с Россией, дает возможность утвердить независимость украинской державы» (там же, с. 646).

Указывая на противоречивый характер интеграционного процесса в рамках СНГ, О.Д. Бойко оправдывает степень участия в нем Украины, так как «в интеграционном потоке все выразительнее прослеживается доминирующая роль России, ее желание превратить СНГ в надгосударственную структуру с мощными координирующими и исполнительными функциями...» (там же, с. 672).

Поддерживая образ России как государства, унаследовавшего от СССР «имперские традиции», П.П. Музыченко подчеркивает, что «самым большим вопросом международной политики для Украины стали отношения с Россией, которая не отказалась от имперских взглядов по отношению к другим государствам». Он отмечает, в частности, игнорируя при этом многие нарушения договоренностей между двумя странами со стороны Украины, что «украинское руководство, не обращая внимания на провокационные шаги ряда политических сил России, проводило в отношениях

с этим государством взвешенную политику, стараясь решать спорные вопросы путем переговоров» (43, с. 522).

На базе подобных учебников молодежь получает соответствующие знания, не задумываясь об их достоверности и политизированности, а затем, в обозримом будущем, будет принимать участие в решении вопроса о геополитическом выборе Украины.

Важное значение имеют статьи, посвященные анализу украинских учебников по истории, в которых фальсифицируются исторические факты и события в угоду политическому курсу руководства Украины. К таким следует отнести работы украинских ученых Л. Моисеенковой, П. Марциновского, А. Портнова и др. «Образ России в современных украинских учебниках истории, по существу, никак не связан, – пишут Л. Моисеенкова и П. Марциновский, – с определенной формой российской государственности» (42). Обычно в них говорится о России как «о безжалостной и холодной, чиновничье-бесстрастной державе, несправедливо возникшей на северо-восточных окраинах святой Украины-Руси, определенной, чаще всего, одним словом – “Москва”» (там же). В целом «Россия и все, что с ней связано, выглядит, – по их мнению, – в украинских школьных учебниках источником исторической трагедии украинского народа, средоточием зла и азиатского коварства» (там же).

А. Портнов более лояльно относится к таким фальсификациям, пытаясь понять их и объяснить причины. Он, в частности, считает, что в украинских школьных учебниках образ России представлен «как результат симбиоза телеологической схемы развития украинской государственности и политической корректности в отношении “стратегического” соседа, на который, в свою очередь, накладывается соединение национального нарратива и отдельных очень сильных черт советской традиции» (55). В то же время автор высказывает сожаление о том, что структуры, занимающиеся подготовкой учебников, «игнорируют одну чрезвычайно существенную вещь – опосредованное влияние текста на сам способ мышления человека и его мировоззрение», что такая «модель остается монологичной, неэластичной в отношении разнообразия мнений и самостоятельного поиска собственного взгляда, а также отягощенной множеством комплексов» (там же).

В целом историки, политологи, философы и юристы уделяют значительное внимание в своих работах проблемам политического выбора Украины, развития российско-украинских отношений и формирования в связи с этим образа России в Украине.

Следует особо отметить, что попытка выработать национальную идею, завершить процесс национальной самоидентификации, а также политика нынешнего украинского руководства оказывают на их исследования существенное влияние. Тем не менее кроме работ консервативно-националистического направления имеется значительное число исследований, авторы которых на основе глубокого анализа историко-географических, социально-экономических и политических факторов приходят к выводу о необходимости сохранения в Украине положительного образа России, сложившегося в течение многих веков совместной истории, и подвергают критике антироссийскую политику нынешних украинских властей.

* * *

«Оранжевое» руководство Украины не без определяющего влияния ведущих западных государств и в первую очередь США, через неправительственные организации проводило широкомасштабную пропагандистскую кампанию по разъяснению среди населения преимуществ вступления страны в НАТО, в рамках которой применяют всевозможные методы и средства для формирования негативного образа России. Против России была фактически развернута хорошо продуманная информационная война. Это ставит Россию перед необходимостью вести последовательную разъяснительную работу, в том числе и в отношении тех мер, которые будут приняты Россией в случае вступления Украины в НАТО. Спокойное и аргументированное разъяснение позиции России без воинственной риторики с анализом корней антироссийских настроений части политиков Украины, важно прежде всего для тех представителей политической элиты и граждан страны, которые еще не определились со своим выбором и должны яснее осознать, что вступление Украины в НАТО повлечет за собой пересмотр ранее выработанной формулы сотрудничества России и Украины в экономической и военно-политической сферах, а также негативно отразится на состоянии экономики, на качестве и уровне жизни населения, на развитии отношений народов двух стран. Некоторые эксперты в России и в Украине предлагали не продлевать российско-украинский договор 1997 г. Такой шаг мог быть использован против России в качестве дополнительного основания для вступления Украины в НАТО и вывода из Севастополя российского Черноморского флота. Однако новое руководство Украины, от-

вергнув доводи пронатовських українських націоналістів, поспричинило доводам розуму і підписало з Росією угоду про продовження оренди пунктів базирования ЧФ в Криму до 2042 г. 27 квітня 2010 г. Верховна Рада України і Державна дума Російської Федерації ратифікували цю угоду.

Список литературы

1. Амельченко Н. Образ России в современном интеллектуальном и политическом дискурсе Украины // Политекс: Политическая экспертиза. – СПб., 2007. – Т. 3. – № 3. – С. 197–209.
2. Балакирева О., Дмитрук Д., Левин Р. Проблемы интеграции в единое экономическое пространство: Общественное мнение на Украине // Мир перемен. – М., 2007. – № 1. – С. 108–125.
3. Бандеризация Украины – главная угроза для России / Авт.-сост. Козлов Ю.К. – М.: Яуза-пресс, 2008. – 477 с.
4. Бжезінський З. Україна у геостратегічному контексті: Перекл. з англ.– Київ, 2006. – 102 с.
5. Бжезінський про Україну // Економіст. – Київ, 2007. – № 11. – С. 15.
6. Бойко О.Д. Історія України: Навчальний посібник. – Київ, 2006. – 688 с.
7. Век мови не видать: Хочеш вийти на волю – учи язык, гимн и песни // Известия. – М., 2008. – № 132. – 22 июля. – С. 5.
8. Виктор Ющенко: Вступление Украины в НАТО не несет новых угроз России // Время новостей. – М., 2008. – № 29. – 22 февраля. – С. 1, 2.
9. В. Ющенко: «Украина получила от НАТО четкую перспективу своего членства в Альянсе», Бухарест, 4 апреля 2008 г. – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/ru/news/9533.html>.
10. Виктор Янукович: «Думаю, мне удастся увильнуть от президентской участи» // Известия. – М., 2008. – № 177. – 23 сентября. – С. 1, 4.
11. Виктор Янукович: «Не нужно шевелить мускулами, надо шевелить мозгами» // Известия. – М., 2008. – № 38. – 4 марта. – С. 5.
12. Гипотеза войны: Владимир Жириновский рассказал о возможном вооруженном конфликте России с Украиной // Время новостей. – № 176. – 24 сентября. – С. 4.
13. Гриценко А. Мир, Европа и мы // Апология Украины: Сб. ст. – М., 2002. – С. 74–83.
14. Густов В. Украиний случай: Россия–Украина: К взаимодействию надо идти встречными курсами // Российская газета. – М., 2008. – № 150. – 16 июля. – С. 10.
15. Дергачев В. Последствия цунами бездумной демократии // Мир перемен. – М., 2006. – № 2. – С. 98–113.
16. Дзюба І.М. Україна перед Сфінксом майбутнього. – Київ, 2001. – 35 с.
17. Жильцов С.С. Неоконченная пьеса для оранжевой Украины: По следам событий. – М., 2005. – 264 с.

18. Замятин Д.Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России. – Режим доступа: <http://www.socio.ru/wr/2-02/Zamiatin.htm>
19. Замятин Д.Н. Украина: Географические образы. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/print1214.htm>
20. Заявление Януковича – на «экскурсию» или на акции? – Режим доступа: <http://zadonbass.org>
21. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по окончании переговоров с Президентом Украины Виктором Ющенко и второго заседания Российско-Украинской межгосударственной комиссии, 12 февраля 2008 года. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>
22. Интеграции нет и не будет? Созданию Единого экономического пространства мешают амбиции политических лидеров // Независимая газета. – М., 2008. – № 77. – 14 апреля. – С. 15.
23. Кассетный скандал: Украинские таможенники забрали у наших журналистов видеоматериалы // Известия. – М., 2008. – № 131. – 21 июля. – С. 1, 3.
24. Касьянов Г. Україна 1991–2007: Нариси новітньої історії. – Київ, 2007. – 432 с.
25. Киев берет реванш // Независимая газета. – М., 2008. – 11–12 апреля. – № 75–76. – С. 1, 8.
26. Криминальные разборки: Политклуб «Известий» горячо обсудил в Форосе российско-украинские отношения // Известия. – М., 2008. – № 132. – 22 июля. – С. 1, 7.
27. Крымские татары // Известия. – М., 2008. – № 178. – 24 сентября. – С. 1, 5.
28. Кульчицкий С.В. Українські вектори міжнародної політики: Нарис шостий // Україна і Росія в історичній ретроспективі. – Київ, 2004. – Т. 3. – С. 112–130.
29. Кульчицкий С.В. Україна між Росією і Америкою: Нарис п'ятнадцятий // Україна і Росія в історичній ретроспективі. – Київ, 2004. – Т. 3. – С. 260–271.
30. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. – М.: Время, 2004. – 559 с.
31. Лановик Б.Д., Лазарович М.В. Історія України: Навч. посіб. – 3-тє вид., випр. і доп. – Київ: Знання-Прес, 2006. – 598 с.
32. Лизанчук В. Завжди пам'ятай: Ти – Українець! (Друге доповнене видання). – Львів, 2001. – 679 с.
33. Лишь десятая часть украинцев одобряет «письмо трех» о присоединении к ПДЧ НАТО: соцопрос. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/969453.html>.
34. Мазепинцы и меценаты: Заявление Русской общины Полтавской области об установке в городе памятника предателю // Литературная газета. – М., 2008. – № 37. – 17–23 сентября. – С. 3.
35. Медведев поставил на место Ющенко. – Режим доступа. – http://km.ru/magazin/view_print.asp?id={99FE3B8F-8934-4DEA-8F76-2263EC80AE72}&data=.
36. Меркель не признала голодомор // Известия. – М., 2008. – № 133. – 23 июля. – С. 2.
37. Миллер А.И. Образ России и русских в западноукраинской прессе // Полис. – М., 1995. – № 3. – С. 124–132.

38. Мирзоев С. Украина сегодня: возможно ли второе издание «оранжевой революции»? // Оранжевые сети: От Белграда до Бишкека. – СПб., 2008. – С. 104–122.
39. Мироненко В. Образ России в российско-украинских межгосударственных отношениях. – Режим доступа: http://www.mironenko.org./index.php?option=com_content&task=view&id=93&itemid=38
40. Мироненко В. Образы России в Украине // Отечественные записки. – М., 2007. – № 2. – С. 299–311.
41. Мовна політика та мовна ситуація в Україні: Аналіз і рекомендації / За ред. Ю. Бестерс-Дільгер. – Київ, 2008. – 363 с.
42. Моисеенкова Л., Марциновский П. Россия в украинских учебниках истории: Новое видение или проявление конкуренции на идеологическом рынке? Взгляд из Крыма. – Режим доступа: <http://www.historia.ru/2004/01/ukraina.htm>
43. Музыченко П.П. История государства и права Украины: Учеб. пособие. – 5-е изд., испр. и доп. – Киев: Знання, 2006. – 570 с.
44. НАТО или Россия? // Украинская правда. – Режим доступа. – <http://www.pravda.com.ua/ru/news/2008/9/22/81292.htm>
45. Окара А.Н. Украинские дискурсы и российская парадигма: Оптимальная модель отношений России и Украины как политологическая, культурологическая и социально-философская проблема // Полития. – М., 2007. – № 3. – С. 6–31.
46. ОМОН и аминь: Константинопольский патриарх не дал добро на церковную независимость Украины // Время новостей. – М., 2008. – № 134. – 28 июля. – С. 1.
47. Павличко Д.В. Українська національна ідея: Інавїгурац. лекція почес. професора Нац. ун-ту «Києво-Могилян. акад.», 1 верес. 2002 р. – Київ, 2002. – 58 с.
48. Парахонський Б.О. Україна між Росією и Західом: Нарис сьомий // Україна і Росія в історичній ретроспективі. – Київ, 2004. – Т. 3. – С. 131–152.
49. Парахонський Б.О. Місце та роль України в сучасному геополітичному просторі: Нарис чотирнадцятий // Україна і Росія в історичній ретроспективі. – Київ, 2004. – Т. 3. – С. 247–259.
50. Пахлєвска О. Украина и Европа в 2001-м // Апология Украины: Сб. ст. – М., 2002. – С. 84–103.
51. План дій Україна – Росія до 2009 року (першочергові заходи у двосторонніх відносинах). – Режим доступа: <http://president.gov.ua>
52. Попов Э. Украинские НПО: От «оранжевой революции» к экспорту «демократии» в постсоветские страны // Оранжевые сети: От Белграда до Бишкека. – СПб., 2008. – С. 92–103.
53. Попытки выдать желаемое за действительное: Позиция НАТО провоцирует напряженность в отношениях Украины и России // Независимая газета. – М., 2008. – № 78. – 15 апреля. – С. 3.
54. Портнов А. Упражнения с историей по-украински (заметки об исторических сюжетах общественно-политических дебатов в постсоветской Украине) // Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. – Казань, 2007. – № 3. – С. 93–138.

55. Портнов А. Terra hostica. Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/research/2004/12/14/portnov.html>
56. Провал раскола // Известия. – М., 2008. – № 136. – 28 июля. – С. 2.
57. Суровцев Ю.И. «Образ России» в представлениях радикальных приверженцев украинской «национальной идеи» // Россия и современный мир. – М., 2000. – № 3. – С. 151–166.
58. Тимошенко: Украина должна проводить широкую разъяснительную работу относительно преимуществ НАТО. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/969233.html>
59. Тимошенко в отставку не уйдет // Аргументы недели. – М., 2008. – № 38. – 18 сентября. – С. 5.
60. Третьяков В. Антирусская рента украинской элиты // Известия. – М., 2008. – № 179. – 25 сентября. – С. 8.
61. Тупик интересов: Украина опасается повторения осетинских событий в Крыму // Независимая газета. – М., 2008. – № 167. – 11 августа. – С. 6.
62. У Киева есть график вывода российского флота: Украина расчищает Черное море перед вступлением в НАТО // Независимая газета. – М., 2008. – № 80. – 17 апреля. – С. 8.
63. Уайт С., Макалистер И. Россия, Украина, Белоруссия: Восток или Запад? // Вестник обществ. мнения: Данные, анализ, дискуссии. – М., 2008. – № 3. – С. 14–26.
64. Украина: политический ущерб: Обзор СМИ // Мир перемен. – М., 2007. – № 2. – С. 93–98.
65. Хмелько В. Отношение граждан Украины к ее вступлению в Евросоюз и НАТО и их оценка своей осведомленности об этих организациях // Социол.: Теория, методы, маркетинг. – Киев, 2006. – № 1. – С. 71–87.
66. Ширин С. Парадигмы исследования образа России (на примере образа России на Украине). – Режим доступа: <http://mgs.org.ru/?p=149>
67. Юлию Тимошенко обвинили в измене Украине // Известия. – М., 2008. – № 152. – 19 августа. – С. 5.
68. Ющенко выжидает, Янукович действует: Верховная рада готовится нанести решающий удар по позициям президента // Независимая газета. – М., 2008. – № 204. – 23 сентября. – С. 6.

Глава 8

РОССИЯ И РОССИЯНЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЯПОНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

1. Русская история и культура в работах японских ученых конца XX – начала XXI в.

Как формируется отношение японцев к России (традиции и современные факторы)

В Японии целостные представления о России и русских появились вместе с классической русской литературой, со знакомством японцев с произведениями великих русских писателей в 80-е годы XIX в. Влияние русской литературы на японскую культуру было огромным (13; 15; 21). Поэтому правомерно считать, что современное отношение японцев к нашей стране основывается на том фундаменте, который был заложен еще в конце XIX – начале XX в. Тогда же родились и общие модели восприятия и освещения русской истории и культуры в японской литературе, которые попеременно доминировали в ней в течение всего минувшего столетия. До этого же, из-за долговременной изоляции Японии в период Токугава (1603–1867), контакты японцев с русскими были случайными либо носили опосредованный характер, что не позволяло составить о России сколько-нибудь реальные представления.

Профессор Токийского университета Вада Харуки¹ выделяет три главных отношения японцев к России: «Россия – учитель, Россия – враг, – Россия – собрат по страданиям» (2, с. 299). Со временем эти представления менялись и никогда не были однородными.

Последний из названных японским историком типов появился в конце XIX – начале XX в. в результате знакомства японцев

¹ Здесь и далее в написании японских имен и фамилий автор следует принятому в японском языке порядку: сначала – фамилия, потом – имя.

с русской классической литературой. Тогда японская интеллигенция воспринимала «страдания и заботы русской интеллигенции как свои собственные» (2, с. 299). Японские интеллигенты «отождествляли себя с теми героями русской классической литературы, которые стремились к самоутверждению среди беспрестанно набегавших волн европеизации, к моральному единению с угнетенными людьми труда» (2, с. 299). Поэтому, замечает Вада, «можно сказать, что японское восприятие русской литературы было совершенно отлично от европейского и американского. Японцы вынесли из русской классики, книг Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, представления о России как о собрате по страданиям» (2, с. 300).

Интерес к русской культуре остается высоким в Японии и в наши дни. Японские исследователи, ассистент профессора университета Рицумэйкан (Токио) Окумура Кацудзо и профессор Осакинского муниципального университета Сакон Такэси во введении к сборнику «Культура России и Япония Нового времени» (15), отметили большое влияние России на японское общество, политику и культуру в первой половине XX в. и вместе с тем рост влияния США после Второй мировой войны, что «ураган, приведший после 1991 г. к развалу коммунистического мира, не уменьшил силы интереса японцев к русской культуре» (13, с. 1). Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в настоящее время во всей Японии каждый год свыше 500 человек поступают на университетские отделения или кафедры русского языка, а просто изучающих русский язык в 10 или 20 раз больше, чем профессиональных русистов (6, с. 12). Японцы с гордостью говорят о том, что у них есть 15 переводов на японский язык романа эпопеи Л. Толстого «Война и мир» и девять переводов романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» (6, с. 12).

У представления о России как учителя можно выделить два исторических пласта. Первый, наиболее широко известный, связан с японскими радикалами и революционерами. Сторонники движения «дзию минкэн ундо» (движения за свободу и народные права) в 70–80-е годы XIX в. заимствовали революционные идеи русских народников. У русских народников и социалистов-революционеров учились в начале XX в. и основоположники японского социализма во главе с Котоку Сюзуй (1871–1911). На них сильное влияние оказала русская революция 1905 г., Октябрь же 1917 г. и революционный пример России в течение всего XX в. служили образцом для японских революционеров и левых сил. Подчерки-

вая, что «революционная Россия всегда была учителем японских революционеров», Вада Харуки, однако, уточняет: «Это обстоятельство не имело большого значения для большинства японского населения, т.е. для среднего японца» (2, с. 200). К концу XX в., в результате ухудшения отношений Японии и СССР из-за вопроса о «северных территориях», т.е. четырех южнокурильских островах, которые большинство японцев считают своими, а также вследствие деградации и краха советской системы, престиж России как революционного учителя Японии значительно упал. По данным японской печати, в 70–80-е годы XX в. симпатии к СССР в Японии испытывали только 2–3% японцев, что было значительно меньше доли избирателей, поддерживавших на выборах левые партии.

Второй исторический пласт связан с интересом японской элиты к российскому опыту государственного реформирования при Петре I, пробудившемся в конце периода Токугава (1603–1867), когда разрабатывались проекты реформ в стране. «Следование модели Петра I, – отмечает Вада, – при одновременном поклонении Наполеону привело к уникальному явлению, названному “Мэйжзи исин”. При всех обстоятельствах несомненно, что Россия в данном случае была учителем Японии» (2, с. 306). То есть японский историк считает возможным видеть Россию в образе учителя Японии в дни буржуазной революции 1867–1868 гг., получившей название «реставрации Мэйдзи» – Мэйдзи исин.

Что касается представлений о России как о враге, то следует учитывать, что исторический опыт отношений Японии с Россией, а потом и с СССР в первой половине XX в., как и опыт массовых прямых контактов ее граждан с русскими в это же время, был омрачен неоднократным военным противоборством двух стран, что способствовало закреплению в сознании японцев образа России как «опасного соседа», «страшной страны», «потенциального врага». Этот образ постоянно ангажировался определенными политическими силами, но в то же время закрепился и в сознании японцев. Это, в частности, нашло отражение в том факте, что в обследованиях национального характера, проводившихся в Японии начиная с 1953 г. раз в пять лет, русские по своей непопулярности среди японцев занимали, как правило, второе место после корейцев.

Вада Харуки подчеркивает, что «в сравнении с представлением о России как учителе отношение к ней как к врагу... было распространено среди японцев больше и являлось более мотивированным для них». У представления о России как о враге было

два основных значения: 1) «Россия угрожает независимости и территориальной целостности Японии»; 2) «Россия препятствует экспансии Японии на Азиатском континенте» (2, с. 306). Последнее подкреплялось тем обстоятельством, что во всех случаях военного противостояния Японии и России, за исключением Второй мировой войны, боевые действия велись на русской территории или же в Корее, Маньчжурии и Монголии, на территориях, захваченных у России в качестве военной добычи. Резюмируя свое исследование о представлениях японцев о России, Вада Харуки пишет: «...было время, когда образ России-учителя оказал некоторое влияние на судьбу японской нации. Об этом стоит вспомнить с благодарностью. Представление же о России как о враге, обусловленное воспоминаниями о русско-японской войне, следует подвергнуть критике» (2, с. 311).

Ёкотэ Синдзи в то же время подчеркивает: «Не так-то просто изменить устоявшиеся взгляды. И лучший способ их изменить, несмотря на общепринятое мнение, – вовсе не в освещении положительных сторон России и русских людей. Подобными политическими мерами немногого добьешься. Самый лучший способ – это изучить и определить стереотипы, исторически сложившиеся у японцев по отношению к России» (3, с. 504–505).

Более того, в позициях японских и русских ученых много сходного, иногда осложняющего процесс научного познания друг друга, иногда благоприятствующего ему. Профессор Центра славянских исследований при Университете Хоккайдо (Саппоро, Япония) Мацузато Кимитака считает, что в менталитете, поведении и даже в сильных и слабых сторонах японских и российских ученых – гуманитариев и обществоведов много общего. Во-первых, и Япония, и Россия «находятся на периферии европейской цивилизации, поздно вступили на путь модернизации и капиталистического развития (Россия – в 1861 г., Япония – в 1868 г.), и каждая из них потерпела сокрушительное поражение в соперничестве с “мировым ядром” (Япония – в 1945 г., Россия – в 1991 г.)». Из этого он делает вывод, что интеллигенция обеих стран видит в США и Западной Европе «образец как научной парадигмы, так и гражданского поведения» (5, с. 421). Более того, в обеих странах в прошлом существовали политические препятствия для свободного развития общественных наук. В советской России это был политический режим, не заинтересованный идеологически в такого типа исследованиях, а Япония, даже став экономически мощным государством, «не считала нужным иметь собственную внешнеполити-

ческую стратегию, оставаясь лояльным союзником США» (5, с. 422).

Мацузато также выделяет другую общую черту японских и российских общественных наук – постоянное «превышение импорта», состоящее в том, что многие исследователи считают своим основным занятием введение в оборот и популяризацию передовых западных научных теорий и методологий. Поэтому «японские и русские ученые являются, в лучшем случае, только объектом (а не субъектом) глобализации. Их академическая культура не выдерживает испытания мировым стандартом. Именно здесь мы сталкиваемся с самым безрадостным сходством японцев и россиян...» (5, с. 423). «Академические сочинения японцев по форме отличаются от российских (в частности, серьезным отношением японцев к зарубежной историографии), но тем не менее они похожи по духу. Если научные труды ученых из СНГ напоминают детективы, то статьи, написанные японскими учеными, создают впечатление авторского черновика, позволяющего читателю видеть логику развития авторского мышления» (5, с. 424).

Однако эта логика иногда заимствуется в аргументации либо представителей изучаемой страны, либо ее идеологических критиков. Профессор Токийского университета Нумано Мицуёси отмечает, что «многие японские русисты, сами того не замечая, стоят на позициях Европы или США. С другой стороны, левые связывают себя с Россией, не осознавая, что оценивают Россию с точки зрения русских» (4, с. 9). Все эти черты, по мнению Мацузато, являются следствием изоляции от мирового процесса в общественных науках, в том числе и от мировой русистики, в советской России и Японии в прошлом, с трудом преодолеваемой сегодня.

Вместе с этим можно также отметить, что у японских и русских исследователей-русистов существуют трудноразрешимые проблемы, связанные с теми конфликтами, которые существовали и существуют сегодня в отношениях между Россией и Японией. Это проблема «северных территорий», т.е. четырех южных островов Курильской гряды, на которые претендует Япония как на свои собственные (эти претензии поддерживаются большинством японцев), японская интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке после Октябрьской революции, массовое интернирование военнопленных японцев после Второй мировой войны, а также «проверка» японской интеллигенции на «лояльность России», пугавшая ее в прошлом и продолжающая пугать и сегодня.

К положительным явлениям последнего времени следует отнести тот факт, что в Японии после распада СССР не произошло такого резкого снижения финансирования славянских исследований, как, например, в Северной Америке. По мнению Мацузато, довольно высокий уровень финансирования славяноведения, в том числе русистики, во времена распада социализма объясняется переходом японского правительства на том же этапе к формированию более или менее самостоятельной внешней политики и вытекающем отсюда пониманием важного значения существования в Японии самостоятельного страноведения (5, с. 427).

Перестройка в СССР, связанное с ней окончание «холодной войны» между Востоком и Западом и распад СССР побудили японских русистов, культурологов и историков обратиться к пересмотру истории и образа России ради поиска новых перспектив развития русско-японских отношений. Как пишет Вада: «Россия – сосед» (2, с. 311). Следует, конечно, учесть и то, что к этому времени в общественных науках появились новые модели и подходы к изучению истории и культуры в рамках исследования цивилизаций, культурной и исторической компаративистики и др., открывшие новые исследовательские возможности.

Россия в японских цивилизационных и сравнительных исследованиях

Хотя японские исследователи-обществоведы редко предлагают оригинальные целостные концепции цивилизационного развития человечества, не говоря уже о таких, в которых России отводилась бы особое место, японский эколог и культуролог Умэсао Тадао сделал это в своей эколого-исторической теории цивилизации (19; 22). Он исходит из идеи, что основание культуры обусловлено скорее функционально, чем генетически и материально (19, с. 70), и что развитие житейских обычаев контролируется природной средой. Умэсао использует применительно к человеческому обществу метод экологии, в частности, теории наследственности. Его теорию признают новой философией истории, сила которой заключается в том, что параллельные явления в истории могут быть объяснены без использования одномерной теории эволюции (12; 20). Если в старых исторических теориях эволюция рассматривалась как однолинейный процесс и любые варианты в развитии считались отклонениями, то, приняв эколого-истори-

ческую концепцию развития, можно признать также и многолинейное развитие.

Евразию, указывает Умэсао, с северо-востока на юго-запад пересекает «аридный пояс», образуемый районами тундры, вечной мерзлоты, болот, степей, полупустынь и пустынь. Природно-климатические условия в этом поясе отличаются суровостью, нестабильностью и крайне тяжелы для жизнедеятельности человека, что побуждало проживавшие в нем кочевые народы в прошлом совершать набеги, пересекая при этом огромные пространства. Малодоступными для кочевников были только отдаленные районы Западной Европы и Япония. Умэсао выделяет два эти района в «первую зону», почти не доступную для волн кочевников. Находящееся между ними пространство он называет «второй зоной», зоной высокой доступности для кочевников-переселенцев (19, с. 74–75). Появляясь из «аридного пояса» и нападая на древние цивилизации «второй зоны», они иногда настолько разрушали некоторые из них, что тем не удавалось восстановиться.

«Первая зона», страны которой относятся сегодня к числу государств с высоким уровнем современного технического развития, первоначально заимствовала цивилизацию из «второй зоны», но сделала ее своей, а затем поступательно развивалась, проходя через феодализм, абсолютизм, буржуазные революции к капитализму. «Вторая зона» – родина всех древних цивилизаций. В ней появились огромные деспотические империи. Слабость стран этой зоны проявилась в том, что большая часть их была колонизована странами «первой зоны». Их стремление к модернизации реализовывалось через революции. В отличие от «первой зоны», где развитие шло плавно, во «второй зоне» оно носило скачкообразный характер, здесь укоренялись деспотические режимы как для поддержания стабильности, так и для осуществления перемен.

Внутреннее развитие в каждой из двух зон идет параллельными путями. Именно поэтому Японии после «реставрации Мэйдзи» (Мэйдзи исин) (1867–1868) не пришлось вестернизироваться.

В начальный период Новой истории во «второй зоне» Евразии складываются такие великие империи, как Российская, Османская, Индийская (Империя Великих моголов) и Китайская (Маньчжурская). Все эти имперские образования основывались на смешении традиций кочевых и оседлых народов.

Революции в Западной Европе и Японии резко контрастируют с революциями начала XX в. в России и Китае, приведшим к падению империй и модернизации. Радикализм этих революций

отражал «безрассудную адаптацию и насильственное восстановление организма в ответ на острое давление и вызовы современной цивилизации» (19, с. 84; 22, с. 65).

Россия, как и другие страны «второй зоны», «не имела опыта феодальной системы, здесь не было сильной буржуазии» (19, с. 86). Из-за нищенского положения народа и в целях повышения уровня жизни здесь была совершена революция. В России и других странах «второй зоны», «правительство, возглавляемое сильными вождями, частично выполняло роль буржуазии», хотя страны этой зоны строили коммунизм и социализм (19, с. 86).

Умэсао фактически отводит России место развивающейся страны, страны «третьего мира». Из-за чрезмерного детерминизма исследовательского подхода некоторые современные критики упрекают его в близости к марксизму (20, с. 737). Хотя этот упрек представляется необоснованным, детерминистская позиция очень явно прослеживается в его работе – как и естественное для японского ученого стремление придать своей стране особый статус в мире.

Это стремление служит стимулом популярных в Японии компаративистских исследований, в которых Япония и японцы сравниваются с другими странами и народами. Россияеведение в общественных науках Японии конца XX – начала XXI в. стало частью компаративистики. В последние годы работы типа «Японцы и русские» или с похожими названиями (10; 14; 17; 18) появляются если не так часто, как публикации, сравнивающие японцев с американцами или другими западными народами, то, во всяком случае, нередко. В книгах с такими названиями часто не столько исследуется история отношений между двумя народами, сколько проводится их сравнение.

Интерес японцев к культурной компаративистике представляет собой форму поиска национальной самоидентификации. Сравнивая себя с другими, японцы познают себя и самоутверждаются в культурном и политическом смыслах. Следует учесть, что для Японии как страны, пережившей в прошлом неоднократно длительные периоды изоляции, повышенный интерес к познанию мира и своего места в нем через сравнения естественен, но он также усугубляется тем обстоятельством, что с начала XX в. Япония постоянно находится в ситуации конкуренции и конфликтов с великими державами. Свои успехи и неудачи в этой конкуренции она объясняет или схожестью собственного модернизационного образца с западным, или своей уникальностью.

Сравнивая русских и японцев, профессор университета Васэда (Токио) Симода Микио (17) подчеркивает, что Япония относится к странам муссонной цивилизации и, как и для других народов этой цивилизации, для японцев характерны большие коллективные усилия в создании и поддержании ирригационного земледелия (выращивания риса на обводненных полях). Россия, по его мнению, принадлежит к странам степной цивилизации, распространившись на огромных пространствах Евразии, на которых в древности владычествовали кочевники. Избавившись в XV в. от монголо-татарского ига, Русь двинулась на восток. «Движущей пружиной этого процесса была терпеливость и не сломленный господством татар дух народа» (17, с. 110).

Несмотря на обширные пространства, значительная часть земель в европейской России скудна и малоурожайна, и для ее эффективной обработки русская деревня создавала общины и поддерживала патриархальные отношения (за исключением черноземной зоны, где преобладало хуторное хозяйство). Ситуация общинной, а не индивидуальной организации резко отличала Россию от стран Западной Европы. Некоторые японские исследователи, пишет Симода, считают, что Ленин, критиковавший народничество, сам на практике осуществлял его программу в вопросах землепользования. Другие же утверждают, что единственным путем повышения эффективности русского земледелия в конце XIX – начале XX в. была столыпинская политика приватизации земли и если бы Россия пошла дальше по этому пути, она добилась бы в сельском хозяйстве гораздо больших успехов. Симода не согласен с данной точкой зрения, полагая, что в той или иной форме общинное землевладение должно было непременно возродиться, так как этого требуют природно-географические условия России; даже при формально частном землевладении непременно должен был произойти возврат к какой-либо форме общинной собственности. «Это так же верно, – замечает Симода, – как и то, что история Рима не претерпела бы существенных изменений, если бы кончик носа Клеопатры был бы на сантиметр выше ли ниже... Поэтому, кто бы что бы ни делал, царь ли, Столыпин ли, Ленин ли, какая бы ни была система – самодержавие или социализм, в русских природно-климатических условиях всегда возродится мирская община или что-то подобное ей» (17, с. 118).

С земледельческой (общинной) традицией связана, по мнению автора, и высокая роль в православном христианстве культа Девы Марии. В процессе приспособления христианства как рели-

гии, возникшей в районах с пустынным климатом и имевшей первоначально ярко выраженный мужской приоритет, к земледельческой культуре Древнего Рима, в нем усиливается необходимый для земледельческого народа культ женщины-матери. Эта традиция проявилась и в православии, она жива и в русской литературе, тесно связанной с народной традицией (у Достоевского и Л. Толстого), но ее нет в тех литературных течениях, которые находились под влиянием идей западного либерализма (например, у А. Чехова).

На заимствование и развитие в России идей социализма, продолжает Симода, значительное воздействие оказала традиция общинности. Славянофилы в борьбе с западниками первыми отстаивали идею о том, что России суждена своя, особая дорога, ведущая к установлению справедливого общества без капиталистических противоречий. Затем возникло народничество, а после того, как оно встало на путь индивидуального террора, его место заняла социал-демократическая партия. При этом марксизм, формировавшийся как учение о разрешении противоречий развитого западного общества, но оказавшийся практически неприменимым в нем, смог ответить на потребности периферийных обществ, в том числе и российского. Однако в царской России, где отсутствовали гражданская сплоченность и массовые движения, марксизм, предполагающий зрелость и сплоченность пролетариата, превратился в теорию насильственной революции силами заговорщической организации небольшого числа профессиональных революционеров. «Этот образ мышления был в конечном счете крестьянским» (17, с. 127). Общинное сознание наложило свою печать и на славянское понимание свободы: считается, что она не завоевывается личностью, а дается сверху и обеспечивается в рамках мирской общины, на основе единства и сплоченности все ее членов. Этому учит славян их исторических опыт борьбы с многочисленными сильными врагами.

Сравнивая развитие России и Японии, Симода указывает на важную роль природно-климатических условий. В Японии 2/3 территории ни для каких видов хозяйственной деятельности непригодны, резко чередуются времена года, что предполагает состояние постоянной внутренней мобилизации населения. Поэтому в характере японцев заложена готовность к короткой, но решительной битве. Из-за небольшой территории Японии ликвидация последствий стихийных бедствий неотложна в ней каждый раз для сохранения жизненного пространства.

С различиями в природно-климатических условиях связаны и мировоззренческие, в том числе религиозные. В Японии многие течения синтоизма не имеют никакого учения, в других религиях отсутствуют ритуалы или религиозные организации. Что же касается России, то даже в социалистическом обществе, несмотря на официальное отрицание религии, традиционное религиозное сознание, часто латентное, сохраняло свою силу. «Духовная база для формального образования общин, клявшихся в верности Марксу и Ленину, была той же самой, что и в православии» (17, с. 145).

Сопоставление Японии и России в работах японских исследователей включает в себя и анализ отношений между ними. Здесь особое место занимает военная история. Перед войной на Тихом океане (1941–1945), отмечает Симода Микио, в Японии получила известную популярность книга, в которой подробно рассказывалось, как японский флот одним мощным ударом заставляет противника капитулировать, как во всем мире распространяется идея японского гегемонизма, получившая название «восемь углов под одной крышей». Но уже тогда возникали сомнения и вопросы: что будет, если противник не сдастся после первого могучего удара? Как известно, мрачные ожидания подтвердились. Поражение Японии во Второй мировой войне стало одним из источников того, что в конце 70-х – начале 80-х годов XX в. в Японии снова стала насаждаться идея военной ненависти, на этот раз к СССР. Подумывая о написании книги «Если Япония сразится с СССР», Симода решил подробнее изучить русскую историю. Он обнаружил, что еще в стародавние времена персидские цари в войнах со скифами столкнулись с тактикой выжженной земли и партизанских действий, в результате чего их попытки покорения скифских племен потерпели полный крах. Аналогичная участь постигла в более поздние времена наполеоновские и нацистские армии. Даже в Русско-японской войне (1904–1905), которую русские проиграли, на самом деле Японии удалось заключить мир в нужный момент, находясь уже на грани катастрофы. Когда Витте заявил в Портсмуте, что Россия войны не проиграла, в этом, подчеркивает Симода, была доля правды. Русские – мастера затяжной войны, тогда как Япония может выигрывать лишь молниеносные баталии, заставляя противника капитулировать после первого же мощного удара.

Проблема возможности военного конфликта между Россией и Японией волнует и профессора Ивасаки Масаки (10). Для ре-

шения ее он обращается к сравнению национальных характеров и поисках ответа на вопрос: «Агрессивен ли русский народ?»

Исконно и русские и японцы, пишет Ивасаки, – земледельческие народы, но Япония – островная страна, окруженная морем и защищенная им; Россия – равнинная страна, свободно проникаемая со всех сторон и доступная для экспансии кочевников. Благодаря различиям в среде обитания и истории двух народов, у них сложились разные представления о мире и разные образы поведения и мышления.

Основной чертой российского национального характера автор считает «сверхзащитный инстинкт» (кадзё бо: эй хоно:), обратная сторона которого – постоянное душевное беспокойство (10, с. 20). Этим объясняется стремление русских к безоглядному наращиванию военной силы. Из-за многолетнего монголо-татарского ига вера в то, что «сила решает все», упрочилась на Руси. Поэтому не будет преувеличением сказать, что «вера в военную силу превратилась у русских в труднопреодолимую склонность» (10, с. 21).

Японцы же, считая, что безопасность им гарантирована и ничего не стоит, что она – естественное состояние, являются народом со слабым «оборонительным сознанием»; они верят в «пацифизм одной страны» (10, с. 21). Но с исторической точки зрения Япония, за исключением 260-летнего мирного периода в эпоху Токугава (1603–1867), была скорее агрессивной страной, в то время как Россия до начала Нового времени преимущественно оборонялась (10, с. 22). В древности и Средневековье русских считали жертвами агрессии, а не агрессивным народом, но в Новое время Россия сама начала совершать нападения на соседние государства, в результате чего сложилось и сохраняется сегодня мнение, что «в целом, русские в целом хорошие люди, но что касается России как государства, она из-за своей агрессивности – опасная страна», что «русские – хорошие люди, но государство у них опасное, милитаристское» (10, с. 36). Агрессивность русскому народу придали монгольское завоевание в XIII в. и последующее закрепление в стране навязанных монголами институтов, норм и правил поведения власти. Эти нормы и правила основывались на принципах силы и деспотизма. На огромных просторах монгольской империи они реализовывались через делегирование монголами власти местным князьям и навязывания им своих институтов. Принцип силы действовал за счет 1) концентрации власти; 2) функциональной организации войска; 3) использования закона ясака (сбора да-

ни). Монгольское иго стимулировало закрепощение крестьян на Руси и укрепление деспотической системы власти.

«Можно сказать, – резюмирует Ивасаки, – что национальный характер русского народа миролюбивый, а русское государство из-за того, что училось у агрессивного милитаристского монгольского государства, имеет агрессивную оболочку» (10, с. 43).

Япония также стала жертвой оккупации после поражения в войне на Тихом океане (1941–1945), но эта оккупация была кратковременной, а само господство оккупантов-американцев – мирным (10, с. 37).

Сравнивая положение крестьянства как основного класса населения в двух странах, японские историки отмечают существенную разницу. В России и после падения монгольского ига жизнь крестьян мало изменилась. Они в большинстве своем оставались крепостными вплоть до 1861 г. В Японии же конца периода Токугава (1603–1867) даймё (владельцы князья) обладали только правом на сбор налогов, но не были землевладельцами. Собственниками земли в Японии были не они, а крестьяне и горожане. «Деспотическое правление», эта отличительная черта России сохранилась и после Октябрьской революции, воплотившись в диктатуру коммунистической партии; оно мало изменилось и в последние годы.

Вспыхнувшие во времена горбачёвской перестройки народные беспорядки свидетельствовали, по мнению Ивасаки, только о том, что в российском обществе естественная демократическая прослойка очень тонка. Из-за созданного монголо-татарским игом «механизма экспроприации» русский крестьянин влачил полуживое существование, в нем зрели чувства анархии и отчужденности от государства.

В отличие от России, в Японии демократизм создавался сверху после реставрации Мэйдзи в форме «официального абсолютизма». И М. Горбачёву в ходе перестройки, очевидно, нужно было последовать примеру Японии и провести сначала реформы сверху, используя форму «официального абсолютизма». Так поступил в КНР Дэн Сяопин, провозгласив теоретически противоречивый, но реалистичный лозунг: «в политике – диктатура партии, в экономике – дорога реформам» (10, с. 53).

Небезынтересно еще одно сравнение, проводимое Ивасаки, – относительно менталитета японского и русского народов. «Японцы – рисоводческий народ, но из-за того, что рисом питалось много людей, проживавших на небольшой территории, японцы зани-

мались, в отличие от российского экстенсивного земледелия, интенсивным земледелием на небольших участках земли» (10, с. 84). Эти различия между Россией и Японией оказали большое влияние и на национальные характеры двух народов: «русские мыслят приблизительно и с размахом, японцы – сжато, но детально, подробно» (10, с. 85). Поэтому Россия стремилась к движению вширь, Япония же предпочитала изолироваться и заняться саморазвитием, что и произошло в начале XVII в.

И далее: русские – европейцы, японцы – азиаты, но с точки зрения европейцев у русских много азиатских черт. Русские как славяне исторически и культурно связаны с Европой, но начиная с XIII в., с монголо-татарского завоевания, культура Руси испытывает на себе сильное влияние завоевателей, и это особенно заметно в области государственного строительства. Поэтому Россия основательно отличается от западноевропейских стран отсутствием в ней индивидуализма, либерализма и демократизма. Хотя Россия вступила на путь вестернизации намного раньше Японии, Петр I, заимствуя технику и культуру у Запада, не разрушил деспотизма. Япония же в результате реформ Мэйдзи (1868–1911) переняла не только технику, но и западный образ мышления. Приняв конституцию Мэйдзи, Япония перешла от государства китайского стиля к государству западного типа, ввела выборы и разделение властей, а после Второй мировой войны позаимствовала у американцев и демократию, «стала демократическим государством западного типа» (10, с. 186). Правда это не была полная вестернизация, поскольку японцы придерживаются принципа «вакон ёсай» (японское мастерство, западная техника), означающего соединение японской культуры с западной.

Подытоживая обзор японской научной литературы, можно сказать, что рискованное и не бесспорное в них всегда присутствует как национальные интересы, так и стремление взглянуть на предмет изучения «свежим взглядом», с точки зрения нестандартного или неожиданного для сравниваемых культур подхода. Японские исследователи, сравнивая Россию и Японию, в первую очередь озабочены волнующими их страну проблемами в отношении двух стран, но пытаются разрешить их в контексте национальных культурных традиций и составляющих элементов, в частности инокультурного влияния. Согласно цивилизационным и компаративистским исследованиям, агрессивность и деспотизм берут истоки в традициях кочевых народов, закрепившихся в русской культуре и ставших ее частью.

Оппозиция «русское»–«советское»

К концу XX в. в сознании японцев довольно прочно укореняется оппозиция «русское»–«советское». «Для японцев, – пишет японский советолог и русист Симидзу Хаяо, – русское – добрые, дружелюбные люди, а советские люди – коварные, высокомерные, вызывающие гнетущее впечатление существа» (16, с. 15). Объясняя природу этого явления, Симидзу указывает на то обстоятельство, что эти два образа формировались в разные периоды японской истории и под влиянием различных средств информации. «Добрые русские» – образ, который принесли с собою японские переводы русской классической литературы XIX – начала XX в. О «коварных советских людях» японцы узнали из средств массовой информации XX в., настроенных антисоветски и создавших образ «врага». Согласно проведенным Симидзу опросам, многие японцы называли себя одновременно русофилами и советофобами.

Из общения с русскими у японцев, по определению Симидзу Хаяо, сложились стереотипные представления об их положительных и отрицательных чертах. Среди положительных они чаще всего называют доброту, человечность, душевность, участливость, широту души, выносливость, терпеливость, оптимизм. К типичным отрицательным чертам русских японцы относят коварство, некоммуникабельность, нечестность, жестокость, медлительность, склонность к воровству, расточительность, привычку вмешиваться в чужие дела, навязчивость, разгильдяйство, леность, отсутствие утонченности (16, с. 61–64, 176–198).

Для русского человека, считает Симидзу, характерны особое, «русское представление о времени», акцентирующее внимание на «сегодня» и отводящее «завтра» второстепенное значение, а также «русское понимание собственности», не проводящее четкой грани между своим и чужим. Русский человек четко разделяет официальную и частную сферы жизни (16, с. 221–222).

Образ России ассоциируется у японцев с широкими горизонтами и полями средневековой России, церквями, деревянными крестьянскими избами, красивой природой, зимними морозами, равнинами и лесами, снегами, березами, степями, рекой Волгой, Москвой.

Образ русского человека у японцев складывается из следующей мозаики: платки темного цвета у старух; борьба людей с природной стихией на огромных суровых просторах Севера; смиренный характер, выражающийся в кратком ответе на все непри-

ятности словом «ничего!»; добродушный крестьянин; нищенская жизнь народа при царизме; способность русских переносить суровые морозы; стойкое религиозное чувство; доброта (даже по отношению к японским военнопленным); оптимистическая настроенность; общительность; натруженные руки; сильные женщины; простота жизни; гостеприимство; любовь к водке (16, с. 16–17).

Образ Советского Союза в глазах опрошенных Симидзу японцев складывается из следующих, преимущественно политических черт: авторитарный режим, коммунизм, ужасы сталинской эпохи, культ силы, лицемерие и интриги, шпионы, бюрократия, чистки, дух великодержавности, низкий уровень народного потребления, Ленин, компартия, революция, Красная армия, КГБ, милитаристская держава, плановая экономика, контроль над обществом, угнетение, бедность народа, огромный военный потенциал, Кремль, Сталин, лагеря, Красная площадь, полицейская система, нормирование, многочисленные заключенные (16, с. 16–18). В глазах японцев образ Советского Союза, по замечанию Симидзу, ассоциируется с эпитетами, внушающими чувство страха: «черный, беспросветный, бедный; дискомфортный; большой, сильный; неотесанный; серый, отсталый, негибкий; гнетущий; бюрократический» (16, с. 18).

Симидзу подчеркивает, что феномен «советофоб, но русофил», хотя и имеет отчасти идеологическую природу, уходит глубже своими корнями (16, с. 23). Японцы не любят не только Советский Союз, но и Российскую империю, поскольку они в большей или меньшей степени испытывали чувство страха и перед тем, и перед другим государством. Они могут быть привязаны к русским людям в отдельности, но не хотят любить созданное этими людьми государство, независимо от того имперское оно или коммунистическое. Исходя из этого, автор предлагает вместо вопроса «Почему японцы не любят Советской Союз?» поставить другой вопрос «Почему японцы не любят государство, созданное русскими?» (16, с. 26).

Японские исследователи неоднозначно оценивают природу двойственности «русское»–«советское». Для одних она порождена историей СССР в XX в. и «советское» – это антипод «российскому», для других «советское» – продолжение «российского», российской традиции, перенесенной из прошлого в новые исторические условия (т.е. почти так, как считали некоторые русские евразийцы в XX в.).

На популярность первой точки зрения в послевоенной Японии указывает Вада Харуки. В своей лекции о месте российской революции во всемирной истории он отмечает приверженность марксизму японской интеллигенции, особенно обществоведов-историков, и убежденность многих японцев в том, что с Октябрьской революцией «человечество вступило в совершенно новую историческую эпоху – эпоху перехода к социализму и победы социализма». «Так думали и в России и в Японии» (2, с. 15). Иной точки зрения придерживаются некоторые другие японские исследователи, в частности цитированный ранее Ивасаки Масааки. Он считает, что Октябрьская революция 1917 г. не соответствует марксистскому пониманию социалистической революции как неизбежному следствию кризиса капитализма. «Нельзя сказать, что Россия того времени достигла стадии разложения капитализма. Характер революции сложился по большей части на российской почве» (10, с. 146). В сталинской России процветала эксплуатация рабского труда, и поэтому по производительности труда СССР стремительно отставал от труда свободных людей на Земле.

Размышляя о перспективах развития сегодняшней России, Ивасаки пишет: «Думается, что после “критики Сталина” Хрущёвым и вступления страны на путь перестройки при Горбачёве... возрождение российского деспотизма стало невозможным. И как бы то ни было трудно, современная тенденция перехода от “деспотизма к либерализации” станет генеральной линией и невозможно будет повернуть назад» (10, с. 181).

Из сказанного выше уже отчасти явствует, что отношение японцев к России и русским, как и взгляды японских ученых на Россию и культуру в конце XX – начале XXI в. испытывали на себе сильное влияние начавшейся в середине 80-х годов перестройки в СССР. С началом перестройки в СССР в Японии появляются попытки пересмотра отношения к России, создания его нового образа. И хотя вопрос о «северных территориях» и неподписанный мирный договор по-прежнему волнует многих японцев и заставляют их настороженно относиться к России, в Японии понемногу пробуждается желание по-новому взглянуть на Россию, если и не отказавшись полностью от ее старого «агрессивного» образа, то в то же время и не раздувая его.

Складывающийся «новый образ» России не служит для японцев моделью для подражания, на которую ориентировались в прошлом японские левые, но опирается на поиск в ее культурно-

исторических традициях примеров неагрессивного, недеспотического «соседского» поведения, чтобы смоделировать возможности их использования в японско-российских отношениях в будущем. Упор в нем делается на «стране-соседе», а не на неизбежности противостояния и конфронтации России и Японии. Поэтому сторонники «нового образа» среди японских русистов обращаются к другим доминантам в российской истории и культуре. Акцентируется то доминирование земледельческой (Симода Микао) традиции, то комбинация землевладельческой и скотоводческой культур (Ивасаки Масааки). Признавая земледельческую, мирную традицию базовой для российской культуры, а скотоводческую, агрессивную – привнесенной монголами и другими кочевыми народами, они утверждают, что первая является основой миролюбия русского народа, а вторая – фундаментом агрессивной и деспотической модели российской политики и администрирования. Обе эти традиции как доминанты присутствовали в российском обществе и до революции 1917 г., и в советское время, но первая из них является исконно российской, что позволяет надеяться на возможность ее упрочения в новой России. Тем самым в новых концепциях снимется акцент на неизбежную враждебность, характерный для создания образа России времен «холодной войны».

Отделяя «российское» от «советского», японские культурологи-русисты привносят в свои исследования дух времени и одновременно дух традиционных «японских ожиданий». Создаваемый «новый образ» России еще смутен и, безусловно, не всегда соответствует ожиданиям японской общественности, поскольку у нее есть свои исторические и культурные стереотипы, своя историческая и социальная память, не позволяющая четко различить прописывающиеся черты новой России и старого представления.

Литература

1. Брагинский С.В., Корнилов М.Н., Японцы и русские. (Обзор) // Япония в сравнительных социокультурных исследованиях. Часть 2. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – С. 67–76.
2. Вада Харуки. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. – М., 1999. – 400 с.
3. Ёкотэ Синдзи. Представление японцев о России в начале периода Сёва (середина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Новый мир истории России. – М., 2001. – С. 504–520.

4. Кумано Мицуёси. Сиба Рётаро и Россия // Сиба Рётаро. О России: Изначальный облик Севера. – М., 1999. – С. 7–10.
5. Мацузаго Кимитака. Русистика поверх границ. Славянские исследования Японии и социальные науки России: Совместные поиски выхода из изоляции // *Ab imperio*. – Казань, 2003. – № 1. – С. 421–433.
6. Накамура Ёсикадзу. О русистике в Японии // Япония сегодня. – Токио, 2000. – № 2. – С. 12.
7. Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. – М., 2001. – 592 с.
8. Сиба Рётаро. О России: Изначальный облик Севера / Пер. с яп. – М., 1999. – 200 с.

На японском и английском языках

9. Ёнэхара Мари. Росиа во коннитимо арэмое. (Россия бушует и сегодня). – Токио, 1998. – 252 с.
10. Ивасаки Масааки. Росиадзин то нихондзин. (Русские и японцы). – Саппоро, 1996. – 210 с.
11. Кимура Хироси. То:й ринкону – Росиа то Нихон. (Далекие соседи: Россия и Япония). – Токио, 2002. – 940 с.
12. Нихон – но рэкиси сякайгаку / Цуцуи Киётада хэн. (Развитие исторической социологии Японии). – Токио, 199. – 5, 338 с.
13. Окумура Кицудзо:, Сакон Такэси. Хасикаги Росиа бунка то киндай Нихон. (Введение к книге «Культура России и Японии Нового времени»). – Киото, 1998. – С. 1.
14. Осада Хироси, Такабатака Мититоси, Цуруми Сюнсуке. Нихондзин-но сэкай тидзу. (Японская карта мира). – Токио, 1978. – 384 с.
15. Росиа бунка то киндай Нихон. (Культура России и Японии Нового времени). – Киото, 1998. – 8, 241 с.
16. Симидзу Хаяо. Нихондзин ва надзэ Сорэн га кирай ка. (Почему японцы не любят Советский Союз?). – Токио, 1979. – 288 с.
17. Симода Микио. Нихондзин то росиадзин. (Японцы и русские) // Хикаку бунка-но сусумэ Ибунка рикай-но мэдзасу моно. – Токио, 1989. – С. 101–147.
18. Тэратани Хироми. Нихондзин то росиадзин. (Японцы и русские). – Токио, 1986. – 236 с.
19. Умэсао Тадао. Буммэеи-но сэйтэй сикан. (Исторический взгляд на экологию цивилизации) // Умэсао Тадао. Тёсакусю:. Т. 5. – Токио, 1989. – С. 1–230.
20. Aranson J. – Rec.: Umesao Tsdao. An ecological view of history: Japanese civilization in the world context. – Melbourne, 2003. // J. of Japanese studeis. – Seattle, 2004. – Vol. 30, N 2. – P. 436–440.
21. The Russian impact on Japan: Literature and social thought. Two essays. – Los Angeles, 1981. – 143 p.
22. Umesao Tsdao. An ecological view of history: Japanese civilization in the world context. Transl. by B.Cary. – Melbourne, 2003. – XVIII, 208 p.

II. Системная трансформация в России конца XX – начала XXI в. в оценках японских исследователей

События и реформы в СССР и России в конце XX и начале XXI в. не могли остаться незамеченными в Японии. Ее внимание к ним было живым, но не однозначным. И это понятно, поскольку начиная с последних десятилетий XIX в. в Японии присутствовал повышенный интерес к России, соседу-гиганту, положение дел в котором просто нельзя было игнорировать, так как оно невольно затрагивало и Японию. Духом конфликтности в отношениях между двумя странами проникнута и вся история их в XX в. Опыт минувшего столетия говорил японцам, что радикальные изменения в России, в ее международной политике волей-неволей отзываются на положении дел в их стране и в мировом сообществе. Как пишет известный японский историк-русовед, почетный профессор Токійского университета Вада Харуки¹, в XIX–XX вв. в Японии сложились три основных представления о России, отражающих отношение японцев к своему соседу: как к учителю, как к собрату по страданию, как к врагу (1, с. 299–313). В конце минувшего столетия образ «страны-врага» занял доминирующее положение. Но нужно отметить, что создание конфронтационного образа России было не только следствием военных конфликтов между двумя странами в XX в., но и определенной антироссийской и антисоветской атмосферой, поддерживавшейся в стране разными политическими силами, прежде всего националистическими. В «холодной войне» Япония была в стране противников СССР и соцлагеря, и ее население с помощью СМИ естественно ориентировалось на СССР как на «страну-врага». Этому в немалой степени способствовали также и не заключенный до сего дня мирный договор между двумя странами, и постоянно используемый в Японии для нагнетания антироссийских настроений вопрос о «северных территориях», как называют японцы Южные Курилы (12).

Интерес японцев к радикальным переменам в СССР, начавшейся перестройкой, подогревался не только желанием смягчения напряженности в отношениях между двумя странами, но и другими важными обстоятельствами. Во-первых, СССР (Россия) – вели-

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-02020а и представляет продолжение исторического обзора японского руссиеведения, опубликованного в № 4 за 2007 г.

кая держава, чей вес и активность в мире никак нельзя игнорировать, с нею должна считаться и Япония. Во-вторых, с СССР (Россией) тесно связаны интересы определенных экономических и политических сил и групп Японии, остро переживающих радикальные изменения в экономике и политике своего соседа. В-третьих, интерес к СССР и его опыту социалистического развития поддерживался также наличием в японском обществе хотя и разнородной левой оппозиции, ориентирующейся на марксистскую идеологию и видевшей в СССР попытку (даже при критической оценке ее) реализации идеи социалистической революции.

Все эти обстоятельства составляли основной фон японского интереса к радикальным реформам в СССР и России.

Японские интерпретации событий у северного соседа, как правило, отражают позиции, взгляды и интересы как авторов, так и представляемых ими политических и социальных групп и сил японского общества и их видение национальных интересов Японии.

Перестройка: Радикальный поворот или коррекция системы?

Перестройка в СССР дала многим японцам надежду на коренное изменение отношений с соседом и его образа в сознании японцев.

Демократически настроенные ученые отнеслись к перестройке как к положительному явлению в жизни Советского Союза, видя в ней источник для его пробуждения и обновления. Как пишет Вада Харуки, «брежневский режим, который можно назвать высшей и последней стадией сталинской модели социализма, был режимом без исторической памяти, или режимом, основанным на запрете изучения исторического прошлого» (1, с. 261). И «поэтому неудивительно, что Михаил Горбачёв, начав с 1986 г., после черныбыльской трагедии, перестройку, первым делом снял печать запрета с исторического знания. Для того, чтобы люди почувствовали себя свободнее и стали более активными, необходимо было избавиться от наихудшего наследия предыдущих двадцати лет брежневского правления» (1, с. 262). И далее он отмечает: «Было понятно, что без исторической Памяти и реабилитации Правды народ не сможет восстановить свою этическую общность и стать полноправным участником исторического процесса. *Правда и память* стали ключевыми словами того времени» (1, с. 262).

Вада подчеркивает, что центральной темой переосмысления опыта Советского Союза и его истории на первом этапе перестройки стали сталинизм и феномен Сталина. В полемике по этой теме переплетались разные интересы. «Но что было действительно необходимо, – пишет Вада, – это создание четкой картины и глубокое осмысление той системы, которая возникла в результате сталинской “революции сверху” и которую перестройка должна была разрушить и заменить новой моделью общественного устройства» (1, с. 262). Советский Союз в те годы стал похож на «обветшалое здание, подлежащее реконструкции, но все еще заселенное жильцами. Какую часть здания разрушить? Какую сохранить, чтобы спасти жильцов? Без ясного понимания сути системы грамотная реконструкция будет невозможна» (1, с. 262).

Поэтому, в частности, «насуточно необходимым» было создание «более правдоподобной, более убедительной, более полнокровной картины исторического прошлого. Без понимания национальной истории ни одна нация не смогла бы осуществить такую предельно сложную задачу как перестройка, явившаяся, по сути, мирным и демократическим вариантом “революции сверху”, – нечто до сих пор невиданное в русской и советской истории» (1, с. 262).

Вада Харуки считал перестройку демократическим вариантом «революции сверху» (1, с. 295). В своей книге «Мой взгляд на перестройку», увидевшей свет в 1987 г., он утверждал, что перестройку в СССР можно сравнить с «великими реформами» в России после Крымской войны (9, с. 197–202).

Японцев волновала судьба перестройки, и поэтому иногда в своих оценках происходящих в СССР событий они предлагали варианты разрешения возникавших проблем и конфликтов. Так, японский историк Ивасаки Масааки, анализируя вспыхнувшие во времена перестройки народные недовольства, связал их со слабостью «естественной» «почвенной» демократической прослойки в российском обществе. Благодаря созданному еще во времена монголотатарского ига «механизму экспроприации», прочно закрепившемуся в России, русский крестьянин влачил жалкое зависимое существование, будучи анархичен и отчужден от государства и его интересов. Исаваки предлагал Горбачёву использовать опыт Японии, где демократизм создавался сверху после «реставрации» Мэйдзи (1867–1868) в форме «официального абсолютизма». Он рекомендовал и М. Горбачёву использовать форму «официального абсолютизма», тем более что ею в Китае воспользовался Дэн Сяо-

пин, провозгласив теоретически противоречивый, но вполне реалистичный лозунг «в политике – диктатура партии, в экономике – дорога реформам» (11, с. 53).

Вопрос о том, «почему, несмотря на развитие перестройки, не прогрессирует активизация советской экономики», занимал важное место в работах японских ученых-экономистов. Ответ на него, в частности, попытался дать профессор университета Мэйдзи гануин Накаяма Хиромаса (17). Он пришел к заключению, что основным препятствием для развития советской экономики является командно-административная система управления. Она привела к появлению таких проблем, как: 1) разрушение сбалансированности экономического развития и рост нерационально используемых материально-финансовых затрат; 2) рост дефицита материальных ресурсов и потребительских товаров; 3) рост количества убыточных предприятий при значительном увеличении (и в относительном и в абсолютном выражении) финансовых субсидий; 4) значительное увеличение управленческого аппарата и затрат на него при одновременном снижении его эффективности (17, с. 65). Во времена перестройки эти проблемы только обострились. В результате «первой тяжелой проблемой, с которой столкнулась перестройка, стали проблемы товарного дефицита и инфляция» (17, с. 124). Они породили массовое недовольство и привели к росту забастовок рабочих, потрясших не только отдельные регионы (как, например, Кузбасс), но и всю страну и превратившихся в одну из основных проблем перестройки. Сельское хозяйство запуталось в вопросах подряда и арендных отношений. Межнациональные отношения и «парад национальных суверенитетов» создавали деструктивную атмосферу в стране и препятствовали ее экономическому развитию.

Экономические проблемы, усугубившиеся во времена перестройки, по мнению Накаяма Хиромаса, являются наследием сталинских методов управления страной и экономикой. «Перестройку... можно назвать “антисталинистским движением”». Но что такое сталинизм? Радикальная российская интеллигенция воспринимает его как марксизм, заявляет Накаяма. «Критиковать сталинизм легко. Однако не существует одного пути, по которому следует двигаться в конструктивном направлении. Особенно, если учесть, что развороту экономической системы сопутствуют специфические трудности...» (17, с. 306).

Признавая экономические проблемы СССР порождением командно-административных методов управления, Накаяма в то

же время не предлагает отказаться от социалистического выбора, полагая возможными поиски различных путей в этом направлении.

Но среди японских сторонников перестройки были и радикально настроенные и либерально мыслящие ученые. Один из них – политолог, профессор Международного центра японских культурологических исследований Кимура Хироси писал: «Перестройка, как и революция, состоит из двух рабочих процессов: разрушения старой системы (de-institutionalization) и создания новой системы (re-institutionalization). Горбачёв не смог полностью разрушить старую систему. Прежде всего ему трудно было совсем отказаться от коммунистической идеологии и демонтировать коммунистическую партию. Кроме того, он не был решителен при переходе к экономике с рыночным механизмом, опирающимся на два основных столба: систему частной собственности и либерализацию цен. Кроме того, у него не было мужества, следуя принципу самоопределения народов.., допустить их фактическое отделение от Советского Союза, и провозглашения независимости» (15, с. 42).

Если демократически настроенные японские ученые видят в перестройке попытку избавления советского общества от наследия сталинизма, то часть японских левых, напротив, видит в ней продолжение сталинизма и реализацию заложенного в нем потенциала бюрократизации.

Их позицию выразил философ Курода Канъити в книге «Сны Горбачёва» (3). Написана она, по словам автора, в «странной и непривычной... форме изложения», а именно в форме «социально-утопических пьес», действующими лицами которых являются исторические личности, в частности, Маркс, Энгельс, Ленин, Троцкий, Сталин, Хрущёв, Брежнев, Андропов и другие, в том числе и японские, марксисты разных направлений. В их уста Курода «опосредованно» вкладывает свою критику «горбачёвской» идеологии и политики, которая проводилась под лозунгом «деидеологизации» (3, с. 5). Его книга наполнена революционным пафосом: «Вместе с революционными рабочими Японии я заявляю о своей готовности продолжать борьбу за мировую пролетарскую революцию в хаосе современного мира, вступающего в XXI век» (3, с. 5).

Обличением идеи перестройки исполнено и его обращение «к нашим друзьям, борющимся за революционное самоосвобождение на территории бывшего СССР» (3, с. 5). «К сожалению, –

пишет он, – вы вынуждены жить в условиях экономического обнищания и политических потрясений, вызванных провалом горбачёвской перестройки и некомпетентностью нынешнего правительства» (3, с. 5). Курода призывает вступить «на путь борьбы против превратившихся в мафиози бюрократов и против торгашеской мафии в целом» (3, с. 5).

Устами своих «героев» Маркса, Энгельса, Ленина, Троцкого он обличает социал-демократизм Горбачёва. «Сталинистский Советский Союз, – говорит у него Маркс, – должен быть разрушен, но этого нельзя добиться с помощью горбачёвской “перестройки”, выдвигая в качестве альтернативы то, что у них называется “гуманный и демократический социализм”» (3, с. 184). Энгельс называет перестройку «отголосками и наследием социал-демократии». Куродовский Ленин развивает эту же мысль: «А путь к социал-демократии непременно приведет к уничтожению революционной России как таковой» (3, с. 184). По мысли Троцкого, советское государство «оккупировано кремлевскими бюрократами, впадшими в иллюзию, что сталинская бюрократическая планируемая экономика может быть залатана мерами капитализации» (3, с. 185), поэтому «пришла пора не второй дополнительной революции, а второй пролетарской революции, чтобы смести бюрократов-неосталинистов, натянувших “гуманные” и “демократические” личины!» (3, с. 185). Его слова поддерживает куродовский Ленин: «Мы должны перевернуть советское государство, оккупированное бюрократами под предводительством Горбачёва! Они потихоньку протащили отнюдь не теорию “перманентной революции” товарища Троцкого, а теорию “перманентной демократической революции” и пытаются переделать сталинское государство в социал-демократическое» (3, с. 185).

Герои Курода называют перестройку «откатом к капитализму» (Троцкий), «капитуляцией перед капиталистами всех стран, включая США» (Ленина). Обличая горбачёвскую реформу органов власти в СССР, Ленин у Курода заявляет: «Копирующая буржуазную представительную систему перестройка Советов сталинского типа – не более чем псевдоперестройка. Я считаю и заявляю, что стирание существенных различий между буржуазной парламентской системой и советской системой символизирует отказ от материалистического мышления. Революционная Россия погибла, совсем погибла...» (3, с. 97). Поэтому необходимо «показать, что горбачёвское руководство потрясающим образом выродилось...» (3, с. 216). Легализация индивидуальной трудовой деятельности в

СССР – это попытка реформаторов «возбудить в рабочих и крестьянах мелкобуржуазное чувство собственности и воспользоваться их эгоизмом для повышения производительности труда» (3, с. 172).

Устами своих героев Курода обвиняет Горбачёва в немарксистском понимании таких проблем, как социализм и свобода, овеществление и социализм, в преклонении перед монополистическим капитализмом, в уничтожении революции, фальсификации истории, в неверных представлениях о гуманизме в современную эпоху, об освобождении, о государстве, нации и классах. Курода считает неправильными мысли Горбачёва об изменении современного развитого капитализма и сдвиге его к экономической формации, уже не являющейся капиталистической, об изменении формы современного существования рабочего класса, превращении рабочих в «умственных рабочих», пользующихся всеми благами «общества изобилия», стирании грани между умственным и физическим трудом и сотрудничестве между менеджерами и рабочими с целью повышения эффективности производства, о чем, по мнению Горбачёва, у Курода свидетельствует тот факт, что в СССР ВВП на душу населения равно 8 тыс. долл. США, а в капиталистической Японии – 23 тыс. долл., т.е. «в капиталистической Японии уровень жизни рабочих выше, чем в нашей стране...» (3, с. 225). На это один из героев Курода возражает: «Вы используете уровень жизни или изобилия в качестве основного мерила, по всей видимости из-за того, что впали в современный рационализм... Пролетариат не может выжить, не продавая свою рабочую силу как товар. Как наемный рабочий он не более чем овеществленный человек. Без подлинного снятия этого исторически конкретного вида общественного существования не может быть окончательного освобождения человека. В “Капитале” Маркс раскрыл тайну фетишизма товаров, денег и капитала. В этой работе логически объяснена необходимость ликвидации того жалкого общественно-го существования, где все подчинено погоне за прибылью, и в этом ее всемирно-историческое значение» (3, с. 225–226).

Горбачёва обвиняют в том, что потрясенный проявившейся в конце XX в. крайне жалкой реальностью социалистического обнищания, он сомневается в марксизме и одержим нигилизмом. «Это прежде всего доказывает, что в марксизме вы ничего не поняли», – резюмирует один из японских «героев» Курода (3, с. 230). Куродовские «герои» обвиняют Горбачёва и реформаторов в непонимании превращения рабочей силы в товар. Маркс говорит:

«Они же изучали потребительную стоимость и стоимость рабочей силы как товара и поэтому скатились до упрощенного понимания лишь с позиций результатов труда как объективированной, проявленной, материализованной рабочей силы» (3, с. 173). Соглашаясь с ним, Энгельс произносит такую фразу: «М-да, они в самом деле тупы» (там же), а Ленин заявляет: «Философия, описывающая превращение рабочей силы в товар, философия капиталистического овеществления у них просто испарилась!» (там же).

Японские философы и политэкономы у Курода утверждают, что у Горбачёва нет никакой философии («единственное, что у него есть, так это примитивное, обывательское понимание гуманизма») и политэкономии (3, с. 103).

При идеологической разнонаправленности демократических и левых суждений о перестройке они сходятся в критике сталинизма с той лишь разницей, что для первых перестройка – это отказ от него, для вторых – это торжество порожденных им сил, торжество окрепшей сталинской бюрократии.

Ельцинская трансформация

События в СССР во второй половине 1991 г. и развал СССР естественно привели к смещению центра внимания японских советологов и русоведов, занимавшихся вопросами современного положения в СССР, на реформаторскую деятельность и политический курс российского правительства, возглавляемого Б.Н. Ельциным.

С исчезновением с карты мира СССР японцы стали использовать в названиях институтов, организаций, периодических изданий вместо слов советский или СССР такие слова как евразийский, славянский, Евразия, распространяя их как общие понятия на все входившие прежде в состав СССР республики и территории.

Если в годы перестройки отношение японцев к Б.Н. Ельцину было поначалу насторожено двойственным, поскольку, с одной стороны, они опасались, как бы его политическое (хотя и демократическое) поведение не подорвало (в результате возможной активизации антиперестроечных сил) начатый Горбачёвым курс на демократические преобразования в Советском Союзе и смягчение международной обстановки, а, с другой – надеялись с помощью Ельцина положительно для себя разрешить некоторые важные для Японии вопросы в отношениях с северным соседом, то с развитием событий в СССР, особенно после августовского путча и развала

Советского Союза в 1991 г., Ельцин как президент новой России занял центральное место в работах японских исследователей-русологов. Первоначально их основное внимание было сосредоточено на борьбе Ельцина и поддерживавших его демократических сил с коммунистами за утверждение во власти в России. Затем на первое место вышли реформы в России и связанные с ними проблемы обнищания народа, социальных и национальных конфликтов, войны в Чечне, появления олигархов и эффективности новой власти.

Связывая реформы в СССР и России с именами их лидеров и инициаторов, японские исследователи сравнивают Горбачёва и Ельцина, их жизненный путь, характеры, политические курсы и поведение в годы реформ.

Японский политолог Кимура Хироси в книге о Б.Н. Ельцине (15) выделяет несколько общих черт в биографиях и характерах Горбачёва и Ельцина: оба родились в 1931 г.; по национальности – русские; по социальному происхождению – крестьяне; оба крещены (правда, и тот и другой не верят в существование Бога); оба в детстве лишились отцов и воспитывались матерями; оба продвинулись в первые секретари обкомов КПСС в областях, расположенных на далеком расстоянии (1200–1400 км) от Москвы; дети у обоих – только девочки (15, с. 2).

Среди основных биографических различий между Горбачёвым и Ельциным Кимура выделяет следующие: 1) по астрологическому знаку рождения: Горбачёв – «рыба», Ельцин – «водолей»; 2) по характеру полученного высшего образования: гуманитарное у Горбачёва как выпускника юридического факультета МГУ и инженерно-техническое у Ельцина как выпускника Уральского политехнического института; 3) по времени вступления в КПСС – Горбачёв в 20 лет (в 1952 г.), Ельцин – почти на десять лет позже (в 1961 г.); 4) по внешним формам проявления характера: у Горбачёва живой, свободный, общительный характер, у Ельцина – угрюмый, неприветливый.

Сравнивая стиль и манеру поведения и руководства Горбачёва и Ельцина, Кимура Хироси приходит к заключению, что Горбачёв обладает мягким «женственным характером», а Ельцин – «воплощение мужского характера» (15, с. 3). Первого отличают нерешительность, приспособляемость к общей ситуации, уклонение от окончательных решений. Ельцин с его грубостью, невоспитанностью, косноязычием, но ответственностью и харизматическими качествами руководителя (15, с. 3) воспринимался многими

в России как «русский мужик»; рядовые горожане считали ельцинский стиль управления страной стилем поведения «простого мужика».

Отмеченные сходства и различия рельефно отразились в отношении к реформам и политическом поведении двух государственных деятелей.

Для многих японцев развал Советского Союза был неожиданным. Тремя цементирующими его единство факторами японские специалисты (например, Кимура Хироси) считали: 1) консолидацию под угрозой вторжения внешнего врага; 2) сплачивающую коммунистическую идеологию и однопартийность; 3) существование развитого аппарата центральной власти и силовых структур, направленных на поддержание и упрочение единства СССР (15, с. 65–66). Во времена перестройки влияние этих факторов значительно ослабло.

Хотя некоторые исследователи считают, что события второй половины 1991 г. только формально подтолкнули или ускорили процесс развала, подспудно вызревавшего в условиях тоталитарного режима и обострившегося в условиях демократизации во времена перестройки, но развал верховной власти в СССР во время

путча подтолкнул руководителей союзных республик к самоутверждению их суверенной и в то же время достаточно авторитарной власти (без диктата центра и КПСС) в своих республиках. Национально-освободительное движение во многих случаях было активизировано или даже возглавлено бывшими партийными лидерами, пытавшимися сохранить власть в республиках под своим контролем. Коммунистическая идеология была заменена национальной или даже националистической с прибавлением толики демократизма, отчасти в том же духе были реформированы и институты власти. Эта тенденция нашла свое отражение в противостоянии центра и республик, сочетавшем в себе элементы демократизма с элементами национализма. Центр пытался нанести удар, организовав в августе 1991 г. путч, республики нанесли ответный удар ослабевшему центру в форме «тайного сговора в белорусском лесу» (по выражению Кимура Хироси). Родившаяся в Вискулях идея создания Содружества независимых государств (СНГ) основывалась на трех главных положениях. Во-первых, в отличие от идеи Союза, она в сущности была позитивной идеей, предполагавшей наличие не единого сильного центра, а передачу большинства функций в ведение бывших союзных республик.

Во-вторых, СНГ можно назвать «грезами» о единстве, поскольку в действительности трудно представить возможность реального единения при наличии множества противоречий между его участниками и отсутствии сплачивающего их центра. В-третьих, СНГ – аморфная концепция, поскольку содружество почти не имеет никаких общих институтов власти, что позволяет ему гибко приспосабливаться к меняющимся условиям, но в то же время снижает его способность функционировать как целостное образование, хотя потребность в этом может быть велика, особенно на экономическом уровне и прежде всего в сфере энергоресурсов.

В системе СНГ заложены как центростремительные, так и центробежные силы. Первые включают экономические основания, заложенные политикой СССР на экономическую интеграцию союзных республик, политические и внешнеполитические причины, тесно завязанные на единый центр, и сами организационные формы дезинтеграции СССР, неизбежно связанные со старым Союзом.

Среди центробежных сил Кимура Хироси выделяет отсутствие «общего врага», каковым для руководителей республик являлись конкретно Советский Союз, Москва, центр, Горбачёв. Далее сама иллюзорность общности в концепции СНГ способствует еще большей активизации центробежных тенденций. Третьей центробежной силой Кимура считает то обстоятельство, что идея СНГ родилась как «надстройка» (по-японски *тамэмаэ*), или идеология, далекая от реальной жизни (15, с. 75).

Получив всю полноту власти в Российской Федерации, Ельцин и его команда приступили к реализации своих реформаторских идей. «Шоковая терапия», избранная командой Ельцина в качестве основного средства для оживления российской экономики, имела свои плюсы и минусы. Она открыла дорогу для развития рыночных отношений, но в то же время она была «лечением без лечения», в ее концепции было много ошибок, и исходила она из неверного понимания капитализма, что привело к появлению в России «экономики мыльных пузырей», расцвету мафиозии, обогащению небольшой кучки людей, подавлению еще не вставшего на ноги среднего класса, обнищанию миллионов россиян.

Одновременно с этим в России разворачивалось политическое соперничество за власть между президентом Ельциным и Верховным Советом, Ельцин вел борьбу с горбачёвским наследием. Он переходил от роли революционера, борющегося за демократические ценности, к роли национального лидера – главы госу-

дарства. Но в этой роли он совершил немало трагических ошибок, грозивших стране большими провалами как в ее внутренней жизни, так и на международной арене.

В борьбе с прокоммунистическим Верховным Советом Ельцин перешагнул демократически дозволенную границу и пошел на применение военной силы для разгона его. Вслед за этим, в декабре 1993 г. была принята новая Конституция РФ, по которой президент получал неограниченную власть. Хотя законодательные акты вместо Верховного Совета принимала теперь Дума, фактически все находилось под строгим контролем президента и его аппарата. Это обстоятельство открыло реформаторам дорогу к полному переделу собственности, часто неэффективному, но размывающему почву под ногами «красных директоров» и лишавшему коммунистов и оппонентов Ельцина финансовой подпитки.

В то же время в России нарастали сепаратистские настроения. Проявлением их, в частности, стала война в Чечне, обернувшаяся для России и ее президента Ельцина в настоящий позор. Все это подрывало авторитет Ельцина в народе, тем более что экономика России разваливалась, страна жила за счет займов у Международного валютного фонда, предприятия закрывались, прокатились забастовки шахтеров и их манифестации в Москве. На парламентских выборах 1995 г. большинство мест в Думе получили российские коммунисты. В 1996 г. Ельцин с трудом был снова избран президентом, но для этого пришлось привлечь большие финансовые, административные ресурсы и организовать пиар-кампанию с широким использованием электронных СМИ.

Задавая себе вопрос «Как же будущий историк оценит Бориса Ельцина?», Кимура Хирочи тут же отмечает: «возможно он растеряется перед его многоплановым и многообразным имиджем и испытает трудности в создании унифицированного образа Ельцина» (15, с. 212). Партаппаратчик, более 30 лет бывший в рядах КПСС и занимавший в ней высокие посты, в годы перестройки он стал лидером оппозиционной «Межрегиональной группы» вместе с Сахаровым, Афанасьевым, Поповым; действуя как популист, он завоевал широкую поддержку среди простого народа.

Демократизм в Ельцине сочетался с такими чертами, как авторитаризм, склонность к насильственным действиям, приверженность к федерализму, сформировавшимися у него под большевистским влиянием.

Кимура Хироси считал Ельцина руководителем переходного периода, чья миссия была завершена уже к 1997 г. (году опубликования его книги).

Россия в эпоху Путина

Если при оценке реформ Горбачёва и Ельцина японские исследователи акцентировали внимание на утверждении демократической власти и институтов и противостоянии им коммунистов, то при анализе реформ в России во времена В.В. Путина их занимают прежде всего вопросы функционирования новой власти, ее прочности и соответствия «демократическим стандартам» и ценностям капиталистического общества.

Во времена президентства В.В. Путина японских русоведов, как и многих специалистов по России на Западе, волновал постоянно вопрос, приведет ли курс Путина «к упрочению новой авторитарной системы, или путь на демократизацию и создание гражданского общества неизбежен» (21, с. 32).

Этой проблеме посвящена, в частности, книга Эгаси Хироси «Империя Путина» (24).

Японские русоведы прежде всего отмечают, что избранный в 2000 г. президентом России В.В. Путин столкнулся с множеством проблем, доставшихся ему от его предшественника, и одной из основных и приоритетных задач было упрочение централизации власти в России. Как пишет профессор Центра славянских исследований при университете Хоккайдо (г. Саппоро) Мацузато Кимитака, «Российское федеративное государство, которое в конце 1990-х годов находилось на грани превращения в конфедерацию, при новом Президенте РФ В.В. Путине встало на путь централизации». В чем истоки реформы Путина? Диктовалась ли она интересами Центра или же самих регионов, которые в результате позднее ельцинского «восторга от регионализма» попали в тупиковую ситуацию? Почему регионы, в том числе сильные, уступили новому президенту так легко? До какой степени изменились взаимоотношения между Центром, регионами и субрегионами после начала реформ Путина?» (4, с. 6).

Централизаторскую реформу Путина нельзя рассматривать только в свете реакции на кризисное состояние российской государственности, вызванной усилением центробежных тенденций, характерных для политики региональных властей в позднеельцинский период. «Скорее, – пишет Мацузато, – она имеет эволюцион-

ный характер и в первую очередь соответствует современному этапу развития российского капитализма» (4, с. 7).

После финансового кризиса 1998 г. в российской экономике впервые со времени «краха социализма» обозначились признаки хозяйственного возрождения, это привело к активизации движения капитала, возникновению новой волны передела собственности и превращению олигархов в «игроков» «поистине общегосударственного масштаба» (4, с. 7). Активизация межрегионального движения капитала подорвала «замкнутую, патримониальную региональную экономику», представлявшую собой основу влияния региональных элит. Это изменение, скорее всего, ударило по руководителям многоресурсных регионов, таких как Коми, Башкортостан и Нижегородская область, которым удалось построить «сильный замкнутый рынок» еще до кризиса 1998 г. Региональным руководителям, избравшим модель «слабого открытого рынка»... или из-за малоресурсности своего региона сумевшим построить только «слабый полузакрытый рынок», «было относительно нетрудно пережить изменения на российском фондовом рынке после 1998 г.» (4, с. 7–8). Активизация межрегионального перемещения капитала привела к тому, что полномочные представители президента в федеральных округах стали часто играть роль брокеров (4, с. 8). Так, например, в Республике Коми, федеральным инспектором стал человек из ЛУКОЙЛа. Известно много случаев подобного «брокерства». Показательны в этом отношении слова из речи по случаю двухлетней годовщины введения института полпредов Дальневосточного представителя президента К.Б. Пуликовского: «Раньше, во время реформы, до нашего региона у крупного капитала руки не доходили. Теперь наше время пришло. И я положительно воспринимаю, когда в регион приходит крупный серьезный капитал» (4, с. 8).

Путин избрал эволюционный путь проведения реформ. «Эволюционный характер реформы Путина, – пишет Мацузато, – четко прослеживается в межполитических отношениях, или в отношениях между уровнями политики» (4, с. 8).

Существует упрощенное, но распространенное понимание межполитических отношений в России, будто бы они развивались в направлении от региональной автономии со слабыми межполитическими взаимодействиями при Ельцине к интенсификации при Путине. На самом деле даже в позднеельцинский период, пишет Мацузато, главам регионов чрезвычайно важно было стать эксклюзивным партнером Центра. «Их эксклюзивный статус в отно-

шениях с Москвой являлся и является одним из двух главных условий стабильности их режимов. Вторым выступает создание и сохранение “пакта элит”. Разумеется, оба эти условия часто представляют собой лишь две стороны одной медали: когда “пакт элит” разрушается, появляется альтернативный главе партнер центра и наоборот» (4, с. 8–9).

Региональная политика В.В. Путина, по мнению Мацузато, достаточно реалистична. Если Центр ищет в регионе альтернативного и *реального* (т.е. «проходного») партнера, то к действующему главе он относится жестко и не исключает возможности его замены. В противном случае центр находится в поисках компромисса с действующим главой и даже помогает ему усилить свой статус эксклюзивного партнера центра, как это случилось по отношению к М. Шаймиеву в Татарстане и В. Любимову в Рязанской области. Однако последствия этих двух противоположных тактик оказались одинаковыми: в результате монополия правящего или вновь победившего клана каждый раз заметно усиливалась (4, с. 9–10). Биполярная региональная практика Б. Ельцина («баланс кланов») «сменилась путинской («сильный клан берет все») с опорой на клан-победитель, если угодно, клан-хищник» (4, с. 10).

Отличие ельцинской региональной политики от путинской Мацузато видит в том, что: во-первых, при «позднем» Ельцине региональные руководители, как правило, могли выражать свою поддержку президенту лишь с большими оговорками и многословными оправданиями. «Ведь при резком снижении уровня жизни населения, распаде нравственности общества, «потере лица» Россией на международной арене и в условиях действия других отвращающих факторов первой половины 1990-х годов безоговорочная поддержка Ельцина могла превратить региональных лидеров в глазах рядовых избирателей чуть ли не в сознательных ненавистников России. Благодаря активному выдвижению Путиным патриотических лозунгов местным «баронам» стало намного легче становиться частью общенациональной электоральной машины» (4, с. 10). Во-вторых, сказался фактор второй чеченской войны: в ее условиях так легко было стать объектом «высочайшей» критики за антипатриотизм.

При Путине в электоральной политике центра более основательно, чем при Ельцине, укоренились, по словам Мацузато, «правила касикизма», «согласно которым вышестоящие боссы определяют свое отношение к нижестоящим, учитывая электоральные способности последних» (4, с. 10).

Самую значительную разницу между Ельциным и Путиным, обусловившую последующее развитие касикизма, Мацузато обнаруживает в их подходах к региональной элите. Ельцин был убежден, что, приобретая в своем регионе монополюсный статус, местные руководители непременно превращаются в сепаратистов. Именно по этой причине он стремился в том или ином регионе иметь соперников главе в лице мэра регионального центра и т.п. Путин же позволяет, а в отдельных случаях и поощряет глав регионов становиться монополистами, взамен требуя от них жесткого подчинения центру. В целом, при Путине «региональные как, вероятно, и субрегиональные элиты сильнее ощущают совпадение своих интересов с интересами центральных элит» (4, с. 10–11). Это благоприятно воздействует на развитие общенациональной партийной системы. При Путине развивается только одна общероссийская клановая партия, а именно – «Единая Россия», «программные же партии» (и левые, и либеральные) находятся в глубоком кризисе. «В этом заключается еще один признак традиционализма В. Путина. Таким образом, режим Путина процветает на почве, обработанной Ельциным» (4, с. 11).

По мнению Мацузато, путинская политика привела к переориентации региональных правящих элит по сравнению с позднеельцинскими временами. При «позднем Ельцине» Татарстан и Коми политически ориентировались на правовой сепаратизм, компенсированный политической лояльностью Ельцину, с моноцентристской моделью конфигурации элиты, Самарская и Ульяновская области ориентировались на правовую и политическую лояльность Ельцину, но имели разные конфигурации элит (первая – моноцентристскую, а вторая – бицентристскую), Рязанская и Тамбовская области ориентировались на лозунговую левизну, но на деле придерживались умеренной позиции, имея моноцентристскую (первая) и бицентристскую (вторая) конфигурации элиты, Краснодарский же край, возглавлявшийся губернатором Н. Кондратенко, представлял собой «мятежную цитадель». С моноцентристской моделью конфигурации элиты (4, с. 12). Если не считать руководство Краснодарского края, руководители других областей и республик (Татарстана, Тамбовской, Рязанской и Ульяновской областей) к концу 90-х годов постепенно отказывались от типичных для них в середине 90-х годов прокоммунистических или левоцентристских установок.

При Путине региональные элиты стали более правоцентристскими и лояльными центру, чем при Ельцине. «Парадокс рефор-

мы Путина, таким образом, заключается в том, что при нем, по видимости, старающемся ограничить влияние региональных элит, последние стали еще более монолитными», – обобщает Мацузато (4, с. 13). Их объединила общая принадлежность к «правлящему клану» на общероссийском уровне, достигнутая благодаря путинским реформам.

Как отмечают японские исследователи, в политическом курсе Путина важное место занимает идея создания «партии власти». По словам японского политолога Оогуси Ацуси, хотя появление партии «Единая Россия» и ее монополия в Государственной думе не свидетельствуют о торжестве демократии в России, она обладает большой мобилизационной силой. В то же время «система партии власти в России еще четко не отлажена» (18, с. 19), но она, «очевидно, является эффективной концепцией» (18, с. 19). «Единая Россия» скорее опирается на практически-организационные методы работы, использующие такие понятия, как патернализм, покровительство, касикизм, чем на идеологию. Но «Единая Россия» в некоторых отношениях хрупка. Во-первых, из-за доминирования в России системы сильной президентской власти в условиях раскола в администрации президента или в правительстве при отсутствии у президента преемника «Единая Россия» может расколоться, т.е. кризис ее «придет сверху». Во-вторых, «Единой России» необходимо превратиться из партии – «профсоюза бюрократов» в партию с более широким социальным представительством и расширить социальную базу своей поддержки. В-третьих, несмотря на большие мобилизационные ресурсы партии, она может столкнуться с теми же проблемами бюрократизации, с которыми в прошлом столкнулась КПСС, что приведет к росту политической индифферентности в России (18, с. 18–19).

Изменения в системе государственной власти в России также являются предметом внимания японских русоведов. Анализируя их с точки зрения соответствия их нормам современного демократического общества, они в то же время отмечают и их своеобразие. Так, японский профессор из университета Васэда Цуда Юко подчеркивает, что после принятия в декабре 1993 г. новой конституции в российской политической системе «произошел переход от премьерско-президентской системы и приближение к президентско-парламентской системе» (23, с. 5). Сегодня в России президент избирается на прямых всенародных выборах, назначает министров и имеет право распустить парламент. Хотя президентская система в России отражает национальную специфику истори-

ческих условий ее формирования, в общем она соответствует стандартам современной демократии.

Японские экономисты также отмечают, что при Путине начал активно развиваться российский бизнес (13), российские корпорации (9), что российские компании успешно сотрудничают с многонациональными корпорациями (14), что растут иностранные инвестиции крупных российских компаний (19).

Но при значительных экономических успехах был сделан шаг назад в области демократических свобод, поскольку под контроль попали средства массовой информации (8).

Возможность реализации идеи создания гражданского общества в России, провозглашенной Путиным одной из основных целей его политики, вызывает у японских русоведов большие сомнения. Как пишет Накамура Ицуро в статье «Гражданское царское общество в России. Эпоха Путина» (16), в условиях экономического обнищания народа, политической нестабильности, роста общественных разногласий в стране этому будет еще препятствовать и многовековая традиция, ориентирующая русский народ на поддержание авторитарной (царской) власти. Согласно этой традиции, на основе моральной оценки выносимой народом, верховная власть в лице царя строит свою политику. Сколь бы ни были остры общественные противоречия, как бы народ ни ошибался в оценке добра и зла, окончательное разрешение этих противоречий и ошибок доверяется верховному властителю, «иными словами, – пишет Никамура, – при углублении общественных заблуждений россиянин возлагает надежды на сильного государственного деятеля. Но если этот верховный политик не прислушается к материальным требованиям народа, часть его может по обычаю перейти в террористы» (16, с. 36). То есть идеям гражданского общества трудно реализоваться в России в силу того, что традиционно российский народ привык разрешать возникающие в стране проблемы и противоречия способами, характерными не для гражданского общества, а для авторитарных режимов.

Японский специалист по российскому праву из университета Гифу Такэмури Масатака, оценивая путинский курс на централизацию власти и называя его «революцией сверху», пишет: «Стратегия Путина, хотя и авторитарная, является стратегией неанархичной, функционально эффективной демократической системы. Сознание большинства современных россиян, вероятно близко к такому пониманию ее. Однако нет гарантии, что благодаря «революции сверху» в России появится зрелое гражданское общество.

Трудно, вероятно, отрешиться от авторитарного характера» (21, с. 32).

Вывод о двойственной природе современного российского государства и общества соответствует общему ментальному восприятию нашей страны в Японии, в котором нет резких сдвигов в сторону негативизма или приязни (характерных для иных западных изданий) и прослеживается стремление к конструированию сбалансированных представлений о «северном соседе».

Литература

1. Вада Харуки. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. – М., 1999. – 400 с.
2. Корнилов М. Русская история, политика и культура в восприятии японцев // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 4(57). – С. 111–127.
3. Курода Канъити. Сны Горбачёва. (Перестройка в СССР: взгляд из Японии). – М., 1994. – 256 с.
4. Мацузатт Кимитака. Предисловие // Феномен Владимира Путина. – С. 6–13.
5. Мацузато Кимитака. Электоральная география России: Белый, красный, серый и взрывной пояса / Выборы и партии в регионах России. – М.–СПб., 2000. – С. 170–194.
6. Феномен Владимира Путина. – Саппоро, 2007. – 264 с.

На японском языке

7. Авата Сатоси. Росиа-но ко: поратэндзуму. – Сонно мондаймэн. (Российский корпоративизм. Его проблемы) // Ю.росиа кэккю. – Токио, 2007. – № 36. – С. 63–65.
8. Ассо Масахироси. Путин сэйканка-но массу мэдиа (Российские СМИ при Путине) // Ю.расиа КЭНКЮ. – Токио, 2005. – № 32. – С. 21–26.
9. Вада Харуки. Ватаси-но мита пэрэсуторойка (Мой взгляд на перестройку). – Токио, 1987.
10. Ёкото Синдзи. Гэндай Росиа сэйдзи ню: мон. (Современная российская политика. Введение). – Токио, 2005. – 154 с.
11. Ивасаки Масхаки. Росиадзин то нихондзин. (Русские и японцы). – Саппоро, 1990. – 210 с.
12. Ивасита Анихиро. Хокухо: рё:до мондай. (Проблема северных территорий). – Токио, 2005. – 284 с.
13. Икэда Масахироси. Росиа бидзинэсу-но юкуэ. (Положение российского бизнеса) // Ю.расиа кэнкю: – Токио, 2005. – № 32. – С. 15–20.

14. Иман Масакадзу. Росиа кигё-но такокусякна-о гайнан суру. (Общий обзор интернационализации российского бизнеса) // Ю:расиа кэнкю: – Токио, 2005. – № 34. – С. 2–7.
15. Кимура Хироси. Борису Эрицин. Ити Росиа сэйдзика-но кисэки. (Борис Ельцин. Путь первого российского президента) – Токио, 1997. – 14, 240 с.
16. Накамура Ицуро. Россия ко:тэй симин сякай – Путин-но дзидай. (Гражданское общество императора Путина) // Ю:расиа кэнкю: – Токио, 2004. – № 31. – С. 31–36.
17. Накаяма Хиромаса, Мальцев Ю.Н., Олейник И.С. Пэрэсуторойка то кэйдзай кайкаку. Собизто кэйдзай-но парадоксу. (Перестройка и экономическая реформа. Парадоксы советской экономики). – Токио, 1990. – 14, 306 с.
18. Оогуси Ацуси. Сэйфутто: тайсэй-но сэйдока: «То:ицу Росиа» то: – но хаттэн. (Формирование системы правительственной партии. Развитие партии «Единая Россия») // Тайсэй тэнканго-но Росиа найсэй-но тэнкай. – Саппоро, 2006. – С. 15–22.
19. Отова Итару. Росиа сихон – ни ёру гайконукигё: байсю: – но дзиссой. (Тенденции иностранного инвестирования крупнейших российских предприятий) // Ю:расиа кэнкю:.. – Токио, 2006. – № 34. – С. 8–13.
20. Сиратори Масаани. Росиа-но дзайсэй кинзо: дзё:сэй то кайкаку-но тэмбо: (Фискальное и финансовое положение дел в России и перспективы его реформирования) // Ю:расиа кэнкю:.. – Токио, 2004. – № 31. – С. 37–42.
21. Такэмори Масатака. Аратана Сю:кэнка то Пу:тин-но «какүмэй». (Новый централизм и путинская «революция») // Ю:расиа кэнкю:.. – Токио, 2005. – № 32. – С. 27–32.
22. Фудзивара Кацуми. Росиа бидзинэсу то Хасан (Российский бизнес и система банкротства в России) // Ю:расиа кэнкю:.. – Токио, 2005. – № 32. – С. 2–8.
23. Цуда Юко. Дайто:рё:сэй то гиин найкакусэй-о мэгуру гирон-но хэнсэн – Росиа – ни окэру сэйдзи сэйдо: хэнко:-но каносэй. (Прения о президентской и парламентской формах правления. – Возможности изменения политической системы в России) // Тайсэй тэнканго-но Росиа найсэй-но тэнкай. – Саппоро, 2006. – С. 1–8.
24. Эгасира Хироси. Пу:тин-но тэйкоку. (Империя Путина). – Токио, 2004. – 333 с.

Глава 9

ЕВРОСОЮЗ – РОССИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

Что представляет собой современный Евросоюз? В чем его цель? Обладает ли он единой внешнеполитической амбицией? И способен ли он к ней?

В наше время этот вопрос должен предшествовать любым рассуждениям на тему «Европа и Россия». По мере развития процессов политической интеграции понятие «Европа» – по крайней мере, в восприятии граждан его стран, в журналистском и в политическом обиходе – все чаще используется как синоним «Евросоюза». Извечный философско-мировоззренческий вопрос о соотношении «Европы» и России обретает реально-политические контуры. По мере развития процессов интеграции Евросоюз все настойчивее претендует на статус субъекта мирового политического процесса. В первую очередь это выражается в попытках разработать единую оборонную стратегию и внешнюю политику. «Европа должна говорить одним голосом», – эти слова, как заклинание, уже много лет с высоких трибун повторяют лидеры ведущих стран Евросоюза. Им вторят журналисты и политологи. Особенно когда речь идет о России.

Причем, сторонники ускоренной политической интеграции подразумевают, что этот единый европейский голос не должен быть «дружным хором» – т.е. продуктом внутриевропейского дипломатического компромисса, а действительно *одним* голосом, голосом Евросоюза как такового. Однако «единый голос» в стратегических вопросах внешней политики, по крайней мере на нынешней фазе развития Евросоюза – не может возникнуть лишь на путях создания институциональных рамок, его предпосылкой является минимальный мировоззренческий консенсус европейских

государств. Подобный консенсус предполагает общую или, по крайней мере, сходную политическую культуру. А такая политическая культура предполагает сходство конструктов, определяющих восприятие основополагающих политических тем.

Попытаемся определить, в какой мере Евросоюз обладает общими конструктами в восприятии России и где лежат разногласия, в силу которых в отношениях с Россией Евросоюз собственного голоса пока не обрел: в лучшем случае из него доносится дружный хор, чаще же всего – сольные вокалы.

* * *

Прежде чем перейти к практической части работы, несколько слов о том, каким содержанием будут нагружены понятия, употребляемые в данном исследовании. Под «*внешней политикой*» здесь будет пониматься совокупность мер, нацеленных на возможно более полное осуществление официально принятых в данном государстве и на данный период времени представлений о взаимоотношениях с другими государствами или с иными субъектами мировой политики, с тем, чтобы организовать эти отношения наилучшим для себя образом и обеспечить тем самым свое дальнейшее самостоятельное существование в оптимальных для себя условиях. Интересы, связанные с обеспечением подобного существования, мы назовем «*реальными*».

Эти представления о взаимоотношениях с государствами и иными субъектами мировой политики определяются особенностями политической культуры. Под «*политической культурой*» автор подразумевает присущий государству и обществу характер восприятия внутри- и внешнеполитических раздражителей, тип концептуализации и реализации внутренней и внешней политики. Таким образом, к ней относятся не только политически действенные воззрения, определяемые соответственными ценностями и базирующиеся на когнитивных или эмоциональных основах, но и характер соответствующего политического действия. Политическая культура находит выражение во взаимоотношении своих факторов – в характере восприятия политических реалий и вызовов, в концептуализации соответствующего политического действия и в действии как таковом.

В контексте темы интересны в первую очередь исторически сложившиеся и относительно стабильные формы восприятия (так называемые *конструкты*), с одной стороны, определяющие осо-

бенности идентификации вызовов и концептуализации действия, с другой – сами постепенно модифицирующиеся в ходе длительной конфронтации с новыми реалиями. Эти конструкты в решающей степени определяют нацеленную на формирование общественного мнения работу СМИ, партийно-политические установки, угол зрения страноведческих исследований. В отличие от эмпирических социальных исследований (в том числе ставшего уже классическим подхода, предложенного теоретиками *civic culture* Г. Алмондом и С. Вербой (1)), мы будем исходить из того, что данные конструкты существуют не в виде совокупности индивидуальных установок, а представляют собой исторически выросшие коллективные феномены, в значительной мере предопределяющие характер восприятия социумом меняющихся внешнеполитических вызовов.

Для данной работы интересны: 1) представления государственной общности о собственной идентичности; 2) представления об идентичности России; 3) представления о «правильной» политике по отношению к ней и ожидания, направленные на нее.

Под «*национальной идентичностью*» в этой статье мы будем понимать относительно стабильное, исторически сложившееся «самовосприятие» государственно организованного общества. Без нее не могут быть «выстроены» образы государств-соседей, а следовательно, невозможна разработка внешнеполитических стратегий и построение внешнеполитического действия.

По мере развития процессов политической интеграции Евросоюз смог занять определенные позиции по отношению к важным для него странам и регионам мира, в том числе и по отношению к России. Они нашли отражение в официальных документах Евросоюза, например в Коллективной стратегии Европейского союза по отношению к России, в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве и т.д. (подробнее см.: 4). Однако удалось ли Евросоюзу, т.е. структуре до сих пор бывшей лишь объединением европейских государств, настолько «продвинуться» на пути формирования собственной идентичности, чтобы суметь реализовать эту общеевропейскую стратегию на уровне собственной внешней политики и подчинить внешние политики своих членов ее приоритетам? Ложит ли в основе этой стратегии единое восприятие России?

Необходимость дальнейшего укрепления европейского единства очевидна всем членам ЕС. Однако отношения между некоторыми его странами, особенно после приема в эту структуру целого ряда новых членов из Восточной Европы, отягощены пока

еще непреодоленным на политических путях историческим прошлым. Выросшие из нехорошего исторического опыта конструкты так стабильны, что неизбежно влияют на концептуализацию внешних политик. В качестве примера может быть названа Польша, на отношении которой к России и к Германии не повлияло ни бывшее членство Польши в СЭВ, ни ее нынешнее – в НАТО и в ЕС. Недоверие и (более или менее скрытая) неприязнь как к «восточному» так и к «западному» большому соседу подспудно определяет политическое поведение этой страны. Ее ориентация на США в ходе иракского кризиса в 2002 г. и фактическое согласие с обозначениями «Новая» и «Старая Европа» показали, что членство в ЕС не повлияло пока на ее мышление в категориях *balance of power policy*, инструментом (или жертвой) которой ей снова и снова приходилось быть в ходе своей истории и самостоятельным актором которой ей хочется, наконец, стать.

Уже в рамках старого Евросоюза существовали конфликтные потенциалы, обусловленные не реальными экономическими интересами, а исторически обусловленными особенностями восприятия. Интеграция в европейские институты способствовала нейтрализации этих потенциалов на высоком «европейском» уровне, однако в памяти народов они не затухли, более того, иной раз они даже оживали в локальной политике. Пресловутая дружба Франции и Германии, считавшаяся «двигателем европейской интеграции» не устранила горьких воспоминаний немецких эльзасцев об ассимиляторской франкофонной политике первых послевоенных лет, в Италии снова и снова припоминают немцам зверства эсэсовских дивизий и т.д. После же поспешного принятия в Евросоюз новых членов этих потенциалов стало еще больше и артикулироваться они начали уже не на локальных, а на государственных уровнях. Достаточно назвать так называемый «исторический спор» между Германией и Польшей о немецких жертвах этнических преследований, осложнивший отношения между этими странами в прошедшие несколько лет.

Представления многих членов Евросоюза (в том числе, одного из его политических и экономических «моторов» – Германии) о своей национальной идентичности и об идентичностях ряда соседних государств находятся в процессе изменения. Бывают серьезные, выходящие на уровень государственной политики, асимметрии взаимного восприятия (в том числе у Германии и Польши), обусловленные исторически сложившимися конструк-

тами, естественная модификация которых отстает от реалий современной политики.

Говоря о конструктах, определяющих восприятие странами Евросоюза России, следует выделить, с одной стороны общий «европейский» конструкт по отношению к России, обусловленный интеграцией этих стран в европейские институты и в общей мере присущий им, когда речь идет об официальных интересах ЕС по отношению к России и концептуализации общеевропейских политических программ. С другой стороны, в рамках Евросоюза некоторые из этих стран могут находиться в разных политических лагерях по отношению к тем или иным вызовам мировой политики. Концептуализация политики членов Евросоюза по отношению к России определена таким образом, во-первых, «общевропейской идентичностью», во-вторых, различными позициями этих стран в Евросоюзе, в-третьих, различным историческим опытом в отношениях с Россией и, в-четвертых, опытом отношений друг с другом.

Что представляет собой «общевропейский» конструкт, достаточно ли он действенен, чтобы определить не только разработку «стратегий ЕС» по отношению к России, но и оказать влияние на концептуализацию внешних политик его членов?

* * *

Анализ официальных стратегических документов ЕС, тематизирующих сотрудничество с Россией в целом, как, например, Соглашения о партнерстве и сотрудничестве или, в особенности, Коллективной стратегии ЕС по отношению к России показывает, что «общевропейский» внешнеполитический конструкт носит нормативный характер. На первом плане стоят либеральные ценности западного общества, считающиеся универсальными: права человека, демократия, правовое государство, рыночное хозяйство. В документах, созданных ЕС в 90-е годы, центральное место занимает демократизация России, или, как стали выражаться позже, «поддержка развития демократии». Не будучи государством, не обладая историческими корнями, эта своеобразная гибридная структура, до сих пор не решившая, что она такое и чем она в итоге хочет стать, показывает себя либо неспособной, либо нежелающей четко дефинировать свои реальные, жизненные внешнеполитические интересы (которыми она обладает уже потому, что имеет общий рынок), предпочитая укрываться за нормативными

целями, нагружая их «стратегическим» содержанием, создавая инструменты для их реализации и даже уверяя, что именно эти идеи и ценности – в совокупности с мягкой, невоенной формой их реализации – и есть новая форма политики, отличающая европейскую «постнациональную империю»¹ от грубых, продиктованных эгоистическими целями реальной политики, интересов отдельных государств. Примат этих ценностей должен определять внешнеполитические культуры членов ЕС, так что преследуя свои интересы они – в идеале – должны уж если не подчинять их этому нормативному началу, то по крайней мере соотносить с ним. В мировом политическом процессе ЕС видит себя «гарантом демократии», причем не таким грубым и нахрапистым, как США, а мирным, просвещенным, цивилизующим не только отдельные конфликтные государства и регионы, но, в перспективе, и всю систему международных отношений. В то же время ЕС не приносит реальную политику в жертву идеологической миссии – вступив в мировой политический процесс как гетерогенный актор, он просто не развил еще ни четкого, определяемого реальными интересами, внешнеполитического профиля, ни адекватных форм единой внешнеполитической деятельности.

Оправдывая реально-политическую беззубость ЕС, теоретики европейской интеграции создали концепцию «цивилизующей державы» и «нормативной силы» («*normative power*») (17), утверждая, что ЕС уже обладает собственной внешнеполитической культурой, стоящей, якобы, на порядок выше внешнеполитических культур его членов.

И хотя превосходство такой культуры над политическими культурами старых европейских демократий, с точки зрения автора, более чем сомнительно (не располагая «общественностью», не будучи «государством политических партий», ЕС концептуализирует свою внешнюю политику на уровне национальных и европейских элит), она объясняет тон официальных документов ЕС по отношению к России. Минимальный консенсус, объединяющий всех членов ЕС, как старых, так и новых, в вопросах отношений с Россией – ценностный. Все члены ЕС официально желают себе «де-

¹ Это чудовищное понятие (варианты: «добровольная империя», «кроткая империя», «империя эпохи постмодерна») не встречается в официальных документах, однако любимо нынешними геополитиками американской ориентации, рассуждающими о новом мировом порядке. См., например: (10; 11).

мократической России», уверяя, что такая Россия непременно будет «естественным партнером Европы».

Второе, что их всех объединяет – это подспудное, не артикулируемое (по причине своей иррациональности) открытым и уж тем более официальным текстом, но тем не менее непреодолимо сильное убеждение, что Россия никогда не будет такой демократической, как нужно, а если даже и будет, то стратегическим партнером для Европы все равно не станет. Либо она ослабнет и станет очагом нестабильности, либо окрепнет и станет очагом угрозы. Этот имидж страны, от которой всегда, в каком бы положении она ни находилась, будет исходить угроза для Европы, по сей день определяет восприятие России как евроэлитами, так и элитами национальных государств, и – даже в лучшие времена отношений между Россией и странами Евросюза – проскальзывает снова и снова в «частных» публикациях брюссельских еврократов в национальных газетах, не говоря уж о работах политологов и о журналистских статьях. Он – составная часть современной европейской идентичности *visavi* касается России. И хотя Евросоюз еще толком не определил, что он такое и где его пределы, он, несмотря на все свои политические декларации, исходит из того, что Россия к нему принадлежать не может. С ней можно сотрудничать на экономических путях, но политически ее лучше всего держать на расстоянии.

В отношениях с Россией, как и с некоторыми иными экономически важными для ЕС странами, нормативная, «демократизаторская» часть общеевропейской идентичности (сообщество единых ценностей) вступает в противоречие со второй ее частью – с представлением о ЕС как едином оборонительном сообществе¹, цель которого – защитить своих членов от внешних угроз. Для третьей, самой старой составной части европейской идентичности – общности экономических интересов – стабилизация интересующего Европу пространства имеет приоритет по сравнению с его демократизацией.

¹ Немецкая исследовательница Анетте Юнеманн говорит в этой связи о «ролевом конфликте», дефинируя роли ЕС как «международного гаранта демократии» и «международного актора политики безопасности» и исследуя эту проблему в связи с политикой ЕС на Ближнем Востоке (см.: 9). Однако эта противоречивость относится не к одному лишь региону, а в целом определяет современную внешнеполитическую идентичность ЕС.

Разумеется, в идеале стабилизация и демократизация этого пространства должны осуществляться одновременно: долгосрочная стабилизация возможна лишь на демократической основе. Однако в ряде, жизненно важных для ЕС случаев, он, очевидно, не исключал и возможность стабилизации на иных путях. Такие «несовершенные» в плане демократии страны Союз стремится привязать к себе экономически, политически все время указывая им на необходимость демократизации.

Развал СССР положил начало интересной асимметрии восприятия России и Европы. Казалось бы, прозападный курс и антикоммунизм ельцинского режима начала 90-х годов должны были положить конец конфронтации с европейскими демократиями. Однако восприятие России Европой тех лет, Европой, стремившейся как можно скорее заполнить политический и военный вакуум на Востоке, продемонстрировало очевидное: эпоха конфронтации блоков определялась не конфликтами идеологий, а геополитическими расчетами. Несмотря на открытость западным демократизаторам, Россию в Европе в начале 90-х годов воспринимали скорее как ослабленный СССР, в то время как остальные государства постсоветского пространства сразу же начали изображаться стремящимися в Европу жертвами вековой русской экспансии. Ельцинские политики начала 90-х годов праздновали «независимость России» – Европа же, как часть Запада, праздновала свою «победу в холодной войне с русскими». Не могу вспомнить ни одного политического сообщения о России в немецких СМИ начала 90-х годов, где не присутствовал бы элемент если уж не опасения, то хотя бы назидательности. Политики европейских стран усиленно стращали население грядущим и неизбежным «распадом России». В немецких телевизионных новостях тех лет, например, часто повторялась заставка «разлетающейся на кусочки» России или же неприятного бурого медведя, лезущего в Европу из-под российского триколора. Реальные геополитические интересы Евросоюза мотивировались угрозой со стороны России, которая «до сих пор еще слишком велика», слишком «непредсказуема», недостаточно демократична, «как кошмар нависает над молодыми балтийскими демократиями»¹. И «русским предстоит еще очень много учиться», «им предстоит понять», им «надо пока-

¹ Эту великолепную фразу из немецких теленовостей тех лет привожу по личным записям начала 1990-х годов во время обучения в аспирантуре Боннского университета.

зать» и «четко разъяснить» – эти и подобные назидательные формулировки определяли тон «победителей в холодной войне» по отношению к «побежденным», в то время, как в России на уровне СМИ все еще господствовало убеждение, что конец СССР был результатом народного волеизъявления и явился триумфом демократии.

В полной мере перенос старых конструктов восприятия на новую «демократизирующуюся» Россию манифестировался в реакциях Европы на ввод российских федеральных войск в Чечню в декабре 1994 г. В газетах, на телевизионных экранах замелькали натовские эксперты-атлантисты, с наслаждением вернувшиеся к терминологии времен конфронтации блоков. Немецкое телевидение дошло до гротеска, выпустив на экраны престарелого диссидента-советолога, скорбевшего перед телекамерами о «беззащитном чеченском народе перед лицом советских танков». Вплоть до 11 октября 2001 г. чеченские сепаратисты, в том числе бойцы террористических подразделений, именовались в европейских изданиях, особенно в немецкой прессе, «борцами за свободу».

Между тем во внутривалитическом дискурсе тех европейских стран, которые имели в России свои экономические интересы, рассуждения о необходимости демократизации России уже к середине 90-х годов шли рука об руку с тихой убежденностью, что эта демократизация не удалась и на очереди – политика реальных интересов. В Германии, например, в те годы Германское общество внешней политики¹ возило по стране генерала Лебедева: им интересовалась немецкая общественность, он отвечал расхожим представлениям о лидере, способном стабилизировать Россию. Однако необходимость преследовать реальные интересы в отношениях с Россией в Германии в те годы артикулировалась лишь в политических кулуарах и во внутривалитическом дискурсе. На официальном уровне доминировали «общеевропейское» внешнеполитическое измерение и общеевропейский нормативный конструкт.

Со сменой власти в России на рубеже тысячелетия и постепенным усилением стратегического измерения российской внешней политики асимметрия взаимовосприятия России и Европы стала очевидной для самих европейцев. Однако модификация общеевропейского и национальных образов России отставала от меняющихся политических и экономических реалий.

¹ Deutsche Gesellschaft für auswärtige Politik, DGAP – близкая германскому МИДу неправительственная организация.

Старые конструкты времен конфронтации, подспудные ожидания, что русский медведь еще покажет свою нехорошую сущность, необычайно живучи в европейском внешнеполитическом мышлении, хотя их интенсивность варьируется от страны к стране в зависимости от ее внешнеполитического веса и от ее исторического опыта отношений с Россией.

* * *

Рассмотрим соотношение национального и общеевропейского конструктов на конкретном и – в контексте нынешнего экономического и политического сотрудничества России с Евросоюзом – особо актуальном примере: Германии и Польши в их отношении к России. Стратегическое значение взаимоотношений между Германией, Польшей и Россией для стабильности в Европе доказано историей. Практически все спорные аспекты двусторонних отношений между Германией и Польшей, Польшей и Россией, Германией и Россией в той или иной мере пересекаются. Ментальное измерение реальных противоречий находит выражение в политических и общественно-политических дискуссиях, ведущихся в этих странах. В ходе его анализа выявляется асимметрия взаимного восприятия, обусловленная исторически сложившимися конструктами, естественная модификация которых отстает от реалий современного мира.

Нормативный «общеевропейский» образ России в общей мере присущ Польше и Германии, когда речь идет об официальных интересах ЕС по отношению к России и концептуализации общеевропейских политических программ. С другой стороны, в рамках ЕС обе эти страны нередко находятся в разных политических лагерях по отношению к тем или иным вызовам мировой политики. Это размежевание стало особо четким после раздела на «Новую» и «Старую» Европу в ходе интервенции США в Ирак в 2002 г. и преодолевалось постепенно после прихода к власти в Польше правительства Туска.

Для отношений между Германией и Польшей после вступления Польши в Евросоюз была характерна асимметрия взаимных восприятий – в том числе и в вопросе о том, как соседняя страна относится к России. Польша при каждом политическом шаге, который Германия предпринимала по отношению к России, минуя Польшу, обвиняла Германию в унилатерализме – Германию же раздражали претензии Польши на европейское лидерство в вопро-

сах посредничества между Россией и Евросоюзом. Польша опасалась возрождения «особых отношений» между Россией и Германией, которые для Польши всегда кончались нехорошо; Германия же, являясь одной из важнейших стран «европейского ядра», возрождения «особых отношений» с Россией представить себе не могла. Здесь налицо интересная асимметрия восприятия между Россией и Германией, ибо Россия по крайней мере в 1990-е годы, такие отношения (пусть не «особые», но во всяком случае, перешагивающие общеевропейское измерение) представить себе вполне могла, о чем свидетельствовали многочисленные и позитивные воспоминания о «традициях Рапалло», артикулировавшиеся в так называемой околополитической сфере. Снова и снова делались попытки нащупать некие исторически сложившиеся и геополитически обусловленные характеристики, сближающие-де Россию и Германию помимо общеевропейских интересов. Немецкий эксперт из Германского общества внешней политики, организовывавший на протяжении ряда лет на высоком уровне диалоги между немецкими и российскими элитами, в неофициальной беседе рассказывал автору статьи о столкновении «восприятий»: российские участники хотели совместно с немецкими коллегами искать точки соприкосновения в актуальных вопросах мирового политического процесса, немцы же стойко стремились «демократизировать» своих российских коллег, ставя уровень политической кооперации в зависимость от качества российской демократии. В итоге обе стороны говорили «мимо» друг друга.

Польша охотно видит себя в роли исторической жертвы, «зажатой» между двумя могучими соседями с Востока и Запада, снова и снова разделяемой ими – и снова, и снова возрождающейся. Помня в то же время о своей былой европейской славе и стремясь представить себя форпостом Европы на Востоке, она не готова к пересмотру исторически выросших конструктов, вызывающих взаимную асимметрию восприятия с Германией. Как никакое другое европейское государство она живет своим историческим прошлым и крайне болезненно относится к любым политическим шагам, которые могут поставить под вопрос ее сложившийся исторический имидж. Поэтому такое сопротивление встречают с ее стороны призывы немецких историков не умалчивать о сотрудничестве поляков с гитлеровцами, о польском антисемитизме времен гитлеровской оккупации и первых послевоенных лет, о преступлениях против мирного немецкого населения в период депортации. В то же время она с удовольствием и при каждом удобном случае

уязвляет Германию на морально-исторической почве, вызывая в немцах злость и непонимание, поскольку в ФРГ с конца 80-х годов выработалось новое восприятие Польши: это страна, стремящаяся в Европу, зависящая от помощи Германии и поставляющая в нее дешевую рабочую силу. Державные амбиции этой страны в рамках ЕС явились для немцев откровением и нередко интерпретировались как «неблагодарность».

Исторические претензии Польша питает и к России. Она убеждена, что Россия недостаточно покаялась в причиненных Польше злодеяниях, в особенности за пакт с Гитлером в 1939 г., за Катынь, за послевоенную оккупацию и за навязанный в ходе этой оккупации политический режим. Причем российское покаяние на общественном уровне полякам не интересно, им нужно покаяние официальное, из которого могут быть извлечены политически-правовые и экономические следствия. Понимая, впрочем, что Россию – в отличие от ФРГ – морально-исторических уязвить сложно, в жизненно важных вопросах Польша переходит на язык реальной политики. Например, в споре о газопроводе «North Stream» в дискуссии с Берлином она предпочла сделать упор на морально-политическое измерение (немецкие эксперты возмущались, что «польское правительство разрабатывает свои анализы не столько на основе нынешнего, сколько исторического опыта») (9), в переговорах же с Россией делала упор на экономическое и экологическое измерение вопроса.

Исторически сложившиеся асимметрии взаимного восприятия России и Польши оказывают немалое воздействие на реальные двусторонние отношения между этими странами (подробнее см.: 22). В то же время они не только не создают общий базис для некой совместной германско-польской политики по отношению к России, но могут расстроить даже возможную кооперацию Германии и Польши в рамках общеевропейских стратегий по отношению к России. Сложившиеся в Польше на основании ее много-страдального исторического опыта конструкты предполагают «врагов» с обеих сторон, причем с одним из них, представляющим в данный исторический момент «меньшее зло» можно временно кооперироваться *против* другого. Примеров трехстороннего конструктивного и долгосрочного сотрудничества на линии России, Польши и Германия история не дает. Германия отвергает польское «посредничество» в отношениях с Россией, Польша – германское. Шанс для сближения Германии и Польши, равно как и

других стран Евросоюза – в отказе от политики «исторического опыта» во имя политики «общих ценностей».

* * *

Конструкты, являющиеся причиной различий восприятия России и теми или иными странами Евросоюза, выросли исторически и поэтому более сильны, нежели относительно новый «нормативный» конструкт европейского единства. Это подтверждает анализ современных дискуссий.

Восприятие России в странах «старой Европы» амбивалентно. Общий тон подачи информации изменился уже с приходом к власти Путина: заметно пошли на спад дискуссии о характере российской трансформации, уступив место проблемам реального сотрудничества, решения конкретных спорных проблем, развития отношений в общеевропейском масштабе. Тон публикаций по вопросам реальных взаимоотношений с Россией в последние годы был значительно более конструктивен, чем во второй половине 90-х годов. Важнейшими темами оставались практические проблемы, прежде всего партнерство в энергетической сфере, образование зоны свободной торговли, визовый режим. Эти темы занимали значительное место в деловых изданиях и научной периодике, в том числе в регулярных изданиях научно-исследовательских институтов. Влиятельные авторы призывали интегрировать Россию в создание нового мирового порядка: «Нам нужны не новые образы врагов, а всеобъемлющая глобальная кооперация» (с. 8). Высказывалось известное понимание позиций России, связанное, как правило, с критикой политики администрации Буша, например в связи с конфликтом России и Грузии в 2008 г.: «Ситуация в Грузии показывает, к чему привела американская политика, годами направлявшаяся на укрепление собственного влияния в Восточной Европе и Азии и не принимающая во внимание опасения России» (26).

За прошедшие годы из серьезных научных публикаций практически исчезли те репортерские клише, которые определяли в свое время тон иных советологических работ, а в Германии, например, встречались еще в 90-е годы. Они, впрочем, находят место в общественно- и культурно-политическом дискурсе. Сторонники концепций «атлантической цивилизации» неустанно напоминают европейцам, что вся их интеграция оказалась возможной лишь под защитой американских ракет (см. подробнее: 19), а в самой Европе

по-прежнему выходят сборники научных трудов и организуются конференции различных уровней, на которых политики и ученые с неиссякаемым удовольствием снова и снова смакуют извечные вопросы: принадлежит ли Россия к Европе, и если нет, то почему, а если да, то до какого места, и что же, собственно говоря, такое «Европа», чем она отличается от России и почему они могут только взаимоотношаться, но никогда не сольются. Рассматривая эти дебаты в сравнении со сходными по теме debатами о Турции, можно выделить ряд общих моментов. Определяя Запад как «христианский» (католический и протестантский) такие авторы неизбежно отграничиваются как от ислама, так и от российского православия с его византийской традицией. Следующим критерием является наличие функционирующего гражданского общества, демократических прав и свобод. И, наконец, указывается на географию. Подобные конференции публикуют, разумеется, свои отчеты, но поскольку реального выхода в политику они не имеют, а сводятся лишь к рассуждениям или к взаимному «выпусканию пара», практическая ценность их минимальна.

Позиции многих стран ЕС по-прежнему подспудно определяет старый конструкт восприятия России как страны, от которой всегда будет исходить угроза. Казалось бы, Советский Союз – официальная причина неприязни для Запада – ушел в прошлое, Россия вернулась в капиталистическую семью, российский капитал переплелся с западным. Тем не менее каждый «проблематичный» с точки зрения Запада случай (например, гибель Литвиненко) вызывает в СМИ европейских стран волну невыразимой антипатии к России. Иногда под ней можно разглядеть мышление в категориях реальной, т.е. свободной от всяческой идеологической шелухи, честной геополитики: «Членство Грузии и Украины в НАТО необходимо, чтобы вырвать их из русских когтей»¹ или: «Без Украины Россия – обычное национальное государство, с Украиной – непобедимая империя» (20). Однако в некоторых публикациях эта антипатия настолько интенсивна и иррациональна, что не поддается логическому восприятию.

Так, по мере проникновения в Германию российского капитала в политике и прессе зазвучали предостерегающие голоса «экспертов», якобы из морально-политических соображений призывавших Германию к осторожности. В 2007 г. в консервативных

¹ Фраза знаменательна тем, что принадлежит не консерватору, а «зеленому» политику из фонда Генриха Бёлля (7).

кругах (ХДС) говорили о «русских капиталистах», действующих «по заданию Кремля»¹ и требовали протекционистских мер в вопросах «защиты» жизненно важных сфер экономики от экспансии русского капитала. В немецких предпринимательских кругах, сотрудничающих с Россией, данная тема, разумеется, популярностью не пользовалась (6). Требования сотрудничать не с официальной, а с «правильной Россией», уважать российского капиталиста только в том случае, если он – противник российского президента (как Ходорковский) и оказывать на Россию постоянное давление в вопросах демократии и прав человека, высказывались преимущественно на общественном уровне и реально-политического выхода не имели.

Еще один пример: в годы правления красно-зеленой коалиции, после сближения позиций с Россией по отношению к кризису в Ираке и по мере улучшения экономических и политических отношений России с Германией и с Евросоюзом в целом, в политическом и научном дискурсе возник и быстро распространился уничижительный термин «*Russlandversther*», т.е. «понимающие Россию», или буквально «руссопониматели». Ученые и политики, отождествлявшие Запад с трансатлантической идеей и воспринимавшие Россию как угрозу Европе, обозначали этим термином тех своих коллег, которые в той или иной мере высказывали понимание позиций России в ряде важных вопросов мировой политики, например по поводу Косово или возможного расширения НАТО в страны «ближнего зарубежья». Термин оживал при каждом «подходящем» случае, в последний раз – в ходе военного конфликта России с Грузией осенью 2008 г. Предполагалось, что коллега, причисленный к лагерю «руссопонимателей», автоматически лишался права на объективность и политическую релевантность. Причем речь шла отнюдь не об апологетах российских позиций, а об ученых, журналистах, позволивших себе немножко отклониться от общепринятого назидательного тона и указать, что многие из упреков России в адрес Запада имеют под собой реальную основу. Нередко трансатлантисты намекали, что «руссопониматели» куплены российским капиталом². А известный политолог Клаус

¹ В частности, Роланд Кох (ХДС, земля Гессен), см.: Die Angst vor dem russischen Bären ist irrational // Welt am Sonntag. – B., 2007. – 8. Juli. – S. 2.

² Либеральный политик Отто граф Ламбедорф, прямым текстом: «Русские деньги коррумпируют дискурс в Германии» (14).

Леггеви¹, призвавший Запад – в связи с военным конфликтом России и Грузии осенью 2008 г. – к единству «против России», представляющей «угрозу для Европы», считает, что они – специфически германское явление, обусловленное тяжким историческим наследием этой страны. По его мнению, немцы должны эмансипироваться от своего «руссопонимательства» – во имя единства Запада. Невольно возникает вопрос, не идет ли речь о той эмансипации от «наследия прошлого», начало которой было положено участием Германии в натовских бомбардировках Сербии?²

В европейских СМИ подобные теоретики не устают указывать на «деструктивную роль России» в мировых структурах и призывают Европу искать альтернативные источники энергии, чтобы не допустить зависимости от России (25). Они видят в России «автократию с государственно-олигархическим капитализмом и неоимпериальной внешней политикой, определяемой постсоветскими фантомами» и требуют от Евросоюза более быстрых реакций, ибо в ином случае «Восточная Европа будет склоняться к особым отношениям с США» (12). Сама же Восточная Европа пугает «старую» ужасами грядущей русской империи «до границ баварского леса» и призывает Евросоюз к скорейшей консолидации, причем в первую очередь к военной³.

Можно было бы предположить, что молодое поколение европейских ученых и политиков, социализировавшееся в новых исторических условиях, свободно от конструктов времен конфронтации блоков. Однако среди молодежи позиции так же различны, как и среди ее учителей. Среди публикаций молодых ученых можно встретить как клишеобразные статьи, муссирующие образ русской угрозы⁴, так и серьезные, вдумчивые работы. Например, молодая сотрудница вышеупомянутого Клауса Леггеви, возмущенная

¹ Директор института культурологии в Эссене. Цитируемая статья (16).

² Изменившееся геополитическое положение ФРГ повело к смене внешнеполитической парадигмы. Первой жертвой перемен пало традиционное восприятие роли бундесвера как «сугубо оборонительной армии». В политике этот процесс нашел воплощение в отмене конституционного запрета на участие бундесвера в боевых действиях за пределами стран Североатлантического альянса. Участие бундесвера в военных акциях НАТО против Сербии – государства, пострадавшего от гитлеровской агрессии – окончательно похоронило старый конструкт «оборонительной армии».

³ Позиция чешского депутата Европарламента (см.: 27).

⁴ Классический пример – статья сотрудника Центрального европейского университета в Будапеште Яна-Вернера Мюллера (21).

тоном его статьи о России, пишет о нем и ему подобных: «Обвинение в “руссопонимательстве”, выдвигаемое при каждом критическом выпаде в их адрес, напоминает обвинения в “антисемитизме” при каждой справедливой критике политики Израиля. Похоже, что они ищут коллективное обозначение, напоминающее о старой идеологической борьбе... Мое поколение – достаточно стабильное, чтобы не высиживать “теории заговоров” – считает, что для того, чтобы составить объективное мнение о современных конфликтах нам не нужно быть ни “понимателями” России, ни ее ненавистниками» (15).

В Евросоюзе постепенно начинает укрепляться реалистический взгляд на вещи. Так, комиссар по внешним отношениям пишет: «Россия понимает, что Европа до сих пор не располагает реальной силой в вопросах внешней и оборонной политики... В течение многих лет Россия, заключая договоры с отдельными странами, старается воспрепятствовать формированию единой энергетической политики Евросоюза. Европе нужен российский газ, но и России нужны европейские потребители... Поэтому политически дело и дальше будет идти так, как до сих пор... Единая европейская основа еще слишком слаба» (23). Поэтому формирование единой европейской энергетической стратегии станет, по мнению политиков ЕС, важнейшим фактором дальнейшей европейской интеграции, облегчающим консолидацию во внешнеполитических вопросах, в частности, в отношениях с Россией¹.

* * *

Подведем итоги.

Углубление политической интеграции, предусмотренное последними договорами ЕС и в частности реформ-договором (бывшей «Конституцией»), предполагает постепенное превращение ЕС в единый субъект внешней политики. Европа должна противостоять вызовам глобализации, а этого – по мнению европейских стратегов – можно достичь лишь, если экономическая интеграция будет идти рука об руку с интенсивной политической консолидацией. Ведь и единый рынок в свое время создавался не ради самого себя, а с далеко идущими политическими целями.

¹ См., например, публикацию комиссара ЕС в вопросах внешних отношений Б. Ферреро-Вальднер (5).

Уже более 15 лет Евросоюз находится в перманентном «процессе»: расширения, консолидации, организации, самоидентификации, буквально разрываясь между геополитическими амбициями, требующими присоединения новых территорий, и политическими реалиями, диктующими более трезвые концепции, наподобие «политики соседства». Европа хочет быть глобальным актором. Необходимое условие глобальной дееспособности – единая внешняя политика. Условием истинно единой внешней политики является единая идентичность, причем не только политическая, но и культурная, позволяющая развить функционирующие единые институты. Без этого «единая» внешняя политика останется обычным внешнеполитическим консенсусом государств – членов ЕС, «межгосударственным» делом, допускающим все новые внешнеполитические «расколы» и сепаратные союзы отдельных членов ЕС как друг с другом, так и с иными государствами.

Концептуализация общеевропейской стратегии по отношению к России и ее соотношение с реальной политикой стран – членов ЕС – конкретный пример слабости «общеевропейской идентичности», базирующейся пока лишь на минимальнейшем ценностном консенсусе. Модификация же национальных конструкций, выросших на основании исторического опыта и в решающей мере определяющих восприятие политических вызовов и концептуализацию политического действия по отношению к России отстает от изменения как внешне- так и внутривнутриполитических реалий. Пример Германии и Польши – стран, для которых отношения с Россией издавна имели стратегическое значение, показывает, что в отношениях обеих стран с Россией общеевропейский конструкт имеет значение для обоснования собственной политики по отношению к России, но не объединяет их, по крайней мере, если речь идет о реальной политике интересов. Ибо интересы эти слишком различны, а асимметрии восприятия между этими членами ЕС все еще слишком велики. В этой связи актуальны слова аналитика, адресованные всем «новым европейцам»: «Можно понять новых членов ЕС. Их географическое положение, их исторический опыт – причина их недоверия к Москве, слишком сильного, чтобы быть понятным западными прагматиками. Однако и эти страны должны понять, что Евросоюз – не инструмент для преодоления их прошлого, а сообщество единых интересов. Евросоюз – это новое начало, это единые ценности и солидарность, на которых зиждется стабильность и сила» (2).

Современная Европа – это не только функционирующая система институтов Евросоюза, это, прежде всего, идея, политический и ценностный накал которой усиливается по мере утери понятием «Европа» своих географических характеристик. В своем стремлении стать «Большой Европой» Евросоюз постепенно может вступить в противоречие не только с географическими, но и с культурно-историческими характеристиками «Европы». В этой Европе либеральный Запад – вопреки известным словам Киплинга – не исключает возможности сойтись с мусульманским Востоком. Выживет ли в ней старая «европейская идея», базирующаяся на традициях эпохи Просвещения, сохранит ли она актуальность?

Единую идентичность Евросоюз предполагает образовать «сверху», путем создания институционных рамок, однако даже этот путь проблематичен в условиях перманентного территориального расширения. В последние годы геополитические амбиции Евросоюза опережали реальный уровень политической интеграции. Дефицитов в развитии европейского процесса накопилось достаточно и они должны быть преодолены прежде, чем Евросоюз решится на дальнейший территориальный скачок. Ибо в случае вступления в него, например, Турции он приобретет не только беспокойную внешнюю границу и интересное соседство с Ираном но и ряд новых внутренних конфликтных потенциалов. Скорее всего, после этого ему придется надолго забыть о дальнейшей политической консолидации, о возделенном брюссельскими еврократами «союзном государстве Европы», о действительно «единой» внешней политике – и вернуться к тому, с чего он начинался: к сообществу стран общего рынка. Темы, подобные той, что исследовалась в данной статье, в таком случае даже и не возникнут.

Литература

1. Almond G., Verba S. The Civic Culture. – Boston, 1965.
2. Brok E. Die Schwäche der EU // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – F.a.M. 2008. – 14. August. – S. 3.
3. Deutsche Gesellschaft für auswärtige Politik (DGAP).
4. EU – Russia Relations // Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/russia/intro/index.htm
5. Ferrero-Waldner B. Russland ist klüger als die EU // Der Tagesspiegel. – B., 2008. – 6 Mai. – S. 2.
6. Frese A. Wirtschaft in Sorge über deutsche Russlandpolitik // Tagesspiegel. – B., 2007. – 4. Juni. – S. 4.

7. Fücks R. Europa muss die Erpressung zurückweisen // *Der Tagesspiegel*. – B., 2008. – 30. August. – S. 1.
8. Genscher H.-D. Wir sollen uns am Bau einer neuen Weltordnung beteiligen // *Der Tagesspiegel*. – B., 2008. – 10. April. – S. 2.
9. Junemann A. Realpolitisches Nutzenkalkül oder konstruktivistischer Rollenkonflikt / *European External Democracy Promotion*. – Baden-Baden 2007. – S. 295–316.
10. Kagan R. Kampf der Jahrhunderte // *Süddeutsche Zeitung*. – München 2008. – 8 Februar. – S. 2.
11. Khanna P. Das sanfte Imperium // *Die Zeit*. – Hamburg 2008. – 11 September. – S. 4.
12. Klaeden E. von. Ende einer Illusion // *Der Spiegel*. – Hamburg 2008. – 25 August. – S. 24.
13. Kriste K., Maull H. Zivilmacht und Rollentheorie // *Zeitschrift für internationale Beziehungen*. – B., 1992. – N 2. – S. 283–312.
14. Lambsdorf, O. Graf. Langfristige Folgen der Krise im Kaukasus // *Neue Züricher Zeitung*. – Zürich, 2008. – 16 August. – S. 4.
15. Lang A.-K. Eine Russlandkritik in den Stereotypen des Kalten Kriegs // *Kölner Stadt-Anzeiger*. – Köln, 2008. – 5 September. – S. 4.
16. Leggewie C. Die Russlandverstehler verkennen die Gefahr für Europa // *Kölner Stadt-Anzeiger*. – Köln, 2008. – 1 September. – S. 2.
17. Manners J. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. – 2002/40. – S. 235–258.
18. Matsulevits T. Vergesst Russland! // *Die Welt*. – B., 2008. – 1 September. – S. 1.
19. Miliopulus L. Begriff und Idee der «Atlantischen Zivilisation» in Zeiten transatlantischer Zerreißprobe // *ZEI Discussion Papers*. – Bonn, 2008. – C. 188. – 25 S.
20. Moisi D. Der dritte Weg // *Die Welt*. – B., 2008. – 28 September. – S. 2.
21. Müller J.-W. EU und Anti-EU // *Tageszeitung*. – B., 2008. – 18 September. – S. 2.
22. Ochmann C. Die polnisch-russischen Beziehungen im Kontext der neuen Ostpolitik der Europäischen Union // *Russlandanalysen*. – Bremen, 2007. – N. 123. – S. 2–6.
23. Patten C. Putins politische Goldmedaille // *Die Welt*. – B., 2008. – 26 August. – S. 2.
24. Reckmann J. Normalfall Deutschland // *Frankfurter Rundschau*. – F.a.M., 2007. – 23 Juni. – S. 2. Rüle H. Russland ist nicht unverzichtbar // *Die Welt*. – B., 2008. – 13 Oktober. – S. 2.
26. Weisser U. Die russische Angst vor Umzingelung // *Kölner Stadt-Anzeiger*. – Köln, 2008. – 13 August. – S. 2.
27. Zieleniec J. Wir müssen Russland vor die Wahl stellen // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – F.a.M., 2008. – 29 August. – S. 4.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ознакомившись с монографией, читатель видит, что картина, которая называется «Образ России в мире», выглядит неоднородной в силу особенностей и различий восприятия России в разных странах и социальных слоях. Это побуждает завершить исследование рядом выводов когнитивного и методологического свойства, не всегда прямо вытекающих из анализа литературы отдельных стран.

Вывод первый. Представленные в монографии материалы (как сами точки зрения и концепции зарубежных наблюдателей, так и их оценки авторами глав) дают основания сделать вывод, что *нет и никогда не было единого и цельного образа России* в тех странах, где накапливается, обрабатывается и циркулирует сколько-нибудь обширная информация о России. Этот процесс всегда помечен субъективностью ценностей, интересов и целей информаторов, наблюдателей, исследователей, вплоть до чисто конъюнктурных. Поэтому всегда стоит проблема достоверности информации, касающаяся точности фактов и непредвзятости их интерпретации.

Вывод второй. В большинстве стран мира (а их более 200) *вообще нет никакого образа России* и им этот образ мало интересен (если говорить о населении в целом, а не отдельных специалистов). Образ России в мире – это прежде всего восприятие России в общественном мнении тех стран, которые либо являются ее соседями, либо выступают как ее реальные и потенциальные партнеры или соперники в международных делах, либо тесно связаны с нею историческими судьбами и культурными традициями. В более узком смысле образ России в мире – это представления специалистов, прежде всего исследователей-россиеведов, которые профессионально изучают ее прошлое и настоящее, политику, экономику, социальные отношения, культуру и т.д. Они влияют на складыва-

ние определенных стереотипов в общественном мнении, в силу чего и стали основным предметом анализа в монографии.

Вывод третий. Современный образ России невозможно понять без понимания того, как он складывался на протяжении веков. Читатель может вспомнить приведенную в редакционном введении цитату пресс-релиза агентства *United Press International*, отражающую общий подход немалой части общественного мнения европейцев и американцев к восприятию нашей страны в прошлом и настоящем. *Корни сегодняшних представлений о России уходят далеко в прошлое*, откуда тянутся стереотипы.

Вывод четвертый. Эти корни имеют доминирующее европейское происхождение. Говорить же об образе России в Европе становится возможным лишь тогда, когда, с одной стороны, Европа начинает ощущать себя неким если не единым, то общим христианским миром, а с другой – начинает нуждаться в России как в еще одной большой части этого мира пред лицом угрозы с Востока (точнее, с юго-востока), исходящей от Османской империи. Это происходит в XV–XVI вв.

Более того, именно тогда Европа уточняет свои географические пределы до границ, признанных и сегодня. *Россия мыслилась сначала как страна чуждая северная, а затем как чуждая восточная*, азиатская. Как пишет немецкий историк Дитер Гро, первым, кто воспринял Московское государство в качестве части Европы, был римский папа Пий XII (в миру Эней Сильвио Пикколомини) в середине XV в. Более ста лет спустя, на рубеже XVI и XVII вв., выдающиеся мыслители Томазо Кампанелла и Жан Бодэн также отнесли Россию к европейскому христианскому миру (Groh D. *Russland im Blick Europas. 300 Jahre historische perspektiven.* – Frankfurt am Main, 1988. – S. 26–28).

Включение России в европейские пределы того времени можно рассматривать как стремление развивающейся европейской цивилизации соединиться с одними «варварами» («своими» по христианской вере, хотя и с заметными отличиями, а также по этническому и династическому родству) в борьбе с другими «варварами» (совсем чуждыми по вере и по крови).

Вывод пятый. Такая зависимость образа России от мировой внешнеполитической и геополитической конъюнктуры придала ему заметную динамичность (как динамична была сама конъюнктура). Со временем Османская империя слабела, потерпев сокрушительное поражение от Священной лиги в сражении под Веной в 1683 г. Россия же (Московское государство) существенно

усиливалась и расширяла свои владения как в восточном, так и в западном направлениях (еще при Иване Грозном в середине и второй половине XVI в.), что вызвало определенную озабоченность в Европе. Россия начала занимать больше места в европейской картине мира, и отношение к ней стало двойственным. Союз с «московитскими варварами» стал терять свою привлекательность по мере снижения уровня угрозы с Юго-Востока.

Но и само восприятие России как варварской страны тоже претерпевало изменения, начиная с эпохи Петра I. Показательный пример персональной эволюции этого восприятия в просвещенной европейской среде дает Георг Вильгельм Лейбниц. В 1669 г. он писал, что «московиты хуже варваров» и называл Польшу последним оплотом Европы пред лицом надвигающейся азиатчины. Однако реформы Петра побудили великого немецкого мыслителя взглянуть на Россию другими глазами; Россия предстала в его воображении как некий мост между Европой и Китаем, с чьей древней культурой европейцам было важно установить более тесные контакты. Даже после встревожившей многих в Европе победы русской армии над шведскими войсками в 1709 г. под Полтавой Лейбниц, задавая вопрос «опасна ли Россия для Европы», отвечал: нет, если пойдет по западному пути развития (Groh D. *Op. cit.*, S. 41–53).

Внешнеполитическая конъюнктура и имперская внешняя политика России играли ключевую роль в восприятии России и после Петра I. Участие России в трех разделах Польши вело к усилению европейского веса России и, как следствие, к боязни ее. Но когда на исторически короткое время над всей Европой навис колосс наполеоновской империи, а Россия вошла в антинаполеоновскую коалицию в качестве важнейшей составной части, ее стали превозносить. После победы коалиции Варшавское герцогство превратилось в Царство Польское в составе России, а Александр I по совместительству надел корону польского царя, и эти опасения вспыхнули с новой силой. Они усугублялись по мере завоевания Россией Кавказа, а во второй половине XIX в. – Средней Азии. Приближение российских границ к британским владениям в Индии пугало англичан. Страхи поутихли после поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг., но осталось то, что Н.Я. Данилевский назвал «ландкартным давлением» – огромные размеры России делали ее (на карте), похожей на медведя, нависающего над Европой.

Внешнеполитическая конъюнктура ярчайшим образом проявила себя и в XX в., особенно в период Второй мировой войны и после нее. Пакт «Молотова–Риббентропа» о взаимном ненападении Советского Союза и гитлеровской Германии 23 августа 1939 г. поставил Европу и Америку на дыбы с осуждением СССР. Однако когда вермахт вторгся в нашу страну и завяз в войне на Восточном фронте, а затем стал терпеть одно поражение за другим, чувства европейцев и американцев претерпели метаморфозу противоположного характера – Россию полюбили и достаточно бурно выражали эту любовь (вспомним голливудский фильм «Песнь о России» 1944 г.). А после разгрома Германии и создания советского блока в Восточной Европе начались «холодная война» и долгая, на десятилетия, конфронтация. Примером персональных метаморфоз в отношении к нашей стране в это время служат проанализированные в первой главе взгляды американского историка международных отношений Ф.Л. Шумана.

Алгоритм восприятия СССР и России общественным мнением Запада в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры не изменился и в последние десятилетия. Приветствовались перемены, ослабляющие мировую роль нашей страны (прежде всего распад советского блока, а затем и самого СССР), осуждалось стремление России сохранить доминирующее влияние на постсоветском пространстве, а также восстановить мощь и влияние мировой державы. Это проявилось и по ходу конфликтов, сопровождавших образование новых государств на Балканах, и в процессе становления России как мировой энергетической державы («супердержавы», по мнению некоторых аналитиков), и в грузинско-российской войне августа 2008 г. «Путинскую Россию нужно сдерживать так, как сдерживали Советскую Россию» – данная цитата из английской газеты *Spectator* от 30 ноября 2004 г. актуальна и сегодня несмотря на расширившееся взаимопонимание РФ и ведущих западных держав в самое последнее время.

Вывод шестой. Все изложенное выше не противоречит тому, что *огромное влияние на формирование образа России / СССР / России играло и играет внутреннее развитие нашей страны*. Если одним ключевым словом в этом образе на протяжении многих веков было «варварство», то другим – «тирания». Самодержавное всевластие, бесправие народа, беззаконие, безнравственность как основные характеристики российского государства и общества кочевали из труда в труд, из публикации в публикацию. Были ли другие оценки и мнения? Да, были. В главе, посвященной образу

России во Франции, показано, как противостояли друг другу позитивное отношение к России Жозефа де Местра и негативное – Астольфа де Кюстина. Но эта «дуэль» была неравной. Книга де Кюстина «Россия в 1839 году» была переведена на английский и другие европейские языки, набрав общий тираж в 200 тыс. экземпляров – невиданный для Европы середины XIX в. Именно эта книга пересекла все географические границы и пережила десятилетия и века, став наставлением для западной просвещенной публики, желавшей понять Россию; о де Местре и других симпатизировавших России писателях того времени сейчас на Западе мало кто помнит.

В Германии образ деспотической и варварской России создал политический мыслитель Густав Дицель, автор книги «Германия и западная цивилизация» (1852), в которой вопрос о судьбе Европы ставился за 70 лет до Шпенглера и нашлось место для характеристики россиян. Русские – «полудикий народ», лишенный нравственности, – писал Дицель. Небезынтересно предсказание автора: Россию ждет революция, которая неизбежно произойдет потому, что в этой стране каждый человек – потенциальный революционер и у него нет других способов выражения протеста; революция увенчается «абсолютным деспотизмом», который превзойдет якобинскую диктатуру и деспотизм Наполеона (Groh D. Op. cit., S. 282–283).

Дицель задавался целью предупредить европейскую политическую элиту о революционной опасности с Востока, которую он считал более грозной для Европы, чем имперские амбиции России – но парадоксальным образом в то время, когда его прогноз сбылся, в европейском общественном мнении сложился мощный пласт представлений о России (это была уже Советская Россия) как о воплощении социального прогресса и справедливости. После 1917 г. Россия в обличье СССР стала привлекать невиданные доселе симпатии миллионов людей на всех континентах. Советский коммунизм (термин, употреблявшийся чаще, чем советский социализм) казался выходом из тупика, в который человечество зашло после Первой мировой войны и Великой депрессии конца 1920-х – начала 1930-х годов. Не только многочисленные слои рабочего класса, но и очень большая часть интеллигенции, особенно в Европе, стали «розовыми» и «красными». Мощное позитивное восприятие нашей страны сохранялось и в первые годы после Второй мировой войны, исход которой был предreshen победами Советской Армии.

Это восприятие подверглось эрозии после развенчания и осуждения сталинизма на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. (речь Хрущёва была названа «идеологическим землетрясением», она открыла глаза многим сочувствовавшим СССР на отрицавшие ранее преступления сталинского режима), после подавления венгерской революции в октябре того же года, а затем после свержения Хрущёва и определенной ре-сталинизации в период правления Брежнева. Зарубежным наблюдателям стало окончательно ясно, что демократия в СССР («социалистическая демократия») носит еще более фиктивный характер, чем демократия в капиталистических странах, и политическое развитие страны зависит исключительно от верхушки правящей партии. Еще более значимым стало постепенное и неуклонное экономическое, а затем и социально-экономическое отставание Советского Союза от Запада, вкатывание в эпоху застоя. Контраст между «коммунизмом» и капитализмом в 1930-е годы был в пользу первого, олицетворявшегося СССР; в 1970-е и 1980-е годы – в пользу последнего, олицетворявшегося передовыми странами Запада, чье развитие шло под знаком смягчения острых социальных противоречий и роста качества жизни.

После краха советской системы фактор социального и экономического соревнования и сравнения двух систем перестал существовать, но фактор демократического развития по-прежнему сохранял первостепенную значимость в глазах зарубежных наблюдателей. В этом отношении, как мы видим сейчас, восприятие российских реалий осталось крайне критичным – да, говорят нам зарубежные наблюдатели, у вас имел место процесс демократизации, появились демократические институты, но они еще не наполнены подлинно демократическим содержанием и этого не приходится ожидать в условиях авторитарного правления хозяев Кремля и насаждения регулируемой демократии.

Вывод седьмой. *Нельзя оценивать отношение к нам и образ России за рубежом по отдельным броским высказываниям и цитатам – неважно, позитивным или негативным. Не так давно (7 февраля 2009 г.) председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу в ходе совместной с В.В. Путиным пресс-конференции заявил: «Россия такой же член европейской цивилизации, как и любая другая страна Европы». Как явствует из всего сказанного выше, это не мнение всего политического класса Евросоюза. Можно предположить, что это личное мнение Баррозу, но скорее всего в данном случае мы имеем дело с политкоррект-*

ностью, проявленной в нужное время и в нужном месте. В целом и сейчас Россия остается для Запада не вполне понятной и не вполне своей, скорее чужой страной. Присутствие «Другого» в мировосприятии людей, даже политической и интеллектуальной элиты – это как раз случай отношения Запада к России.

Приходится констатировать известную негативную динамику в этом смысле в последние полтора десятилетия. Длительное время (в Новое время, после 1917 г., в период «перестройки») за рубежом было сильное желание понять Россию и русских, разгадать «русскую загадку» с тем, чтобы оптимальным образом строить отношения с Россией. Сейчас этот импульс существенно снизился. В Европе и Северной Америке преобладает мнение, что и царская Россия, и коммунистическая Россия, и нынешняя Россия были и остаются для Запада «Другим», и это главное для ее понимания. С ней можно строить отношения на прагматической взаимовыгодной основе, но интегрировать ее в Европу нельзя. Больше того, ее по возможности надо ограничивать и сдерживать.

Такое восприятие России за рубежом принимается как данность российскими политиками. Задаваясь еще накануне президентских выборов 2008 г. вопросом «почему России все боятся?», Дмитрий Медведев сам ответил на него: другим государствам просто неясно, куда движется Россия и что она собирается делать в перспективе. И действительно, сейчас история не помощник окружающему миру. Поэтому прагматическая проблема выстраивания стратегии в отношениях с Россией полностью вытеснила традиционную проблему глубинного понимания России.

Парадоксальным образом здесь обнаруживается нечто общее в мышлении людей евроатлантического мира и россиян, во «внешнем» и «внутреннем» восприятии России: мы тоже в огромном большинстве своем не знаем, что наша страна будет представлять через 10–15 и более лет.

Вывод восьмой и последний. Образ России за рубежом мозаичен. В целом он не очень позитивен в Европе, Северной (именно Северной) Америке и в ряде других мест и стран. Тем не менее он *разнороден в социальных, национальных и этноконфессиональных пространствах*, и он изменчив во времени, проявляя как поступательную, так и реверсивную динамику, сохраняя неизменным одну грань, о которой шла речь выше – Россия воспринимается как малопонятная, непредсказуемая и во многом чуждая страна.

«Они» не понимают «нас», но и «мы» не поймем «их» поведения, если не учтем этот главный фактор.

**КОНЦЕПЦИИ И ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ РОССИИ
(XX – НАЧАЛО XXI в.)
В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Коллективная монография

Дизайнер (художник) И.А. Михеев
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректоры О.П. Дормидонтова, В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 9/XI – 2010 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1.
Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 20,0 Уч.-изд. л. 18,0
Тираж 500 экз. Заказ № 154

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. / Факс: (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9